

638

LE MESSENGER

ВЕСТНИК

РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО
ДВИЖЕНИЯ

140

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

№ 140

TRIMESTRIEL III-IV - 1983

LE MESSENGER

Périodique édité par l'Action Chrétienne des Etudiants Russes

Редакционная коллегия:

Архиеп. Сильвестр, прот. Александр Шмеман, прот. Иоанн Мейендорф,
прот. Алексей Князев, прот. Кирилл Фотиев, О. Раевская, Н. Струве.

Ответственный редактор: Н.А. Струве.

ВЕСТНИК Р. Х. Д.

Усл. ... 1984 год	180 Фр. или 40,- \$
	250 Фр. или 50,- \$
	300 Фр. или 60,- \$

Фр. или 15,- \$

... SAGER

... делать денежный
... товый счет:
... -57 U Paris

~~СПРАВОЧНИК~~

... СКОГО ДВИЖЕНИЯ

s Etudiants Russes,
France. Tél. 250-53-66.

LE MESSENGER

ВЕСТНИК РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

140

АНФ - АНТОНОВА
РУССКОЕ ЗАВЕРЖЕ
Н-РААНФЕРСНА
...
...
...

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

ВЕСТИНИК

РУССКОГО ХРАНИТЕЛЯ

ДВА ЮБИЛЕЯ

БИБЛИОТЕКА - ФОНД
 "РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ"
 Н. РАДИЩЕВСКАЯ Д. 2
 инв. 682

Copyright © Le Messenger. Paris 1983.

COMMISSION PARITAIRE
 № d'inscription 620 16

1818-1883
 ДВА ЮБИЛЕЯ

Прихоть хронологии соединила в одном году два славных юбилея русской культуры: двухсотлетие со дня рождения В. Жуковского (1783—1852), столетие со дня смерти И. Тургенева (1818—1883). Общего у них немного; соединительная их черта — Пушкин, и горькая ирония судьбы, судившей им обоим, столь природно-русским писателям, жить долгие годы и умереть на чужбине.

Заслуги Жуковского необозримы. Русская лирика началась с него, с его перевода, семнадцатилетним юношей, "Сельского кладбища" Т. Грея. Жуковский перенес на русскую почву росток англо-немецкой романтики, расцветший таким чистым, классическим цветом в поэзии Пушкина. Одновременно он одарил Россию подлинно русской Одиссеей: его перевод, своим естественным совершенством, стал единственным и окончательным.

Но, как известно, подвиг Жуковского шире и выше литературы. Он принадлежал еще эпохе, не знавшей разобщения между культурой и государственностью. Его предшественник, Державин, обязан одам своей общественной карьерой, от губернаторства до личного секретарства у Екатерины и министерства юстиции при Александре. И Жуковскому не служба, а поэзия дала почетное место тещи и наставника при дворе. Не меньше педагог, чем поэт (редкое сочетание), Жуковский своим влиянием на будущего царя-освободителя несомненно подготовил великое, хотя и слишком позднее, раскрепощение России. Положение при дворе нисколько не стесняло ни его внешней, ни тем более внутренней свободы. Несчастливый в любви, Жуковский был одарен той "души высокой свободой, что дружбою наречена": друг Александра Тургенева, друг — учитель — покровитель Пушкина, перед всеевропейским гением которого он благоговел, друг-единомышленник Гоголя, которого в письмах он так ласково называл "Гоголек", Жуковский — был, в самом неподдельном смысле, ангелом-хранителем русской литературы.

Высшее значение Жуковского, как это прекрасно почувствовал и выразил Тютчев, в нем самом, в неповторимости его стройной личности. Есть нечто таинственно-знаменательное и глубоко, в наши темные дни, утешительное, что у порога русской литературы, стоит цельный, чистый, радушно-благоволящий, насквозь духовный, такой спокойно-уверенно христианский образ Жуковского:

... Но веял в нем дух чисто голубиный.
 И эту духовной чистотою
 Он возмужал, окреп и просветлел.
 Душа его возвысилась до строю:
 Он стройно жил, он стройно пел.

И этой-то души высокий строй,
 Создавший жизнь его, проникший лиру,
 Как лучший плод, как лучший подвиг свой,
 Он завещал взволнованному миру...

.....

Жуковский достиг полноты веры и утоленного разумения. С Тургенева в русскую литературу входит раздвоение. Маловер, двух станов не боец, Тургенев от родной семьи уйдя, своей не создал, в борьбе между почвенниками и революционерами остался "приклеишем" сбоку, искал успеха и вызвал разочарование, стремился за поездом времени и опаздывал... Зло иронизировал Толстой: "писать повести... вообще напрасно, а еще более таким людям, которым грустно и которые не знают хорошенько, чего они хотят от жизни". И тем не менее, при всех слабостях характера, при том, что он недостаточно возвысился над своим переходным временем, Тургенев-писатель неоспоримо велик. Его поэтическим видением русской природы и русских людей нет равных, как Лукерья, так и Лиза Калитина, так и "Бежин Луг", бессмертны. И ни у кого — этой гармонически-полнокровной, предельно ясной, музыкально-безошибочной ласкающей речи... И к Жуковскому и к Тургеневу мы можем отнести мольбу, обращенную Блоком в 1921 г. к Пушкину:

Дай нам руку в непогоду
 Помоги в немой борьбе...

Залог чаемого восстания России в силе и славе того Слова, что она завещала тогда еще только "взволнованному", а теперь уже и заблудшему миру.

Никита Струве

Богословие, Философия

Прот. Сергей БУЛГАКОВ

Прот. Сергей БУЛГАКОВ

ОБ ОТКРОВЕНИИ*

I. Что такое откровение? Откровение предполагает существование того, что открывается, или *Тайны*, которая дает о Себе ведать. Тайна не есть только неизвестное или секрет, который может быть сообщен или не сообщен, известен или не известен, причем, если становится известен, то знание его является исчерпывающим или адекватным. Тайна остается выше человеческого познания и им не исчерпывается. Она недоступна адекватному познанию, ей свойственна вышечеловеческая и вышеширная сокровенность. Но ей же необходимо свойственно и открываться, без этого она не есть тайна. Она есть по отношению к откровению *трансцендентное самосущее*, которое открывается в бытии, хотя откровением этим и не исчерпывается. Природе *Тайны* одинаково свойственно и быть выше откровения, и открываться в нем. Трансцендентное, которое является в Себе замкнутым или же открывается лишь в Себе и для Себя, остается выше бытия и вне его, оно не есть, ибо быть значит быть для другого. Оно есть Абсолютное, но не есть Трансцендентное, которое всегда соотносительно с имманентным. Тайна перестает быть Тайной, если она не открывается, также как если она является вполне открытой и исчерпанной откровением. Тайне одинаково свойственно открываться, как и оставаться сокровенной, она всегда есть открывающаяся Тайна, и в этом смысле она есть Бог, ибо и Бог, согласно патристическому определению, есть понятие относительное. Абсолютное, в себе сущее, не есть Бог, да и вообще не есть, будучи выше бытия. Но оно становится Богом для бытия, точнее, для *тварного бытия*, Бог есть

* Печатается впервые — по рукописи, выверенной автором.

Бог для твари, открывающийся Бог. Поэтому откровение принадлежит самому понятию Божества.* Бог есть Открывающееся, Тайна.

Тайне свойственно открываться, она есть объект откровения, однако столько же и субъект. Познание Тайны не может быть делом только познающего, принимающего откровение, п.ч. для него самого тайна — трансцендентна, недоступна. Откровение есть *действие* самого Открывающегося в приемлющем откровение. Бог есть не только объект, но и субъект откровения, оно есть личный акт личного Божества: "Аз есмь Господь Бог Твой", Ягве: "Я — Тот, который Я буду". Это библейское определение аналитически вытекает из Откровения, имманентно самому его существу. Откровение есть личный акт, от лица к лицу. Субъект откровения, как Открывающийся, соотносителен субъекту, принимающему откровение, которое есть в этом смысле диалог, разговор *Бога с тварью*, с ангелами и человеками, причем полнота откровения принадлежит именно человеку (ср. 1 Петр 1, 12, Еф. 3, 9—11—13). Откровение есть общение Бого-человеческое, акт Бога в человеке и обратное приятие Бога человеком, встреча и разговор, завет Бога с человеком. Человек есть личное существо, и приятие откровения совершается от *Лица* (Божественного) к *лицу* (человеческому): Моисей на Синае, Исаия и Иеремия, все великие и малые пророки, апостолы и все человеки, которых касался дух Божий "многokrатно и многообразно" (Евр. 1, 1). Но всякая человеческая личность причастна целому человеческому роду, есть его представитель ("трансцендентальный субъект", говоря языком Канта), есть всечеловек. Откровение Божие, хотя и приемлется единолично, и, как переживание, является даже невыразимо словом, однако же оно по содержанию своему предназначается для *всего* человечества, если не фактически, то принципиально: Моисей на Синае "взошел к Богу, и воззвал к нему Господь с горы говоря: так скажи дому Иаковлеву и возвести сынам Израилевым" (Исх. 19, 3). Пророк, приемлющий откровение, всегда есть посредник. Поэтому откровение не расплывается на отдельные, личные, эпизодические акты, но накапливается и интегрируется в судьбах человеческого

* Таким образом в недрах самого Абсолютного мы различаем два антиномически сопряженных, но взаимно не выводимых и одно на другое не сводимых определения: Абсолютное — Бог; мрак и неприступный свет Абсолютного и Его откровение как Бога-Творца в творении. Дальнейшее исследование этого исходного противоположения выходит за пределы этого очерка. См. об этом в моих книгах: "Свет Невечерний" (1917). "Агнец Божий" (1933). "Главы о троичности" (1928) и др.

рода, и в этом смысле оно одинаково есть и акт, и факт, — "депозит" веры, всегда продолжающееся откровение. Оно есть в этом смысле вечная жизнь для твари. Океан Божества никогда неисчерпаем для твари, которая ныне познает отчасти. Правда, нам обещано, что в будущем веке мы будем познавать Бога уже не отчасти и не через тусклое стекло, но лицом к лицу, как и сами познаны, уже не по-младенчески, но по-мужески (1 Кор. 13). Однако эта разница в степени не уничтожает качественной границы между Творцом и творением: тварь не может познать Бога, как Он сам Себя знает, Бог никогда не перестанет быть открывающейся тайной для человека, откровение не прекратится, оно есть вечная жизнь. "Сия же есть жизнь вечная, да познают Тебя *ὅνα γινώσκωσιν*, единого истинного Бога и посланного Тобою Иисуса Христа" (Ио. 17, 3). Христос по-новому открыл и явил Бога человекам, Он есть дверь, чрез которую мы входим в божественное познание, познавая в Нем Отца Духом Святым. Но это не есть однажды во времени достигнутое *адекватное познание*, но бесконечное познание. Различие между *aeternitas* и *aeviternitas*, между божественной вечностью и тварной, остается непреложным. Тварная вечная жизнь питается от божественной и с нею актуально отождествляется, но различие между Богом и творением, Открывающимся и приемлющим откровение, остается непреложным и вечным. Бог по благодати, обоженный человек, приобщается жизни Божественной, но остается иноприродным существу Богу. Откровение есть богочеловеческое общение, оно — трансцендентно-имманентно.

II. Как возможно откровение? Этот вопрос имеет, так сказать, гносеологическое значение, аналогичное общей проблеме Канта.* Откровение Тайны само по себе представляет тайну между Богом и человеком. Надо быть способным к откровению и достойным откровения. Камень не может принять откровения, как не может и животное. И человек не может вынести откровения в большей мере, нежели ему свойственно: "человек не может увидеть Меня и остаться в живых" (Исх. 33, 20; ср. Суд. 13, 22). Откровение является божественным действием над человеком, но не может быть насилием над его природой (*deus ex machine*). Он предполагает известную взаимность или *сообразность* Бога и человека, их соотносительность. Для того, чтобы человек мог быть приемником

* *Wie ist die Erfahrung möglich? Wie ist die Uffenbarung möglich?* Хотя это и чудо, но и чудо должно быть *онтологически* возможно.

откровения, и возможен был разговор Бога с человеком, нужно, чтобы Бог был в каком-то смысле человечен, а человек имел в себе нечто божественное. Эта соотносительность Бога и человека выражается на библейском языке так, что человек сотворен *по образу Божию*, и, следов., Бог содержит в Себе Первообраз человеческий. Этим устанавливается онтологическая лестница между Богом и человеком, которая проходима в направлении восходящем и нисходящем. Лучше всего это может быть понято из Боговоплощения и Пятидесятницы, которые оба были сошествием Бога с небес. Согласно Халкидонскому догмату, во Христе соединяются в одной жизни единой ипостаси две "природы", божеская и человеческая: совершенный Бог и совершенный человек. Бог до конца открывается в Богочеловеке, и человек приемлет откровение Божие. Аналогичное мы имеем в схождении Духа Св. в Пятидесятницу, где дар Св. Духа, "благодать", осеняет, вдохновляет собою человеческое естество и таким образом с ним соединяется. При этом — и это самое важное — человек сохраняет всю полноту своей человечности, не истаевает и не сгорает от Божественного огня, который сходит с неба. Откровение есть Богочеловечество *in actu*, жизненное отождествление Божественного и человеческого, при всей непреложности различия между ними.

Надо понять образ Божий не в смысле какого-то "свойства" или "сходства", — ибо какая же может быть речь здесь о сходстве? — но онтологически, как тожество в различии и различие в тожестве. Образ Божий в человеке есть реальность, онтологическая сила, сама его человечность. Он не может быть разрушен грехом, он неуничтожим и грехом первородным, и он есть поэтому основание Боговоплощения. Он есть то, чем человек мог встретить и принять в себя и воплощающийся Логос и сходящий с неба Дух Св. Образ Божий есть искра Божества в человеке, дух Божий, вдунутый в него Богом из Себя самого при сотворении человека.

В патристической письменности делались разные попытки точнее определить образ Божий в человеке: одни видели его в уме, другие в свободной воле, и все ограничивали его лишь духовной природой человека, отмечая тело, как нечто образу Божию чуждое. Оно низводилось этим самым на степень какой-то *акциденции* и даже чего-то недолжного в человеке вопреки прямому смыслу библейского рассказа о сотворении человека, а в частности и о сотворении тела (Быт. 2, 7). Является тщетным и ошибочным ограничивать образ Божий в человеке только какой-либо одной его частью, ибо он принадлежит целостному его составу,

поскольку он неизменен или, точнее, не искажен грехом. Человек есть тварный бог и по духу, и по телу в их взаимной связи, и по ипостасному бытию своему, и по природе.

Эту *с о о б р а з н о с т ь* человека Богу я выражаю при посредстве богословского понятия *С о ф и и* (*Σοφία*). Человек создан по образу Софии Божественной, и сам в этом качестве определяется как София тварная. София в Боге есть принцип его *с а м о о т к р о в е н и я* в Божественной жизни. Идея Божия, мир Божественный, выше и прежде творения. Бог, во Св. Троице сущий, есть Отец, открывающийся в Слове Духом Святым. Его единое существо (*μία φύσις*) и Его единая жизнь открывается в Нем как некое абсолютное, вечное *с о д е р ж а н и е*, как Истина, имеющая реальность в Красоте. Это содержание есть Божественное слово Слова, Второй ипостаси, в себе содержащее *в с е* (Ио. 1, 2), и это идеальное *в с е*, организм идей, возводится к реальности и жизни Духом животворящим. София существует для триипостасного Бога, она принадлежит Его ипостасям в их раздельности, соответственно личным свойствам каждой из Них, как и в Их единстве. Она не существует вне и помимо ипостасей, и все-таки она не есть ипостась: она не может быть отождествлена с какой-либо одной из ипостасей (напр. ипостасию Слова), ни со всей Св. Троицей, хотя не может быть и отделена от них. Мы догматически и метафизически различаем в Боге ипостась (или ипостаси) и природу (*ὑπόστασις* или *ὑποστάσεις* и *φύσις*), но вместе утверждаем и их нераздельность. Эта *φύσις* есть глубина, корень Божества. София есть также *φύσις*, но как содержание самооткровения, жизнь Божества в Себе. Во Св. Троице Отец есть Начало, ипостась Открывающаяся, Сын и Дух Св. суть ипостаси, Открывающие Отца. Это откровение — Божественное Слово, на котором предвечно почивает Дух Св., *и д е а л ь н о с т ь в р е а л ь н о с т и*, есть Божественная София,* которая, следовательно, определяется Двоицей Сына и Духа Св., открывающей Отца.

София и есть та божественная природа *φύσις*, которая воссоединена была в Богочеловеке Христе с природой тварночеловеческой (согласно Халкидонскому догмату). В этом соединении самым делом засвидетельствована *с о о б р а з н о с т ь* обеих природ, Божеской и человеческой, или, что то же, Софии Божественной и

* Основы софиологии в связи с триадологией я развиваю в разных своих книгах, в частности в трактате *О Богочеловечестве* (том первый: *Агнец Божий*, 1933; том второй: *Утешитель*, 1936). Ср. очерки: Главы о триничности (1928); ипостась и ипостасность (1925).

тварной, которые совмещаются в единой жизни единой ипостаси Логоса. Это именно свидетельствует о полной сообразности и соотносительности обеих природ, которые способны так соединиться в Богочеловеке. Иными словами можно выразить эту мысль так: Божественная София, как откровение Божественной природы, есть предвечное, божественное Человечество, которое является Первообразом человечества тварного. Они оба раскрываются как единое **Б о г о ч е л о в е ч е с т в о**, или София, как в божественном, так и тварном бытии. У отцов (св. Василий Великий, св. Иоанн Дамаскин, св. Максим Исповедник и некоторые другие)* мы встречаем ту общую мысль, что мир сотворен на основе божественных *paradeigmata*, явным образом сродных Платоновским идеям. Божественные семена бытия погружены в небытие, в мир становления (Платоновское *γένεσις* дают основание бытию мира, как его *энтелехия* (в Аристотелевском смысле), целепричина, основание и последняя цель. Человек, как субъект Человечества, в его множественной ипостаси, есть тварная София. В его тварном человечестве сокрыто, как основа, Богочеловечество, он есть становящийся Богочеловек. Это становление во Христе получает свое осуществление, которое совершается и в Ветхом Адаме Духом Св. в Пятидесятнице.

Именно эта связь человека с Богом в Софии, как основе человеческого бытия, или Богочеловечестве, и делает человека способным и призванным к принятию божественного откровения, с у б ъ е к т о м о т к р о в е н и я. *Humanum saraх divini*. Человек способен к р е л и г и и, как подлинному богообщению. Факт религии выражает богочеловечность человека. Она-то и есть то единство трансцендентного и имманентного, Бога и твари, которое выражает собой природу откровения. О т к р о в е н и е б о г о ч е л о в е ч н о, и вне этой богочеловечности не существует. Всякий разрыв или даже только надлом этой связи превращал бы откровение в механически-насильственное действие Бога н а д человеком, *deus ex machina*, делал бы его парадоксальным. Принцип откровения выражен в следующих словах Христа: ссылаясь на текст пс. 81, 6: "вы — боги, и сыны Всевышнего — все вы", Он прибавляет: "Он назвал богами тех, к которым было слово Божие" (Ио. 10, 35). Итак, слово Божие обращается только к богам, сынам человеческим, причастным Богочеловечеству. И еще Его же слова о д р у з ь я х Его: "Я уже не

* См. патрологический экскурс о тварной Софии в моей книге: *Купина Неопалимая* (опыт догматического истолкования некоторых черт в православном почитании Богоматери). Париж. 1927.

называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его, но Я называю вас друзьями, потому что сказал вам все, что слышал от Отца Моего" (Ио. 15, 15). Только друзья Божии могут "слышать", т. е. принимать откровение, которое есть лестница между небом и землею, жизненное отождествление Софии Божественной и Софии тварной. Бог может открываться и говорить лишь существам, Ему подобным, носящим Его образ, человекам и ангелам.

III. Естественное откровение. Существует естественное откровение Бога в творении, в природе и человеческом духе. Весь род человеческий сотворен "от единой крови" (Д. Ап. 17, 26) для искания "Бога", Который "не далеко от каждого из нас", (Д. Ап. 17, 27) ибо "мы род Его и род Божий" (Д. Ап. 17, 24—28), речь ап. Павла в Ареопаге, ср. его же и Варнавы речь в Листре: Д. Ап. 14). Откровение Божие совершается в природе, Пс. 18: "небеса проповедуют славу Божию и о делах рук Его вещает твердь. День дню передает речь, и ночь ночи открывает знание. По всей земле проходит звук их, и до пределов вселенной слова их". И об этом же говорится в основном тексте Рим. 1, 19—20: "что можно знать о Боге, явно для них (язычников), потому что Бог явил им, ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество (= Божественная София) от создания мира чрез рассматривание творений видимы...". И о Боге же свидетельствует и нравственный закон в человеке, его совесть: "дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую" (Рим. 2, 15). В этих словах дано достаточное принципиальное признание естественного откровения, а, следов., и естественной религии "язычества", как такового, которое однако призвано в Христову церковь, и оказалось того достойно, поскольку язычество приняло Христа, Которого отвергла синагога. Необходимо осмыслить как самый факт этого естественного откровения в человеке, так и его пределы.*

Основание естественного откровения состоит все в том же присутствии образа Божия в человеке, который есть тварная София и уже содержит в себе божественное начало по самому своему сотворению. Но не означает ли это, что Божество ему имманентно,

* Естественное откровение в полной мере и одинаково признается как в православии, так и в католичестве (см. особенно *Scheeben. Handbuch der katholischen Dogmatik. B. I. Erstes Buch, Erster Theil*). Сложнее стоит дело в протестантизме.

или же, что он имманентен Божеству? И не погружаемся ли мы чрез это признание софийного основания в человеке в сумерки пантеизма с его смешением или отождествлением Бога и мира? Мы имеем такое отождествление на путях пантеистической философии, у Спинозы (*Deus sine natura*), в немецком идеализме (у Шеллинга и Гегеля), в браманизме. Однако учение о Софии, как Образе Божиим в человеке, может быть развиваемо лишь в связи с признанием личного Бога, Божественной Троицы, сущей превыше мира и ему трансцендентной в ипостасном бытии своем. Мир имеет свое основание в Божестве, но, сотворенный "из ничего", он с ним не тождественен (это воззрение следует поэтому называть не пантеизм, но пан-эн-теизм). Человек по сотворению есть не только центр творения, соединяющий в себе все его нити, но и имеющий божественную глубину, он является богом по благодати. В естественном откровении он сам для себя открывается в этой своей божественной глубине и сам из себя ею вдохновляется, именно как человек в своей человечности. А вместе с тем, находя себя в этом своем божественном основании, он тем самым зовет к себе божественное откровение свыше, жаждет и ждет его. Но уже и в собственной имманентности своей, в себе и в творении, человек узнает "следы Божества", имеет естественное откровение о Нем. Человек имеет в себе начало вечности, погруженной во время и отражающейся в ее лице. Поэтому он подлежит развитию во времени, генезису. В собственной своей глубине он есть сам для себя тайна, которая в его жизни открывается. Это самооткровение человека имеет для себя основание в Божественной Софии, которая в нем открывается. Фактическое самосознание не вмещает всей глубины человеческого духа. В естественном откровении человеческое самопознание вмещает то божественное откровение, которое вложено в него через Образ Божий, тварную Софию, на этом оно и основано. Печать Божества человек находит и в своем собственном духе, и в природном творении.

Однако прозрачность этого самооткровения замутнена благодаря первородному греху, который внес извращение в человеческое бытие, хотя и не уничтожил его божественную основу в образе Божиим. На путях человеческого самооткровения произошла онтологическая катастрофа, центр человеческого бытия сместился, и изначальная гармония, в которой человек воспринимал самого себя и мир, утеряна. Самосознание человека уподобилось искривленному или даже разбитому зеркалу, в котором хотя и отражаются, однако криво и частично, образы бытия. Естественное откровение, которое

есть и самооткровение человека, в нем остается (согласно прямому свидетельству ап. Павла), но оно отягчено ошибками и иллюзиями. В него внедряется и прямая ложь и заблуждение, как следствие греха. И эта-то смесь, неразложимая силами самого человека, и определяет содержание естественного откровения, или "язычества". Языческие религии отнюдь не могут быть рассматриваемы как лишенные всякого положительного религиозного содержания. Совсем напротив, надо признать, что каждая из них имеет в себе некоторое зерно божественного откровения. Это откровение воспринимается человеком из самого себя, из собственной своей глубины, образа Божия, который имеет основание в тварной Софии. Но греховный человек реализует сам для себя свое собственное откровение лишь чрез греховную призму. Зерна истины оказываются сокрыты в глыбах лжи, человеческой чувственности и страстей (всяческих "психологизмов") и осложнены темными приражениями. Пред лицом чистой истины откровения язычество, как смешение истины и лжи, нередко с преобладанием последней, представляется невыносимым, а всякое общение с ним воспринимается как духовный блуд. "Какое согласие между Христом и Велиаром?" (2 Кор. 6, 15). Отсюда понятно непримиримое отношение к нему в В. З. (у пророков) и в Н. З. (у ап. Павла), как и у некоторых апологетов (Тащян). Однако оно же соединяется и с более положительным признанием наличия известных истин в язычестве ("христианством до Христа" у Климента Александрийского и св. Иустина Мученика). Только при свете христианства можем мы выделить и беспристрастно оценить и положительные стороны естественных религий, которые раскрываются в диалектическом процессе их истории. Только при свете христианства язычество может быть понято не только как заблуждение и мерзость, но и как природный Ветхий Завет для христианства, что и выразилось в принятии язычниками христианского благовестия. Но это естественное откровение одинаково свойственно не только диалектике религиозного процесса в язычестве, но и диалектике философской мысли. Ибо языческая философия, конечно, не есть религиозно пустое мудрование, но положительное богоискание. В своем собственном роде философия не может быть приравниваема чисто религиозному опыту, но она знает свои пути боговедения. Это достаточно свидетельствуется тем вкладом в христианское богословие, который дала греческая философия. И естественная мысль причастна божественному Логосу, и она содержит религиозное откровение, хотя и замутненное человеческими примесями. Но то же самое можно сказать и об искусстве, которое,

как ведение Красоты, имеет естественную причастность Духу Св. Это также подтверждается тем вкладом, который дало язычество, в частности египетское и античное искусство, христианскому культу, и вообще Красота свидетельствует о Боге, там где она сияет в мире.

Т. о., мы должны признать в полной мере человеческое, естественное откровение, которое человек находит в себе самом и в мире, в тварной Софии, в образе Божиим.

IV. Божественное откровение. Человек имеет свое собственное откровение Божиего образа, ему присущего, как существо тварное, космическое. Но Бог сотворил человека в собственном, данном ему мире и дал ему самобытное существование не для того, чтобы он оставался в себе замкнутым и самоудовлетворенным, от Бога отделившимся в силу этой самобытности своей. Это есть сатанинский путь князя мира сего. Человек призван соединиться с Богом. Бог хочет быть для мира и для человека в се во всем, ему открываться, его обожить. Образ Божий в человеке есть живой мост между небом и землею, приемник Божественного откровения. Любовь Божия к человеку, силою которой сотворено тварное бытие, выражается в общении Бога с человеком, в откровении, и любовь человека к Богу, которая вложена в него чрез образ Божий, выражается в и с к а н и и этого откровения. В откровении человек, который предназначен быть тварным богом по благодати, приобщается к ведению Бога и общению с Ним, и становится б о г о ч е л о в е к о м в этом богочеловеческом общении. Познавая Бога, он познает и самого себя в глубинах своего духа, совершается встреча образа с Первообразом.

Что же есть откровение Бога в человеке в простейшем смысле слова? Бог г о в о р и т человеку, и человек причащается божественной ж и з н и: боговдохновенное слово и таинственная его сила — как два пути откровения Бога в человеке. Откровение прежде всего есть д и а л о г Бога и человека. Бог говорит человеку на его, человеческом, языке, и человек внемлет слову Бога, и вопрошает Бога своей человеческой мыслию. Слово Божие является и человеческим, внятным для человека, бого-человеческим: Логос Божий есть и логос человеческий (подобно тому, как имя И и с у с есть собственное имя Богочеловека). Это тожество в различии есть основной факт и предусловие откровения. И далее, человек, не совлекаясь человечности своей, оставаясь собою самим, способен испытывать касание Божества, приобщаться божественной жизни, *pati Deum*, иметь таинство жизнеобщения с Божеством, подобно

тому, как обе жизни, Божеская и человеческая были одно в жизни Господа Иисуса, и как Дух Божий, сходящий на апостолов и других людей, пребывая в них, Себя соединял с их человеческим, а чрез это уже богочеловеческим духом. *Humanum sarax divini*.

Откровение не может быть просто голосом Трансцендентного в имманентном, в человеческой отрешенности от него: при этом условии голос этот просто не звучит, не касается имманентного, до него не доходит. Оно необходимо есть и е д и н с т в о Трансцендентного и имманентного, и это живое богочеловеческое единство есть образ Божий в человеке, который означает существование и предвечного образа человека в Боге, единство Софии божественной и тварной. Бог открывается человеку как Истина в Слове и как Жизнь Духом Святым в Их диадической нерасторжимости. В Никейско-Константинопольском символе говорится о Дух Св.: "глаголавшего пророки". Дух не есть Слово. Но здесь слово Слова вдохновляется, "глаголется" в пророках Духом Св., и таково вообще двуединство Божественного откровения: оно есть слово, как известное содержание, но и вместе с тем вдохновение жизни, "много-частное и многообразное" (Евр. 1, 1).

В отличие от "естественного откровения", которое есть само-откровение человека в его божественной основе, в Софии, хотя и тварной, откровение в точном смысле слова есть д е й с т в и е Бога в человеке, б о г о с н и с х о ж д е н и е. Оно есть акт воли Божией во исполнение любви Божией к человеку. Оно есть подлинно в с т р е ч а Бога с человеком, и ее образ мы имеем в многочисленных событиях в жизни ветхозаветного и новозаветного человечества. При этом человек сохраняет всю человечность свою и, утверждаясь в ней, борется за нее с Богом, так как Израиль — в символическом образе В. З.-та — целую ночь боролся с таинственным Незнакомцем: "боролся Некто с ним до появления зари и увидел, что не одолевает его и сказал: отпусти меня, ибо взшла заря" (Быт. 32, 25—27). И говорил Иаков-Израиль-богоборец: "Я видел Бога лицом к лицу, и сохранилась душа моя" (31). Но человек призван не только бороться с Богом, но и быть д р у г о м Ему: "И говорил Господь с Моисеем лицом к лицу, как бы говорил кто с другом своим" (Исх. 33, 11).

Откровение совершается Богом по воле Божией, но оно осуществляется в человеке и, следов., имеет дело с его человечностью. Эта человечность имеет свои собственные судьбы. Важнейшей из них является тот переворот, который совершился в человеке в его грехопадении. Ранее его человек был способен к прямому богообщению,

"беседовал" с Богом, и пути откровения были открыты (это выражено в массивных мифологических образах Быт. I—III: "и услышали голос Господа Бога, ходящего в раю во время прохлады дня..." (3,8). Но после грехопадения образ Божий затмился в человеке, человек стал противиться откровению, скрываться от Бога, и человеческая сторона богочеловеческого процесса откровения приняла тяжелый, трудный характер. Лишь в отдельных избранниках и чрез особые промыслительные действия Божии в разных событиях человеческой жизни лучи Божества проникают тьму натурального существования человека. И з б р а н н о с т ь отдельной и очень небольшой части человечества в нарочитых ее судьбах является условием откровения, и этот огражденный виноградник Господень становится местом откровения Божия в мире. Здесь одинаково важно отметить как всю т р у д н о с т ь этого процесса, в котором сам Бог приемлет на Себя труд этого откровения возмязтежившемуся человеку, так и его в о з м о ж н о с т ь и д е й с т в и т е л ь н о с т ь. Первородный грех н е я в и л с я неодолимой преградой между Богом и человеком, образ Божий в человеке сиял и чрез омрачение, ветхозаветный человек оставался богоприемлющим, и усилия Бога открыться человеку, "многочастные и многообразные" (Евр. 1, 1), увенчивались растущим успехом. Истинное боговедение укоренялось, углублялось и просветлялось в избранном народе, которому было вверено сокровище Слова Божия, и, что не менее важно, оно осуществлялось в жизни как некая святая действительность. Об этом свидетельствует генеалогия Христа Спасителя, которая увенчивается появлением на земле Девы Марии, Матери Божией. В Ее лице человек стал вполне богоприемлющим, и вся тварь рекла Ее устами: "сé, раба Господня; да будет Мне по слову Твоему (Лк. 1, 38). Наступила в о з м о ж н о с т ь боговоплощения, которая всегда была в Боге, но должна была возникнуть и в человеке. Откровение Божие совершилось в полном соединении Бога и Человека, в "сошествии с небес" Бога к творению. Это откровение осуществилось, прежде всего, в воплощении Слова. Именно как откровение истолковывается это последнее в неоднократно уже цитированном Евр. 1, 1: "Бог многократно и многообразно говоривший издревле отцам в пророках, в последние дни сии говорил нам в Сыне..." (Евр. I, 1—2). Иисус Собою и в Себе явил людям Небесного Бога, Отца, был личным откровением Бога о Боге, Сына об Отце. Он осуществил это божественное откровение в Своей богочеловеческой жизни, которая являет собой единение двух природ, двух воль, двух энергий, но также и д в у х с л о в: Слова Божественного

и слова человеческого, Логоса и логоса. Но одним боговоплощением не завершилось откровение Бога человекам, ибо за ним последовало еще и сошествие с небес Духа Св., Пятидесятница. Последняя явилась вдохновением жизни божественной в человеческой, полной свершившегося богочеловечества.

Новозаветная Церковь, тело Христово, движимое Духом Св., явилась этим местом уже свершившегося, но вместе и продолжающегося Откровения. Последнее совершается в Церкви и е с т ь Ц е р к о в ь: "...домостроительство тайны, сокрывавшейся от вечности в Боге... дабы ныне соделалась известною чрез Церковь начальствам и властям многообразная премудрость Божия (*πολυποίκιλος σοφία τοῦ Θεοῦ*), по предвечному определению, которое Он исполнил во Христе Иисусе, Господе нашем" (Еф. 3, 9—11).

... (Продолжение следует) ...

О ХРИСТИАНСКОМ ЕДИНСТВЕ

Обращение и молитва.

Отче Святый, прославивший Твоего Сына Иисуса Христа и предавший Ему всю власть над всякой плотью, чтобы Он мог даровать вечную жизнь всем, верующим в Него, Бога и Спасителя! Благодарим Тебя, что Ты сподобил нас познать единосущное единство между Тобой, Твоим Сыном и Святым Твоим Духом — единство, к которому Ты призвал и нас по молитве Твоего Сына, обращенной к Тебе: "да будут все едино: как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино, — и да уверует мир, что Ты послал Меня" (Иоан. 17:21).

Мы истинно веруем, что единство, к которому Ты нас призвал, необходимо для свидетельствования таинства вершения Твоих дел в человеческой природе, грехом и самостью подвергшейся разложению и распаду. Это единство необходимо также для того, чтобы мир мог поверить, что нет иного улования, как только в Иисусе Христе, Твоем возлюбленном Сыне, Которого Ты послал соединить небесное и земное, иудея и эллина, душу и тело.

Мы познали и исповедуем, что явление Твоего Сына в наших сердцах ("верую вселиться Христу в сердца ваши" — Ефес. 3: 17) должно тотчас зажечь в нас стремление к единству: "Я в них и Ты во Мне, да будут совершены во едино, и да познает мир, что Ты послал Меня и возлюбил их, как возлюбил Меня" (Иоан. 17: 23). Поэтому всякое сопротивление с нашей стороны к совершению единства в Тебе — единства, которое Ты добыл для нас ценою Твоего Сына — есть слабость нашей веры и отсутствие милосердия. Эти изъяны заставляют нас ставить идеологические, политические, расовые и этнические различия выше требований совести, веры и любви, заставляют глушить в наших сердцах голос Христа ради удовлетворения требований мира и человека.

Отче Святый, прославь Сына Твоего в жизни Твоей Церкви, чтобы и Церковь могла прославить Тебя и Сына, когда чада ее отрешатся от всего, что препятствует их единению и удушает милосердие. Не попусти, Господи, чтобы прервался род человеческий путем уничтожения греха греховными же мерами, или исцелением

зла злом же; и не попусти, чтобы единство искалось путем объединения разномыслия, чтобы милосердие было смешано с политикой, а расовое уравнивание принималось бы за духовную силу.

Сущность христианского единства.

Христианин ищет единства потому, что он ищет Бога, а не наоборот. Эта потребность единства в нем измеряется мерой присутствия Божия в душе. Поэтому христианское единство является высшей потребностью веры: мы стремимся к достижению его, потому что оно молит о себе из глубины нашего сердца. Но так как не во всех одинаково сознание Бога, то вопрос о единстве рассматривают под различным углом зрения, величина которого измеряется сердечным взаимоотношением человека с Богом: есть люди, которые совсем не ощущают его, а иные даже отрицают такое взаимоотношение — тут кроется испытание веры.

Принцип богословского единства исходит прежде всего из зрелости веры и преизбыточествующей духовности, прорывающей преграды ненависти, предрассудков, разномыслия, душевной дисгармонии, интеллектуальной изошренности и телесных забот. Единство является идеалом, превозмогающим человеческую косность, если только его ищут в божественном плане. Оно вытекает как необходимость и как неизбежность, как прямое следствие союза человека с Богом. Это хорошо известный закон духовности, покоящийся на опыте постольку же, поскольку он покоится на неоднократных свидетельствах Св. Писания. Например, первая заповедь гласит: "возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим" и вторая, подобная первой: "возлюби ближнего твоего, как самого себя" (Мф. 22: 37—39). Писание утверждает и закрепляет здесь, что именно вторая заповедь исходит из первой, а не наоборот; вторая заповедь без первой была бы обесценена и, более того, приближалась бы к греху.

Принимая все это во внимание, настойчивость, с которой сопровождается требование единства в наше время, когда все церкви жалуются на ослабление веры в священстве и мирянах, на духовную слабость и отказ молодежи от посвящения жизни Богу, понуждает нас задуматься, что же, тогда, явилось двигательной силой, приведшей стремление к единству к такому широкому разливу? Если бы в самом деле происходило духовное возрождение и жадное

алкание веры, то единство приняло бы формы коллективного и индивидуального обращения к Богу, широкого движения за обращение, покаяние и искание Божьего прощения — т. е. всего того, что всегда случается с божьими людьми после периода равнодушия и уклонения от деятельной веры. Но такое требовательное искание единства в наши дни, когда мы погружены в состояние теплохладности и колебаний веры, когда мы открыто практикуем отделение и отступление от Бога, заставляет спрашивать, откуда такое побуждение?

Человечество явилось от единого существа — от Адама, и потому закономерно, что в человеке заложена инстинктивная потребность в дружбе — тяготение, бессознательно питаемое инстинктивными чувствами. С другой стороны, т. к. люди живут в одном мире, то порой их интересы гармонируют, а порой приходят в такой конфликт, что самая жизнь человека ставится под угрозу; в таком случае является иная потребность — потребность объединения против враждебных сил, т. е. союз людей против людей.

Побуждение к единству, основанное на душевности.

Существует крайняя опасность, что непонимание сущности душевной эмоциональности может привести к подмене ею исканий христианского единства. Поиски последнего должны идти на духовных путях без какого-либо вмешательства плоти и эмоциональности, или чувственности, потому что "рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть дух" (Иоан. 3: 6). Удовлетворение чувств, какими бы правыми и красивыми они ни казались, особенно в духовных делах, все еще не в состоянии удовлетворить требованиям истины, ибо истина в конечном счете уничтожает чувственность: "живущие по плоти Богу угодить не могут" (Рим. 8: 8). Поэтому чувственность, хотя бы она выглядела в согласии с духом в начале пути к истине, все же представляет опасность, способную заградить этот путь и повернуть человека от восхождения вспять. Чувственность действует бессознательно в пользу плоти даже тогда, когда по видимости подчиняет себя духу: это лишь уловка, прикрывающаяся духовными качествами, чтобы использовать их ради личного прославления.

Если единство, под образом духовности, основывается на чувственности, то оно может послужить только к прославлению человека, возвышению человеческого "я", а Бог в процессе такого

единения станет чем-то второстепенным. Обсуждения и договоры о единстве в таком случае станут попыткой — и серьезной попыткой — найти общий язык к взаимопониманию "людей Вавилона" и попытаться еще раз воздвигнуть столп, достигающий Неба.

"Я" воистину является источником разделения, разлившегося по всему миру и особым образом царящего в Церкви. Бог требует единства среди людей, чтобы Он мог быть его главой: "да будут в Н а с едино" (Иоан. 17: 21). Поэтому божественное единство среди людей равнозначно лишению человека его индивидуального и коллективного "я".

Чувственность, или эмоциональность, является наиболее обманчивой формой "я" вследствие ее близости духу. Обманывает ли меня моя чувственность, или другую сторону, желающую союза со мной ради своего "я" — трудно разобраться, ибо возможно также, что свое "я" отрицает ради возвышения "я" другого, а не Бога; в таком случае мой самоотказ будет не что иное, как иллюзия, ибо мне с самого начала, еще до того, как я начал бы попытку сближения с другими, уже следовало бы совершенно отказаться перед лицом Божиим от своего "я"* и всех эмоций. По правилу прогрессии, которому учит Писание, как бы по поставленному условию, я должен был бы любить Бога "в с е м сердцем моим, и в с е ю душою моею, и в с е м помышлением моим", чтобы быть в состоянии любить других объединяющей любовью, не несущей вреда ни им, ни мне.

Единение является не эмоциональной капитуляцией, а, скорее, восхождением, свободным от личных чувств — восхождением, которое совершается ни собой, ни через себя; оно есть скорее магнитное притяжение ("Никто не может придти ко Мне, если не п р и в л е ч е т его Отец, пославший Меня" — Иоан. 6: 44, разрядка пер.), встреча в присутствии Божиим, а не просто лишь друг с другом.

В то же время путь к единению с Богом не есть улица одностороннего движения, бесповоротно кончающаяся в Боге. Обратный путь ведет нас к нашему ближнему, к чужому или чуждому, к врагу, и ко всякому созданию, потому что тот, кто соединил себя с Богом, по самой этой причине принимает на себя задачу, как сочетаться с другим, и не находит покоя, пока не достигнет жела-

* Т. е. отказавшись от своего "я" перед Богом, я уже не имею его и потому не могу жертвовать им другому; вместе с тем, в наличии остается только Божие "Я". (Здесь и далее прим. пер.).

емого союза. Этот путь к Богу и обратно лежит внутри самого человека.

Таким образом, если христианское единство не достигнуто в наше время, то причина заключается, во-первых, в том, что человек ищет его, предварительно не предавши всего сердца, всей души, всего помышления Богу; а во-вторых, потому, что он ищет его не внутри себя, а вовне, пытаясь прийти к нему путем дебатов, как к разрешению предмета дискуссий.

Добиваться единства, прежде чем сердце, душа и ум не приведены в состояние полного предания Богу — значит или уловиться чувственностью и, таким образом, искать единства ради самого себя, или же впасть в мысленную иллюзию, ища единства ради него самого, как предмет острой необходимости, продиктованной логикой веры. Тут никак нельзя забывать, что разум есть сила, эксплуатируемая чувственностью, пока человек не достигнет состояния полной самоотдачи Богу. Искать единства вне себя — значит уклониться в область рассматривания и взвешивания интересующего предмета. Но известно, что интересная дискуссия всегда вызывает противоположные мнения и непреодолимые разногласия: предмет рассматривается под разным углом зрения, причем, каждый подходит к нему со своей перспективой, которая верна для одного и совершенно неприемлема для других.

Единство никогда не должно рассматриваться, как теория; оно изначально является Божественной сущностью и, следовательно, истиной, а божественная истина не имеет ни углов, "ни изменения и ни тени перемены" (Иак. 1: 17) — любой может увидеть ее во всей полноте в единой вспышке, ибо она проста. Но никто не может увидеть ее вне Бога или без Него, потому что тот, кто видит свойства Божества, неизбежно видит и само Божество: "видевший Меня видел Отца"* (Иоан. 14: 9). Бог сказал Моисею "Я проведу пред тобою всю славу Мою" (Исх. 33: 19), и говорится, что Моисей видел Бога "лицом к лицу" (Исх. 33: 11), хотя он видел только благодать Божию (т.е. Его свойство — добав. пер.).

Бог обитает в сердце и являет Себя в нем. Сердце,** таким образом, исполняется свойствами Божества и уразумевает единство

* Т.е. тот, кто сумел распознать божественность в смиренном человечестве Христа, видит самого Бога.

** В аскетическом и мистическом богословии христианского востока (как и в Библии) сердце означает не просто место чувств и душевности, но прежде всего означает центр человеческой сущности, причем человек рассматривается как духовный субъект. (Прим. английского перевода).

во всей его глубине и истине. Единство есть одно из желаний Бога, открытое нам Христом: "да будут в Нас едино" (Иоан. 17: 21). Поэтому искание и изучение его лежит внутри человека, если, конечно, Христос действительно обитает в его сердце, вселившись в него через веру ("Верую вселиться Христу в сердца ваши". — Еф. 3: 17).

Единства ищут сегодня в каждой области, чтобы, как говорят, подготовить соединение всех с Богом. Это не что иное, как самообман, потому что единство не может быть отделено от Бога даже "временно", для того чтобы послужить средством достижения до Бога. Единство станет живым фактом только тогда, когда все будет в Боге. Поиски единства нынче ведутся по линии рассудка и в то же время подвергаются приливам и отливам эмоций: это своего рода "спиритуализированное" научное изыскание. Но ведь единство не является наукой, оно не является объектом развития знания на основе различия между верным и ложным, между добром и злом. Единство есть Истина, и, как истина, оно вдохновляет, а вдохновение затрагивает прежде всего сердце, и только потом рассудок: "не горело ли в нас сердце наше, когда Он говорил нам?" ... "И тогда открылись у них глаза и они узнали Его" (Лк. 24: 31–32). Этот порядок прогрессии прослеживается еще яснее в послании к евреям: "Вот завет, который завещаю им после тех дней, говорит Господь: вложу законы Мои в сердца их, и в мыслях их напишу их" (Евр. 10: 16, разрядка пер.).

Вдохновение никогда не небрежет о рассудке, но рассудок всегда лишен вдохновения. (Мы не желаем пренебрегать поисками единства в интеллектуальном плане, потому что ум указывает на человеческие недостатки и затем выводит о них суждение). Иначе говоря, функция ума и его заостренность на анализе мало полезны. Зато единство дает назидание душе, собирает ее силы, а это уже относится к области духа: дух прощает и извиняет, любит и объединяет. Единство, кроме того, превосходит возможности ума: все, на что способен рассудок, — это осознание единства, раз оно достигнуто, но он не способен ухватить заранее, каким образом оно имеет быть достигнуто, ("не придет Царство Божие приметным образом". — Лк. 17: 20).

Объединение людей, живущих на разных концах земли, — хорошая вещь, ибо оно действительно подготавливает почву для божественного присутствия, при условии, конечно, что оно основано на добровольном желании каждого принять божественное присутствие, а не просто есть некое собрание некой общины. Если мы желаем

подлинного единства, то мы должны искать его и учиться ему в Боге, в Его присутствии, а не рассматривать его, как абстрактный, секулярный предмет, какой бы богословской личиной он ни прикрывался.

В присутствии Божиим человеческое понимание становится в положение "отклика" на него, а не в положение "предложения".* Такое положение есть результат крайне интенсивных реакций сердца, явившихся откликом на вдохновение, которое всегда сопровождает божественное присутствие. Вот почему единство нужно исследовать внутри себя, т. е. там, где оно ощущается через божественное присутствие и опознается. Вне этого присутствия единство есть не более, чем идея, предмет для обсуждения, или тщетное влечение. В обратном же случае единство становится видимой реальностью, переполняющей, жизнеподательной, и многие живут ею. Когда Христос входит в среду разобщенного собрания, то полемика сама собой прекращается, и в этот момент каждому нужно исполнить и зрение, и сердце смыслом подлинного единства и подготовить всего себя к принятию единства и отдаче его. Любой вопрос в отношении единства, поднятый на богословском уровне, является достаточным доказательством отсутствия Христа из среды собрания или объединения. В свою очередь, отсутствие Господа неизбежно поднимает вопрос о цели такого объединения, методах его организации и устремлениях его членов.

Несомненно, что если бы мы совлеклись нашего личного "я" или нашего церковного "я"*** — сознательно и подсознательно — то единство стало бы реальностью. Но и избавиться от своего "я" во всех его аспектах — в традиционном, логическом, каноническом или сакральном преломлении — тоже невозможно; человек не способен отделить себя от него, как бы ни велика была его власть над собой. Даже если бы он представлял церковь, то и тут не мог бы отделаться от "я" этой церкви.*** В присутствии же Господа — действительном и действенном — всякое определение "я" исчезает и Христос становится всяческим "Я". Следовательно, человек никогда не уступит брату и разноисповедальные церкви никогда не смогут пойти на уступки друг другу, если и те, и другие не покорят Богу

* Т. е. инициатива исходит от Бога, а не наоборот.

** Т. е. всяческого определения себя в рамках времени и места — всякой идентичности.

*** Смысл этой фразы, очевидно, таков: человек не в состоянии отделить себя от "я" своей церкви, т. е. от ее определения себя, хотя, в силу принадлежности к ней, ему нечего, казалось бы, самоопределяться в ней.

всего своего — т. е. того, что так или иначе должно быть покорено Богу в конце времен: "Когда же все покорит Ему, тогда и Сам Сын покорится Покорившему все Ему, да будет Бог все во всем" (1 Кор. 15: 28). Так что проблема единства всесторонним образом очевидно есть проблема стяжания присутствия Господа. Он есть единственно Тот, Кто совершает "из обоих одно, разрушив стоявшую посреди преграду" (Еф. 2: 14).

Проблема единства проходит через аспекты двух заповедей: "возлюби Господа Бога твоего" и "возлюби ближнего твоего". Человеческая логика руководит нас прежде всего к преодолению разногласий, как к условию для достижения единства, тогда как Божья логика, как она выражена во второй главе послания к ефесянам, требует прежде всего установления единства, для того, чтобы пало средостение из разногласий. Таково обоюдное расхождение, существующее в настоящее время на съездах по христианскому единству. Необходимость вынуждает нас еще раз обратить внимание на проблему единства, чтобы она совершалась по путям Божиим.

Единство как естественное объединение или союз.

Единство есть слияние, вливка одного в другого, чтобы таким образом положить конец множественности; поэтому внешне оно выглядит как слабость, но в сущности является огромной силой, неделимой, как Бог. "Объединение" же, с другой стороны, состоит из соединения одних с другими, чтобы получились многие; поэтому по внешней форме "союз" есть движение за обладание силой или господством, но в сущности своей он представляет слабость в силу именно такого устремления, указывающего на бессилие и страх.

Есть опасение, что стремление к христианскому единству может подталкиваться естественным инстинктом к объединению, когда слабые стремятся добиться силы, или сильные сделаться еще могущественнее. В обоих случаях стремление к объединению исходит из преследования интересов временной жизни, что несовместимо с христианской практикой по слову Христа: "не бойтесь убивающих тело" (Лк. 12: 4). Сила христианской жизни исходит не из множества и не из "союза" или объединения, но из соединения с Богом, Который производит "и хотение и действие по Своему благоволению" (Фл. 2: 13).

Предложить христианское единство слабой церкви, подвергаемой несправедливым нападениям, гонениям, нищете — значит подвергнуть

ее опасному искушению, растревожив подсознательное стремление сохранить "союз" перед лицом надвинувшейся опасности. Такой церкви будет невероятно трудно провести различие между единством, требуемым Богом, и единением множества, вызванным инстинктом самосохранения. Поэтому предложение христианского единства церкви, подвергаемой ударам враждебных сил, представит для ее сознания испытание в тысячу раз тягчайшее, чем преследования, испытываемые ею. Для такой церкви избрание христианского единства по свободному выбору, а не в качестве дезертирства от горькой действительности, указывало бы на просвещенное видение, мудрость, смирение и полное предание себя Богу. Но и этого всего было бы недостаточно, если бы перед тем, как рассматривать возможность единства, она не достигла состояния принятия горьких для нее обстоятельств и готовности с радостью понести их — до своего последнего верного чада. Если бы такое состояние имело место, то жажда единства и его мотивировка исходили бы из состояния божественной жизни этой церкви и подавались бы ей самими божественным вдохновением, а не продиктовывались бы инстинктом сопротивления враждебным силам.

Чтобы сохранился подлинный смысл понятия христианского единства у слабых и гонимых церквей в их шествии по истории и в их столкновении с отрицательными ситуациями, и чтобы божественное сознание могло пробудиться в них, им прежде всего необходимо иметь в себе ясное представление, что христианское единство есть состояние "божественной немощи, противопоставляемой миру", подобной "немощи" их Главы, Который сложил с Себя все Свое беспредельное могущество, чтобы любой и любым образом мог Его распять.

Желая открыть нам "силу Своей немощи", если можно так выразиться, Христос обратил на нее внимание учеников во время самых крайних событий Его земной жизни: несмотря на предстоявшие Ему ужаснейшие испытания, какие только может выдержать беззащитный человек, Он говорит Петру: "Или думаешь, что Я не могу теперь же умолить Отца Моего, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов Ангелов?" (Мф. 26: 53). Что препятствовало Господу иметь такой эскорт? И возможно ли было бы распять Человека, окруженного двенадцатью легионами Ангелов?

Под "эскортом" единства таится человеческое опасение за "немощь" (если так можно выразиться) подлинного единства. Идея единства христианских церквей уводит больное церковное сознание в ложное представление, что таким образом христианское состояние

церкви и ее (преходящая) сила гарантированы, тогда как, наоборот, преходящая немощь церкви есть ее самое драгоценное сокровище, ее слава и сила, потому что она есть ее "божественная немощь", или потому что, как сказал ап. Павел, "немощное Божие сильнее человеков" (1 Кор. 1: 25).

Церковь, располагающая преходящей силой, не может ощущать вкуса распятия, если она подвергается ему, потому что человека можно распять только в силу его слабости, как и Господа всяческих, "распятого в немощи" (2 Кор. 13: 4). Для церквей, которые представляются сильными или могущественными, в преходящем смысле, или которые держатся на власти века сего, перспектива христианского единства представляет искушение увлечься в клубок эмоций и ликования, принятия на себя роли "освободителя", точно так же, как это мог бы сделать Пилат, когда, сидя в судейском кресле и имея перед собой Христа, связанного цепями и одетого в ризы поругания, он сказал: "мне ли не отвечаешь? не знаешь ли, что я имею власть распять Тебя и власть имею отпустить Тебя?" (Иоан. 19: 10).

Человеческое сошествие с креста еще не доказывает, что он есть Сын Божий.* А тот, кто думает, что он может свести с креста другого, определенно свидетельствует тем, что не познал "волю Отчую". Преходящая немощь неизбежно влечет за собой крест. Крест есть основание нашей жизни. Крест есть "сила Божия ко спасению" (Рим. 1: 16), и "сила Его совершается в немощи" (2 Кор. 12: 9). Мы добровольно молимся о немощи и несем ее без страха, когда она приходит, потому что с ней всегда приходит и благодать ("сила Моя совершается в немощи". — 2 Кор. 12: 9).

Отвержение инстинкта к "союзу" было проявлено Господом еще до распятия, образом, включающим в себя вместе невольный и вольный моменты (как, впрочем, и во всех действиях Христа): "Тогда все ученики, оставивши Его, бежали" (Мф. 26: 56), и "если Меня ищите, оставьте их, пусть идут" (Иоан. 18: 8).

Господь осмелел силу, когда Он сказал ученикам: "а у кого (ничего) нет, продай одежду свою и купи меч" (Лк. 22: 36). Сила о б н а ж а е т человека, снимая с него одежду Духа. Невозможно в одно и то же время облекаться в Христа и облекаться в мир. Когда ап. Петр решил носить меч и защищаться силой, он обнажил себя от благодати и собственными устами отрекся Того Самого, Кого

* Ср. кощунственное требование распинателей Христа: "если Ты Сын Божий, сойди с креста" (Мф. 27: 40).

хотел защищать этим мечом. Потому что когда он поднял меч с целью убийства, Дух оставил его и вместо Него вошел диавол и поразил его мечом отречения и богохульства* — так исполнилось над ним слово Господа, что "все, взявшие меч, мечом погибнут" (Мф. 26: 52). Господь имел в виду только духовную гибель и относительно этого Он уже предупреждал Петра: "Но Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя" (Лк. 22: 32).

Если христианское единство будет связано с идеей преходящей силы, хотя бы ради ограждения интересов слабых, или если эта идея покажется полезной для исправления своенравных овец путем человеческого давления, оно моментально потеряет свою божественную ценность; оно в таком случае будет не что иное, как некое количество "союзов", предопределенных к распаду и исчезновению, как и всякое преходящее человеческое начинание.

Мы желаем и молим Бога, чтобы церкви соединились божественным единством — как видимым, так и сущностным образом, — единством, превосходящим царство времени.

(Перевод с английского матери Юльянии)

* "Тогда он (Петр) начал клясться и божиться, что не знает Сего Человека". (Мф. 26: 74, — разрядка пер.).

СВЯЩЕНСТВО ПРАВОСЛАВНЫХ И БАПТИСТОВ

"Он поставил одних Апостолами, других пророками, иных Евангелистами, иных пастырями и учителями, к совершению святых, на дело служения, для созидания Тела Христова, доколе все придем в единство веры и познания Сына Божия, в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова; дабы мы не были более младенцами, колеблющимися и увлекающимися всяким ветром учения, по лукавству человеков, по хитрому искусству обольщения".

(Еф. 4, 11—14)

Когда читаешь миссионерско-полемическую литературу (начиная от дореволюционных изданий и кончая учебником по сектоведению, предназначенным для духовных академий нашей церкви), невольно возникает образ двух странных людей, которые неизвестно как и зачем встретились, а вернее, столкнулись, и забурчали что-то себе под нос, будучи совсем глухими и слепыми. Это страшное зрелище двух духовных монад, к сожалению, редко просветляется даже тогда, когда эта встреча хорошо организована и кажется, что сделано все, чтобы наладить ее диалогичность.

Естественно, организовать диалогичность нельзя, здесь нужно чудо, чтобы слепой прозрел и глухой стал слышать. Только после этого можно надеяться на хорошую организацию диалога. Чудо же возможно только в любви и по любви, а значит по благодати. Если такой благодати еще нет или почти нет, значит она еще "не нужна", т.е. ее не просят, будучи самодовольны и самодостаточны.

Отсюда и то духовное ощущение, которое выносит всякий непредубежденный человек из чтения как православной, так и баптистской полемиической литературы. При бесспорном факте их глубокой противоречивости остается впечатление, что и те и другие по-своему правы. И каждый выдает эту свою правую сторону за какую-то полноту, не желая признать свою односторонность. Механически сложить эти стороны, конечно, нельзя, во избежание

"переполненности" эклектики и синкретизма, а также потому, что полноты все равно не будет, все равно останется еще какая-то сторона, не перекрытая двумя только правыми.

Попытаться найти, нащупать, Богу содействующу, эту Полноту Церкви, исходя из условий нашей современной церковной ситуации — наша основная задача. На этом пути возможны ошибки, но, как известно, "не ошибается лишь тот, кто ничего не делает".

По ряду внутренних соображений нам представляется лучшим избрать литургически-богословский аспект этой экклесиологической темы, причем с основным акцентом на вероучении и практике прежде всего "русских" баптистов, живущих и действующих в традиционной русско-православной среде.

При этом постараемся не повторять общеизвестного, поскольку важнее, на наш взгляд, говорить о еще недо выясненном.

(11-11.4.1)

* * *

Анализ развития как православного, так и баптистского учения о священстве показывает, что за последнее столетие оно прошло как бы три этапа: 1) 2-я пол. XIX — нач. XX в., 2) 1-я пол. XX в., 3) 2-я пол. XX в. Эти этапы тесно связаны с определенными характеристиками жизни нашей церкви и страны в соответствующее время. Смешение их нежелательно, так как часто то, что отрицалось на одном этапе, на другом утверждалось, и наоборот.

Если говорить о первом этапе, то известно, что для жизни русской православной церкви того времени было характерно богословское пробуждение, а точнее становление открытой для мировых достижений творческой богословской мысли, которая была, с одной стороны, иногда еще *слишком* традиционной и преемственной, а с другой — обновляюще-новаторской, ищущей более полного соответствия всей жизни церкви с ее вероучением, богослужением, философией, практикой. В этот период происходило освобождение от чуждых, как правило инославянско-схоластических и рационалистических влияний.

На этом же этапе произошло зарождение и первоначальное распространение в России баптизма и близких ему по духу и истории направлений. Тогда, конечно, основной движущей силой развития этих братств был энтузиазм первооткрывателей, пусть и питаемый однообразной пищей отрицания существовавшей до них церковной традиции (во многом не без основания) и исповедания старых

идей, сохранившихся со времен Реформации, с тем или иным оттенком.

На втором, послереволюционном этапе обстоятельства церковной жизни резко изменились. Это привело к тому, что в начале этого этапа в православной русской церкви произошло некое раздвоение ее традиции и жизни, а к концу его — почти полное пресечение их в одной из частей (в пределах бывшей России). Это раздвоение произошло оттого, что многие крупные деятели на ниве Христовой, и особенно на ниве христианской культуры, т. е. высокого богословия, философии, литературы, образования и т. д., оказавшись в Европе, были отрезаны от своей природной церковной среды. И хотя эти обстоятельства имели на них и обогащающее воздействие, но без сомнения также ограничивали и затрудняли их творческую жизнь. Сама же церковная среда, т. е. основная масса простого церковного народа, оказалась в очень необычной ситуации, как во внешней, так и во внутренней своей жизни. Церковь на этом этапе обогатилась огромным и все еще мало кому известным опытом творчества, в одной своей части по преимуществу теоретического и культурного, а в другой — практического и исповеднического.

На этом же втором этапе положение баптистского братства отчасти, конечно, напоминало положение православной церкви, но только с той разницей, что раздвоения оно почти не знало, имея возможность довольно долго сохранять единство теоретической и практической деятельности. Более того, именно в это время в "русском" баптизме возникает сама эта теоретическая деятельность, причем испытывавшая очень большое влияние православного богословия среднего уровня. Идея на это и пытались ассимилировать православное богословие, баптистские теоретики, вероятно, надеялись со временем совсем заменить его своим. Однако это движение тоже должно было к концу периода замереть.

Третий период неоднороден подобно второму. Начиная с конца второй мировой войны, после восстановления разрушенного (на базе достигнутого на первом этапе), как в православии, так и в баптизме начался медленный и сложный процесс залечивания более глубоких ран с целью усвоения, по возможности, опыта второго этапа для внесения его в духовную жизнь современных поколений христиан и соединения разорванной преемственности в духовной традиции. Очевидным этот процесс стал лишь в последнее десятилетие, особенно там, где затрагиваются аспекты христианской экклесиологии, пневматологии, антропологии и мистики.

Как же излагается православными и баптистами учение о церкви, священстве и церковном устройстве в работах, связанных с *первым* этапом?

Баптизм в России явился вызовом для православия, которое, отмахиваясь от него, как от назойливой мухи, стараясь во всем сохранить status quo, повторяло одно и то же в ответ на одни и те же вопросы. Схема рассуждений в большинстве случаев была очень проста. Сначала говорили о церкви, давали ей определение и потом переходили к вопросам возникновения и определения структуры церкви, ее устройства в апостольский век. Церковь Христова определялась, например, как "хранительница истинной веры, христианского благочестия и святых таинств, в которых подается верующим благодать Святого Духа для получения вечной жизни" (/1/, с. 1) или дословно катехизически (/2/, с. 82). При этом иногда делался акцент на единстве церкви как ее неотъемлемом свойстве, чтобы потом иметь повод обвинить баптистов в нарушении этого единства (что всегда а priori вполне справедливо) (см. /3/, с. 28 и далее), а иногда, чтобы легче было перейти к вопросу о расчленении единого ("Дары различны, а Дух один и тот же"), говорили о Церкви, как о Теле Христовом (/4/, с. 1).

по Ф. С. Соловьеву

Уже здесь, в самом начале, должно было быть ясно, что дальше идти нельзя, ибо непременно упруешься в тупик. Ведь все дальнейшее представление вопроса вытекало из этих первоначальных определений, которые не могли быть понятны баптистам, делавшим в экклезиологии совершенно другие акценты. Баптисты несли в себе прежде всего отрицательно-протестантский запал как раз против такой церкви, которая на Западе, получив свое предельное развитие, родила папство, "загнала" живую благодать Святого Духа в схоластические формулы и неизменяемые формы. Они отказывались от жесткой и тяжелой системы посредничества в церкви, невыносимой простым людям. Они в чем-то были неправы, но не в этом.

Если православные миссионеры знали только трехчинное иерархическое (должностное) священство и только ему приписывали "власть ключей" (см., например, /3/, сс. 28–35; ср. 5), если они безоговорочно утверждали, что "христиане делятся на пастырей и пасомых", "Господь передал не всем верующим священство, а избранным из учеников", "апостолы и их преемники действием Святого Духа рукополагали пастырей церкви, а не община", "священство — дар Божий в Церкви Христовой — будет непрерывно до второго пришествия Сына Божия", "верующие обязаны оказывать пастырям, пекущимся о спасении душ наших, послушание и уваже-

ние", если они всякого говорящего о всеобщем священстве народа Божия сравнивали с Кореем, Дафаном и Авироном, а прообраз новозаветной иерархии видели в ветхозаветной (см. /6/, сс. 44–50), то в ответ и почти в отместку за такое нечувствие духа времени Священного Писания Нового Завета баптисты объявили на своих всемирных конгрессах: "1) *Религиозная аксиома*. Все люди имеют одинаковое право на прямой доступ к Богу.¹ Этот принцип является смертельным для идеи освящения через посредство духовенства. 2) *Церковная аксиома*. Верующие имеют равные права в церкви.² Иерархия и централизованные власти исчезают в результате применения этого принципа". (/7/, с. 51). И потом: "Для нас неприемлема церковная идея священнического служения, по которой священство, как класс, наделяется особой, специальной властью передавать благодать. Мы не приемлем такого понятия, что рукоположение становится лишь путем исторической преемственности служения. По новозаветному учению, как его понимают баптисты, все верующие — священники, а потому церковные служители не могут обладать особой священнической властью" (/8/, с. 2). В том же духе высказался и четвертый конгресс (Торонто, 1928), где президент ВСБ д-р Маллинс заявил: "Вероучение баптистов не обременено церковными формами сверх минимума, который требуется Новым Заветом. Они не считают необходимым устанавливать исторический епископат и апостольское преемство, они не имеют нужды защищать крепость благодати, получаемой через таинства. Они не имеют сложной системы священства и поэтому свободны от опустошительных споров об иерархии" /9/. Вот яркий пример того, о чем мы уже писали выше, когда обе стороны одновременно правы и неправы и когда механически сложить их мнения невозможно!

Из приведенных цитат видно, что баптисты не отвергают церковь как собрание людей в полноте Св. Духа, но с недоверием относятся к церкви как жесткоорганизованному социальному институту. Поэтому они признают возможное наличие полноты Церкви среди двух-трех соборных во Христе, но не уверены, чтобы не сказать больше, в том, что при этом обязательна трехчинная иерархия. Что же, во 2-ой пол. XX в. мы их лучше понимаем (хотя и не вполне принимаем), ибо это есть теперь и наша проблема, теперь и мы можем говорить о возможных вариантах церковного устройства.

¹ Как это похоже на политический лозунг борьбы за всеобщее равное и прямое избирательное право!

² Чем не идеальная демократия?

Так же нам стал понятнее и ближе старый акцент протестантов на идее невидимой церкви. Мы можем теперь видеть смысл (с оговорками, конечно) даже в крайней теории ветвей. Ведь и тот, кто на словах ее категорически отвергает, на деле не может не признать, хотя бы отчасти, что истинные духовные ценности рассеяны (как пшеница) во всяких конфессиях и даже иных живых верах и идеологиях. Отсюда — экуменическое стремление учиться у других, даже когда формы выражения "другого" примитивны и коробят слух. Так что если раньше мы утверждали о земной церкви, что она не невидима, а видима, то теперь нельзя сказать иначе, как *не только* невидима, ибо богочеловечна.

Во время крайнего распада как внешней, так и внутренней церковной жизни, все чаще можно слышать из уст пастырей, да и паствы, высказывания по сути близкие тем, которыми баптисты напоминали о спасении живой верой (Ин. 6,17) и предсмертным вздохом покаяния, подобным разбойников на кресте. Теперь это не звучит как-то антицерковно и даже нередко окрашивается в глубоко-трогательные цвета благочестия. Это прямо говорит о том, что наше старое понимание церкви не просто распалось — оно изменилось в самой основе.

Вспомним же сейчас и другие пункты православно-баптистской полемики на первом ее историческом этапе, что также должно будет нас удержать от оценок баптистов по типу "сектанты — воры и разбойники" (/10/, с. 21),¹ "Кореи, Дафаны и Авироны", или "все инославные — темный двор церкви и притвор для кающихся, пока еще терпимые ею" (см. /11/, сс. 34, 42).

Прежде всего, здесь возникает вопрос о всеобщем священстве народа Божия (лаиков) (см. /1/, сс. 3—4; /2/, сс. 155—158; /3/, сс. 39—44; /6/, сс. 47—48; /12/, сс. 26—29). Идея о всеобщем священстве, имевшаяся в учении католических церквей, но к тому времени уже крепко забытая, была "заново" раскрыта в одном из писем Лютера и стала характерной для большинства протестантов. В то время отцы Реформации искали твердое основание для своего намерения освободить церковь от гнета многовековых напластований, смешавших истину с ложью, человечески-ограниченное и условное с божественным и абсолютным. Было настолько трудно отделить подлинное от неподлинного в церковном предании, что показалось необходимым

¹ Конечно, мы не забываем, что для нашей церкви они ныне еще более страшные "воры и разбойники", чем в начале века, ибо уводят большую часть как старых, так и молодых, потенциально и реально верующих. Но это уже — в другом смысле и контексте.

отбросить его совсем, оставив неприкосновенным (да и то после серьезных колебаний) лишь канон Св. Писания, да некоторые элементы Предания, которые особенно прочно срослись в душе отцов Реформации с тем или иным текстом Писания. В Писании же Нового Завета, взятом как целое, совершенно ясно было выражено учение о всеобщем священстве народа Божия, т. е. всей церкви (1 Пет. 2, 5, 9; Откр. 1, 6; 5, 9—10; 20, 6), и ничего не было сказано относительно священства церковных служителей, как бы они ни назывались в Писании. Это открытие надолго очаровало и ослепило протестантов всех направлений, тем более, что их судьбы складывались не очень благоприятно в отношении преемственности традиционных церковных служений. В связи со всем этим идею апостольской преемственности они перетолковали, осмыслив ее, как преемственное следование в вере и жизни Слову Божию, проповеданному и переданному апостолами всем верным (о чем мы еще будем говорить ниже).

Совершенно ясно, что на почве духовного индивидуализма и рационализма, также унаследованных протестантами от предыдущих эпох, невозможно было восстановить харизматически-свободный церковный строй, а значит и то устройство, которое было характерно для апостольского времени. Протестанты вспомнили пророчества о Новом Завете между Богом и людьми, увидели, как еще далеко христианство от их исполнения, и попытались своими силами исправить положение. Их дело было обречено, но при всех их неудачах нельзя сказать, что они ничего не достигли, как прямо, в своих общинах, так и косвенно — в результате влияния на традиционные церкви. Однако до сих пор они так и остались лишь их экстремистски настроенным дополнением, живым укором не совсем еще живой христианской совести.

Таинство священства было отвергнуто всеми протестантами. Отчасти, как мы видели, вынужденно, отчасти добровольно. Не отвергая самих служений, как естественных функций тела церкви, протестанты продолжали смотреть *институционально* на служителей, "законно", "для порядка" (что само по себе верно) исполняющих эти служения. При этом у них церковное служение окончательно обратилось в должность, на которую можно назначить (или избрать) и с которой можно снять (или переизбрать), ибо священного в ней ничего нет. Все священное же теперь принадлежало священству, т. е. каждому верующему, в том же смысле, как оно раньше принадлежало священству как известному сословию или классу. Поэтому вполне логично, что при таком подходе любой верующий мог (в потенции)

совершать в церкви "служение слова", хлебопреломление, крещение, благословение, учить, наставлять, молиться, а иногда и исцелять, пророчествовать, "глоссаль". Это, в свою очередь, приводило к еще большему закреплению духовной гордости на основе тех же рационализма и индивидуализма, а также, как на первый взгляд это ни странно, глубинного законничества, цитатничества и наукообразного буквоедства. Собственно в баптизме это дало еще такой неприглядный побочный плод, как безапелляционная уверенность в своем "личном спасении" (о чем так ярко, хотя и кратко, писал в "Самопознании" Н. Бердяев) и связанное с ней искаженное представление о "духовном возрождении".

Реакция православной мысли на протестантское понимание учения о всеобщем священстве была очень странной. Это учение стали явно обходить и замалчивать или толковать очень произвольно и ограниченно. "Иереями Бог создал нас не для того, чтобы мы все священнодействовали и сами за себя и для других совершали таинства, но чтобы приносили в жертву Богу добрые дела, свою непорочную жизнь. Апостолы Петр и Иоанн, называя христиан царями, иереями и народом святым, этим самым указывают на превосходство нравственного состояния христиан, возрожденных и облагодатствованных в таинствах, пред состоянием людей некрещенных и невозрожденных (I Пет. 1, 10; 2, 10; Рим. 9, 15)". (/10/, с. 27). Далее обычно шло крайне неудачное сравнение с ветхозаветным обетованием Божиим Израилю стать царством священников и народом святым (Исх. 19, 5–6), которое, однако, не помешало установлению Богом трехчинной ветхозаветной иерархии. Пророчество Ветхого Завета, исполнившееся в Новом Завете, было объявлено только прообразованием: "Так и в Новом Завете, хотя и все христиане называются царями, священниками и народом святым в духовном смысле, по обязанности каждого христианина властвовать над своими страстями и служить Богу своими добрыми делами, тем не менее Христос установил в Своей церкви особый чин пастырей и учителей, чрез священное рукоположение от апостолов и их преемников получающих особое право на учительство, священнодействие и управление в церкви (Еф. 4, 11–14; Деян. 20, 28; 1 Кор. 4, 1; Тит. 1, 5)". (/10/, с. 28). Также неудачной надо признать попытку истолкования всеобщего священства как священства в широком смысле слова – по сравнению со священством в узком смысле как совершающим таинства. Это искажало ту истину, что таинства совершает не кто-то в церкви, а сама Церковь, или, лучше сказать, Сам Бог в Церкви.

Более глубокой была мысль найти какое-то реальное служение (типа жертвоприношения) для лаического царственного священства. "Христиане называются "царями" и "священниками" не в прямом, буквальном смысле, а в духовном, как люди, освященные в святых таинствах церкви, как люди, избранные в удел Божий, царствующие над своими грехами и приносящие души и тела свои "в жертву живую, святую, благоугодную Богу для разумного служения" (Рим. 12, 1); приносящие Богу "жертву хвалы, то есть плод уст, прославляющих имя Его, ... благотворения и общительности, ибо таковые жертвы благоугодны Богу" (Евр. 13, 15–16)". (/1/, с. 4). Если бы не тонкое смешение понятий священства и святости (ср. I Пет. 2, 5), несущих соответственно активный и пассивный оттенок, такое определение было бы верным, хотя все равно еще принципиально неполным.¹

И все-таки все рассуждения о священстве заканчивались тем утверждением, что "священство поставлено Спасителем и должно существовать в церкви вечно по преемству от святых апостолов (Мф. 18, 19–20)" (/3/, с. 41), а поэтому о царственном священстве можно говорить лишь тогда, когда заходит речь о потустороннем мире, апокалиптике и эсхатологии, развоплощенных и выведенных за пределы истории (см. /2/, с. 157). "Он поставил... иных пастырей и учителями к совершению святых, на дело служения, для созидания Тела Христова, доколе все придем в единство веры и познания Сына Божия". (Еф. 4, 11–13). Все же придут в единство веры не на земле, а только на небе (Лк. 17, 1; 18, 8; Мф. 24, 5, 11–13, 23–27; Деян. 20, 29–30; 2 Пет. 2, 2 и др.), поэтому для совершения людей святыми, для служения и созидания Тела Христова священство будет в Церкви Христовой до скончания мира". (/1/, с. 33).

Здесь нельзя не упомянуть и о самой перспективной стороне разработки вопроса о всеобщем священстве, правда, в те времена еще только намечавшейся и как бы случайной. Мы имеем в виду независимое от полемики с протестантами рассмотрение этого вопроса на основании Св. Писания и свв. отцов. Позже к этому будет добавлен элемент литургического и канонического предания, в результате чего появятся труды богословов – представителей "евхаристической экклезиологии". В начале же XX в. первой ласточкой в этом деле была книга проф. В. Экземплярского "Библейское и святоотеческое учение о сущности священства" (Киев, 1904).

¹ Этим священникам все еще отказывается в силе и дерзновении приближаться к совершению главной святыни Тела и Крови Господних.

Исходя из новозаветной идеи особой близости к Богу всех христиан, правда, понятой еще "неевхаристически", он писал: "Все христиане должны быть рассматриваемы как священники, в известном смысле слова способные лично и непосредственно служить Богу, что действительно и утверждает Слово Божие и учение нашей церкви". (с. 33).

Приведем и мы некоторые места из свв. отцов, чаще всего использовавшиеся в православно-баптистской полемике того времени, причем как той, так и другой стороной (см., напр., /10/, сс. 29–30).

Св. Иоанн Златоуст пишет: "Ты в купели крещения соделываешься царем и священником и пророком: царем, повергнув долу все земные дела и умертвив греховные пожелания; священником через посвящение себя Богу, чрез принесение тела своего в жертву Ему и чрез духовное заклание самого себя, по словам апостола: "если мы со Христом умерли, то с Ним и оживем" (2 Тим. 2, 11); наконец, соделываешься и пророком, поелику познаешь будущее, делаешься богодухновенным и запечатлевающимся от Бога". (Беседы на 2 Кор., нравоч. 3-е). Св. папа Лев пишет: "В единстве веры и крещения, возлюбленные, нераздельно у нас общение и общее достоинство: все духовные христиане признаются участниками роду царскому и служению священническому. Ибо не царское ли дело, чтобы покорный Богу дух был правителем своего тела? И не священническое ли дело посвящать Богу добрую совесть и приносить с алтаря сердечного непорочные жертвы благочестия?" (Св. Лев, сл. 3-е, гл. 1, сс. 52–53). Св. Амвросий Медиоланский пишет: "Кому сказано: вы род избранный, царственное священство, народ святой, как говорит апостол Петр? Каждый помазуется в священство, помазуется в царство, но в царство духовное и священство духовное". (Св. Амвросий Медиоланский, Твор., т. 2, ч. I, с. 436). Св. Григорий Двоеслов говорит: "С золотом и гиацинтом соединяется в ризе первосвященнической пурпур (Исх. 28, 8), дабы первосвященник, возвещая другим небесное учение, истреблял в собственном сердце поплзновенность к порокам и противостоял им, как бы с царскою властью, поелику он должен всегда размышлять о величии внутреннего возрождения и в нравственной чистоте охранять одежду небесного царства. О сем духовном величии говорит апостол Петр словами: "вы род избранный, царственное священство". (Св. Григорий Двоеслов, Посл. к Иоанну и прочим патриархам, сс. 153–154). Тертуллиан говорит: "Какое безумие полагать, что мирянам дозволено делать то, что запрещено священникам! Разве мы не все священники? Господь

наш Иисус Христос соделал всех нас не только служителями, но и священниками Отца Небесного. Власть церкви поставила границы между священниками и мирянами. Но существенная обязанность служения Богу принадлежит неотъемлемо каждому. Разве не приносим мы и без священников жертву Ему в молитвах, коленопреклонениях, бдениях и даже в научении других? Разве не имеем мы права сами креститься в случаях нужды? Ты священник для себя и для некоторых, хотя и не для всех; где собрались трое верующих, хотя бы и мирян, там и церковь:¹ каждый оживляется своею верою, и Бог не зрит на лица. Ты оправдан будешь не как служитель, но как член церкви. Стало быть, если ты иногда исправляешь должность священника, то должен покоряться и закону священства". (Тертуллиан, О целомудрии, гл. 7, с. 112). Ориген говорит: "Ужели ты не знаешь, что и тебе, как и всей церкви Божией и народу верующих, дано священство? Послушай, что говорит Петр. Род, говорит он, избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел (1 Пет. 2, 9). Посему ты имеешь священство, ибо ты — род священнический, и потому должен приносить Богу жертву хвалы, жертву молитв, жертву милосердия, жертву целомудрия, жертву правды, жертву святости. Все помазанные мастию св. помазания (chrisma) соделались священниками". (Ориген, Беседы на книгу Левит). Блаженный Августин пишет: "Но будут иереи Богу и Христу и воцарятся с Ним тысячу лет" (Апок. 20, 6) сказано не об одних епископах и пресвитерах, которые в настоящее время исключительно называются в церкви священниками. Как всех мы называем христианами по причине таинственного помазания (chrisma), так называем всех и священниками, потому что они члены одного Священника. О них говорит апостол Петр: народ святой, царственное священство". (Бл. Августин, О граде Божием, кн. 20, гл. 10, с. 208, Киев, 1887).

Различие во мнениях свв. отцов разных эпох столь разительно, что это не могло не заставить задуматься православных богословов, хотя плоды этих раздумий и появились значительно позже.

Теперь, особенно после слов бл. Августина, логично будет перейти к следующему пункту разногласий, очень тесно связанному с предыдущим — к вопросу о первосвященстве Христа и первосвященстве в церкви (см. /6/, с. 48; /10/, с. 26; /2/, с. 154; /3/, с. 45–47).

¹ Мы бы сейчас добавили: "да, церковь, но только не во всей полноте", — хотя ведь и Тертуллиан это же имел в виду.

Единство первосвященнического служения в Новом Завете ясно выражено в учении Священного Писания (Евр. 7, 24–25; 8, 1, 5, 10). Оно полностью принадлежит Иисусу Христу, причем с сильным акцентом на противопоставлении этого служения в Новом Завете — как вечного и абсолютно-уникального — соответствующему служению в Ветхом Завете — как относительному и несовершенному, требующему перемены "закона священства". Именно с этим связывается идея всеобщего священства в Новом Завете: все священники, "потому что они члены одного Священника". Примерно так и рассуждали баптисты, делая вывод, что новозаветная земная церковь не включает в свой состав иных первосвященников и священников, а значит в ней нет места трехчинной иерархии, построенной по образу и подобию ветхозаветной. Они прямо ее отвергали, говоря, что не должно быть в истинной христианской церкви разделения на клир и мирян, ибо не должно быть особых священников, пастырей, учителей, епископов, наставников. Это положение легко обосновывалось прямым смыслом евангельского слова, возвестившего, что Единый Первосвященник, Посредник и Ходатай Нового Завета — Иисус Христос, и Сам Бог — Единый "Пастырь и Блюститель душ наших", Единый Учитель, Отец и Наставник верующих. А если и есть какие-то организационные различия между членами общины, то это лишь различия по должности.

Исходя из этого совершенно ясно, что баптисты никогда бы не могли принять при своем христоцентрическом подходе возражений православных типа: "/Эти новозаветные/ тексты говорят лишь о том, что христиане имеют Первосвященником Самого Иисуса Христа" (/3/, с. 45; подчеркнуто мною. — С. Т. Б.). Но все-таки некоторые приводимые православными цитаты из Св. Писания шли явно вразрез с казалось бы столь ясным и простым, столь библейски обоснованным протестантским учением. Внешне это выглядит, будто само Св. Писание противоречиво. Говоря о едином Пастыре — называет пастырями еще кого-то из людей — учеников Господа, говоря о едином Блюстителе, также называет иных блюстителями (епископами). Аналогично обстоит дело с учителями, отцами, наставниками. Правда, легко заметить, что все эти функции относились Писанием к Богу Отцу, тогда как преимущественно относимое к Сыну Его Иисусу Христу Первосвященничество, Посредничество и Ходатайство нигде в Писании на людей не перенесено, ибо связано с уникальным служением Христа не только как Учителя и т. д., но и как посредствующего между Богом и людьми Единого Ходатая — Первосвященника,

однажды принесшего в жертву Самого Себя на Голгофе и ставшего через это служение Спасителем мира. Никто другой не мог принести Голгофскую жертву, ни к кому другому нельзя было обратиться "спаси нас", ни Ходатайства, ни Посредничества нельзя было без профанирующей натяжки передать другому. И если позже это было все-таки сделано, то лишь по немощи и несовершенству людей, их языка и той культуры, в основном арийской и семитской, в которой церковь жила и которая, сложившись ранее, не делала различия в словах по бытовому и трансцендентному их смыслу. Богочеловечество еще только рождалось и не имело собственного языка, за исключением младенческого лепета "на языках человеческих и ангельских"...

Не признать в стаде Божиим наличия своих пастырей, блюстителей, учителей, отцов и наставников было нельзя. С этим были вынуждены согласиться почти все протестанты, даже не понимая, как это могло произойти. Они не смогли пренебречь Писанием и особенно такими его местами, как Еф. 4, 11–14 и I Кор. 12, 28–29. Но, пойдя на уступку, они не хотели идти дальше Писания и требовали восстановления древнего порядка избрания служителей церкви всей общиной, принимая это за основной момент поставления, не называли этих служителей священниками, не рассуждали об апостольской преемственности (ибо этого учения тоже не содержится в Писании), а иногда и, доводя дело до конца, не различали епископов от пресвитеров, переосмысливали вновь исторически сложившиеся функции диаконов, восстанавливали древние служения особых учителей, благовестников и т. д. И все это было последовательно, логично и в полном, казалось бы, соответствии с Писанием. Но на деле получалось скучное представление-подражание давно бывшему без силы последнего. Основной причиной этой неудачи было как раз то, что они не разрешили проблему возникновения того противоречия, которое они просто обошли.¹ Решить же ее они не могли, ибо она может быть решена не через подражание и только изнутри вселенского тела Церкви в свете Свящ. Предания Христова и полноты благодати.

Однако и копирование древнего образца-шедевра не бесполезно. Оно дает навык послушания не только древней форме, но и тому Духу, который когда-то такую форму создал. Этот Дух становится

¹ Протестанты не поняли, что оно в самом Писании, и искали выход хотя и близко, но не там: в проблеме генезиса монархического епископата. Ср. /5/, с. 24: "самый переход от одной эпохи к другой остается неуловимым". (о. С. Булгаков).

сначала объектом, а потом, наконец, и экзистенциальным субъектом поисков.

Стоит ли теперь говорить, что все "православные" попытки во 2-й пол. XIX — начале XX вв. защитить изначальность и богоучрежденность идей и образов первосвященнического служения в церкви и тесно связанного с ним апостольского преемства (см. /2/, сс. 86–89; /3/, сс. 53–55; /10/, сс. 49–51), а также трехчинной иерархии и отдельных епископского и пресвитерского служений (см. /2/, с. 162; /3/, сс. 32–35; /6/, сс. 49–50; /10/, сс. 11, 47), деления церкви на клир и мирян (см. /1/, сс. 4–6; /2/, с. 87; /3/, сс. 38–39; /6/, с. 44; /10/, сс. 19–20), неучастия общины-церкви в избрании своих служителей (см. /1/, сс. 6–8; /2/, с. 164; /10/, сс. 52–54) и т. п. не могли иметь успеха, но лишь дискредитировали Православие, так же, как и сами эти идеи-образы, поскольку в них еще оставался некий смысл или польза для текущей жизни церкви.

Точно так же обстояло дело и с другими, более мелкими и производными моментами православно-баптистской полемики о священстве в начале века: с "придирками" баптистов к излишнему расширению "степеней" (чинов) иерархии и излишней пышности титулов высших из них (см. /3/, с. 49; /10/, с. 52), к монашеству как довлеющему духовному институту и жесткой необходимости всем епископам быть безбрачными (фактически — монахами, см. /1/, сс. 7–9; /3/, сс. 47–48; /10/, сс. 54–57), к обязательным платам за "требы" (см. /1/, сс. 19–21; /6/, сс. 52–53; /10/, сс. 62–63), к их духовно-нравственному состоянию (см. /1/, сс. 9–16; /6/, сс. 53–54; /10/, сс. 69–81). Как ни разъясняли баптистам, что, пусть это и не очевидно, но по учению церкви степеней священства как было три "со времен апостольских", так и остается; что все титулы были восприняты извне и сути дела не касаются, указывая не на людей, а на достоинство сана; что монашество добровольно и не противоречит Евангелию, а монашествующий епископат — только дисциплинарный канон, а не догмат; что питаются "от своих трудов", т. е. от общины, и их пресвитеры; что длинные волосы напоминают о "назорействе", а длинные одежды служат для праздничности и украшения носителей сана; что от поведения и состояния священнослужителей, имеющих апостольскую преемственность, действительность таинств не зависит, ибо таинства совершаются почти *ex opere operato* (т. е. как бы магически — см. /5/, сс. 29–31 и дал.), а священники могут быть только посредниками (т. е. как бы медиумами); что слова Писания "Бог грешных не слушает" не стоит целиком принимать во внимание, ибо они принадлежат не Христу, а какому-то

прозревшему слепцу, — все эти разъяснения их не удовлетворяли, ибо в церкви *ничего* не меняли. И самое главное, народ скорее слушал их, чем православных миссионеров.

В 1905 г. это обстоятельство учул один из миссионеров, наконец-то понял, к чему это ведет, и возгласил: "Мы накануне самого широкого распространения баптизма!" (/13/, с. 21). Стоит ли удивляться тому, что его никто не услышал?

* * *

Закончив рассмотрение православного и баптистского учения о церкви, священстве и церковном устройстве на первом этапе, переходим к самому трудному и интересному *второму* этапу. Православные богословы уже не писали специальных работ по интересующей нас тематике. Можно лишь по крупицам собирать драгоценные замечания, великие откровения, гениальные мысли, рассыпанные в различных трудах лучших представителей "русского религиозно-философского возрождения" I-ой половины XX века.

В баптистской же литературе того времени, все еще издававшейся внутри страны, ярко отразились все основные тенденции этого периода. Когда баптизм с головокружительной быстротой стал развиваться, включая в себя массу новых членов, в т. ч. отпадших по разным соображениям от православия, тогда надо было срочно создать такие психологические условия в братстве, которые бы не препятствовали этим людям совершить их переход. Кроме того, вместо духовного союза маленьких разрозненных групп, каким был баптизм в России до революции, возникла большая организация, на большой территории, с большими возможностями, которая требовала стройной и надежной систематизации своей внутренней и внешней жизни. Это влекло за собою экстренную разработку принципов такой систематизации, которые легче всего было просто заимствовать в православии, лишь несколько видоизменив их с учетом вкусов основной массы старых членов братства. Разработка выразилась, в свою очередь, в привлечении всеобщего внимания к вопросам церковного устройства и, прежде всего, к вопросам сущности и положения служителей в общинах — с тенденцией к усилению их институирующей роли. По словам Ф. Мельникова: "В последние годы, именно, после русской революции, когда сектантство в России получило некоторые преимущества (до введения пятилетки), сектанты решили провозгласить свое пресвитерство преемственным

от апостольского рукоположения и обладающим особыми иерархическими правами и преимуществами". (/14/, с. 6).

Но прежде, чем ближе познакомиться с тем, что конкретно подразумевал под этим Ф. Мельников, рассмотрим основополагающую статью Проханова на ту же тему /15/. И. С. Проханов, лидер движения русских Евангельских христиан, несколько отличавшегося от баптизма (до их объединения в 1944 г.) бóльшим акцентом на неинституциональном, "харизматическом" устройстве общин, что выражалось, в частности, в тенденции к отрицанию необходимости рукоположения "служителей", полемизирует с двумя, как ему кажется, крайностями, т. е. с учениями отрицающих вообще "установление особых служителей в церкви", а также с учением православной церкви о таинстве священства, без которого, якобы, "никто не может иметь права совершения таинств", и критикует то, что "при таком учении в деле рукоположения церковь совершенно не участвует". Проханов разбирает места из Священного Писания Ветхого и Нового Заветов, говорящие о всех видах возложения рук, останавливаясь специально на вопросе возложения рук при крещении и "поставлении" служителей церкви. Далее он пишет о том, на каких служителей возлагались руки, кто совершал возложение рук, можно ли доказать преемство в деле возложения рук, особо говорит о правах рукоположенных служителей церквей и о том, можно ли повторять возложение рук, что ему предшествует, необходимо ли рукоположение. Говорит он и об опасности предпочтения формы ее внутреннему содержанию, связанной с рукоположением. В заключение же делает выводы, претендующие на полное изложение учения о "священстве", которые даже по отношению к содержанию основного текста отличаются излишним схематизмом и обедняющей тенденциозностью. Он пишет: "На основании всего вышесказанного, церкви Евангельских христиан должны довершить "недоконченное", то есть — поставить пресвитеров, на основании слова Божия". Это положение — шаг вперед по отношению к тому, что мы видели на материале предшествующего этапа, когда вопрос так не ставился и когда все внимание было обращено только вовне, а не на себя. "1. Пресвитеры, диаконы и учителя Евангельских церквей поставляются Богом, получая от Него: 1) призвание, 2) особый дар и 3) полноту Духа". Этот момент весьма нечеток, ибо естественно возникают вопросы: во-первых, как это узнается в каждом конкретном случае, и, во-вторых, неужели не все христиане могут обладать такой "полнотой Духа"? "2. Затем они избираются церквами на служение". "3. Далее они могут быть

рукоположены, но сему должны предшествовать пост и молитва всей церкви и наставление". В этом пункте необязательность рукоположения излишне прямолинейно выводится из факта нерукоположенности апостолов. Молитва, пост, наставление, предшествующие рукоположению, конечно, полезны, но совсем не ясно, насколько всякий раз обязательны. "4. Рукоположение не зависит от преемства; оно есть не что иное, как особый род молитвы с возложением рук". Конечно, это верно, но недостаточно для отрицания апостольской преемственности, которую по православному учению не следует механически отождествлять с преемственностью рукоположений. Знала же церковь исключительные случаи поставления епископов из laikов без их рукоположения,¹ а эти "нерукоположенные", но имеющие реальную апостольскую преемственность, епископы, конечно, имели право "законного" рукоположения. Относительно рукоположения как особого рода молитвы тоже сказано верно, но снова нечетко, ибо неясно, подразумевается ли под этим таинство или разновидность обряда. Скорее надо бы подразумевать первое, если бы Проханов не боялся самого слова "таинство" (так плохо им понимаемого), что подтверждает смысл его же слов в начале статьи, где говорится о ветхозаветном руковождении следующее: "Возложение рук сопровождалось наставлением, но не видно нигде, чтобы при нем была молитва или пост, или чтобы *при нем было особенное излияние Духа Св.*; словом, это был обряд, имевший исключительно символическое (образное) значение" (подчеркнуто мною — С. Т. Б.) "5. Рукоположение совершается от имени церкви и по ее непосредственному поручению одним или несколькими лицами, которые могут быть нерукоположенными, но лучше, если они рукоположены". Обращает на себя внимание тенденция к тому, чтобы закрепить право рукополагать только за рукоположенными, на что Проханов все-таки не решается, очарованный, как мы видели в п. 3, примером апостольского служения, забыв, что это служение непередаваемо никому. "6. Рукополагающий не имеет никакого преимущества над рукополагаемым; рукоположенный пресвитер не имеет никакого преобладания или старшинства над нерукоположенным. 7. Рукоположение не дает рукоположенному никаких особых прав в отношении совершения крещения, хлебопреломления и т. п. 8. Рукоположение не необходимо, но полезно, как особая торжественная молитва Церкви за своего служителя". Пункты 6–8 — явная отрывка "демократического прошлого" евангелистов,

¹ Например, св. Григорий Чудотворец, епископ Неокесарийский.

противоречащая всему духу статьи, своего рода уступка старым вероучительным установкам, вновь вызывающая только недоуменные вопросы, а зачем тогда это рукоположение нужно? "9. Церковь может рукополагать не только на постоянное (Деян. 6, 6), но и на временное служение (Деян. 13, 3)". Это, конечно, верно, но только эти рукоположения не должны смешиваться, что делает и Проханов, обосновывая верную мысль о том, что "возложение рук на служителей церкви не имеет вечного, неотменяемого значения", тем местом из Св. Писания, где говорится о руковозложении Варнавы и Савла (Деян. 13, 3).

Стоит остановиться еще на одном месте статьи Проханова, где он утверждает, что если к ним захочет присоединиться какой-либо человек из другой конфессии, имеющий сан, то этот сан должен быть признан действительным церковью Евангельских христиан и рукоположение не должно быть повторяемо. Такое же его отношение и к браку, ибо то и другое принадлежит "к числу актов, совершающихся при участии сознательной воли"¹.

Намеченное евангелистом Прохановым, но, конечно, не только, а может быть и не столько им, "довершили" баптисты более молодого поколения. Невозможно привести всех поразительных, совершенно "православных" цитат из их сочинений. По словам непримиримого Ф. Мельникова, "сектантские писатели, пресвитеры, вожди и проповедники весьма убедительно и неопровержимо доказали, на основании слова Божия, что Христос действительно установил в Своей Церкви священство на вечные времена, что оно должно быть преемственным от апостолов, а не самодельным, что оно преподается чрез священное рукоположение, которое могут совершать только священные лица, а не община и не церковь, что, наконец, без священства не может быть самой Церкви, ибо для созидания Ее Господь поставил священнослужителей. Они получили от Него особые права и преимущества. И эту власть священной иерархии сектантские писатели также убедительно и неопровержимо выяснили и определили, тоже на основании Св. Писания, т. е. слова Божия. Даже само рукоположение они признают основой учения Христова". (/14/, сс. 27–28).

¹ На этом же основании должно перекрещивать всех крещенных в детстве, пусть это будет даже тот "клирик", который принимается "в сущем сане"! Здесь у нас опять возникает вопрос — зачем? Только ли ради буквы Писания, или второе крещение может быть понято как крещение покаяния ("Иоанново")? Но не включает ли его в себя крещение Христово? Впрочем... если и включает, то всегда ли? Ответа нет, ибо мера ущербности наших детских крещений еще не ясна.

Конечно, столь резкий крен в сторону православия (даже по букве!) не мог не вызвать недоумения и ропота в среде баптистов. "Часто слышится, — пишет пресвитер З. Ф. Бондаренко, — так это будет, как у господствующих церквей, — как у православных: заведется духовенство и папство". И тут же на это дается ответ: "Для чего нам, братья, смотреть на других? Нам надо смотреть на организацию первых христианских общин, и тогда у нас не будет ни отдельной касты духовенства, ни папской власти, а будет стадо Христово под наблюдением пресвитеров, как пастырей". (/16/, с. 26).

Вот еще несколько примеров из этого удивительного периода истории "русского" баптизма. Под покровом вышеприведенных идей вот уже пресвитер И. Куделя, руководитель Кавказского округа баптистов, "по-православному" громит своих Кореев, Дафанов и Авиронов (/17/, с. 2), а проповедник Ф. Сапожников вводит ненормативное употребление терминов "священнослужитель", "священнодействие" и "священство", говоря о служителях церкви (/18/, сс. 5–7) и утверждает право рукоположения только за рукоположенными (там же, с. 8). Таким образом, закрепляется возможность передачи особого дара Св. Духа — пастырского служения в Церкви — за определенными лицами (пресвитер В. И. Синицын, /19/, с. 17), утверждается последовательность рукоположений по "степеням священства" (там же), а также то, что "рукоположение принимается на всю жизнь" (Ф. Сапожников, /18/, с. 10). Брат Сапожников взывает: "Будем молиться Господу, чтобы дело домостроительства Церкви Его во всей присущей Ей красоте выявлялось и в наши дни, и будем остерегаться всякого ветра учения, унижающего истинный смысл церковного порядка и церковного управления" (там же, с. 9). В реферате-статье Г. И. Щипкова утверждаются в церкви "пастыри и учителя, как институт пребывающий" (подчеркнуто мною — С. Т. Б.) (/20/, с. 3), они объявляются в церквях "большими", и потому делается вывод: "Если сама община избирает пресвитера, вверяя ему священнодействие, то выходит, что меньший благословляет большего" (И. Куделя, /17/, с. 3). Далее идет бойкое наступление на "мирян": "Тот, который никогда не проповедовал, начинает через совет учить и пресвитера, и проповедника" (/16/, с. 25), учреждается особое служение "районных" и "областных" пресвитеров, а Совет Федеративного Союза баптистов даже по форме своих постановлений почти копирует Свящ. Синод (см. "Баптист", 1927, № 8, с. 26). За пресвитерством закрепляется прямо "апостольское" и "первосвященническое" служение (см. /16/, с. 25; /17/, с. 3), на что, справедливо видя в этом некоторый перегиб в сторону подлинного

папизма, Ф. Мельников язвительно замечает: "Подотчетно оно (пресвитерство) *только* одному Богу. Значит, по толкованию сектантских вождей и руководителей, оно выше и Церкви и Синода и Соборов". — (/14/, с. 27). Чем не ирония судьбы — исторические роли поменялись, православие стало обвинять баптизм в клерикализме и папизме!

Стоит ли после этого удивляться, что, описав все это скорое изменение баптистских принципов церковного устройства, Ф. Мельников задает "смертельный вопрос для сектантов" (там же, с. 29)? Он легко доказывает, что признанная баптистами за необходимую апостольская преемственность у них же и сомнительна, как бы ни старались баптисты возвести свои рукоположения сначала к Менно Симонсу, а через него присоединиться к не вызывающей возражений иерархии римско-католической церкви. До Менно Симонса, говорит он далее, еще можно восстановить цепочку баптистской "иерархии", но как быть с тем, что Менно Симонс был только пресвитером (в то время возможность рукоположения епископов пресвитерами, даже в историческом прошлом, категорически отвергалась богословами традиционно-исторических церквей), причем перекрещенным и перерукоположенным анабаптистским "апостолом" Оббоном Филиппом? И если перекрещивание его не сделало некрещеным, то его перерукоположение после перекрещивания, с точки зрения православных, не оставило и следа от его бывшего сана (римо-католики, может быть, сказали бы иначе ввиду их учения о неизгладимости благодати священства, но у них было бы еще больше претензий канонического порядка к правомочности Симонса рукополагать кого бы то ни было).

Если бы не "годы великого перелома", с каким баптизмом мы сейчас имели бы дело?..

Баптисты явно поспешили и перестарались в 1927–1928 гг. Это ярко показали творческие достижения в области православной экклезиологии на втором этапе ее развития в XX в. Евхаристическая экклезиология, основанная, прежде всего, о. С. Булгаковым и развитая о. Н. Афанасьевым и о. Киприаном (Керном), при всей ограниченности ее исходных посылок (хорошо понимавшейся, например, Н. Бердяевым — сторонником персоналистически-экзистенциальной философии "воцерковления жизни"), восстановила чистое православное учение, устранив множество предрассудков догматического, канонического и литургического порядка. В ней нашлось место всякой истине Св. Писания и церковного предания, раскрылась логика исторического развития многих церковных

институтов, идей и положений. В большой степени мы уже пользовались результатами их труда (не смея доверять только своему личному опыту жизни в Церкви), критикуя обе полемизирующие стороны.

Делая основной акцент на Евхаристии, как центре жизни экклизически устроенного христианского общества, положения евхаристической экклезиологии утверждали идеальную модель церкви-институции, наиболее последовательно и глубоко описанную в посланиях свв. апостолов Павла и отчасти Петра. Они утверждали постепенное зарождение в церкви и развитие церковной иерархии, очень скоро (уже в II–III вв.) оформившейся в трехчинную (при известном влиянии ветхозаветной и языческой традиции); восстановили подлинный смысл учения об апостольском преемстве, связав его с первосвященническим служением епископов, апостолов и Христа; расшифровали соборный смысл понятия "поставление" членов иерархии, установив три его главных момента: 1) избрание всей местной церковью предызбранного Богом кандидата, 2) его рукоположение после удостоверения в богоизбранности одним или несколькими предстоятелями по просьбе церкви, 3) "рецепция", т. е. признание церковью, совместно с другими церквями, того, что ставленником получен особый дар Св. Духа через возложение рук и молитву церкви. В своих работах творцы евхаристической экклезиологии убедительно показали, что "все таинства совершаются церковью, когда вся местная церковь собрана во главе со своим предстоятелем" (/21/, с. 42); доказали благодатность в церкви служения всех и всех служений; показали неизначальность идеи последовательных клировых служений, как и идеи недопущения в клир женщин; утвердили реальность того факта, что "каноническая действительность таинства поставления не покрывает всецело действительности благодатной" (/21/, с. 93); они выявили и почти забытую идею о том, что "авторитет предстоятелей церковью должен вытекать из самой личности предстоятелей, а не создаваться служением, которое они представляют" (/21/, с. 94); они напомнили то, что харизма священства как особого служения "преподавалась для фактического служения, а потому не исполняющий служения тем самым терял свою харизму" (/21/, с. 101), что "сам по себе образовательный уровень не дает права на поставление в священство" (/21/, с. 113); что в церкви запрещено любое, прямое или косвенное, насилие и, прежде всего, пролитие крови; что "никогда не считалось, что личный труд несовместим с состоянием в клире, если он не препятствует исполнению клирового служения" (/21/, с. 121) и т. д.

Самыми же главными для современного православного сознания остались такие открытия этой школы, как признание за laikами, не несущими служения должностного священства, своего служения в церкви, основанного на единственном в христианстве "посвящении" в царственное священство при миропомазании и находящего себе выражение, прежде всего, в сфере священнодействия, церковного управления и учительства, а также указание на единственную "законную" власть, существующую в церкви — власть любви (см. /5/ и /22/, особ. I—III и VII—VIII гл.).

Третий этап характеризуется резким снижением уровня богословствования вообще и в области экклезиологии в частности.

В среде "русских" баптистов, теперь снова переживающих широкий подъем, но на этот раз при наличии активизирующегося православия, не возобновился дар богословского осмысления как самих себя, так и своего окружения. Знакомство с "Уставом Союза ЕХБ" /30/, как и с рядом статей (см., напр., /25/ и /26/), повергает в уныние от бросающейся в глаза неполноты, несистематичности и "списанности", неоригинальности этих текстов, по многим признакам напоминающих документы какого-либо клуба или другой провинциальной общественной организации. Их содержание, как и практика современной баптистской жизни, ясно свидетельствуют о том, что в отношении священства создано некоторое неустойчивое равновесие, снова, как на предыдущем этапе, стремящееся к развитию институционального организма.

От баптизма начала века современный баптизм отличается тем, что 1) так же, как и в 20-х гг., существует централизованная организация /ВСЕХБ/ с особыми духовными правами — своеобразный Синод (см. /26/, с. 73); 2) установилась сложная, с сознательным признанием духовных степеней (см. /24/, с. 48), "иерархическая" система на только областных и межобластных старших пресвитеров, но и республиканских, стоящих над областными. Их иногда называют епископами, и не без основания, ибо только они имеют преимущественное право рукополагать; 3) утвердилась практика рукоположения только рукоположенными старшими пресвитерами (на местах совместно с рукоположенными местными пресвитерами), несмотря на то, что теперь крещение и хлебопреломление еще допускается совершать избранным, но не рукоположенным служителям церкви;

4) поскольку осознается, что в понятие "посвящения пресвитеров и диаконов входит избрание и поставление" (/26/, с. 72), причем снова, как и в 20-е гг., вопросу поставления, т. е. рукоположения, придается значение "вопроса первостепенной важности, ибо рукоположение стоит в одном ряду с крещением и хлебопреломлением" (там же); 5) установлен жесткий "испытательный срок" не менее одного года от времени избрания до поставления (рукоположения) пресвитеров и диаконов; 6) если в общине несколько пресвитеров, то "ответственным за церковь является один пресвитер, избранный церковью" (там же, с. 76).

Однако, до сих пор не ясны полный смысл и значение рукоположения (вероятно, оно может быть названо сакраментальным актом, ибо стоит в одном ряду с хлебопреломлением, называемым "таинством воспоминания" — ср. там же, сс. 72 и 70). Идея апостольской преемственности хотя и присутствует, но так не называется и выражается нечетко. А. Е. Клименко, нынешний председатель ВСЕХБ, писал в 1973 г.: "Мы живем в период Нового Завета, при наступлении которого Иисус Христос, положивший основание Церкви, установил в ней порядок служения. Этот порядок Он передал Своим первым ученикам — апостолам, а когда апостолы окончили свою миссию на земле, дело домостроительства церкви было возложено на пресвитеров и дьяконов" (там же, с. 75).¹

Теперь перейдем к православным работам третьего периода. К сожалению, оригинальных работ, посвященных баптизму, у нас практически нет. Если же и пишутся какие-то сочинения на близкие темы (см. /2/, /3/, /27/), то по подходу и используемому материалу они скорее должны быть отнесены к первому этапу. В этих работах совершенно не учитывается динамика и история баптистского учения и практики в XX веке, а потому и любые публикации или иные явления в современном баптизме освещаются и оцениваются исключительно в устаревшем духе начала века.

В разработке же общего учения о священстве обычно также опираются на книги, написанные на первом этапе, но уже стараются выбирать лучшие из них, подготавливавшие направление исследования на втором этапе. Особенно часто используется уже упоминавшаяся нами книга В. Экземплярского (см., напр., /28, 29, 30, 31/). В среде более консервативных богословов пользуются популярностью имевшая для своего времени немаловажное значение книга Вл. Троицкого "Очерки из истории догмата о Церкви" (Сергиев

¹ Снова почти совсем православное утверждение.

посад, 1912) и исследование еп. Лоллия Юрьевского "Александрия и Египет", написанное с целью полемики против украинских "самосвятов" и частично опубликованное по сохранившейся части авторского издания в "Богословских трудах" №№ 18, 21.

Углубляющаяся вовлеченность нашей церкви в экуменическое движение также способствует большему осмыслению общей проблематики священства и усвоению зарубежного наследия второго периода, уже несущего в себе некий экуменический опыт. Однако это усвоение, поскольку оно выражается в официальной церковной печати, носит все еще явно несамостоятельный (см., напр., /32/) и эклектический (см., напр., /29/) характер. В будущем более плодотворной может оказаться типичная для ряда современных деятелей церкви позиция, признающая то, что "деятельность церковных пастырей и народа Божия не может ограничиваться только лишь сферой христианской общины" (доклад проф.-прот. В. Стойкова "Церковное служение современному миру" на "Арнольдсхайн-IX"). Эта позиция могла бы помочь исполнить дело синтеза двух великих наследий предшествующего времени: евхаристической экклезиологии и философии воцерковления жизни.

Немного нового может нам дать и другой наследник достижений этих времен — современное русское зарубежное богословие, центр которого на третьем этапе, как известно, переместился из Парижа в Нью-Йорк. Отчасти это объясняется передвижением главных импульсов творческих интересов в области истории, литургики, апологетики и необходимостью "популяризации" Православия в современном мире, выносящих из сокровищницы Церкви более старое, чем новое. Конечно, пересмотр и очищение "старого" также необходимы в Церкви, и деятельность такого рода способна подготовить новый подъем и новое "возрождение", которое, можно надеяться, будет уже не только русским, а общеправославным.

Все сказанное никак не может умалить значение таких разрабатываемых за рубежом на третьем этапе и связанных с нашей тематикой идей, как, например, утверждение принципиальной непрофессиональности священнического служения пастырей в новозаветной церкви, в которой отменена "священническая религия" (прот. А. Шмеман, см., напр., /33/, V, 4), или того, что значит для жизни церкви и каждого ее члена "местная соборность" и живая, постигаемая в молчании лично-творческая и свободная связь с Богом (прот. И. Мейендорф).

* * *

Так что же такое баптизм и ему подобные течения? Надо ли с ними бороться или пройдет еще 100—200 лет и различия между нами сотрутся настолько, что само собою наступит единство?

Прежде всего, надо сразу сказать, что баптизм — одновременно церковь и не церковь (в самом глубоком смысле этого слова).

Церковь — некоторый тип устройства христианского общества, отвечающий самому этому понятию (экклесия — призывающее собрание), т. е. это общество, возглавляемое духовными наставниками — епископами или пресвитерами, это детоводительствующая ко Христу структура, как бы Ветхий Завет в Новом Завете. Центром духовной жизни при такой организации всегда будут общины для всех (или многих) таинства, и особенно — Крещение, рождающее "младенцев во Христе", и млекопитающая их Евхаристия, служащая образом церкви. Прообразом же церкви в нашем понимании является ветхозаветная церковь, духовно сосредоточенная в Иерусалимском храме, в котором несет служение (одно и то же на одном месте) трехчинная иерархия — первосвященник, священники и левиты, помогающие им. Отчасти прообразом церкви является и "языческая неплодящая церковь" с ее таинствами, существовавшая в обществе с прекрасным правовым, а следовательно тоже "законным" социальным устройством, пришедшим к такой форме правления, когда во главе города или провинции стоял епископ, а при нем — пресвитериум и штат диаконов. Не случайно суд — наиболее характерное явление для общественной жизни при таком социальном устройстве, и предназначенное для него здание — базилика, стали прототипом устройства христианского храма и его основной идеей. В храме место судьи занял христианский епископ.¹

Все эти прообразы находят в Новом Завете прямую параллель в единственной и неповторимой Тайной Вечере Господа с учениками-апостолами. Прообразы целиком входят в нее как первообраз через ее образ — таинство Евхаристии, совершаемой в церкви церковью для церкви как мира, соизмеримого со всем творением. Эту экклезиологию уже исповедует св. Игнатий Богоносец (пусть в той или иной мере имплицитно), для которого епископ вместообразно совершает первосвященническое служение Христа.

¹ Даже более поздние крестово-купольные храмы восточной церкви являются не чем иным, как вселенски-переосмысленной базиликой.

Итак, церковь строится не на пустом месте. Она имеет перед глазами свой живой прообраз (в первосвященнике Израиля и в епископе язычества), образ (в епископе, совершающем в ней Евхаристию) и первообраз (в Лице вечного Первосвященника Иисуса Христа, также однажды совершившего Евхаристию и единое спасительное жертвоприношение на Голгофе, уже прообразованное Тайной Вечерей), причем образ с первообразом скрепляются идеей апостольской преемственности. Поэтому приобщение за Евхаристией вместообразным Телу и Крови Христа, преподаваемым вместообразным Христом — епископом, есть приобщение к первообразу их — ко Христу на Тайной Вечере. Это всегда и принесение жертвы, и приобщение к ней в царстве первообраза через его анамнесис — воспоминание. Тогда восхождение от образа к первообразу есть таинство духовной жизни, обеспечивающее ее рост и развитие, и потому оно — духовная основа жизни церкви.

Прообраз, образ и первообраз церкви едины в лице первосвященника, которому самому присуща идея единства и единственности. Таков первосвященник Израиля, *pontifex maximus* язычества, таков Иисус Христос, таков же должен быть и епископ в церкви. Пока церковь-община целиком актуализировалась в евхаристическом собрании местной церкви, там был и один "приносящий благодарение — Евхаристию" — ее епископ. Когда епископы стали знать старшего между собой и общинная жизнь стала формализоваться, тогда единым первосвященником стал этот старший, как бы его ни называли — митрополит, архиепископ или патриарх. Когда же церковь стала мыслиться вселенскими масштабами и община окончательно превратилась в приход (юридическая категория), тогда первый из патриархов — наследник первого из апостолов и первого епископа его града — стал единым первосвященником церкви — папой: он — первосвященник, приносящий жертвы, *pontifex maximus*, и первосвященник, приносимый в жертву, — раб рабов Божиих, епископ епископов. "Церковь во епископе и епископ в церкви" (см. Киприан Карфагенский) — таков итог этой экклезиологии.

Как же могло произойти, что известный нам по Новому Завету "приносящий благодарение" епископ-пресвитер, первый среди равных ему по служению иных "предстоятелей в Господе" (тоже епископов-пресвитеров), стал носителем особого первосвященнического служения? Первенство не только выделяет, но и отделяет. Это — результат объективации духа, и потому неудивительно, что для закрепления этого процесса оказалось достаточно одного поколения. Велика здесь

и роль общего для христиан и язычников понятия "анамнесис", центрального в Евхаристии.¹

Таким образом, слово "церковь" применимо к баптистам, т. к. у них есть свои "степени" служителей, есть, по существу, и епископы (старшие пресвитеры), которые совершают таинства (крещение, хлебопреломление, поставление). Если же они в наше время снова воздерживаются говорить о новозаветных первосвященниках и немного говорят о Евхаристии как жертве и о таинствах, то это скорее их пережиток прошлого и непоследовательность.

Но в то же время баптисты и не церковь. Не церковь в двух смыслах. Во-первых, потому что у них прервано церковное преемство — не только формально и sacramентально, по принципу непрерывности рукоположений, но и реально, что произошло тогда, когда, оказавшись со своими идеями без "рецепции" вселенской церкви, они в лице своих основоположников вынуждены были пойти по пути утверждения части истины, реально содержимой ими, как целостности и полноты этой истины. Конечно, то же делали и их противники — традиционно-исторические господствующие церкви, но они содержали в себе зерно и корень апостольской преемственности — "монархический епископат" и, следовательно, веру в Священное Предание и Священное Писание, которые всегда можно было очистить от любых наслоений, пусть бы это и потребовало много сил и времени. В этом смысле баптизм — неполная, ущербная церковь, всегда несущая в себе элемент "недоконченности", что в России они особенно почувствовали, как мы знаем, в конце 20-х годов нашего века.

Однако, если протестантизм, а значит и баптизм, отказался следовать Риму, который "в силу догматического провозглашения папизма являет собой единственный последовательный пример монархического епископата" (/5/, с. 45), это еще не означает что он исцелился от папизма. Да, у него нет своего папы, но как в православии нередко проявлялась тенденция вместо папы — единого первосвященника — иметь "коллективного папу" в лице также "непогрешимых" соборов епископов (что хуже папы — см. /5/, с. 42) или "цезарепап" — светских императоров (из-за их сильной власти, чего не знал Запад в эпоху, когда складывался там папизм),

¹ Все подробности на эту тему можно найти в книге о. Н. Афанасьева "Церковь Духа Святого", VII, 4. Там же — о связанном с этим перенесении понятия первообраза Церкви со дня Пятидесятницы и его Евхаристии на Евхаристию Тайной Вечери.

так же и в протестантизме сложилась традиция, так сказать, "микропапизма", когда, как кто-то хорошо сказал, каждый протестант — "маленький папа". Это произошло под действием "родимых пятен католицизма" — индивидуализма и рационализма, при изначала неверной посылке, будто всеобщее священство народа Божия означает распространение на всех равных прав священнодействовать, учить, управлять (и т. д.) в церкви, т. е. того же, что приписывали только себе отслоившиеся от мирян клирики. Поэтому "микропапизм" как антипод папизма — такой же рок протестантов, как рок римско-католиков — папизм, а православных — их "золотая середина".

Первообраз протестантской церкви, как и любой другой, зараженной папизмом, — одинокий Христос в пустыне, искушаемый чудом, властью и авторитетом, а прообраз ее — картина грехопадения и изгнания из рая.

Баптизм — не церковь и еще в одном смысле. Выше мы уже обращали внимание на то, что Дух, как объект поисков, становится иногда их субъектом. Вспомним, что баптисты — потомки крайних (хотя и не столь крайних, как, например, квакеры) протестантов, и их поиск направлялся к эпохе жизни церкви времени новозаветного текста, вернее, к ее Духу. А в Новом Завете, как уже упоминалось, есть противоречие в вопросе устройства христианских общин: сначала как бы преобладает какой-то один тип их устройства, но со временем среди христиан из язычников возникает другой тип, причем они мирно сосуществуют (до поры до времени), что вызывает иллюзию их непротиворечивости. Конечно, это противоречие Писания лишь внешнее, формальное. Оно говорит о том, что от апостолов существуют два типа устройства общин (обществ), которым соответствуют две линии апостольского предания.

Современная литургика знает их¹ и делает только ту ошибку, что как правило считает их прямолинейно преемственными в истории церкви, а на самом деле они преемственно параллельны (но не изолированы). Первая линия и ее форма — синагогально-синаксарная, а вторая — еклесическая. Для апостолов Петра (отчасти) и Павла (поскольку он — апостол языков) существовала, в основном, вторая форма, а для Иакова и Иоанна, в основном, первая, что ярко проявляется в том, что они и не употребляют слова еклесия — церковь, ибо им знакома только синагога (собрание, союз равных) или, что в принципе то же, — синаксис (общее собрание). Традиции

¹ Проф. Н. Д. Успенский. Лекции по литургике в ЛДА, I курс (машинопись).

синаксисов древней церкви преемственно сохранились на православной вечерне и литургии оглашенных, в основе своей самостоятельных богослужениях. Но не только там. Агапы, литии, поминки, чин о панагии — тоже в той или иной степени связаны с синаксисами. Их общий признак — лаический характер, не требующий обязательного включения иерархии. Что касается Евхаристии, то она всегда требует выделения кого-то одного, и здесь важно, кто он — или харизматически первый среди равных, как в день Пятидесятницы, и тогда форма устройства — первая, или он — носитель особого дара Святого Духа и особой первенствующей должности, и тогда форма устройства — вторая. В первом случае действует благодать личная, во втором — благодать служения-функции, не предполагающая уникальности личности ее носителя. Таким образом, Евхаристия в принципе может быть с равным успехом "подключена" как к богослужению синаксарному, так и к еклесическому, поначалу отличавшемуся от первого лишь особым порядком, дисциплиной, чинностью, особой благопристойностью и, вероятно, большим, чем в синаксисе, числом элементов храмового богослужения.

Временем столкновения этих двух типов устройства были второй и первая половина третьего века, когда появился монархический епископат как результат логического развития второй линии апостольского предания, которой суждено было тогда победить. Споры харизматиков и должностного священства, споры о Пасхе — следы этого относительно мирного столкновения в ту эпоху. Впрочем, история церкви знает и многие другие, менее мирные, споры и раздоры, возникавшие в церкви во имя полноты духовной свободы, против власти иерархии, против единообразия в вере и форме богослужения и т. д. Здесь отчасти и гностики, здесь и монтанисты, первые поколения монахов и ислам, как разросшаяся антиринитарная секта, здесь мистические секты, павликиане и богомилство, кафары, вальденсы, протестантизм в своей лучшей части, здесь в известной мере оккультизм, теософия и т. д. Отчасти здесь даже юродивые и старцы церкви, хотя, на первый взгляд, они никак не связывали себя никаким устройством христиан и их обществ.

В этом смысле надо сказать, что баптизм, конечно, не только церковь, пусть и ущербная, но и синаксис в ту малую меру, насколько он действительно харизматичен в своем устройстве, а не институционален, насколько в его основе лежит не только "приходской", но и "общинный" тип устройства (см. статью Н. Герасимова "Вхождение в Церковь и исповедание Церкви в церкви", М., 1978 /машинопись/).

Это оставляет им шанс оправдания перед Богом, независимо от их "учения" о церкви, священстве и церковном устройстве.

* * *

Как известно из Писания, ап. Павел стал рукополагать пресвитеров для церквей, основанных им во время первого миссионерского путешествия, на обратном пути и, следовательно, где-то в середине первого века. Это было сделано в связи с тем, что христианство вышло за пределы иудейства, имевшего свои духовные традиции и опыт общения с Живым Единым Богом. Значит, это было сделано ради немощи человеческой. Христианство только зарождалось, ему предстояли долгие полтора тысячелетия детства и еще полтысячи лет переходного возраста, прежде чем оно вступило во взрослое состояние, преодолев немощь. Это произошло (и происходит) в тяжкий XX век, и об этом уже писали (Н. Бердяев — он первый пророчески почувствовал и убедительно *сказал* о том, что христианство уже не молодо, что оно — "сморщенный старик". И поэтому, по его мысли, всякий сознательный христианин сразу приобщается не к молодому, а к зрелому христианству и уже не может "по-младенчески" говорить, даже если он стал христианином всего несколько лет назад. Взрослый часто субъективно не лучше младенца, но он созрел, и это отличает его к лучшему).

Теперь уже христианство имеет свои великие духовные традиции, имеет свои храмы, культуру, язык. И старое прошло, теперь все новое. Слова Еф. 4, 11–14 о "мере полного возраста Христова" и "муже совершенном" сбываются. И не вне истории, а в истории, хотя и на метауровне. Конечно, это не значит, что надо отбросить теперь все бывшее за две тысячи лет, весь колоссальный опыт христианства, пусть и шедшего, в основном, по экклесическому пути. "Когда я был младенцем, по-младенчески говорил" и шел, и это не значит, что это было плохо. Всему свое время и свой устав! Вообще ничего отбрасывать не надо, если что-то отжило свой век, оно само "ожестеет и иссохнет" и "отпадет". Это может изменить только некоторые акценты в соотношении всегда живших в истории церкви, в ее памяти и каким-то образом в ее практике двух типов устройства христианских обществ ("ветхозаветного", где в центре стоит храм, и "новозаветного", где в центре — благодать и свобода). Для младенцев во Христе должен быть детоводитель — экклесическое устройство с его догматами, канонами, чинными уставами, апостольской преемственностью

иерархии и т. д., которое — как броня или, точнее, экстерьер "духовного дома Божия", его внешняя ограда. А синаксарное устройство — для уже усовершенствовавшихся и освятившихся (в новозаветном смысле этих слов), что может быть определено только по Духу и соборному разуму, но не формально, не по годам крещения, хиротонии, физического возраста и т. д. Всякий, усвоивший тайноводство церкви, может быть выделен из "прихода" в "общину", т. е. узкий, почти (но только почти) семейный круг людей, имеющих одно сердце и имущество, т. е. все общее, а также живущих пред Богом в простоте и целомудрии, ревнующих о пророчестве и дарах больших, идя путем совершеннейшим, вспоминая Господа и не забывая общения святых. Эта перспектива полуэсхатологична, но она реальна. Ведь и Иисус Христос служил людям только три года из тридцати трех. Она приближает к нам царство Божие, укрепляет его в нас и нас в нем. В этом смысле сбываются слова пророчества: "будет в последние дни, что всякий, кто призовет имя Господне, спасется". Сбываются на наших глазах и пророчества о вечном Новом Завете между Богом и людьми, "когда все будут знать Бога"... Исполняется "полнота Наполняющего все во всем"!

"Жаждающий пусть приходит и желающий пусть берет воду жизни даром". (Откр. 22, 17).

Ноябрь 1982 г.

С. Т. Богданов

ЛИТЕРАТУРА

1. М. А. Кальнев. Об истинном священстве в Церкви Христовой. Одесса, б/г.
2. А. Метелица. Очерк историко-полемических статей по сектоведению из журналов "Миссионерское обозрение" и "Миссионерский сборник" за все годы. Л., 1954 (Машинопись).
3. Н. Новосад. Пособие по разбору вероучения рационалистических сект. (По Перетрухину). Л., 1963 (Машинопись).
4. А. Зверев. Священство как неперемнная часть в составе святой Церкви. М., 1911.
5. Прот. С. Булгаков. Иерархия и таинства. "Путь", № 39, П., 1935.
6. Л. З. Кунцевич, Д. Владыков. Пособие при беседах с баптистами, молоканами и другими сектантами-рационалистами. Ахтырка, 1911.
7. В. Иванов, Д. Мазаев. "Всемирный конгресс баптистов в Лондоне в 1905 году", ч. 3, с. 51.
8. Манифест Третьего всемирного конгресса баптистов. (Стокгольм, 1923 г.). "Баптист", 1925, № 3.
9. Материалы Четвертого всемирного конгресса баптистов. "Баптист", 1928, № 12.

10. Прот. Н. Кутепов. О таинстве священства и церковной иерархии (в отношении мнимодуховных христиан). Новочеркасск, 1909.
11. Патр. Сергей (Страгородский). Значение апостольского преемства в инославии. ЖМП, 1961, № 10.
12. Догматика. Заочные Библейские курсы ЕХБ. М., 1970.
13. А. И. Платонов. К вопросу о предстоящей церковной реформе, молоканстве, баптизме и наша великая церковная нужда. СПб., 1905.
14. Ф. Мельников. О сектантском священстве. Варшава, 1934.
15. И. С. Проханов. О возложении рук. "Христианин", 1924, № 6.
16. З. Ф. Бондаренко. Мой взгляд на дело Божие. "Баптист", 1927, № 11.
17. И. Куделя. Церковь, возникновение ее и организация. "Баптист", 1928, № 11.
18. Ф. Сапожников. "Баптист", 1927, № 2.
19. В. И. Силицын. Возложение рук. "Баптист", 1927, № 11.
20. Г. И. Шипков. Основание и созидание Церкви. "Баптист", 1927, № 9.
21. Проф.-прот. Н. Афанасьев. Эклезиология. Вступление в клир. П., 1968.
22. Его же. Церковь Духа Святого. П., 1971.
23. Устав Союза ЕХБ в СССР. "Братский вестник", 1980, № 1–2.
24. Вероучение ЕХБ (проект). "Братский вестник", 1980, № 4.
25. И. Гнида. Служитель в церкви. "Братский вестник", 1980, № 3.
26. А. Е. Клименко. О рукоположении пресвитеров и диаконов. "Сборник духовных статей", изд. ВСЕХБ, М., 1980.
27. Прот. В. Белоус. История баптизма в России – СССР и разбор его учения. Л., 1958 (Машинопись).
28. Е. Карманов. Священство, прообразы и действительность. ЖМП, 1962, № 4.
29. Архиеп. Михаил (Мудьюгин). Евхаристия и священство. "Богословские труды", сб. 21. М., 1980.
30. Прот. Л. Воронов. Православный взгляд на sacramентальную сторону священства. ЖМП, 1962, №№ 9, 10.
31. "Арнольдсхайн–IX", осень 1981 г. Доклады на собеседовании. См. ЖМП, 1982, №№ 1, 2.
32. Филарет, митр. Киевский и Галицкий. Поместная церковь и Вселенская Церковь. ЖМП, 1981, №№ 3, 4.
33. Прот. А. Шмеман. Таинство и Православие. Монреаль, 1965.

Михаил АГУРСКИЙ

УНИВЕРСАЛИСТСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В ЕВРЕЙСКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ МЫСЛИ

Существует широко распространенное представление о том, что еврейская религиозная мысль носит изоляционистский характер и совершенно лишена всякого универсализма. В глазах многих такое представление оказывается решающим аргументом в отвержении иудаизма.

Нет, конечно, сомнения в том, что христианство, например, *par excellence*, обращено ко всем народам земли и не связано с национальной принадлежностью человека, в то время как иудаизм рассматривается как исключительно национальная принадлежность евреев. Но эта упрощенная картина, являющаяся достоянием как христиан, так и многих евреев, неверна.

Несмотря на то, что в самом деле еврейская религиозная мысль во многих случаях носит исключительный характер, универсалистская тенденция всегда была сильна в иудаизме, но она отнюдь не понималась как примитивное миссионерство, имеющее целью насаждение иудаизма среди других народов.

Надо подчеркнуть, что универсалистские тенденции в иудаизме отнюдь не ограничены реформистским и консервативным иудаизмом. Такие тенденции есть и в ортодоксальном иудаизме.

Можно сослаться на такие имена, как Иегуда Галеви, Рамбам, Леон де Модена, Яков Эмден, Мойсей Мендельсон, Нахман Крохмаль, Самуил Гирш, Людвиг Штейнхейм, Элияху Бен-Амосег, Франц Розенвейг, Мартин Бубер, Абба Хиллель Сильвер, Хуго Бергман, Ганс Шопс. В современном Израиле это Давид Флюссер, Шалом Бен-Хорин, Пинхас Лапид, Андре Шураки, Зеев Фальк и другие.

С огорчением надо признать, что русским евреям вся эта тенденция практически незнакома. За редким исключением Мартина Бубера, еврейская религиозная мысль этого направления не переведена на русский язык. Вполне очевидно, что если бы она была доступна русским евреям, сфера и направление интеллектуальных интересов русско-еврейской интеллигенции сильно бы изменилось.

Я ни в коей мере не желал бы подорвать высокий духовный авторитет русской религиозной философии, являющейся в настоящее время основным источником философской мысли для русских

евреев, но было бы совершенно несправедливо считать еврейскую религиозную мысль несуществующей или отсталой на том лишь основании, что люди не знают о ее существовании. Можно даже утверждать, что эзотерический характер этой мысли способен вызвать большой интеллектуальный интерес и по-новому поставить вопрос о духовной ориентации русско-еврейской интеллигенции.

Здесь не место рассматривать историю еврейской религиозной мысли. Это титаническая задача, кстати сказать, никем еще не исполненная. Ограничимся немногим. Попытаемся показать лишь отдельные примеры еврейского религиозного универсализма в той мере, в какой он нашел выражение среди евреев России в XIX—XX веках. С этим связан и побочный вопрос: имело ли влияние на религиозных евреев то, что они около 150 лет жили на территории России?

Если искусственно ограничить русских евреев во времени и пространстве (что всегда является натяжкой, ибо евреи, где бы они ни жили, всегда сознавали себя частью еврейского народа в целом), то первым русским евреем, который стал поборником еврейского универсализма, а кроме того сближения с русским народом (сближения, но не слияния!), был Ицхак Бэр Левинзон (1788—1860). Он по праву считается родоначальником т. н. Хаскалы среди русских евреев, т. е. движения просвещения. Начало такому движению в принципе положил немецко-еврейский мыслитель Мойсей Мендельсон (1729—1786). На этом основании некоторые утверждают, что Левинзон был простым подражателем Мендельсона, а сам не внес ничего нового в еврейскую мысль по сравнению с Мендельсоном и такими его последователями, как, например, Нахман Крохмаль (последний жил в Австрии). Кроме того, Левинзона рассматривают как секулярного мыслителя, который виновен в последовавшей за Хаскалой волной ассимиляции.

Но все это неверно. Левинзон не подражал Мендельсону. Он исходил из глубоко понятых им потребностей русского еврейства и опирался на те же источники, на которые опирался Мендельсон. Если бы он подражал Мендельсону, то он прежде всего ориентировался бы на Германию и на немецкую культуру. Но для него ориентиром была не Германия, а Россия и русская культура.

Далее, в отличие от Мендельсона Левинзон всегда оставался в рамках иврита и в рамках еврейской ортодоксальной мысли. Он, правда, не был мистиком. Он являлся религиозным рационалистом. Его религиозная мысль отличается особым направлением, а именно богословским обоснованием исторической роли других народов и религий.

Так или иначе, на него, а не на Мендельсона, смотрело русское еврейство как на своего просветителя. В 1828 г. Левинзон опубликовал свою первую книгу "Теуда б'Израэль" (Свидетельство об Израиле), где он защищал мысли, которые для нашего современника кажутся тривиальными, но в свое время были совершенно революционными. В частности, опираясь на еврейскую же религиозную традицию, Левинзон доказывает необходимость изучения языка страны, в которой евреи проживают. О русском языке Левинзон говорил, как о языке очень мягком и богатом. "Ему присущи, — говорил Левинзон, — прелесть красок и все возможности возвышенных мыслей".

Не менее революционной мыслью для того времени был его призыв к изучению мудрости других народов, ссылаясь на использование греческой философии в Талмуде. В книге Левинзона содержится, вероятно, первая ссылка в еврейской литературе на книги на русском языке. Ею оказалась переводная книга "Всеобщая мифология сравнительная с историей" (1818), но потом любимым русским автором Левинзона оказывается Карамзин и особенно его "Письма русского путешественника". В своей следующей книге "Эфес дадим" (Довольно крови!), изданной впоследствии на русском языке под названием "Дамоклов меч", Левинзон восстает против кровавого навета, но делает это в совершенно необычной для евреев, даи христиан, форме, а именно в форме вымышленного диалога между гл. раввином Иерусалима Абрахамом Маймоном и патриархом греческой православной церкви в Иерусалиме. Это, по существу, первая попытка религиозного диалога между иудаизмом и христианством в России, причем предпринятая со стороны евреев. Левинзон говорит, что в принципе христиане должны относиться к евреям хуже, чем евреи к христианам, ибо происхождение христианства связано с распятием, в котором обвиняют евреев как народ, а у евреев происхождение их религии не связано с религиозным противостоянием христианству и уходит в глубину времени. Левинзон утверждает, что согласно иудаизму христианство не является идолопоклонством, что утверждают многие враги евреев, и что склонны разделять некоторые евреи.

Интересно, что диалог, предложенный русскому православию Левинзоном, не только не был принят, но даже вызвал подозрения. Стремясь воплотить в жизнь свою идею диалога иудаизма и христианства (точнее, православия), высказанную им в книге "Эфес дадим", Левинзон обращается в 1839 г. к архим. Христофору, ректору кременецкой духовной семинарии, находившейся в том же городе,

где жил сам Левинзон. Письмо было написано на иврите. Любопытен ответ Христофора:

“Письмо Ваше Вы прислали ко мне, — пишет Христофор, — на языке священном, пророческом. Я благоговею к сему языку, но, к сожалению, мало с оным познакомился в молодости и перевожу с оного только при помощи лексикона и не скоро”.

На этом диалог и закончился. Однако, министр Блутов пошел дальше и заключил, что книга Левинзона “Эфес дадим” может оказать вредное действие на православное духовенство.

В своей последней большой книге “Зерувавель”, как и все его книги, написанной на иврите, Левинзон предложил новую концепцию отношения евреев с другими народами, которая предполагает гармоничное религиозное сосуществование иудаизма и христианства. Дело в том, что еще в Мишне содержится идея о том, что религиозным долгом нееврея является лишь исполнение т. н. семи заповедей сынов Ноя. Этого полностью достаточно для праведности и для будущего спасения человека после пришествия Мессии. Эта концепция, хотя и не занимала центрального места в еврейской религиозной мысли, была неотъемлемой частью Талмуда, к которой евреи постоянно возвращались в периоды мира и благополучия, когда необходимо было обдумывать свои отношения с другими народами.

Однако, в наиболее примитивном истолковании концепции семи заповедей сынов Ноя содержалось как бы снисходительное отношение к другим народам, которые будто не нуждаются в более сложных религиозных системах, чем простая система запретов, ибо все заповеди сынов Ноя указывают, что *не* надо делать. Левинзон дал новое толкование этой концепции и, быть может, именно в этом и содержится его главный вклад в еврейскую религиозную мысль. Он утверждал, что семь заповедей сынов Ноя существовали еще до Синая, но на самом деле это не было просто *семь* заповедей. Это лишь основные принципы, из которых вытекают много других заповедей, которые, хотя и не высказываются в явном виде, но подразумеваются. Тора, полученная Моисеем на Синае, в большей своей части является лишь детализацией тех изначальных семи заповедей. Таким образом, нееврей, выполняющий семь заповедей сынов Ноя — “хасид” (праведник), и у него есть свой удел в будущем мире. Именно поэтому можно считать, что христиане выполняют большую часть предписаний Торы. Кроме того, Тора содержит часть заповедей, относящихся специфически к евреям, как, например, воспоминания об Исходе евреев из Египта и связанные с этим праздники и посты. Неевреи не совершали тех грехов, которые были

совершены евреями в пустыне, и им незачем из-за них поститься. Итак, заключает Левинзон, христиане — это “братья Израиля”, и у них есть удел в будущем мире.

Более того, согласно Левинзону, на тех семи заповедях сынов Ноя построены все мировые религии и философские системы. Именно поэтому Моисей изучал в Египте тайны египетской премудрости, которые проистекают из божественного источника. Такая же премудрость заключена в учении Зороастра и в мусульманстве. По мнению Левинзона, как греческая, так и римская мудрости также получена ими от евреев через расширенные семь заповедей сынов Ноя. Птолемей, Сократ, Пифагор, Аристотель питались, по его словам, еврейскими знаниями.

Левинзон не несет никакой ответственности за то, что впоследствии Хаскала приняла, в частности, и ассимиляционистский характер. В Хаскале всегда имелось религиозное направление, которое, однако, дало плоды значительно позднее. Дело в том, что Хаскала, через своих лучших представителей, постепенно проникла в казалось бы совершенно герметически закупоренные стены знаменитых литовских ешив. Проникновение Хаскалы в оплот еврейской ортодоксии ставило вопрос о том, чтобы еврейская религиозная мысль, оставаясь самой собой, вместе с тем впитала бы в себя лучшие достижения духовной жизни человечества. В самом деле, в стенах ешив, которые считались оплотом мракобесия, возникают интереснейшие и плодотворнейшие духовные течения, которые, к великому сожалению, не стали до сих пор достоянием русско-еврейской культуры. Именно из стен самой прославленной воложинской ешивы выходит центральная личность еврейской религиозной мысли в Израиле, главный раввин Эрец Исраэль с 1912 по 1936 гг. Абрахам Ицхак Кук.

Не может быть и речи о том, чтобы в краткой форме изложить основные идеи огромного наследия р. Кука. Стоит затронуть лишь его отношение к другим религиям и народам. Конечно, р. Кук не заходит в этом отношении так далеко как Левинзон, или же как раввины, прямолинейные последователи самого радикального направления в Хаскале, вроде московского раввина Минора, проповеди которого на русском языке, которые он произносил в московской Хоральной синагоге во второй половине XIX века, являются простым рационалистическим морализированием. Р. Кук — глубокий мистик и каббалист в отличие от рационалиста Левинзона. Есть основание полагать, что, будучи учеником воложинской ешивы, он принадлежал к небольшому кружку, который ставил себе задачу —

впитать в иудаизм все ценное, что имеется в современной духовной жизни.

Это отнюдь не было какой-то культур-трегерской задачей. В ней содержался глубокий мистический смысл, который может быть понят только на основе общих идей Каббалы. В самом деле, согласно Каббале, человеческое спасение и приход Мессии зависит от личных духовных усилий отдельных людей, которые должны мистическим способом освободить божественные искры, рассыпанные в материальном мире в результате предмирной катастрофы, от их материальной оболочки. Впитывание идей, возникающих в не-еврейском мире, есть не что иное, как мистическое освобождение искр, которые находятся повсюду. Разумеется, р. Кук никогда не мог ставить идеи, полученные извне, наравне с Торой, но тем не менее, "приобретение" их было исключительно важной целью. В этом свете следует понимать его отношение к другим религиям. Он резко возражал тем евреям, которые пытались отбросить остальные религии. Во всех религиях, по его мнению, были подлинные элементы. Всегда были люди, искавшие Бога и его путей в мире. Необходимо, поэтому, выявить то общее, что есть в других религиях, в зависимости от ступени их развития, и не бояться того обычного презрения и глубокой враждебности, которые гнездятся в душах против всего чужого.

Надо сказать, что в еврейской мысли символом христианства является Исав, а Ислама — Исмаил. Символы эти носят несомненно враждебный характер, вытекающий из библейского контекста. Однако, согласно р. Куку, братская любовь Исаву и Иакова, Исмаила и Исаака возьмет верх над враждой, вызванной злом, она превратит зло в свет и сострадание. Р. Кук был всегда огорчен изоляционизмом, развившимся в среде еврейского народа. Часто евреи становятся народом, сосредоточенным на себе, забывая, что их судьба — жить в широком человеческом обществе, внося в него свое и обогащаясь из него. Р. Кук видит две причины еврейского изоляционизма: 1) длительные преследования; 2) радикальные движения в духовной и практической жизни. Он верит, что религиозное разнообразие является законным и постоянным выражением человеческого духа. Различные религии должны не конкурировать друг с другом, а сотрудничать. Обычное богословие, говорит он, полагает, что различные религии обязательно должны противостоять друг другу. Но по достижении полной зрелости человеческий дух стремится возвыситься над конфликтами и противостояниями. Человек должен признать все выражения духовной жизни как единое

органическое целое. Конечно, это не стирает различие в уровнях религиозного выражения между более святым и менее святым. Но у каждого есть свое место в жизни. Каждое является путем, которым Бог пытается возвысить человека до самого себя. Религии могут служить друг другу как стимул, как модель для соревнования и оценки. Есть и элементы, которые одна вера может заимствовать у другой. Но в некотором фундаментальном аспекте каждая религия неразрывно связана с историческим опытом данного народа, так что вера, навязанная другому народу против его воли, остается чуждой его жизни.

Мы можем заметить здесь некоторую близость к взглядам на религию Уильяма Джеймса, однако, вместо философско-религиозного прагматизма Джеймса у р. Кука мы находим стройную религиозную философию.

Целью иудаизма, по словам р. Кука, не является поглотить или разрушать другие веры, но усовершенствовать их, стимулировать их к более высокому развитию, дабы они освободились от шлака и сами собой примкнули к корню Израилеву. Это особенно относится, по словам р. Кука, к религиям, "частично основанным на свете Торы Израиля", т. е. к христианству и мусульманству.

Конечно, р. Кук не считал христианство совершенной религией. Он утверждает даже, что оно возникло тогда, когда еврейский народ находился в состоянии тяжелого кризиса, в момент, когда вожди еврейского народа ушли далеко от еврейских идеалов. Он выдвигает следующий неожиданный упрек против христианства. Основатель христианства, говорит р. Кук, был "выдающейся харизматической личностью", но тем не менее он обвиняет его в том, что тот утверждал духовное влияние без предварительного упражнения своих учеников в существующей нравственной и культурной дисциплине. Поэтому, когда он послал этих учеников культивировать духовную жизнь, они быстро утратили свой еврейский характер и оказались отчужденными от дел и духа источника, из которого они возникли.

Спиритуалистический характер христианства, по словам р. Кука, резко ослабляет его сопротивляемость материализму, который набросился на него с необыкновенной силой.

Итак, мы видим, что р. Кук отвергает христианство как альтернативу иудаизму, но видит в нем часть органической и развивающейся духовной жизни человечества.

Р. Кук покинул Россию в 1904 г. и, как видим, не ушел оттуда с пустыми руками. Хотя он и не высказывал ничего специфического

о России как таковой, но его мировоззрение проникнуто и опытом жизни в этой огромной стране.

Белинков, кажется, уже предъявлял счет Ильфу и Петрову. Здесь подобает этот счет расширить. В самом деле, ведь это они превратили Бобруйск в посмешище, сделав его предметом страстных вожделений детей лейтенанта Шмидта. А тем временем в Бобруйске, в это самое ильфо-петровское время, жил один из самых замечательных еврейских мудрецов нашего времени р. Шмуэль Александров, близкий друг р. Кука по Воложину, где они вместе учились. Александров никогда не покидал Бобруйска, был духовной опорой многих раввинов во времена религиозных гонений двадцатых-тридцатых годов и был убит немцами в 1941 г. Как и р. Кук, Александров был мистиком и каббалистом. Для него величайшим авторитетом был легендарный создатель пражского Голема — Махарал, от которого он сам происходил, кажется, в двенадцатом колене. Будучи глубочайшим знатоком Талмуда и вообще еврейской религиозной литературы, Александров жадно впитывал современную философию, в т. ч. русскую религиозную философию, о чем переписывался с р. Куком. Любимыми его философами были Шеллинг и Владимир Соловьев. Последнего он называл мудрецом и "праведным человеком". Александров создал свою мистическую теорию отношений между народами, имеющую глубокие корни в Каббале. В Рае имеется два дерева: древо жизни и древо познания. Древо жизни является исключительным достоянием евреев. Это — Тора. Древо познания — достояние неевреев. К его плодам относится научно-техническое знание, философия, искусство и т. п. Исторический процесс приближения к времени Мессии заключается в мистическом обмене плодов древа жизни на плоды древа познания. Евреи, передавая миру плоды древа жизни, освящают нееврейский мир, получая от него взамен необходимые для жизни сведения и идеи.

Но все национальные различия по словам Александра будут уничтожены после прихода Мессии. Он особенно настаивает на том, что в эпоху атеизма иудаизм должен пользоваться христианской религиозной философией. Уже после революции, в двадцатые-тридцатые годы, будучи бухгалтером городского банка, Александров ведет оживленную переписку с другими раввинами, призывая их к стойкости в условиях религиозных гонений. Он умудряется издать волнующую переписку с раввинами Гутманом и Красильщиковым в Иерусалиме в 1932 г. Последняя его статья была опубликована в 1939 г. в США. Он был пионером самиздата.

Раввин Абрахам Хейн принадлежал к хасидскому движению Хабад. Он был сначала раввином Новозыбкова, а потом Нежина. Во время дела Бейлиса он опубликовал свою единственную брошюру на русском языке "Иудаизм и кровь", где подробно обсуждает отношения между евреями и другими народами. Он приводит место из Мидраша, где рассказывается о том, что в тот час, когда архангелы хотели воспеть хвалу пред творцом после перехода евреями Красного моря, Господь сказал им: "Творения моих рук тонут в море, а вы петь вздумали". Итак, погибшие египтяне, захотевшие остановить исход евреев, тем самым восставшие против воли Бога, оказываются предметом его глубокой скорби.

Р. Хейн подчеркивает места из Мидраша о том, что нееврею открыты те же врата для спасения, что и еврею. "Творец не отвергает никакого существа. Всех принимает. Ворота открыты во все часы. И кто хочет войти — войдет. Ибо так сказано: откройте ворота и войдет праведный гой. Не сказано — и войдут "каганы, левиты, израильтяне", но сказано — "праведный гой". По словам Хейна, иудаизм не только не прорывал никаких пропастей между народами и народом, человеком и человеком, не только не воздвигал между сынами разных наций и религий преград, он является первым активным разрушителем всяких национальных, сословных и исповедных преград. Но главная заслуга иудаизма, пишет р. Хейн (в этом отношении), — в том, что он устанавливает это безразличие не только в смысле права, но и в смысле признания абсолютной ценности этого принципа. Иудаизм, кроме того, говорит р. Хейн, отрицает различие между добрыми и злыми людьми. Есть зло, а не злые люди.

Можно было бы утверждать, что брошюра, опубликованная р. Хейном на русском языке, носила пропагандистский характер, будучи предназначенной для неевреев. Но вот перед нами собрание его сочинений на иврите, изданное в Израиле в 1958 г. известным религиозным издательством "Мосад Рав Кук". Это собрание сочинений состоит из статей, написанных на иврите и предназначенных только для еврейского религиозного читателя. Мы находим там удивительные вещи. Говоря о ценности человеческой жизни, р. Хейн считает нужным сослаться на ... Достоевского, который говорил, что если бы ему предложили выбор между смертью и стоянием на крошечном выступе скалы, круто обрывающейся в бездну, так что любое неосторожное движение привело бы его к падению в эту бездну, он не колеблясь бы выбрал жизнь. Ясно, что при желании искать образное доказательство ценности жизни р. Хейн мог бы найти его у каждого еврейского писателя. Ему вовсе не надо было

для этого прибегать к Достоевскому, хорошо известному своим антисемитизмом. Стало быть р. Хейн любил Достоевского, и именно его образы стояли перед ним в то время, когда он думал и писал.

Но более того, в другой своей статье р. Хейн, как это ни парадоксально, положительно говорит об идее праведности, достигаемой, несмотря на совершение греха из-за любви к ближнему, в той мере, в какой это показано в "Преступлении и наказании". Он прямо указывает на пример Сони Мармеладовой. Надо сказать, что эта идея вряд ли является органической частью ортодоксального иудаизма. Более того, в период борьбы с саббатянством, возникшим в XVII веке, идея святости, достигаемой через грех, была резко осуждена. Впрочем, здесь есть тонкое различие между грехом, который человек вынужден совершить ради любви к ближнему, и грехом как единственным путем к святости, который *нужно* совершить в любом случае.

Надо сказать, что и Достоевский, и р. Хейн имели в виду вынужденный, а не добровольный грех, совершаемый из-за онтологических соображений.

Между прочим, в русско-еврейской религиозной мысли идею *необходимости* греха ради святости открыто защищал Илья Эренбург в своих произведениях периода гражданской войны. В собственно русской религиозной мысли наиболее видной представительницей этого образа мысли была Ольга Форш.

Любовь р. Хейна к Достоевскому — прекрасный ответ тем антисемитам, которые хотят сделать этого великого писателя орудием вражды между народами.

Можно ни секунды не сомневаться в том, что р. Хейн знал все, что Достоевский писал о евреях.

С глубоким уважением относится р. Хейн к князю Кропоткину, вождю русского анархизма, которого он называет "святым нового мира". С глубоким состраданием относится он и к жертвам террора гражданской войны, особенно отмечая бессмысленное убийство Шингарева и Кокошкина. Важно и то, что р. Хейн был не только раввином в России. С 1939 г. он жил в Израиле и к концу своей жизни (он умер в 1958 г.) возглавлял влиятельную иерусалимскую синагогу "Ешурун".

Известный деятель религиозного сионизма в России, раввин Лейб Иегуда Дон Яхья, который переехал в Израиль из России только в тридцатые годы, до этого был раввином в Чернигове, был толстовцем и в своих синагогальных проповедях ссылаясь на Толстого.

Количество подобных примеров можно было существенно умножить, но уже сейчас можно сделать следующий вывод.

Конечно, было бы преувеличением утверждать (и это ясно видно из высказываний р. Кука), что весь современный иудаизм разделяет описанную универсалистскую тенденцию. Конечно, нет. Но он безусловно признает законность такого направления. Иудаизм плюралистичен, и каждый может найти в нем направление, соответствующее его склонностям и мироощущению. Ни в коем случае не следует идти на поводу у некоторых "новообращенных" в иудаизм русских евреев, не знающих еврейской религиозной мысли и желающих представить иудаизм как воинствующую религиозную систему, исключаяющую всякие контакты с внешним миром, представляющих отношение евреев с внешним миром, как смертельную схватку с Исавом. И тут, хотя такие тенденции и имеются в иудаизме, они не только не исчерпывают его, а принадлежат к его окраинным течениям.

Силл... 10 авг. 1909 г.

ПИСЬМА М. О. ГЕРШЕНЗОНА К В. В. РОЗАНОВУ

Москва, 8 мая 1909 г.

Многоуважаемый Василий Васильевич.

Сердечно благодарю Вас за книгу¹ и за надпись на ней. Да будут Ваши слова пророчеством! О книге вероятно напишу, но где именно, вперед не знаю: во всяком случае, тогда пришло. У меня к Вам две просьбы: 1) Пришлите мне адрес Столпнера² и "библиографию" Н. Леонидова, как обещали, и 2) Напишите для "Критического Обозрения" о книге Вольнского "О Достоевском", вышедшей сейчас новым изданием,³ напишите 6–7 тысяч букв и пришлите к половине августа сюда – т. е. по моему адресу. Книгу, т. е. это новое издание ее, купите, и, посылая рецензию, сообщите мне ее стоимость; эти деньги будут Вам присланы вместе с гонораром. Очень прошу Вас не отказаться. Спасибо за статью о "Вехах" и Мережковском;⁴ и по существу хорошо, а главное – чудесно было написано. В Вашем слогe совсем нет литературы. Только и есть такой язык – у Вас в Ваших лучших страницах, да в письмах Пушкина: чистый расплавленный сверкающий металл без всякой примеси, только что у Пушкина он более упруг, у Вас же льется жиже.

Летом с моря поеду в Петерб., если разыщу Вас, то зайду к Вам.

Жена кланяется Вам, а я жму Вашу руку, которая умеет так хорошо писать.

Ваш М. Гершензон.

Многоуважаемый Василий Васильевич,

Очень обрадовали Вы меня присылкой статьи о Вольнском;¹ я уже собирался напомнить Вам обещание. Я дважды с изумлением перечитал Вашу статью. Вы гениально нарисовали портрет Вол., так и просятся сравнения: Веласкес, Гойа, бесконечно хорошо; Вы большой художник. И в то же время я чувствую здесь – простите – что-то inferнальное. Подумайте: ведь это живой человек, он прочитает это, – каково ему будет? Весь Ваш удивительный талант был с Вами, когда Вы писали это, но дух любви Вас в эту минуту покинул; нет благочестия к лику человеческому, нет кровного родства с бедным человеком, или просто жалости. Но все верно поразительно и сказано так, что не забудешь. Я лично знаю Вольнского и могу судить. Моя жена, раз видевшая Вольнского издали, в восторге.

Ну, это мнения, впечатления; а как редактор отдела в Критич. Обозр. я должен сказать, что различные черточки, которые есть в Вашей статье, резко нарушили бы академический тон журнала, и просто мои товарищи по редакции ее не допустят в печать. Поэтому прошу у Вас позволения выпустить соответственные строчки (ни детей... одинокая кровать в Пале-Рояль, и пр.) – их немного – и, если хотите, я пришлю Вам заблаговременно корректуру статьи, чтобы Вы могли видеть, что я выпустил. (Также о и Вене и Турине [?]).

По существу я, разумеется, не выпущу в статью и не изменю ни слова, хотя и нахожу противоречие между началом и концом, ибо чему же можно научиться из такой головной книги, какую Вы избражаете книгу Вол. о Достоевском? Но тут я не вмешиваюсь.

Я не писал о Вас, а только один раз в рецензии В. Евр. упомянул о Вас, как о первом, кто у нас во всей глубине раскрыл вопросы пола.

Ответьте мне, пожалуйста, в Москву (Арбат, Никольский пер., 19). Критич. Об. конечно будет Вам посылаться. Из-за холеры жена не пускала меня в Петерб., но надеюсь зимою побывать.

Преданный Вам М. Гершензон.

Да, о письмах Эртеля:² непременно пришлю, как только вернусь в Москву.

М. О. Гершензон (1869–1925) историк русской культуры и мыслитель.

Москва, 7 сент. 1909 г.

Милый Василий Васильевич,

Конечно, я Вас не разлагаю, а беру таким, как Вы есть, и таким люблю. Сближения с П.,¹ в чем Вы теперь извиняетесь, я даже не заметил, но было другое: Ваше отношение к евреям, страх перед ними, как Вы выразились. Дело не в еврействе; тяжело мне видеть в Вас, что Вы чувствуете национальность, что я считаю звериным чувством. Я уверен, что в чистые Ваши минуты Вы не позволите себе этого, и если у Вас так написано, то именно тогда, когда "отрезали пуговицы", и именно не только у жилетки, но и пониже, — и вышло некрасиво. Позвольте сказать так: Вы — красавица, и я, как вижу Вас, люблюсь; и вот Вы неосторожно показались мне не в аванжном виде, — конечно, меня передернуло.

Низко кланяюсь Вам за умный и дружеский совет, и буду его помнить. Но зачем Вы пишете мне лестные слова? и откуда Вы знаете, почти не читав меня? Вот, если случится прочитать что-нибудь мое, напишите мне, что в нем плохо, что дурно выражено, как надо писать: вот за это буду глубоко благодарен.

Статью Вашу о Вол. мы с редактором Крит. Обозрения обдумывали и обдумывали (ему тоже крепко понравилось), и все-таки в трех местах вычеркнули "личности". Рукопись Вам верну, и на днях получите первые 4 книжки журнала, а погода и гонорары. Как Вы написали гениально портрет Волынского, так Вы должны были бы увековечить для потомства, в таких же литературных портретах, и другие лица, в которых история наших дней. Напишите так же Суворина,² Меншикова,³ Буренина,⁴ наших Булгакова, Мережковского⁵ и кого еще хорошо знаете, — и оставьте рукопись, чтобы напечатали после Вашей смерти.

Ваш фельетон об Азефе читал.⁶ Вехи⁷ вот как идут: 10 тыс. экз. продано, от 3-го изд. уже ничего не осталось, печатаю 4-ое с матрицы, потому что спрос не падает. Это — с 16 марта.

Преданный Вам М. Гершензон.

Москва, 18 января 1912 г.

Многоуважаемый Василий Васильевич,

Ежели бы не Вы, а кто-нибудь другой приписал мне такой образ мыслей, какой Вы приписали мне, я бы просто не ответил. Но Вы особенный человек; в Вас, в Ваших писаниях, так перемешаны чистое золото сердца с шлаком самой наружной, самой материальной периферией человеческого существа, как ни в ком другом. И в этом письме, что Вы мне написали, — то же самое: слышу необманный голос, но тут же все звериные голоса и вдобавок, простите меня, нелепости, ни дать ни взять как те утверждения Грингмута,¹ что русскую революцию делали масоны или евреи на японские деньги. Но ради того необманного Вашего голоса хочу ответить на Вашу мысль.

Отвечаю Вам по чистой совести: ничего даже отдаленно похожего на то, что Вы пишете, я не думаю о своем писании. У меня не только нет вражды к русскому духовному началу, но есть очень большое благоговение к нему, преимущественно пред всеми другими национальными элементами (возможно потому, что их я гораздо меньше знаю). Да иначе, как Вы легко поймете, мне было бы просто несносно, не по себе копать в исторических проявлениях русского духа — чем я занят столько лет; мое писательство было бы мне не отрадой, а мученьем, — зачем же я стал бы себя мучить? Уж именно не для денег, которые писательство дает мне меньше, нежели сколько дала бы любая иная специальность.

Я не скрываю от себя, что мой еврейский дух вносит чрез мое писательство инородный элемент в русское сознание; напротив, я сам ясно сознаю: иначе не может быть. Но я думаю, что жизнь всякого большого и сильного народа, каков и русский народ, совершается так глубоко самобытно и неотвратимо, что сдвинуть ее с ее рокового пути даже на пядь неспособно не только экономическое или литературное вмешательство евреев, засилие немцев и пр., но даже крупные исторические события 1612, 1812, 1905 гг., исключая разве величайших, вроде древних завоеваний. Это как доменная печь: что ни бросить в нее, либо сгорит и ускорит выплавку, либо улучшит качество металла. Все это — и участие евреев, и все подобное вообще — ничтожно по количеству сравнительно с самой народной жизнью; посторонняя примесь может стать опасной для народа,

только если она количественно не довлеет его, как это случилось по завоевании Англии норманнами; но это уже и есть одно из тех величайших исторических событий, в которых перст Божий.

С евреями в России этого нет и не может случиться. Поэтому, возвращаясь к писательству, я думаю, что участие евреев в литературе не представляет ни малейшей опасности для самобытной жизни русского народа (становясь на Вашу точку зрения). Об этом смешно и говорить. И всего-то литература не много значит в огромной тысячелетней работе народного духа, много ли же вреда может принести ему еврейское писательство, даже если признать его вредным?

Я думаю дальше, что всякое усилие духа идет на пользу людям, каково бы оно ни было по содержанию или форме: благочестивое или еретическое, национальное или нет, если только оно истинно духовно; постольку же идет на пользу русскому народу всякое честное писательство еврея, латыша или грузина на русском языке. Больше того: я думаю, что такая инородная примесь именно "улучшает качество металла", потому что еврей или латыш, воспринимая мир по-особенному — по-еврейски или по-латышски, поворачивают вещи к обществу такой стороной, с какой оно само не привыкло их видеть. — Вот почему, сознавая себя евреем, я тем не менее позволяю себе писать по-русски о русских вещах. Это — сознательно, т. е. я в мыслях, назад и вперед, оправдываю свою работу. А пишу я каждый раз потому, что мне этого хочется, т. е. вот сейчас по ходу моих мыслей хочется читать о Пестеле,² и думать о нем, и потом написать, а вчера потому же хотелось читать славянофилов и писать о Киреевском.³

А что Вы "плачете" о России, этого я не понимаю. Можно скорбеть о пошлости, пустоте, своекорыстии всех этих адвокатов, газетчиков, политиков, профессоров — правых и левых, — среди которых мы живем, можно также скорбеть о *положении* России (голод, безземелье, бесправие и пр.), но о России бывший историк должен бы правильнее думать. Да это, я думаю, так, минута в Вас такая. По природе Вы благословляете мир и все видите в радости; да вот расстроились нервы, или переутомление, и хочется поворчать или пожаловаться. О Николае I Вы неверно у меня прочитали: я как раз оспариваю мнение, что он "покупал" декабристов. Может, неловко выразился.

Печерина⁴ я скажу на складе, чтобы Вам послали; и прошу у Вас одолжения: я велю послать Вам 2 экземпляра, Вы же, будьте

так добры, передайте, пожалуйста, при случае второй экз. В. А. Тернавцеву,⁵ которого я издавна книжный должник.

Ваш М. Гершензон.

Дикий Вы человек, Василий Васильевич, получите Ваши два рубля обратно. Буду скоро в Петерб., зайду к Вам побраниться. Вы решительно изображаете меня немчиком, ganz akkurat, — а ведь Вы ни меня не знаете, не читали моего, почему же Вы судите? И сепитизм не так прямолинеен и рационален, и Россия не в "бабище дебелой и румяной". А что Вам дорога историческая складка над бровью или бородавка, это потому, что Вы художник, и в этом Ваша правда и сила. Ну, всего не напишешь.

Ваш М. Гершензон.

Москва, 8 марта 1912 г.

Удивительный Василий Васильевич, три часа назад я получил Вашу книгу,¹ и вот уже прочел ее. Такой другой нет на свете — чтобы так без оболочки трепетало сердце пред глазами, и слог такой же, не облакающий, а как бы не существующий, так что в нем, как в чистой воде, все видно.* Это самая нужная Ваша книга, потому что поскольку Вы — единственный, Вы целиком сказались в ней, и еще потому, что она ключ ко всем Вашим писаниям и жизни. Бездна и беззаконность — вот, что в ней; даже непостижимо, как это Вы сумели так совсем не надеть на себя системы, схемы, имели античное мужество остаться голо-душевым, каким мать родила, — и как у Вас хватило смелости в XX веке, где все ходят одетые в систему, в последовательность, в доказательность, рассказать вслух и публично

* и вместе трепетный, как самое сердце.

свою наготу. Конечно, в сущности, все голы, но частью не знают этого сами, и уж во всяком случае, наружу прикрывают себя. Да без этого и ведь нельзя было бы; если бы ведь заходили так, как они есть, житья не стало бы. Но Вы не как все, Вы действительно имеете право быть совсем самим собою; я и до этой книги знал это, и потому никогда не мерил Вас аршином морали или последовательности, и потому "прощая", если можно сказать тут это слово, Вам Ваши дурные для меня писания, просто не вменял, о стихия! а закон стихий беззаконие. Чем старше становлюсь, тем легче иду на исключения. В 21—25 лет для меня Пушкинская ясность была каноном поэзии, а теперь вот я признаю за Вяч. Ивановым² право писать непонятные стихи, потому, что, кажется мне, он — Божьей милостью. Так и Вы. Божьей милостью.

А на другой день, в понедельник, встретился я у Вяч. Ив. со Столпнером; я его здесь в первый раз увидел, и долго говорил с ним о Вас, и осуждал его, что он отстранился ради "морали". Мог бы, кажется, стать выше морали. — Напрасно Вы не вставили в книгу статейки, которая была несколько лет назад в "Северных цветах", кажется; еду на извозчике, вынимаю портсигар, чтобы закурить и пр. Это одна из лучших Ваших страниц. Я Вас с нее и узнал.

Ну, будьте здоровы, и Вашей жене от души желаю для нее и для Вас совсем поправиться. Прошу Вас передать ей мой привет. Она мне была очень симпатична.

Ваш М. Гершензон.

7

Москва, 26 декабря 1912 г.

Как же так, Василий Васильевич: получив 2-е издание Людей Лунного Света, я написал Вам; значит, письмо пропало. Еще я спрашивал там, кто это умница писал Вам письмо, напечатанное в Приложении. Потом узнал, что это Флоренский.³

Это правда, что Вы пишете: Ваши писания о евреях делают мне очень больно. И главное их тон. Вы меня простите: я не верю в Вашу искренность здесь, в этом пункте. Я думаю, что евреи, вся масса нынешних русских евреев, для Вас просто не существует, и

Вы к ним так же равнодушны, как ко всякому небытию [?], как к прошлогоднему снегу. Вы ее не видели, Вы знали только несколько человек, по которым не могли судить — и так дурно, о целой расе. Вы не видели также ее эксплуатации, конечно, Вы можете на этот счет верить другим, или печатному, но тогда Вы бы стали с равным озлоблением нападать и на полицию, которая взятками высасывает народ и т. д., — а главное на водочную монополию, которая ведь — этого не будет отрицать самый заядлый юдофоб, есть главный эксплуататор русского народа, страшнейшая из всех его язв. Значит, и не эксплуатация Вас восстанавливает против евреев. Я думаю, что дело не в осязаемом или зримом чем-либо, что дело в каком-то невесомом элементе еврейского духа, который Вам глубоко претит и заставляет ненавидеть весь этот дух; может быть, эта четкая рассудочность, членораздельность рассудочного еврейского ума (так странно сочетающийся с восточным голосом [?] и [?]), может быть что-нибудь другое, но это во всяком случае тоже психическое и только психическое. Но тогда — будьте же последовательны: такое чувство дает Вам право говорить только о психическом вреде еврейства, а не о еврейском насилии или эксплуатации; и тут, став на эту, для Вас единственно правильную точку, Вы бы тотчас поняли, что и об этом вреде Вы [?] и не вправе говорить. Как может отдельный человек своим рассудочным мышлением судить о полезности или вредности целого душевного организма как дух расы? Тут все значит целое, а выделять элемент из такого целого и оценивать этот элемент в отдельности ведь грубее нет ошибки. Да приложить к Вам: Вас можно любить только как целое, а отдельных черт в Вас множество таких, что за каждую отдельную Вас можно и должно ненавидеть (что и делают по неразумию многие); то же самое с Вашей, с моей женой, со всяким человеком. Муж и жена только тем и держатся в любви, что ценят друг друга как неразложимое целое, а чем человек мне равнодушнее, тем легче мы сбиваемся на расценку (рассудочную) его отдельных черт. Это с отдельным человеком. А дух целого народа еще много сложнее. В огромный котел сложнейшего химического состава в психику русского народа — вливается струя другого, не менее сложного состава еврейская; какой разумный человек решится сказать, что получится в результате этой безумно сложной химической реакции? Неприятная Вам черта еврейства — за один элемент в отдельности притом и не существующий, даже об этом одном элементе [?] Бог один может судить, вредную или полезную реакцию он произведет в русском народе; а о действии всего влияния кто может судить? И выходит, по-моему

по крайней мере, что о вещах такого большого исторического калибра, просто невозможно мыслить; это в мириады раз превышает силы нашего ума. Да и то сказать: так ли это важно? котел-то огромный, а еврейская струя по сравнению с ним очень мала, и льется в котел много других еще струй — и бесчисленные западные влияния в виде сношений личных, торгового обмена, литератур, и два десятка русских инородческих национальностей кроме евреев. Если химическая основа крепка — все претворится в нем на благо, будет чудный, чистый, расплавленный металл и нездешние руки в нездешней форме отольют из него колокол со всемирным ясным благовестием. В это я верю. Будет колокол не хуже, а вероятно и лучше того, который звучит донныне нам в песнях Гомера, в еврейской Библии, в сказаньях о Назоне, Сципионе и Гракхах. И Вы не беритесь судить о правильности Божьего дела: в таких, повторяю, великих явлениях, как стихийное влияние миллионов людей на миллионы других людей, мы не судьи. Так что я думаю 1) что Вы только по заблуждению пишете о засилии евреев: оно для Вас безразлично, Вы его не знаете и пр., а суть — в Вашем отвращении к каким-то чертам еврейского духа; 2) об этих чертах Вы можете сказать только, что они Вам противны, но никак не вправе утверждать, что они искажают русский народный дух: этого вы просто не можете знать. И от этого недоразумения и непоследовательности вашей происходит то, что тон Ваш в Ваших еврейских статьях — нехороший, фальшивый, мелочно злой. Не говорю уже о бесчеловечности этой травли; масса еврейская живет в такой страшной нужде, в таких нечеловеческих страданиях, что травить на нее правительство еще и еще большой грех; но это Вас не может трогать, раз Вы чувством не любите евреев и физически не осязаете их присутствия, а только присутствие их психики.

Я написал Вам азбучные истины, но для меня совершенно подлинные, и мне тоже очень больно думать, что прочитав это письмо, Вы даже не подумаете о нем, а просто без всякой мысли об этих вещах завтра возьмете перо и по привычке напишете дурную (потому что не обдуманную и не прочувствованную) статью о вреде евреев. Вам стоило бы минуту [?] подумать, и Вы навсегда отказались бы писать об еврейском вреде; но Вы не даете себе труда подумать. Есть у меня знакомый князь, молча глубоко гордый своим княжеством; он говорит: "я монархист, и не хочу об этом вопросе даже сам с собою думать". Так и Вы, но тот по бессознательному крепкому чувству, а Вы, мне кажется, только по лени:

дескать, не стоит усилия. Вы бы, если бы подумали, поняли бы в этом деле не только мое, но и много больше моего.

Ваш М. Гершензон.

Вам будет приятно узнать, что "Путь" решил, по моему предложению, издать полн. собр. соч. любимого Вами Аполл. Григорьева;⁴ я же буду редактировать. Ежели Вы знаете какие-нибудь неизданные материалы, укажите мне пожалуйста.

Москва, 6 января 1913 г.

Милый Василий Васильевич, Ваше письмо я получил, но наш спор ни к чему. Вы не хотите или не можете слушать, Вы наглухо заперлись в своей фантастике от здравого смысла, от человеческого чувства, от всего, что может внести свет в ее тьму. Ваши рассуждения о евреях так нереальны, что для меня ни на минуту не возникает сомнения: пружина Вашего поведения — не в Вашей логике, — а в чем-то психологическом. И если бы Вы дали себе труд углубиться, — Вы бы нашли этот психологический узел, и тогда все Ваше отношение к евреям распуталось бы; я не говорю — улучшилось бы, — этого я не могу знать, — но уяснилось бы. Рочко говорил мне о Вашей теории содомизма, — но это еще большая фантастика, безнадежная.

Рочко был у меня, потом принес свои две статьи. У него, по моему, сильный писательский темперамент, он мыслит своей головой, и ярко. Беда его в том, что у него, как у мухи, сто глаз; а чтобы быть большим писателем, надо ослепнуть на 98 глаз, и чтобы осталось только два, больших, как у бегущего паровоза ночью. Он еще молод; если жизнь оглушит его здоровенным ударом извне или изнутри, он ослепнет и прозреет на два глаза; а иначе — из него выйдет, как мне кажется, философский Чуковский.

Кстати: он приносил мне Вашу книжку о Суворине, но я успел прочитать только часть. Если у Вас есть свободные экз., пришлите мне. Об Ап. Григорьеве пожалуйста не забудьте; расспросите тех, кто может знать его неизданное.

Ваш М. Гершензон.

Москва, 12 апреля 1913 г.

Сердечно благодарю Вас за книгу, Василий Васильевич. Трудно мне с Вами говорить, но о книге скажу. Вы сами знаете, что книга Ваша большая книга, что, когда будут перечислять те 8 или 10 русских книг, в которых выразилась самая сущность русского духа, не миновать будет назвать "Опавшие листья" вместе с Уедин. Но вот, сверх того, мое частное впечатление. Ценность этих двух Ваших книг в тех крупницах *подлинного*, которые в них есть. Но в них есть и не-подлинные частицы; не знаю, что это: игра с собой, соблазн эксцентричности или что-то другое, но чувствую *твердо*. Скажу так: Вы запускаете руку в мешок, и оттуда, из тьмы душевной, вынимаете орехи и подаете мне, читателю; я раскалываю — спелый полный орех, ем — орех, несомненно; но на 5 орехов настоящих — шестой — имитация, не отличишь на вид: *из картона!!* Откуда он в мешке? И главное, как Вы в мешке, ошупью, не узнали его, взвешивая в руке? Ведь он пустой, легкий. Вот мое впечатление. Но подлинного много, и оно горит и жжет.

Удивительно хорошо все, что Вы говорите о Вашей жене, и она сама, и о Ваших девочках, и они сами.

Ваш М. Гершензон.

10

[начало письма утеряно]

Чудо как хорошо. Вот приеду в Петербург и поговорю с Вами. Но мне непонятно, как Вы при этой подлинно глубокой наивности так хорошо видите свою наивность, т. е. самоощущаете свою непосредственность. Первое мое чувство по прочтении было, не скрою от Вас, — *philosophus* [?] но это неверно, здесь особая сложность души, неисследимая и не подлежащая размышлению.

Простите, что в прошлом письме забыл написать Вам адрес Ветринского (Вас. Евграф. Чешихин¹). Вашу рукопись сегодня пошлю ему заказным.

Вот Вам комплимент: когда я кончил читать вслух Вашу рукопись и взглянул на жену, она сидела вся каменная и пунцовая в лице; значит, всю ее захватило.

Весь Ваш М. Гершензон.

ПРИМЕЧАНИЯ

Письмо 1.

1. Вероятно, "Итальянские впечатления", вышедшие в 1909 г. в типографии Суворина, VIII+318 стр. Рецензии о ней Гершензон не написал.
2. Столпнер Борис Григорьевич (1871—1967), философ, переводчик Гегеля, Рихтера, Гомперца и др.
3. Рецензия появилась в пятом (сентябрьском) выпуске "Критического обозрения", стр. 37—42. Перепечатываем ее ниже.
4. Речь идет о статье "Мережковский против Вех" (Последнее религиозно-философское собрание), появившейся в "Новом Времени", № 11897 от 27 апреля.

Письмо 2.

1. Волынский (Флексер) Аким Львович (1863—1928), критик, искусствовед, руководитель журнала "Северный вестник", автор многочисленных книг: "Русские критики" (1896; втор. изд 1907), "Царство Карамазовых. Лесков" (1901), "Книга великого гнева" и т. д.
2. Письма писателя А. И. Эртеля (1855—1908) вышли под ред. и с пред. М. Гершензона прим. В. Г. Черткова), Москва, 1909, 409 стр.

Письмо 3.

1. Вероятно, с К. Победоносцевым.
2. Суворин Алексей Сергеевич (1844—1912), крупнейший русский журналист, редактор, издатель с 1876 г. газеты "Новое Время", достигшей миллионного тиража. О Суворине Розанов написал некролог в "Новом Времени", № 13081 от 12 августа и № 13083 от 14 авг. 1912 г., затем издал его письма к себе.
3. Меньшиков Михаил Осипович (1859—1918), журналист, сотрудник "Нового Времени".
4. Буренин Виктор Петрович (1841—1926), поэт-юморист, сотрудник "Искры" и "Современника", а с 1876 г. член редакции "Нового Времени", где еженедельно печатал "Критические очерки".

5. Булгаков Сергей Николаевич (1871–1944), Мережковский Дмитрий Сергеевич (1866–1943), философы-идеалисты. Ни о ком из упомянутых Гершензоном лиц Розанов так и не написал.
6. Об Азефе Розанов писал неоднократно. Гершензон имеет в виду, вероятно, фельетон "Между Азефом и "Вехами", напечатанный в "Новом Времени" № 12011 от 20 августа 1909 г.
7. "Вехи" – "сборник, в котором семь писателей объединились в критике господствующего интеллигентского, материалистического или позитивистического обоснованного политического радикализма". (С. Л. Франк) – был крупнейшим литературно-общественным событием весны 1909 г. Идея и инициатива "Вех" принадлежала М. О. Гершензону, хотя, по своим идейным воззрениям, он был довольно далек от других участников сборника (П. Б. Струве, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, Б. А. Кистяковский, А. С. Изгоев).

Письмо 4.

1. Грингмут Владимир Андреевич (1851–1907), публицист консервативного направления. Сын педагога, выходец из Германии, родился в Москве. В 1876 принял русское подданство и православие. В "Русском Обзрении" под псевдонимом Spectator вел политическую хронику и писал критические статьи. Сотрудник, а с 1897 г. редактор "Московских Ведомостей". Сборник статей в 4-х томах было издано в 1907 г. В 1910 г. опубликован "Блокнот проф. Баррикадова", сатира, направленная против П. Н. Милкова, кадетов и евреев.
2. Пестель Павел Иванович (1792–1826), герой Отечественной войны и последующих сражений, полковник, один из учредителей "Союза Благоденствия", автор республиканской хартии "Русская Правда", участник декабрьского восстания, один из пяти казненных заговорщиков. О Пестеле Гершензон не написал, но его перу принадлежит книга о декабристе Кривцове и очерк о генерале М. Орлове.
3. Киреевский Иван Васильевич (1806–1856), вместе с Хомяковым основоположник славянофильства. Гершензон издал единственное до сих пор двухтомное собрание сочинений Киреевского, а также написал о нем очерк.
4. Книга Гершензона "Жизнь Печерина" вышла в 1910 г.
5. Тернавцев Валентин Александрович (1866–1940), деятельный участник религиозно-философских собраний.

Письмо 6.

1. ...Вашу книгу... – речь идет об "Уединенном".
2. Иванов Вячеслав Иванович (1866–1949), поэт-символист, ученый и критик.

Письмо 7.

3. Флоренский Павел Александрович (1882–1943), разносторонний ученый, священник и богослов, близкий друг В. В. Розанова.

4. Издание собрания сочинений критика и поэта Аполлона Григорьева (1822–1864) осуществлено не было.

Письмо 10.

1. Чешихин (псевд. Ветринский) Василий Евграфович (20.XII.1866/1.I.1867, Рига – † 29. X. 1923, Москва). Историк русской литературы, публицист народнического направления.

А.А. ВОЛЫНСКИЙ. — Ф.М. Достоевский. Критические статьи.*

Ни в чрезвычайном трудолюбии, "прилежании", ни в огромной начитанности, в избираемых им областях, ни в уме, логическом и философски настроенном, — во всех этих залогах успеха и влияния никто не откажет г. Волынскому. К этому можно прибавить настоящую и редкую жемчужину. Г. Волынский, не будучи русским по крови и вере, с таким энтузиазмом и так давно положил свою душу к подножию идеалов страны, ему не родной, что, поистине, явил собою одно из великих доказательств всемирного братства народов, всемирного единства духа. Нужно читать его обширный (целый том) критический разбор Лескова, чтобы увидеть, как проникновенно и *свято* он воспринял незаметнейшее, скромнейшее в русских идеалах, в русских старых заветах, — как самое в них важное и дорогое. Он поклонился перед русским смирением, перед русскою тихостью, перед русскою неспорчивостью, перед русскою уступчивостью — все черты, казалось бы, пассивные и отрицательные — как перед самыми великими чертами человечности: как англичанин преклоняется перед свободою и римлянин перед мужеством, француз перед "просвещением" и эллин перед святынями своих Акрополей; прямо, — он сделал себя "сторожевым псом", лающей собакой этих тихих и незаметных любимых русских вещей. И его больно ударили за них, а он больно кусался и громко лаял у ворот чужого дома. В литературной судьбе Волынского есть что-то не эстетическое, и сам он не эстетичен; но в высшей степени героичен. И вот уже многие годы прошли. Много трудов он написал, можно сказать "наворотил", так они толсты. Разобрал и изложил всех русских критиков, — как никто до него, до ниточки; разобрал Лескова; теперь вот разобрал Достоевского; все — до ниточки. Он все делает "до ниточки" И... (стр. 37).

И — ничего.

Никакого влияния. Никакого значения.

Просто — точно не родился в русскую литературу.

Точно "Волынский не приходил в русскую литературу".

* Второе издание. СПб. 1909.

А такое событие было.

Он чист и строг как резиновая калоша, только что купленная в магазине Американской мануфактуры. Блестит и непопран. И до него никто не дотрогивается. Вот в этом и заключается причина его непонятной судьбы. Он не вошел в "русский обиход", не завертелся в "русском колесе", не поехал с "русскою телегою". До такой степени положила все к подножию русских идеалов, он сам — не русский.

В духе своем.

В стиле своем.

Во всей литературной деятельности.

Можно подумать, что он полюбил так русские идеалы не по закону сходства, а по закону контраста. То, что он полюбил в русских как величайшую их "святость", сводится к тусклости или "не вознесенности" личного я. Римляне имели "орлиные носы", с горбом и большие: русский носик небольшой, картошкой, с переимочкой около носа, но что-то милое образуется в мягких чертах около этой переимочки, около глаз и верхней части щек. Волынский все и хвалит вот эту "переимочку": "лучше Афродиты Милосской, неслыханное, невиданное". Но, взглянув на его лицо, мы замечаем, что у него тоже нет "переимочки" и нос римский. Переносно говоря, он правдиво и *слезно* поклонился перед русскою безличностью, в хорошем, *святом*, ее смысле. Ибо, в самом деле, что наши лица перед Богом? — "тают яко воск". Но *в самом* в нем огромное и гордое лицо уединенного человека, не любящего общества, не идущего к обществу.

Гордое римское или, вернее — иудейско-эллино-римское лицо — запело гимн русской простоте, русской безличности. Тут в самой теме и в самом поющем — трагедия: вышло что-то умное, ученое, бесплодное. В Волынском поразительна эта неплодоносность. Нет плода. Сочинений (стр. 38) много, а плода нет. И чтобы кончить сравнения, я скажу, что вид необразованной (конечно!) России и трудящегося в русской словесности Волынского являет что-то похожее на сухую, колючую, жесткую смоковницу, "на которую даже птица не садится", чтобы не наколоться, среди необозримой солончаковой пустыни, где ни зверь не бегаёт, ни человек туда не заходит.

Можно было бы хоть постараться усвоить Волынского. Постараться для этого. Почитать. Ведь стоит.

Но русские, как известно, не учатся. "Сами талантливы".

Море русского свинства залило Волынского: ученость его, героизм его, энтузиазм его.

Вот ужасная действительность, в обстоятельствах которой погибло или лучше сказать и не родилось существо Вольтерского. Я накидываю дело, как оно есть, и если несколько грубо выходит, то ведь как бесплодна сама эта действительность, как грубо существо самого дела!

Несмотря на то, что Вольтерский "наворотил горы печатной бумаги", — все это будет однако просачиваться в наше сознание, в русскую совесть и русскую осведомленность по чайной ложечке, как лекарство. Но будет. И лет через 15–20, а во всяком случае, через 30, — Вольтерский сделается "обыкновенным русским писателем" — "всем известным". Тогда он будет признан, как ученое, правильное, в высокой степени добросовестное зеркало, отразившее в себе русскую литературу, — несколько с сухим и искусственным блеском.

В этом медленном просачивании книга его о Достоевском должна сыграть большую роль. И просто тем, что она — нужна. Нужна гимназисту, нужна курсистке, нужна ученому — при чтении или при изучении Достоевского. Вольтерский везде фундаментален, он нигде не скользит. И такой писатель "настолько" нужен при ознакомлении с соответственным предметом, а с Достоевским, слава Богу, у нас *начинает* знакомиться широкая публика, хотя народным, как Толстой, он еще не сделался и от этого далеко по трудности и утонченности идей Д-го. С Д-м и вслед за ним шевельнется колесо и больших критиков его, между которыми — Вольтерский. После книг Вольтерского, Шестова ("Достоевский и Ницше") и Мережковского ("Л. Толстой и Достоевский") просто невозможно читать Добролюбова или Белинского: и здесь кстати вообще заметить, до чего новейшая критическая работа, встреченная таким предубеждением, отодвинула вдаль и закрыла собой, похоронила перед собою, корифеев старой критики, от Белинского до Михайловского. Похоронила, и не воскреснуть им, как просто слишком наивным...

По языку, по силе экспрессии, Вольтерский в критике Достоевского не стоит в уровень с предметом. Он слишком вял для Достоевского; как человек западной образованности, слишком "корректен" для него и лишь умом, а не манерой собственного писания, не изгибами собственного сердца усвоит и передает Достоевского. Несмотря на великую его любовь к Достоевскому, на "культ" его — все же об этом благоразумном и воздержанном римлянина следует сказать, что он стоит мещанином около великого пьянства аристократа — Достоевского, жида — Достоевского. Начиная с Гоголя и вот входя в Достоевского, в русскую стихию хлынула

грязная и могучая "жидовская" волна с Мертвого моря, с чистых ли вод Геннисаретского озера, не знаем: но явно *не* арийская и *анти*-арийская, какая-то восточная, азиатская, с этим перламутровым отблеском, которым покрываются вонючие лужицы и черное богатство нефти. Ни Гоголь, ни Достоевский не суть арийцы по духу: как эта странность произошла — необъяснимо; но как *факт* — она когда-нибудь будет признана. Ни Гоголь, ни Достоевский, несмотря на великий культ к Пушкину — не имеют ничего в себе пушкинского, и, в сущности, совершенно "выели" (как выедает кислота) пушкинскую стихию в русском сознании, пушкинскую ясность, пушкинский покой, пушкинское счастье. "Съели наше счастье" великие русские мистики, начиная от Гоголя. И повели к тем тревогам духа, к каким вели Палестину ее "пророки" и Рим повел ап. Павел. Вот "Павлова начала" очень много в них: спокойный, почти юридический Вольтерский при всех усилиях никак не может этого *художественно* схватить и передает, и передает Гоголя сухою, резонирующею мыслью. Ни с чем так, как с резонерством, не борется Вольтерский: но сам он постоянно — резонер! Книга его о Достоевском в высшей степени основательна: типы всех Карамзовых, Ник. Ставрогина, князя Мышкина, Настасьи Филипповны, Катерины Ивановны изучены и разобраны у него до ниточки. Как и везде у него "до ниточки". Он только сам в себе имеет мало этой карамзовской "породы", мутно-порочно-гениальной: и передает все или критикует все, как что-то чужое, лишь вот "из Достоевского узнанное". Для *настоящей* критики это недостаточно; как говорят немцы, ему недостает "конгениальности" с критикуемым автором. Но критика Вольтерского (как и Мережковского) есть "сейчас же за настоящей", которой, Бог даст, нам уже не долго ждать. Вместе с названными критиками, все они похоронили наивный лепет прежних критиков о Д-м и Толстом, и подготовили почву для появления окончательной *художественной* критики. Слабость всех трех названных писателей в том, что они все — не художники, а философы и резонеры, рассудочники. Это слишком тупое орудие для обработки и Д-го и Толстого. Им недостает великого русского мастерства: меткого русского взгляда, русского письма "с крючочками", русского нюха, русского дара. Им недостает, наконец, и настоящей "жидовской грязи", без них не усвоится, напр., Достоевский, они все слишком "из Берлина".

Но довольно. Всякий читатель много приобретет, *многому научится и хорошо научится* из книги Вольтерского, и этого совершенно достаточно. Все должно нести "крест" своих недостатков

и достоинств (так как и в достоинствах есть "крест"). И, кончая с Вольнским, мы скажем ему добрым советом, христианским советом, — презреть ту сухость почвы, которая его встретила, презреть те камни, которые в него летели, и — также, *точь в точь так, как прежде* — итти и итти, работать и работать, любить и любить на великой русской ниве великие русские жатвы. Ибо, поистине, я не знаю более трогательного явления, чем это: что беглецы из Белостока и разных Белостоков (их много) бегут и бегут и, не кляня никого, благословляют руки, которые с такою тяжестью были возложены на них. . . Через год, через сто лет это явление будет явлено во всей своей всемирной трагичности и красоте. И тогда принесет плод, какого теперь не усчитать.

Вспоминая Гейне и его сарказмы к Германии, его гадливость к ней, и придвигая к этому примеру того же Вольнского, не гения, не поэта, но "все-таки", — и бесконечную его любовь к русским мощам, к русским праведникам (в статьях о Лескове), к русским мужикам, к русской византийской живописи, к русскому простому и неказистому, ко всему русскому *безбожному* — нельзя не поразиться и не почувствовать такого, что трудно выговорить, но что большим теплом лежит в душе...

В "КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ". Москва. 1909, вып. V. Сентябрь. стр. 37-42.

В. РОЗАНОВ

ЛЕВИТАН И ГЕРШЕНЗОН

Русские Пропилеи. Том I. Материалы по истории русской мысли и литературы. Собрал и приготовил к печати М. Гершензон. Москва. Издание М. и С. Сабашниковых. 1915. — С портретами В. С. Печерина и Н. М. Сатина.

Левитан. Очерк А. А. Ростиславова. Издание Н. И. Бутковской.

"Русские Пропилеи" М. О. Гершензона как-то коронуют писательскую, издательскую, редактирующую деятельность московского историка и критика русской литературы. Вне всякого сомнения, вне всякого сравнения, он идет первым теперь в многочисленном сонме изъясняющих и рассказывающих прошлые судьбы нашей художественной, поэтической и умственной жизни. Он не только впереди всех, но и далеко впереди. . . Страницы книг его, изящные и спокойные, точно продушены запахом тех липовых садов и парков, где когда-то спорили герои и героини Тургенева. Но этого мало: Гершензон — великий мастер именно книги, ее компановки, ее состава и, наконец, ее мелочей, где торопливо хочется отметить характер печати и бумагу (необыкновенно важно!). Он понял и догадался, что нельзя же печатать письма Natalie Герцен, Огарева, комментарии к Киреевскому и Чаадаеву, — на глянцевиной торговой бумаге новых книг и брошюрок, и печатать их газетными тонкими шрифтами наших дней. Это же нестерпимо!! И вот, после монументальных изданий И. В. Киреевского и Чаадаева, он пишет "Жизнь Печерина", московского профессора начала 40-х годов, бежавшего за границу, перешедшего в католичество и бывшего последние годы жизни "братом милосердия" в Дублине, затем — "Образы прошлого", и, наконец, все увенчивает "Русскими Пропилеями", два тома коих вышли, и, очевидно, это прекраснейшее издание с безграничными по самому заглавию рамками он может продолжать сколько угодно; и, право, ему нужно "испортить жизнь", чтобы прекратить эти "Пропилеи" и перейти к другим темам и задачам: ибо лучше, изящнее этого замысла и плана решительно нельзя ничего придумать. О нем, как о Саллюстии, хочется сказать с Кюнером: "Sallustius est elegantissimus scriptor, ejus libros lego libenter". Книги Гершензона по русской литературе нельзя забыть, и никогда не

будет времени когда бы к ним перестали обращаться. До того тут все умно, обдуманно, полно, закончено.

Левитан истории русской литературы. Берешь одну книгу — и залюбовываешься. . . Берешь другую книгу и залюбовываешься. Как у Левитана смотришь один пейзаж и восхищаешься, смотришь другой пейзаж и восхищаешься. А все скромно, смиренно, т. е. у Левитана; и все — не криливо, не выдается — у Гершензона. Оба, и Левитан, и Гершензон, умели схватить как-то самый в о з д у х России, этот неяркий воздух, не солнечный, этот "обыкновенный ландшафт" и "обыкновенную жизнь" (у Гершензона), которые так присасываются к душе и помнятся гораздо дольше разных необыкновенностей и разных величавостей. Замечателен ум обоих: как Левитан нигде не берет "особенно красивого русского пейзажа" (а ведь такие е с т ь), так точно Гершензон как-то обходит или касается лишь изредка "стремнин" русской литературы, Пушкина, Гоголя, Лермонтова. . . Его любимое место — тени; тенистые аллеи русской литературы, именно — "Прописи", что-то "предварительное", вводящее в храм, а не самый храм. Мы чувствуем, что Левитан не мог бы написать: "Парк в Павловске", "Озеро с лебедями в Царском Селе". Отчего бы? Ведь так красиво. И это — е с т ь, это — в н а т у р е. Нет, он непременно возьмет бедное село, деревеньку; и лесок-то — всегда не богатый, не очень видный. Так точно Гершензон не начнет собирать переписку Гоголя, не возьмется издавать "Письма Пушкина". Отчего бы? — Оба поймали самую "психею" русской сути, которая конечно заключается в "ровностях", в "обыкновенностях", а отнюдь не в горних кручах, не в вершинах. Но эти "обыкновенности" уже собственной работой они как-то возвели в "перл создания", и Россия залюбовалась. Залюбовалась, и, конечно, вековечно останется им благодарна.

Замечательно, что на пейзажах Левитана мы наблюдаем собственно "la nature morte", потому что этот пейзаж всегда — б е з ч е л о в е к а. Вот "Весенняя проталинка", ну — завязло бы там колесо. Обыкновенное русское колесо обыкновенного русского мужика и в обыкновенной русской грязи. Почему нет? Самая обыкновенная русская история. "Прелестная проталинка", — и ругательски ругается среди нее мужик, что "тут-то и утоп". — "Ах... в три погибли ее согни". — Да. Но c'est mauvais genre. Как же это передать, как не несколько обезобразив "Проталинку"? Картина будет "уже не та". Уже не "Левитан", а "Репин". Между тем Левитан, конечно, есть Левитан и Репинских "невоздержанностей" он избежал. Поэтому

Эти бедные селенья

Эта тусклая природа

обходятся у него везде без человека, или если "человек" где и попадает, то миниатюрной фигуркой, меньше вершка, так что лица и костюма, а особенно лица — нельзя рассмотреть. Человек может быть, например, рябой, курносый, — и испортит ландшафт. Посему "люди" сокращены или удалены вовсе у Левитана. Без них удобнее, легче, — и "тогда воздух так прозрачен".

Я думаю — стремнин и крупных людей приблизительно по той же причине не берет Гершензон. "На крупном все видно": а например Natalie Герцен, естественно, только прелестна и всегда прелестна. Поди-ка Пушкин: р а з б е р и с ь во всей этой истории с Дантесом, с бароном Геккерном, с раздраженно-кровоавыми письмами Пушкина... Грязь. — Грязь, мука и раздражение. "Кто прав?" — "Как он дошел до судьбы такой?" Да если в этом "разбираться", то выйдет "испачканный надписями забор", а не "Прописи" в афинском стиле.

Вдруг "сивухой запахло". В литературе-го? Литература должна б ы т ь б л а г о у х а н н а, и Салюстий ни только "erat scriptor elegantissimus", — но тот древний Салюстий и вообще все и всякие Салюстии, сколько бы еще их со временем не родилось, все "erunt (будут) elegantissimi", и вообще литература и литературная жизнь "scribenda bene et pie et juste". Она "долженствует быть чистой, спокойной и везде должна хорошо пахнуть".

Оба, и Левитан и Гершензон, содержат в себе безотчетную р е а к ц и ю против 60-х годов с тогдашним безумным "реализмом", состоявшим в "вали сюда в с е". Зачем же "все"?.. Нужно "выбирать". И оба написали — один "избранный пейзаж", а другой — "избранную литературу". Вот секрет обаяния Гершензона (его книги решительно обаятельны). Он не все пишет. Он не обо всем упоминает... Как у Левитана.

Эти тусклые селенья

— везде поставлены под хороший вечерний свет, спокойный вечерний свет. Они взяты "в лучший час дня", когда печки уже истопились, дыма не идет из труб, трубочист — не нужен, и, с другой стороны — никто еще не пьян, так как это случается в дурной час ночи. "Дурные часы" исключены у Левитана и Гершензона; и нельзя не сказать, что "Прописи" Гершензона, будучи точны и верны с подлинной действительностью, тем не менее через устранение "дурных снов русской действительности" (Глеб Успенский, Некрасов, Лесков) как-то очень уже "обафинены" и ближе к Акрополю и Марафону, чем собственно к Москве или к Орловской губернии.

Но все это чуть-чуть заметно. Именно "Прописи", а не "храм". Храм? И значит русская "суть"? — Ах, она мучительна. Ах, она

страшна. До "Святой Руси" народ догащился сквозь чернь таких окаянных "труб", с таким "скрежетом зубовным", и стенаниями и вздохами... и стенаниями и вздохами... Они оба, пейзажист и историк, взяли "Власа" вот собирающим копейки на блюдо для построения "Церкви Божьей". Благочестивый вид и благообразное занятие. Но была история "д о э т о г о", и вот на эту "историю" оба накинули покров. Отчего как-то и заключаешь, что Русь не "кровая" им, не "больная сердцу". Ибо "родное"-то сердце всю утробушку раскопает, и все "на свет Божий вытащит", да и мало еще — расплачется и даже в слезах самого историка или ландшафтиста "кондрашка хватит".

Это мастерская "стилизация" русского ландшафта и то же истории русской литературы; и еще глубже и основаннее — стилизация в себе самом — русского человека, русского писателя, русского историка литературы, русского живописца. Мастерство сказалось в том, что все точно и верно, но все несколько мертво, не оживлено. Нет боли, крика отчаяния и просветления; не понятно, откуда вышли "русские святые", потому что спрятан, а в сущности не разгадан и "русский грешник". Греческие Пропилеи?.. Но у нас были только "проселочные дороги", неудобные и мучительные. Гершензон "что-то такое сделал в воздухе", — написав чарующие строки, страницы и книги, так что множеству русских читателей кажется, что все еще "стоит Греция", с ее великолепными "Пропилеями" и "Парфеноном", и в них как-то заворачивают и даже с ними сливаются и в них переходят наши "проселочные дороги" и довольно обыкновенные "домишки". Стих Тютчева не показался верным или достаточно красивым Гершензону; и он его немного "подправил", выкинув "Христа" в конце и "эллиенизировав" в начале.

"РУССКИЙ БИБЛИОФИЛ". Журнал историко-литературный и библиографический. № 1. Январь. Петроград. 1916. стр. 78—81.

Литература и жизнь

ЕЛЕНА ШВАРЦ

СТИХИ

...

М. Ш.

Ткань сердца расстелю Спасителю под ноги,
когда Он шел с крестом по выжженной дороге.
Потом я сердце новое сошью.
На нем останется и пыль с Его ступни,
и тень креста, который Он несет.
Все это кровь размоет, разнесет.
И весь состав мой будет просветлен,
и весь состав мой будет напоен
страданья светом.
Есть все — тень дерева, и глина, и цемент.
От света я возьму четвертый элемент
и выстрою в теченье долгих зим
Внутригрудной Ерусалим.

1978

Елена Шварц (род. в 1948 г. в Ленинграде) — один из наиболее оригинальных и читаемых авторов современного российского Самиздата. Публикуемые стихи — из книги ее избранной лирики "Танцующий Давид", готовящейся к печати в издательстве "Руссика".

...
(два аспекта)

I.

Вот не думала, что доживу, дождю
до подгнивших слив в дрожжевом саду,

до августовской поворотной ночи — когда
червь не минует ни одного плода.

Хоть еще далеко до злых холодов,
но дубеет уж кожа нежных плодов

в зрелости и разложения пьянящем соку.
Юным уснешь, а проснешься — со смертью в боку.

Со старостью, ноющей в кончике языка,
громко она закричала, проснувшись в горах,

и несемся мы с нею друг другу навстречу,
меняя глаза на глаза, плечи на плечи.

II.

До того, что буду скользить меж звезд,
волоча сиреневый скользкий хвост,

что станет ясной морозной моя голова,
но хмельные прорастут из меня слова,

как из щелей Дионисовой лодки лóзы.
И вылетят из меня, торопясь, стрекозы.

1979

ИЗ ГЕЙНЕ

Я камень хрустальный нашла в горах,
с мизинец в нем жил человек
в сердцевине, в сияньи, в лучах
и книгу — с ноготь читал.

Я к уху тотчас же его поднесла,
и он прозвенел, прошептал:
не видишь, что дýхов воздух полн,
не знаешь ни тех, ни этих времен,
даже крови своей не слышишь звон,
и кто стоит за твоей спиной,
и поднять ты посмела меня.

Думаешь, я — раритет, что ль, какой?

В кунсткамере мне не бывать.

Я заботливой здесь зарыт рукой,
и должен во тьме лежать.

Чтоб вырос на смену вам человек,
не умеющий мучить и убивать,
чтобы вечно во тьме сиять.

Положи меня снова туда, где нашла,
а то хрустнет как лед, твой век.

Я взяла молоток, чтобы камень разбить
и на волю, что ль, его отпустить,

расколосся камень — и вот
слабый раздался писк и хруст,
и багровая хлынула кровь.

И текла она, как река с горы,
и откуда столько взялось?

Кто-то плакал оттуда всю ночь навзрыд.

И странное пенье неслоь.

весна 1978

1979

И. Я.

Танцующий Давид, и я с тобою вместе!
Я голубем взовьюсь, а ветки, вести
подпрыгнут сами в клюв,
не камень — пташка в ярости,
ведь Он — Творец, Бог дерзости.
Выламывайтесь, руки! Голова
летай из левой — в правую ладонь.
До соли выкипели все слова,
в Престолы превратились все слова.
И гнется как змея огонь.
Трещите, волосы, звените, кости,
меня в костер для Бога щепкой бросьте.
Вот зеркало — граненый океан —
живые и истлевшие глаза,
хотя Тебя не видно там,
но Ты висишь в них, как слеза.

О Господи, позволь
Твою утишить боль.

Нам не бывает больно,
мучений мы не знаем,
и землю, горы, волны
зовем как прежде — раем.

О Господи, позволь
Твою утишить боль.

Шекочущая кровь, хохочущие кости,
меня к престолу Божьему подбросьте.

1978

Б. С. КУЗИН

ОБ О.Э. МАНДЕЛЬШТАМЕ

Н. Я. Мандельштам написала книгу о своем муже, поэте О. Э. Мандельштаме. Я вижу в этой работе часть огромной важности дела. Его совершают часто с большим для себя риском, уже немногие теперь люди, пытающиеся сохранить образы тех, кому мы обязаны нашей самой большой национальной гордостью: русской литературой. Ни одна другая (впрочем, я не знаю восточной) не может сравниться с ней по количеству авторов и произведений самой первой величины. Абсолютная высота литературного мастерства и вдохновения достигнута художниками разных народов. Но где на протяжении полутора столетий творили *столько* и таких писателей? Я уже не считаю того, что было сделано до прошлого века. Наша литература не только богата. Она еще и совсем самобытна. Понятно, что свою литературу я знаю лучше, чем чужие. Но все же я имел возможность прочитать довольно многое из написанного на некоторых других живых европейских языках, из древних — на латинском. Поэтому мое мнение о родной литературе, я думаю, — не следствие патриотизма.

Первые декады нашего столетия часто называли серебряным веком русской поэзии, подразумевая под золотым первую половину прошлого. Я считаю это несправедливым и думаю, что сравнительная оценка этих двух периодов была бы не так решительна, если бы в более раннем не сияло бы имя Пушкина. Но Пушкин вообще один. Гениев такой величины нельзя относить ни к какой народности и ни к какой эпохе. При всяком сравнении они должны оставаться как бы вне конкурса. Так золотым веком музыки нельзя считать первую половину XVIII столетия на том основании, что в это время творил Бах. Он тоже один во всей музыке. Если же принять во внимание, что поэзию нельзя строго отграничить от прозы, то русскую литературу от начала XIX века до середины нашего вряд ли можно разделять на периоды. Можно только сказать, что за это время была создана великая русская литература. Но ее блеск и богатство обязывают нас сознавать свою ответственность, когда мы заявляем, что данный писатель занимает место в ее самых первых рядах. И я сознаю ее, когда считаю совершенно бесспорным помещением в эти ряды О. Э. Мандельштама.

Книга Н. Я. не напечатана. А копия ее рукописи находилась в моих руках всего полтора суток и ее чтение я не закончил. Н. Я. одарена удивительной памятью. Но все же никакая память не безупречна, а некоторые сведения, приводимые автором с чужих слов, неверны. То и другое я заметил в нескольких местах, где упоминается мое имя. Но облик самого О. Э., о котором написана книга, эти ошибки не искажают. А это — самое главное.

Н. Я. заметила, что о самом для него священном и высоком О. Э. избегал говорить. Я почему-то на это внимания не обратил. Но это действительно было так. Трудно допустить, что имя Пушкина никогда не упоминалось в наших разговорах. Однако я не помню, чтобы О. Э. высказал какое-либо суждение о нем. Но однажды, в связи с каким-то упоминанием "Пира во время чумы", он произнес сначала песню Мэри, закончив стихами:

И сверкали в светлом поле
Сerp и быстрая коса.

Ни он сам, и никто из присутствовавших уже не мог продолжать разговор о Пушкине. Произнеся эти стихи, О. Э. сдернул какую-то пелену, затуманившую их полный блеск и силу. Нельзя словами передать, какими средствами это было достигнуто. Кто-то сказал, что, чтобы быть гениальным писателем, нужно иметь гениального читателя. О. Э. говорил, что чем сильнее стихи, тем труднее их читать. Но и не легче постигнуть их силу самому! И какая ответственность — заявить гениальному автору, что ты и есть тот, для кого он писал! Певица-негритянка М. Андерсен, обожающая Баха, долго не могла решиться петь его арии. Она считала себя недостойной исполнять такую музыку. Зара Долуханова, конечно, не испытывала такого трепета. В этом и различие между ней и Андерсен, между известной певицей и музыкантом в самом большом понимании этого слова. Профанировать поэзию — дело актеров, выступающих с декламацией стихов, и литературоведов. О. Э. не был ни тем, ни другим. Он был поэт и поэтому не говорил о самом для него священном.

Нечто близкое, вероятно, лежит в основе того, что за 32 года, прошедших с его смерти, я не мог заставить себя ничего написать о нем, а иногда совершаю поступки, которым сам не нахожу объяснения. Стихи Мандельштама — силы необычайной. Значит, о них говорить нельзя. Их можно только произносить. Но к этому у меня добавляется еще и то, что его самого я любил, как редко еще кого в своей жизни. Именно — не восхищался им, не преклонялся (для

этого есть творчество), а в самом простом значении — любил. Реже всяких других, вероятно, встречаются люди, способные тонко чувствовать, не имеющие в себе ничего фальшивого, не меряющие ничего и никого меркой корысти, рефлекторно отвечающие на любое событие благородным движением души, щадящие в каждом его человеческое достоинство, испытывающие боль от чужого страдания или унижения. А Мандельштам, кроме того (а, может быть, несмотря на то), что он был гениальный поэт, был целиком сделан из всего этого высшего благородства. Но ведь нельзя же дружить с божеством. Да и быть божеством скучно и трудно. Разве что Гете мог выдержать эту марку. А гениальный, благородный Мандельштам, кроме только манеры задирать кверху голову, не имел в себе ничего олимпийского.

Я вижу, как уже не из одного воспоминания о нем создается портрет, который я не могу точно характеризовать, но с которым решительно не могу примириться. Кажется, человеческий облик О. Э., обрисованный его женой, не искажен. Но не могу сказать, насколько он полон. (Повторяю, что я не дочитал рукописи Н. Я. и, торопясь, не все прочитанное запомнил.) Но против того, который начал складываться, неопровержимо говорит хотя бы одно только то, что несмотря на ужасную судьбу О. Э. и на трагический пафос очень многого им написанного, сам он не только не был мрачен, но наоборот, — был человек веселый, как никто понимавший шутку, комизм и восхитительно умевший шутить. За пять лет нашего постоянного общения более или менее безоблачным был только период нашей совместной поездки в Старый Крым и две или две с половиной недели, что я там прожил. Все остальное время было всегда трудным. Чаще всего просто у Мандельштамов не было денег. Не на что было есть, курить, негде было жить. Но было постоянно еще нечто, гораздо более тяжелое для поэта, — обиды и неудачи в отчаянной борьбе за свое выявление, за аудиторию. Обо всем этом не мог не идти разговор при наших почти ежедневных тогда встречах. Но я не могу припомнить ни одного самого мрачного момента, в который нельзя было бы ожидать от О. Э. остроты, шутки, сопровождающейся взрывом смеха. Не помню, чтобы сам я когда-либо чувствовал, что собственное мое остроумие неуместно при обсуждении невеселых положений. Шутить и хохотать можно было всегда. Был у нас даже особенный термин — "ржакт" (от глагола ржать), для обозначения веселого и самого разного по тематике зубоскальства, которому мы предавались при мало-мальски располагающей к тому обстановке. В этих ржактах порождались многие, часто коллективные стихо-

творения и другие шуточные произведения. Большая часть их забыта, но некоторые уцелели в моей памяти. Французская революция, как и все другие, конечно, была ужасна. Как и другие, она разнуздала силы зла. Но так уж происходит на свете. Быть может, так должно происходить. Хотя *высшего* оправдания это не имеет. Жестокость и насилие, хотя бы они были неизбежны и пусть даже с чьей-то точки зрения необходимы, — сами по себе все же зло. Но в революциях особенно отвратительны не бесчисленные убийства в баррикадных и других боях, а казни. Что бы ни говорилось, символ французской революции — гильотина. Под ее нож пошел в числе стольких других спокойный, беззлобный отец своих детей и муж не по нему красивой и бойкой жены, в меру своих способностей исправлявший не им самим захваченную, но возложенную на него законом престолонаследования должность короля Франции. Но из всех преступлений той революции самое страшное — убийство Шенье. Самая драгоценная пролитая кровь — его. Кровь поэта, любимого Пушкиным и ... мной. А убийство Мандельштама?

После сказанного можно понять, почему я до сих пор ничего не писал о Мандельштаме. Я и о своем отце, о матери, о брате, о сестрах и о жене не могу написать потому, что есть ступень любви и близости к людям, достижение которой кладет запрет на разговоры о них.

Еще по одной причине трудно писать о людях великого дара, с которыми тебя связывала близкая дружба. — Некуда спрятаться самому. Всегда будет бесконечно много всяких "он сказал мне", "я сказал ему", "мы решили", "нам хотелось" и т. п. Одним словом, неизбежно получается "Ну что, брат Пушкин?" Несносно быть кем бы то ни было, кроме как самим собой. Я понимаю, что можно боготворить Баха или Пушкина, сознавать несоизмеримость своих способностей с их гением. Но нельзя желать быть Пушкиным или Бахом. Всякая зависть основана на досаде, что ты чем-то обделен, что в чем-то судьба тебя обидела. Я не смог бы жить с таким сознанием. Но некоторые, и даже очень многие, живут. Шопенгауэр видит источник всякого патриотизма в том, что человек, лишенный собственных добродетелей, поднимает свою ценность в собственных и чужих глазах добродетелями или заслугами той группы (нации, слоя, общества, профессии), к которой он принадлежит. По-видимому, нечто сходное лежит в основе стремления если не к дружбе, то хотя бы к знакомству со знаменитыми людьми. — За отсутствием собственного блеска воссиять хоть отраженным. Свою дружбу с О. Э. я считаю одной из величайших милостей своей судьбы. Но я

скорее согласился бы не быть с ним знакомым, чем быть глухим к поэзии, в том числе и к его.

И все же, после прочтения хотя бы части рукописи Н. Я., я чувствую, что не могу не сказать об О. Э. или о том, что связано с ним, хотя бы немного. Основания для этого те же, по которым я вообще пишу, без уверенности, что написанное мною будет кем-нибудь прочитано. Я их изложил в "Предисловии ко всем сочинениям, написанным мною, но не опубликованным в печати". То, что здесь следует далее, не образует ничего единого или цельного. Это лишь некоторые воспоминания или заметки.

Дворик эриванской мечети

Натуральный кармин добывается из мексиканской кошенили, в тканях которой он содержится в большом количестве. Родина этой кошенили, как и кактуса опунции, на которой она выкармливается — Южная Америка. Оттуда они были вывезены для добычи кармина в некоторые страны старого света, самые северные из которых Испания и Южная Франция. Кармин, по крайней мере — до начала 30-х годов, был единственным вполне безвредным красным красителем, допускавшимся для подмешивания к пище, и был особенно необходим для кондитерской промышленности. Его приходилось ввозить из-за границы. Стремясь сократить ввоз импортных продуктов, пищевое ведомство в 1929 году обратилось в Московский Университет с запросом о возможности замены мексиканской кошенили каким-либо отечественным источником кармина. Ответить на этот вопрос поручили, как энтомологу, мне. Я знал, что в Армении водится так называемая араратская кошениль, далекая по систематическому положению и образу жизни от мексиканской, но, как и та, содержащая кармин и бывшая когда-то предметом местного промысла. Из одной небольшой монографии начала прошлого столетия я узнал, что кармин, добывавшийся из этой кошенили, употреблялся в качестве краски для печати католикоса, а также для иллюстраций и украшений заставок рукописных книг. Но главное — в этой книге было указано кормовое растение араратской кошенили и названы селения в долине Аракса, близ которых ее собирали. Я ответил, что могу попытаться найти эту кошениль, определить ее запасы и выяснить, возможно ли ее добывать в промышленном количестве. Финансировать возрождение древнего промысла из патриотических соображений согласился Совнарком Армении. В начале сентября 1929 года я с Н. А. Емельяновой (энтомологом)

и Н. Т. Кахидзе (ботаником) выехал в Эривань. Кошениль мы нашли, и два последующих года я занимался ею в Армении, а в 1930 году нашел другого содержащего кармин червеца также и в Средней Азии.

Лето 1930 года у меня по программе было очень заполнено работой. В начале его мне предстояло поехать с А. Н. Желоховцевым в Среднюю Азию, чтобы поискать там с ним вместе карминоносных червецов. В случае, если такие найдутся, Желоховец должен был остаться где-либо там для их изучения и изыскания способов сбора, а мне надлежало для этих же целей направиться в Армению, где меня ожидала араратская кошениль. Но я в то время состоял в одном институте железнодорожного ведомства консультантом по вопросам борьбы с насекомыми, разрушающими древесину в станционных зданиях, деревянных мостах, шпалах и т. д., и мне было поручено выяснить размеры вреда, причиняемого термитами на Средне-азиатской железной дороге, особенно в Туркмении. Поэтому в мой план входило, закончивши поиски кошенили в Узбекистане, обследовать деятельность термитов на участке дороги от Чарджоу до Красноводска, а оттуда на пароходе переправиться в Баку и ехать дальше — в Эривань.

По расчету все эти работы должны были занять месяцев пять-шесть. Мне предстояло постоянное передвижение. Поэтому багаж с собой таскать следовало возможно легкий. Рабочее оборудование и одежду я свел до минимума. Но как быть с книгами? Ведь на полгода их нужно много. В таких поездках всегда приходится чего-то долго ожидать, а это занятие без чтения непереносимо. Я нашел выход в том, чтобы количество книг возместить их качеством. Решил, что возьму с собой только две небольшие книжечки.

Шел уже второй год, как мне вполне раскрылась поэзия Мандельштама. Случилось как-то так, что его "Камень" прошел мимо меня. Может быть, это произошло по причине, что он попал мне в руки во время моего тяжелого заболевания Блоком и начала ослепления Пушкиным, Тютчевым, Гете и Горацием, не говоря уже об увлечении пестрой шумихой, поднятой ранними и поздними футуристами, имажинистами и другими "новыми" поэтами. Оценить при этих условиях драгоценности "Камня" мне было не по плечу, хотя бы только по моей незрелости. Но "Триптих" ударили меня всей своей силой в ту пору, когда я не мог ее не почувствовать. И вот уже больше года я завораживал себя бормотанием волшебных стихов этого сборника. Небольшую книжечку в красной обложке я и решил взять с собой в долгое путешествие. Другая была — один

из сборников Пастернака, кажется, "Поверх барьеров" или "Темы и вариации".

Мне следовало быть в Эривани ко времени массового выхода самок кошенили на поверхность земли для оплодотворения. Этот срок тогда еще не был мне известен. Я боялся опоздать к нему и поэтому старался как можно скорее выполнить всю среднеазиатскую часть своей программы. Но непредвиденные задержки возникали одна за другой. Позднее намеченного срока я расстался с Желоховцевым в новой Бухаре и принялся за выполнение своего железнодорожного задания. Но вскоре я почувствовал, что что-то не в порядке с животом. Кишечные болезни всегда сильно ослабляют. Но я не мог прекратить свою работу. Нужно было продвигаться на запад с остановками для обследования на каждой станции. Так, наконец, я добрался до Ашхабада. Там в гостинице в первую же ночь понял, что заболел по-настоящему. — Снились кошмарные сны, а утром едва хватило сил подняться с постели. Я все же оделся, с трудом вышел на крыльцо гостиницы и подозвал проезжавшего извозчика. Он перенес мой небольшой багаж в свой фаэтон и доставил меня сначала к директору тамошнего музея, моему единственному знакомому в этом городе, у которого я оставил вещи, а затем — в больницу. Там смерили температуру. Она была выше сорока. Врач очень скоро определил один из паратифов. В больнице я был в первый раз в жизни, а с тюрьмой еще не был знаком. Поэтому больничное лишение свободы показалось мне чем-то ужасным. Однако лечение, по-видимому, шло успешно. Приблизительно через неделю я почувствовал, что дело пошло на поправку. Только держалась повышенная температура. Тогда я стал потихоньку вынимать градусник, пока ртуть еще не дошла до красной черточки, и через три дня уговорил врача выписать меня. Слаб я был еще, конечно, ужасно, но все же принялся за свою работу на последнем участке от Ашхабада до Красноводска. До сих пор удивляюсь, как я тогда остался жив. Но в Красноводске я заметил явные признаки выздоровления: появилась непреодолимая потребность в сладком, к которому обычно бываю совсем равнодушен. На базаре купил кило или полтора каких-то подозрительных, очень грязных развесных леденцов и пожирал их на пароходе, шедшем в Баку, несмотря на довольно сильную, как всегда в центре Каспия, качку.

Приехав в Эривань, я тотчас же устремился на расположенные неподалеку кошенильные солончаки и вздохнул с облегчением. Кошениль явно еще не собиралась заканчивать свое развитие под землей. Как я мог определить, до превращения ей оставался еще

добрый месяц. Это мне было очень наруку. Все-таки я очень сильно ослабел от болезни, да и не отдохнул нисколько от московских дел, кстати очень неприятных по причине, о которой расскажу когда-нибудь, если успею. Предстоящий месяц безделья меня радовал.

Конечно, о номере в единственной тогда эриванской гостинице нечего было и думать. Да и обиделись бы Тер-Оганяны, у которых я с обеими своими дамами останавливался в прошлом году. Самые нежные воспоминания остались у меня об этой семье. И очень хочется теперь же рассказать о них. Но и без попутных воспоминаний, все тащит меня куда-то в сторону. Скажу только самое необходимое. — Их было четыре сестры и три брата. В домике, оставшемся после родителей, очень типичном для старой Эривани особнячке с внутренним небольшим двором, выходящей на него галлереей и с огромным цоколем-полуподвалом жили оставшиеся незамужними две сестры и холостой же средний брат. Для остальной родни этот домик был местом съездов или сходов. Достатки у постоянных обитателей были очень скромны. Но для меня было огромной трудностью найти способ оплачивать их гостеприимство, так как простое денежное участие в их хозяйственных расходах абсолютно исключалось. Принимались только подарки в виде сластей или фруктов. Но нельзя же было свыше всякой потребности заваливать этих скромных людей кондитерскими изделиями. А фрукты в Армении были слишком дешевы. Мне удалось только выговорить себе разрешение обедать не у них.

В странах старой винной культуры чай бывает не в ходу. Жажду там утоляют вином или холодной водой, кстати, — в Эривани на редкость вкусной. В обычном эриванском ресторане, столовой, кофейне можно получить кофий, какао, сладкое горячее молоко, простоквашу (мацун), — только не чай. В среднеазиатских городах я проводил свободные от дел часы в чайханах. Там я писал, читал и одну за другой заказывал порции чая, которые пил непрерывно. В Эривани получить чай можно было только в тюркских харчевнях на базаре. Но это были не среднеазиатские чайханы, в которых питье чая было главным занятием посетителей. Здесь подавалась главным образом еда. Верно, после нее можно было затребовать чай или черный кофий по-турецки. Но расположиться в харчевне надолго только за чаем было неудобно. Да и не очень уютно было долго сидеть среди базарного шума и пыли.

Эриванский базар примыкал к большой площади, заваленной тогда массой обтесанного камня, предназначенного, по-видимому,

для какого-то строительства. Эта каменная свалка вплотную подходила к стене, отгораживающей двор главной мечети. Майоликовые купола и зелень деревьев возвышались над стеной. Но главные ворота мечети, выходящие на площадь, были заперты. Однажды, проходя вдоль другой стены мечетного двора, я увидел в ней небольшие ворота. Они были открыты. Я вошел во двор мечети и просто остолбенел. — По соседству с самой непривлекательной частью города находился рай. Двор, выложенный каменными плитками, со всех сторон был обсажен мощными вязами, создававшими защиту от пыли окружающих улиц и, как казалось, даже от шума. Из-за деревьев проглядывали стены мечети и относящихся к ней построек. Посреди дворика находился небольшой прямоугольной формы бассейн с двумя фонтанчиками. В нем плавали две белые утки. Бассейн тоже был обсажен с двух сторон развесистыми карагачами, между которыми стояли массивные, вытесанные из камня скамьи. Под одним из деревьев помещался стол, а на нем — огромный желтый медный самовар и арсенал чайной посуды. Несколько тюрков, большей частью пожилых, сидели на скамьях, одни — молча, другие — негромко переговариваясь между собой. Чайчи, тоже немолодой, бесшумно и неторопливо разносил и убирал стаканы. Я присел на одной из скамей. Мое появление не привлекло никакого явного внимания присутствовавших. Подошел чайчи и спросил: "Чай?" — "Да". — "Сладкий?" — "Нет". Чай был, как всегда в чайханах, хорошо заварен и горячий.

От всякого национализма отдает чем-то глуповатым и смешным. А крайние его проявления отвратительны. Тем не менее, я замечал за собой, что в путешествиях при возможности выбора я предпочитаю находиться среди мусульман. Ведь наблюдения над кошенилью можно было вести, обосновавшись в каком-нибудь армянском селении, но я сознательно выбрал тюркский Улия-Сарванляр. Вот и здесь, в столице Армении, я нашел себе прибежище во дворе мечети. Открыв его, я понял, что с этого дня мое, все же в какой-то степени томительное и стеснительное, ожидание выхода кошенили превращается в чудный отдых, так необходимый для полного восстановления сил.

Порядок дня у меня установился следующий. После утреннего завтрака с Тер-Оганянами я, забрав две своих книжечки стихов, шел в направлении базара. По дороге покупал свежие центральные и выходящие на русском языке местные газеты. Они служили мне отчасти для чтения, но больше в качестве подкладки на каменную скамью, слишком жесткую для меня при сильном моем исхудании.

Придя в мечеть, принимался за чтение, а иногда что-нибудь писал. Чайчи, уже не спрашивая, приносил мне чай. Круг постоянных посетителей под сенью карагачей, у бассейна с белыми уточками был невелик. Скоро они привыкли ко мне и стали отвечать на мое общее приветствие вместе с чайчи. Туркский язык я понимал очень плохо. Поэтому содержание тихих бесед посетителей чайханы было мне мало понятно. В их речи решительно преобладали имена числительные. Это указывало, что обсуждались вопросы преимущественно базарные или вообще коммерческие. Иногда, впрочем, речь шла о политике или о религии. Об этих предметах чаще говорилось, когда к компании присоединялся главный мулла Эривани. Он, по-видимому, жил при мечети. Это был довольно высокий, красивый и, как большинство мусульманских духовных, важный старик. Говорили, что он необычайно учен и получил свое образование в очень известном шиитском медресе в Тебризе. Присутствовавшие встречали его очень почтительно. Я вместе со всеми привставал и кланялся ему. Скоро и он стал отличать меня отдельным кивком с вежливой улыбкой. Русского он не знал или делал вид, что не знает. Однажды через одного говорившего по-русски турка он задал мне несколько вопросов, касающихся моего происхождения, образования и рода занятий. После этого он с похвалой отозвался о профессии ученого, которую несомненно считал и своей, и мы коротко обменялись необходимыми любезностями. Когда наступал час обеда, я отправлялся на базар в тюркскую харчевню. Обед мой почти неизменно состоял из горшочка пити и порции шашлыка. Появлявшейся после этого жажды вполне хватало на то, чтобы вернуться в мечеть, утолять ее неспешно, стакан за стаканом чая до пяти-семи вечера. Возвращаясь домой снова через базар и по торговым улицам, я покупал то, что можно было презентовать Тер-Оганянам, и вечер проводил с ними и заходившими к ним почти каждый день многочисленными родственниками. При таком режиме восстановление моих сил шло гигантскими шагами.

Однажды, уже незадолго до выхода кошенили, я сидел после обеда на своем обычном месте в чайхане. После прочтения в сотый раз какого-то стихотворения в одной из своих книжечек, я отложил их в сторону и был занят своими мыслями. В это время вошли во дворик и направились к бассейну два человека, по внешности нездешних. Один был заметно старше меня, немного ниже моего роста, в белой рубашке, заправленной в брюки, и в серой кепке. Он шел с легкой улыбкой, оглядываясь по сторонам, и можно было понять, что сюда он попал впервые. Его спутником был молодой

человек, очень вертлявый, что-то говоривший и жестикулировавший. На нем была светлокрасная спортивная рубашка с черными обшлагами рукавов и воротом и с белой шнуровкой на груди, очень жалкие брючонки и резиновые тапки. Старший из пришедших, продолжая оглядывать дворик, очень тихо и ни к кому не обращаясь, произнес: "Как здесь хорошо", — и присел на соседнюю с моей скамью. Молодой человек порыскал вокруг бассейна, вернулся и стал задавать немногочисленным в это время посетителям чайханы разные вопросы, касающиеся мечети. Те, что понимали по-русски, отвечали крайне скупое. Тогда он переключился на меня. Он (впрочем, как я узнал потом, также и его спутник) принял меня, сильно загоревшего и совсем не типичной русской внешности человека, за турка, пришедшего сюда, как, по его мнению, все, кто здесь находился, для отправления религиозных действий. Убедившись, что в этом он ошибся, он принялся доискиваться, зачем же я здесь, чем занимаюсь и т. п. Меня эта настырность сильно раздражала, и мне хотелось послать этого надоедливое парня к черту. Но у меня всегда не хватало духа сказать грубость человеку, хотя мне неприятно/му/, но говорящему со мной вежливо. Поэтому Лева (так звали этого малого) удалось вытянуть из меня по капле все, что мучило его любопытство. Достигнув этого, он, обратившись к своему спутнику, молчаливо сидевшему со скрещенными руками и продолжавшему все с той же легкой улыбкой разглядывать все окружающее, воскликнул: "Осип Эмильевич! Вот товарищ занимается здесь очень интересным делом!"

Молчаливый посетитель встал, улыбка его расширилась, он протянул мне руку и представился: "Мандельштам". Я, также вставши в свою очередь, отрекомендовался по фамилии. Дело начинало мне сильно не нравиться. — Вот теперь они примутся приставать ко мне вдвоем! Но скоро выяснилось, что я ошибся в своих мрачных предположениях. Лева, сдав меня старшему товарищу, на время замолчал и стал прислушиваться к нашему разговору. В нем мой новый собеседник сразу же проявил ту особую вежливость, которая разделяет поколения интеллигентов "до" и "после", которая уже к началу 30-х годов встречалась не очень часто, а теперь о ней вообще не имеют понятия и научиться ей уже больше нельзя. Это меня немного успокоило. На этой взаимной вежливости уже можно было поддерживать ставший неизбежным разговор, не заводя его слишком далеко и имея надежду на более или менее скорое окончание. Мне впечатление, что оба незнакомца люди не местные, подтвердилось. Становилась все яснее какая-то их причастность к литературе. — Когда

это стало уже несомненным, я, не очень-то в правилах установившейся в нашем разговоре вежливости, спросил: "Ну и что же вы должны будете здесь воспевать?" Мой собеседник, премило улыбнувшись и высоко подняв брови, выпалил: "А ничего!" Было ясно, что он понял колкость моего вопроса, но, словно не замечая ее, продолжал вести нашу салонную беседу. Она вертелась около кошенили. Я заметил, что все же он спрашивал меня о ней с интересом, по крайней мере к ее национально-культурной истории. Вероятно, это и заставило меня сказать, что кошениль попала и в нашу поэзию. "Кто же о ней писал?" — Я сказал, что о ней упоминает Пастернак и, как видно, грамотно. Я имел в виду

И в крови моих мыслей и писем
Завелась кошениль.
Этот пурпур червца от меня независим,
Нет, не я вам печаль причинил.

В ответ было: "Да, Борис Леонидович всегда грамотен в своих стихах".

Тут во мне как бы сразу сработал спусковой механизм. Мгновенно пронеслась в голове цепь мыслей: — Разве этот человек похож на тех, кто ездит в творческие командировки и хватает без церемонии каждого, кто может дать что-то для расцвечивания имеющего появиться в результате командировки слащаво-лживого репортажа, очерка, романа? Он называет Пастернака по имени и отчеству. И опять-таки, он явно не из тех, кто хотел бы показать постороннему, что он с Пушкиным на короткой ноге. Вертлявый тип называет его Осипом Эмильевичем. Да ведь он сам назвал мне свою фамилию! После мне стало понятно, что досада от появления в "моей" мечети неподходящих людей затормозила меня и я сразу же не сделал всех этих сопоставлений. Даже явственно слышанная фамилия меня ни на что не натолкнула. Она не так уж редка. Я и мысли не допускал, что поэт, стихами которого я бредил наяву, вдруг в самый разгар этого бреда появился передо мной. А он мало что появился, но еще целых полчаса заставлял меня желать, чтобы он убрался со своим компаньоном восвояси. Все это, я говорю, пронеслось в моем мозгу в единое мгновение. Я ничего не анализировал, ни секунды не колебался. Вскочил, как ошпаренный, и закричал: "Да ведь я же вас знаю!" Не было ли это единственным во взрослой моей жизни случаем полной потери самообладания? Я не задумывался, как будет принят этот мой почти вопль, а принят он был

наипростейшим образом — О. Э. встал и, опять протянув руку, сказал все с той же улыбкой: "Ну, давайте теперь знакомиться заново". Стихотворение Мандельштама "Батюшков", написанное два года спустя, всегда вызывает у меня воспоминание о нашей первой встрече. Но даже и на следующий день я не мог бы рассказать, о чем мы говорили после вторичного рукопожатия. Помню только, что вдруг понесся поток мыслей, словно вырвавшихся на свободу и куда-то спешащих. Я все же сознавал, что завтра мне нужно ехать в Сарванляр, чтобы выяснить, не собирается ли кошениль выходить на поверхность. Поэтому спросил О. Э., застану ли его в Эривани по возвращении через два дня. Узнав, что застану, успокоился.

Но время шло к вечеру. Чайчи принялся убирать посуду. Нужно было уходить. О. Э. хотел непременно познакомить меня со своей женой и настаивал, чтобы я шел с ним в гостиницу, где они жили. Мы пошли, ни на минуту не прекращая вести свой горячий разговор. Я не заметил, как Лева по пути где-то потерялся. И вообще этот Лева больше никогда мне не встречался. Кажется, с О. Э. он был знаком по работе в редакции комсомольской газеты, где Мандельштам то ли заведовал стихотворным отделом, то ли был в нем консультантом ("Присевших на школьной скамейке, учить щебетать палачей"). А может быть и просто был одним из тех странноватых для меня молодых людей, которые появлялись временами около него, имея, по большей части, некоторые специфичные задания.

Дойдя до своего номера в гостинице, О. Э. распахнул его дверь и с порога закричал: "Наденька, вот со мной пришел...". На кровати сидела отложившая в сторону книгу и натянувшая до подбородка одеяло Надежда Яковлевна. После она рассказывала мне, что лежала совсем раздетая, но услышавши, что по коридору, с кем-то разговаривая, идет О. Э., поспешила закрыться одеялом. О. Э. осведомил ее об обстоятельствах нашей встречи и собирался продолжать наш разговор с ее участием. Не помню, каким способом она дала ему понять неудобство своего положения. Я решил, что она просто нездорова. Мы условились встретиться завтра же утром у меня, т.е. в доме Тер-Оганянов, а потом пойти пообедать в мою тюркскую харчевню, после чего я должен был отправиться на вокзал. Я несся из гостиницы к себе на улицу Спандарян, не чувствуя земли под ногами. Объяснить свою радость моим хозяевам я не мог. Они не читали стихов Мандельштама, да и других не читали. И не думали, что такое занятие может интересовать меня. Однако,

исходившее от меня свечение радостью они заметили, и я им сказал, что встретил очень близких друзей.

Встреча с Мандельштамом обрадовала меня еще и по одной особой причине. — С тех пор, как мне стали знакомы его "Тристан", я пытался узнать, где он теперь и что делает. На это мне никто не отвечал толком. Причастные к литературе мои знакомые говорили на эту тему с явной неохотой. Упоминали что-то о плагиате, который он будто бы совершил при переводе (?!) "Тиля Уленшпигеля", что он сошел с ума, что совсем перестал писать. Человек, с которым я нынче познакомился, не мог быть никем иным, кроме как автором тех стихов, что я знал. Он был прекрасен, как эти стихи.

Когда человек не идет, то он лежит или сидит. Сидячие и лежащие — люди двух принципиально различных категорий. Сам я, лежа, могу делать только одно: спать. Лежачие же в этом положении часто ведут беседу, даже с гостями, пишут, а уж читают только лежа. Поделюсь только одним наблюдением. — Лежачие обычно не бывают пунктуальны. Мандельштамы были лежачие. Пришли они на следующее утро, конечно, гораздо позднее назначенного времени. Пора было уже скоро идти на базар обедать. Когда я об этом сказал, они переглянулись, и О. Э. с отчаянной решимостью выпалил, что обедать они не пойдут: у них нет ни копейки денег. Они и не подозревали, какое удовольствие доставило мне это заявление. Начать знакомство с того, чтобы накормить их, видно, голодных, восхитительным обедом, было просто замечательно. Обед, конечно, состоялся. Я уехал в Саванляр. Через два дня вернулся, выяснив, что через неделю мне нужно будет ехать туда уже фундаментально.

За эту неделю и еще за несколько дней, проведенных в Эривани перед отъездом в Москву, я имел возможность достаточно приглядеться к Мандельштамам. Они, особенно, О. Э., были по образу жизни прямой противоположностью мне. Насколько мне всегда был необходим режим, размеренность, ориентировка во времени, ощущение почвы под ногами, постоянство обстановки, определенность перспектив, хотя бы ближайших, настолько им все это было совсем чуждо. Казалось, они нигде никогда не жили (в смысле оседлого пребывания), а словно бы присаживались там или здесь, в непрерывном кочевании без всякого направления. Их дни протекали так или иначе в зависимости от того, какое у них самочувствие, как складывалась обстановка, кто зашел из знакомых и т. п. Если строились какие-то планы, то только затем, чтобы их сейчас же нарушить. При этом чем категоричнее высказывалось намерение поступить каким-либо образом, чем лучше это было мотивировано, тем вернее

было, что так сделано не будет. И все это на фоне постоянного острого безденежья.

Отношения близкой дружбы у нас установились даже не быстро, а словно мгновенно. Я был тотчас же втянут во все их планы и злоключения. И с первого до последнего дня нашего общения каждая наша встреча состояла из смеси разговоров на самые высокие темы, обсуждения выхода из безвыходных положений, принятия невыполнимых (а если выполнимых, то невыполняемых) решений, и, как я уже говорил, — шуток и хохота даже при самых мрачных обстоятельствах. Конечно, при коренном различии наших характеров и привычек дружба с Мандельштамами порой меня просто нервно изматывала. Но ведь все наши несходства относились только к житейским делам. Все же остальное, т. е. именно то, что составляло настоящую сущность обоих Мандельштамов в их отношении к вещам, событиям, людям, никогда не вызывало у меня ни малейшей досады. Но их беды причиняли мне сильнейшую житейскую боль.

Последние дни в Эривани прошли в бесконечных разговорах о планах на будущее. — Ехать в Москву добиваться чего-то нового, какого-то устройства там, или оставаться в Армении? Трудно сосчитать, сколько раз решение этого вопроса изменялось. Но ко дню моего отъезда было решено окончательно. — Возможно только одно: остаться здесь. Только в обстановке древнейшей армянской культуры, через вращение в жизнь, в историю и искусство Армении (имелось в виду, конечно, и полное овладение армянским языком) может наступить конец творческой летаргии. Возвращение в Москву исключено абсолютно. Я простился с Мандельштамами — как мы были уверены *навсегда* — накануне дня своего отъезда. Сам этот день был целиком предназначен для прощания со всеми друзьями — армянами. А я хорошо представлял себе, какая это будет серьезная операция и молил Бога о ниспослании мне сил для перенесения предстоящих угощений лучшими образцами араратовских коньяков. Операцию эту я провел, но уж лучше не буду вспоминать о состоянии, в какое она привела меня к концу дня.

О дружбе

Вернувшись в Москву, я завертелся в обычных своих делах — университетских, кошенильных, термитных и во всяких других. Дома тяжело висели неудачи с поступлением брата в вуз. В те годы туда принимались только дети рабочих и крестьян, а также, понятно, — высокопоставленных родителей. У брата был обнаружен и развивался

туберкулез, от которого он через несколько лет и помер. Если раздумья о судьбе Мандельштамов поглощали меня в Эривани как почти единственное, то здесь они оказались разбавленными. Порой казалось странным и нелепым, что встреча в Эривани останется только кратковременным эпизодом моей жизни. Хотелось узнать что-либо о них. Над. Як. дала мне адрес и телефон своего брата, Е. Я. Хазина. Но время бежало очень быстро, и я все откладывал установление связи с ними.

Не помню точно, в каком позднеосеннем месяце меня позвали к телефону. Я был изумлен, услышав голос Н. Я. В то время я еще недостаточно привык к тому, что решения, принимаемые О. Э., почти наверное заменяются противоположными. Твердо решив остаться в Армении, Мандельштамы конечно же должны были вскоре приехать в Москву. Трубку вскоре взял О. Э. Его голос был бодрый и радостный. Он прежде всего сообщил мне главную новость: "А я опять стал писать. Какие у меня есть новые стихи!" Я немедленно отправился к ним. Мы встретились так, как будто расстались только вчера. Когда я напомнил, что решение остаться в Армении было окончательным, О. Э. воскликнул: "Чушь! Бред собачий!" Словно бы речь шла действительно о чем-то приснившемся в бредовом сне. Я и после замечал, что он, унесенный неизвестно откуда взявшимися и по своему духу чуждыми ему умственными построениями, вдруг точно просыпался и отряхивался от этой искусственной чуши, в которую ему, однако, еще накануне вполне искренне хотелось верить. Особенно, по-видимому, для него был силен соблазн уверовать в нашу официальную идеологию, принять все ужасы, каким она служила ширмой, и встать в ряды активных борцов за великие идеи и за прекрасное социалистическое будущее. Впрочем, фанатической убежденности в своей правоте при этих заскоках у него не было. Всякий, кто близко и дружески с ним соприкасался, знает, до чего он был бескомпромиссен во всем, что относилось к искусству или к морали. Я не сомневаюсь, что если бы я резко разошелся с ним в этих областях, то наша дружба стала бы невозможной. Но когда он начинал свое очередное правоверное чириканье, а я на это бурно негодовал, то он не входил в полемический пыл, не отстаивал с жаром свои позиции, а только упрашивал согласиться с ним. — "Ну, Борис Сергеевич, ну ведь правда же это хорошо?" А через день-два: "Неужели я это говорил? Чушь! Бред собачий!"

Сейчас я видел пробуждение О. Э. не после какого-то рядового заскока, но необычайно полное, всеобщее. Он был в сильной агитации,

Москва, 1934, слева жена А.Э. Мандельштама,
справа Н.Я. Мандельштам.

Воронеж, 1936,
сверху Н.Я. Мандельштам,
Н.Е. Штемпель.

Воронеж, 1937, О.Э. и мать Н.Я.,
Вера Яковлевна Хазина.

в какой я его ни разу не видел в Эривани. Ни о чем, относящемся к повседневным нуждам, к быту, не говорилось, как словно бы эти вопросы были решены и теперь можно и нужно говорить только о главном. Об этом и говорилось. Вперемежку, как всегда, с грохотом смеха. Главными были стихи. — Цикл стихов об Армении. И было начато или только задумано "Путешествие в Армению".

С этого дня все пошло так, как только может идти с Мандельштамами. — Появление чудных стихов. Возникновение новых заскоков. Пробуждение после них. И непрерывные бедствия. Негде жить. Покамест приютились у Е. Я. Хазина. Но у него не квартира, а комната, и он не один. — Жена. И в той же квартире теща, дама, которую я не видел ни разу, но, как можно было судить, довольно страшная.

Я сейчас не помню годов последовательных кочевок Мандельштамов. На небольшое время они поселились в комнате уехавшего, кажется, в отпуск брата О. Э., Александра Эм., жившего в одном из переулков на Маросейке. Там-то их соседом и оказался "еврейский музыкант" Александр Герцевич, навещивавший Шуберта. Потом отправились в Ленинград. Видавшие виды манатки: старый расползающийся чемодан, старая же корзина и еще какие-то связанные коробки были погружены в пролетку одного из последних в Москве извозчиков. Где-то среди вещей или на них уместились Н. Я. и О. Э. Когда пролетка тронулась, О. Э., махая на прощание рукой, кричал мне: "Борис Сергеевич, не носите крахмальные воротнички. Их нельзя носить. Они вас погубят". Возможно, он был прав. Потом возвращение из Ленинграда. Появилось "Я вернулся в свой город". И как уже тогда были понятны эти "Шевеля кандалами цепочек дверных". Появилась "полуспаленка-полутюрма" — комнатка сестры Н. Я. в Ленинграде. Потом довольно длительная оседлость в доме Герцена на Тверском бульваре. Там все кишело всякой писательской шушерой и провокаторами. Тихий и серьезный Миша Рудерман приехал изучать высший пилотаж поэтического мастерства у Иосифа Уткина, жившего в том же доме, но не в комнате, а в приличной квартире, так как был он в то время в почете. Миша сообразил, что у Мандельштама можно кое-чему поучиться. Не раз я заставал его у О. Э. Он выучился, чему хотел. Услышав через несколько лет его разудалую "Тачанку-ростовчанку", популярность которой побила произведения его учителей, я подивился казачьей лихости этого благонаправленного иудейского юноши.

Сейчас мне трудно припомнить, при каких обстоятельствах немного улучшились материальные дела Мандельштамов. Были

опубликованы "Путешествие в Армению" и цикл стихов об Армении. Организовано выступление О. Э. со стихами в Ленинграде. Дана квартира в Нащокинском переулке. Но моя забывчивость имеет некоторое оправдание. — Ведь в это время жил и я сам. Было много трудных и поглощавших внимание дел. А мои профессиональные и служебные интересы были далеки от того, чем жили Мандельштамы. В то же время редкий день мы не встречались, и создавалась какая-то мозаика, которую мне теперь невозможно распутать. Стихотворение "К немецкой речи" посвящено мне. Но обращено к обозначенному в заглавии адресату. Не ко мне прямо. Однако в нем есть слова, очень для меня значительные:

от
Когда я спал без облика и склада,
Я дружкой был, как выстрелом, разбужен.

О. Э. дружба была необходима. Хорошие, даже близкие отношения у него были со многими. Начиная с родственников, своих и жениных. Вернейшим другом-спутником была, конечно, Н. Я. Но она была жена. А друг — нечто совсем иное. Из тех, кого я встречал у Мандельштама, я не могу назвать ни одного близкого друга О. Э. Ближе других, пожалуй, был В. И. Нарбут. Приятельские отношения с прежних лет сохранились с М. А. Зенкевичем, меньше с Городецким. Но эти двое были уж очень много ниже калибром (общим, человеческим), чтобы быть его друзьями. С необычайным уважением, мало того, с каким-то пиететом относился О. Э. к А. А. Ахматовой. В нащокинской квартире одна из комнат была почти лишена мебели и обычно пустовала. Ее и отводили А. А., останавливавшейся в Москве у Мандельштамов, и О. Э. окрестил ее "капищем Анны Андреевны". Также и после его смерти А. А. всегда была связана с Н. Я. Но я все же не назвал бы эти отношения полного взаимного признания, восхищения и понимания дружбой. Мне кажется, что настоящим другом не может стать человек, так глубоко занятый самим собой.

Раз уж зашла речь об А. А., о которой я едва ли успею написать отдельно, то, хоть и не очень кстати, скажу о ней нечто здесь. Это очень субъективно, и я не могу сам определить, почему в искусстве одно меня потрясает и заставляет смотреть, слушать или читать это по многу раз, а припоминать — постоянно, а другое такого действия на меня не оказывает, хотя бы я вполне понимал, что эти стихи, музыкальная пьеса, здание и т. п. хороши, даже очень хороши. Первого рода произведения я называю хлебом. А вторые для меня

не хлеб. После того, как я познакомился с ней самой, а особенно — поддаваясь воздействию О. Э., я почти убедил себя, что ее поэзией можно насытиться. Но в конце концов все-таки окончательно уверился, что она не для меня. Также я не могу принять И. Анненского. Люблю по-настоящему только его перевод одного стихотворения Сюлли Прюдона. Почему у меня не ладится с ним, не могу понять. А причину неприятия Ахматовой я раскрыл. — Ведь решительно каждое ее стихотворение как бы произносится перед зеркалом: "Вот я грущу. Красиво грущу? Вот я села. Красиво села?" Я был поражен, когда прочитал у Блока почти то же самое. Верно, это было им сказано еще в начале его знакомства с ней, и, возможно, после он свое мнение изменил. А от моего оно отличается тем, что вместо зеркала в нем стоит "мужчина". Очень может быть, что прав Блок. На что же и зеркало, в конце концов, как не для репетиции предстоящей сцены с женщиной? Но все же очень многое заставляет меня хотеть думать об А. А. как только возможно хорошо (это не так уж просто), а моя формулировка мягче блоковской. Однако, как бы там ни было, забота о позиции перед женщиной или перед зеркалом, вообще забота о своем портрете не может быть основой творчества великого художника. Не позволяет она и полностью отдаваться дружбе. Кстати, эта забота совсем не просвечивает в стихах Цветаевой. И она умеет быть другом.

С явной симпатией, может быть, правильнее было бы даже сказать — с любовью, относился О. Э. к своему соседу по квартире в Доме Герцена С. А. Клычкову. Но при несомненном своем таланте Клычков все же вряд ли мог быть полноценным партнером в большой дружбе с человеком такого отточенного интеллекта, тончайшей интуиции и гуманитарной образованности, каким был О. Э. Впрочем, это соображение может быть совсем неверно. Ведь казалось бы, что по тем же самым основаниям О. Э., перебравшись в Москву, должен был очень сблизиться с Б. Л. Пастернаком. Однако, это не произошло. Я ни от кого не слышал, что Пастернак говорил или думал о Мандельштаме. О. Э. во всех разговорах со мной проявлял к Б. Л. полное уважение и отзывался о нем как-то подчеркнуто лестно. Но никогда не восторженно. А встречались они совсем не часто, и обычно во время приезда в Москву Ахматовой. Трудно мне также предположить, что для большого поэта могут просто как бы не существовать такие современники, как М. А. Кузмин, по крайней мере поздний, или Ходасевич. Никогда я ни слова не слышал от О. Э. о М. Цветаевой. Только после свидания с Андреем Белым летом 1933 года в Крыму, О. Э. сблизился с ним. Да и то я узнал о их новой дружбе не столько

из рассказов О. Э. об этой встрече, сколько из стихов, какими он откликнулся на смерть Белого.

Мне кажется, что на личных отношениях между писателями сказывается неизбежная, по-видимому, для них литературная партийность, а может быть и какая-то скрытая ревность. О. Э. не был свободен от них. Как поэт, я не могу поставить Бунина в один ряд с Тютчевым, Фетом или Блоком. Но некоторые его стихотворения (и не так уж их мало), бесспорно, очень хороши. Однажды я при Мандельштаме произнес начало последней строфы стихотворения Бунина "Имру-уль Кайс":

Ночь тишиной и мраком истомила.
Когда конец?
Ночь, как верблюд, легла и отделила
От головы крестец.

О. Э. почти шепотом сказал: "Как хорошо. Чье это?" Я назвал автора. На лице О. Э. появилось выражение, точно он проглотил что-то невкусное. Затем наступила небольшая пауза, после которой он начал: "Сразу можно определить слабого поэта. Вот у него..." — и т.д.

По всему, что я слышал и от самого О. Э., и от ближайших к нему людей, у меня сложилось мнение, что по-настоящему близким его другом был только Н. С. Гумилев.

И вот, несмотря на все, что я говорил в начале этих записок, я все же позволю себе считать, что дружба связывала О. Э. и со мной. Думаю, он понимал, что в моем отношении к нему проявлялась не только оценка его как поэта, но в равной степени любовь к нему самому. Я говорил, что потребность в дружбе у него была огромная. Но и у меня тоже. А видимо, чем сильнее эта потребность, тем труднее найти друга. Потому что дружить — дело нелегкое, и не всякий к нему способен. Будучи совершенно откровенен во всем, что здесь пишу, я признаюсь в своем допущении, что завязавшаяся между нами осенью 1930 года дружба была для О. Э. выстрелом, разбудившим его и возвратившим к поэзии.

Моя миссия у Эренбурга

Очень открытый Мандельштам легко сходил с людьми при первой же встрече. Я к этому привык и знал, что его восторженным отзывам о каком-нибудь новом знакомом не всегда нужно придавать значение. Однажды он с восхищением рассказал мне о появившемся

по соседству с ним в Доме Герцена некоем Амирджанове. Впрочем, говорил он не столько о самом этом человеке, сколько об имевшейся у него статуэтке какого-то японского или китайского божка. В скором времени застал Амирджанова у Мандельштамов и сам. Фигурировал и божок. Он был действительно очень хорош. Хозяин его мне не понравился.

В каком году это было, я не помню. Но летом или поздней весной 1934 г. произошел безобразный скандал. Н. Я. позвонила мне придти на квартиру ее брата для обсуждения очень неприятного дела. Там я узнал следующее. Мандельштамы, как почти всегда, испытывали острое безденежье. Когда-то, по-видимому, довольно давно, Амирджанов взял у них взаймы какую-то сумму. Вряд ли особенно большую. Сильно нуждаясь в деньгах, О. Э. решил их теперь стребовать. Нельзя и мысли допустить, чтобы какой бы то ни было разговор он мог вести грубо. Как я говорил, особая вежливость была одной из самых отличительных его черт. В Амирджанове он к этому времени, конечно, успел разобраться, и разговоры о нем кончились. Но от продолжавшихся неудач, а возможно, и от чего-то другого сверх них, О. Э. был в тот период как-то повышено нервозен. Я не допытывался, каким образом разговор с Амирджановым перешел в перепалку, а затем в драку, при которой какие-то удары или толчки достались и Н. Я. Не узнавал также, как этот скандал вышел за пределы квартиры, и вокруг него началась возня в среде писателей, в которой, конечно, нашлось довольно много охотников нагадить Мандельштаму. Хороший способ оплевания его был найден в виде постановки вопроса о его поведении на писательском общественном суде. Исход такого суда можно было предвидеть. Нужно было принять любые меры, чтобы он не состоялся. Но через кого? Конечно, решающим могло быть вмешательство Горького. Но Мандельштам был далек от него, да и вряд ли он согласился бы обратиться к такому вельможному заступнику. А возможно, что его и не было тогда в Москве. Кроме того, требовалось, чтобы за это дело взялся человек не только влиятельный — таких было еще несколько, — но и несомненный друг Мандельштама, понимающий, что он поэт самой первой величины. Это, безусловно, понимал Эренбург, а личные отношения у него и его жены с обоими Мандельштамами были, как я многократно слышал, достаточно близкие. И — точно Бог послал — они как раз находились в Москве. Но...

В Москву на этот раз Эренбург приехал не как прежде, т. е. чтобы кого-то повидать, где-то показаться, вероятно, в чем-то

отчитаться, о чем-то договориться и опять упорхнуть в чуждый конечно по духу, но зато удобный для постоянного проживания Париж. Теперь наши высокие инстанции решили, что хватит с него такой жизни. И дома, мол, найдется что делать. Обычно всякие льготы и блага для него исхлопывал Бухарин, который, как мне говорили, был его товарищем по гимназии. В 1934 г. положение Бухарина уже пошатнулось. А кроме того, его в этот момент не было в Москве. Он был довольно надолго куда-то далеко командирован. Эренбурги были в отчаянии. Мадам-художница — просто не представляла себе, как она сможет заниматься своим искусством, когда в Советском Союзе нет самых необходимых для ее работы материалов и инструментов: настоящих карандашей, кистей, красок, бумаги. Не столь ужасными, но все же ощутимыми профессиональными неудобствами угрожала репатриация и Илье Григорьевичу. Понятно, что такой момент был не наилучшим для обращения к нему по щекотливому вопросу. Но ведь речь шла о жизни его друга и — он знал, какого поэта.

Восстанавливая эти события, я с большой досадой то и дело замечая, как слаба оказалась моя память. — Было бы самым естественным пойти к Эренбургу Над. Яковлевне, которая, кажется, была приятельницей его жены или, уж во всяком случае, хорошо знала их обоих. Был с ними знаком и Евг. Яковл. Я не могу припомнить, почему на нашем совете было решено, что пойти к Эренбургу лучше всего мне, совсем не знакомому с ним.

Я застал Эренбурга в хорошем и уютном номере гостиницы, не помню — какой. Он был один и при моем появлении поднялся от стола, за которым то ли читал, то ли писал. Отрекомендовавшись, я тотчас же изложил цель своего посещения. О скандале он знал, и знал, по-видимому, о готовящемся суде. Выслушав меня, он сказал, что предотвратить этот суд вряд ли возможно. Если бы только этим он и ограничился в разговоре со мной, человеком ему совершенно неизвестным, да еще в такой трудный для него самого момент, и если бы после этого он объяснил Мандельштамам, почему он не может помочь в этом деле или не хочет разговаривать о нем со мной, я вполне понял бы его поведение, и его имя не стало бы для меня на всю жизнь отвратительно. Я всегда считал незаконным требовать от людей героических поступков. Теми, кто способен на их свершение, мы восхищаемся. Но не герой — не то же самое, что негодяй. Однако Эренбург счел нужным добавить к тому, что он мне сказал, следующее: "Да и помимо всего, согласитесь, что уж кто-кто, а О. Э., сам постоянно не отдающий долги, в роли кредитора,

настойчиво требующего свои деньги, — фигура довольно странная”. Этими словами в рот мне был запихнут кляп. Они были абсолютно справедливы. Возражать на них было невозможно. Но произнести их мог человек, не видящий разницы между автором “Тристий” и владельцем мелочной лавочки. Я эту разницу знал. К сожалению, мои собственные денежные дела были не так хороши, чтобы я мог сколько-нибудь существенно выручать Мандельштамов в их безденежье. Но мне и в голову не приходило рассматривать О. Э. с точки зрения его кредитоспособности. Зато и сам я с легким сердцем согласился в прошлом, 1933 году, единственном более или менее материально благополучном для Мандельштамов, поехать с ними почти целиком за их счет в Старый Крым, когда после месяца пребывания в ГПУ впервые в жизни почувствовал, что без какого-то отдыха не смогу работать. Слова Эренбурга привели меня в ошеломление. Я автоматически попрощался с ним и выкатился из его номера.

И вот после такого отклика спасти от гибели его друга и ценимого им поэта Эренбург, преждевременно почуявший “оттепель”, роняет в своих мемуарах слезки над Мандельштамом. Но чего можно ожидать от человека, согласившегося в качестве борца “за дело мира” прикрывать своим еврейским именем сталинский антисемитизм во время самого его разгула?

Чтобы закончить этот отрывок, скажу, что “суд” состоялся. Председательствовавший на нем А. Толстой явно не старался добавить от своего личного усердия к лаю шавок из Союза писателей, спущенных на Мандельштама. Даже и на символическую пощечину, полученную им от О. Э., он не ответил ничем, могущим дополнительно сгустить нависшую над ним тучу.

Зато тучу, нависшую над Эренбургом — уж не знаю, с чьей помощью, — пронесло. Ему вновь разрешили проживать в Париже. Оказанные ему милость и доверие он поспешил оправдать. В скором времени в “Известиях” появилась большая его корреспонденция. В начале ее сообщалось, что в Москве на тротуарах можно наблюдать очереди, стоящие перед пустым местом. Это — очереди на такси. А вот в Париже таксомоторов ожидать не приходится, зато там столько тысяч их безработных водителей. И дальше на протяжении целого газетного подвала или двух расписывалось, как все в СССР хорошо и как все во Франции плохо.

Русские стихи

В Доме Герцена, где наряду со знатными представителями советской литературы, но, конечно, в совсем других условиях, проживали

и отверженные, одним из соседей Мандельштамов был С. А. Клычков. Его я часто встречал у них, обычно заметно подвыпившего. Люди, вышедшие “из народа”, любят прикидываться перед ученой публикой мужиками. Не чужд был этой склонности и С. А. Поэтому он после первого же знакомства решил задирать меня, вернее — оглушать чушью, в которую он сам будто бы верил. — “Вот ведь, по-вашему, никаких чудес на свете не бывает. А моя бабушка сама видела, как сухой куст калины на лесной поляне вдруг ни с того, ни с сего сам собой загорелся”. Или еще рассказывал, что на какую-то девку из их деревни “находило”, что у нее изо рта начинали выпрыгивать лягушки и т. п. “Вот вы, небось, не верите этому, а чудеса-то бывают”. Раскусить этот эпатаж было не очень мудрено. Я отвечал ему, что де — почему же мне не верить, раз это было на самом деле, и что его бабушке, как свидетелю, я доверяю ничуть не меньше, чем самому ученому-разученому. После нескольких тщетных попыток вызвать меня на дискуссию с целью показать тщету и ничтожество науки, Клычков понял, что из этой затеи со мной ничего не выйдет, и прекратил свои наскоки. А человек он был очень хороший и талантливый.

Однажды в каком-то споре с Мандельштамом он сказал ему: “А все-таки, О. Э., мозги у вас еврейские”. На это Мандельштам немедленно отпарировал: “Ну что ж, возможно. А стихи у меня русские”. — “Это верно. Вот это верно!” — с полной искренностью признал Клычков.

Еще бы это было неверно! Для меня Мандельштам не только великий поэт, но именно великий русский поэт. Все им написанное так целиком в духе русской поэзии, что невозможно вообразить, чтобы его стихи были прекрасным переводом поэта-француза, немца или поэта какой угодно другой страны. Их мог написать только русский поэт.

Очень трудно, может быть, даже невозможно сказать, что же особенно выделяет нашу литературу и чем определяется принадлежность к ней настоящего русского поэта. Быть может, это — острое и трепетное восприятие природы, вообще ландшафта или неодолимая тяга ко всему стихийному. Но больше всего, по-моему, это — сильнейшее ее моральное напряжение. И, конечно, всякий большой поэт должен обожать язык, на котором он пишет, быть зачарованным его звучаньем, звуковой и смысловой магией его слов, игрой и переливами их значения. Поэтому он не может быть дву- или многоязычным.

В Польше в междувоенные годы, особенно в период так называемой “санации”, отличавшейся крайним развитием национализма и

шовинизма, еврейское происхождение Юлиана Тувима давало повод для самых отвратительных нападок на него как против польского писателя. Тувим героически и с остервенением отражал их. Он самым полным правом считал себя польским поэтом. Обладая лингвистическими способностями и зная несколько языков, получивший образование в русской гимназии и по-настоящему понимая все очарование русской поэзии, он сам писал только по-польски. Это был его язык, и он любил его, как любит свой язык только поэт.

И стихи Мандельштама русские и никакие другие.

Вспомнив здесь о Клычковой, я все же сообщу один эпизод, связанный с ним, хотя и не относящийся к Мандельштаму. Жена Клычкова то ли работала в каком-то издательстве, то ли имела отношение к одной из литературных организаций. Однажды, когда она спала, позвонил телефон и кто-то спросил подошедшего Серг. Ант. позвать ее. Он, характерно окая, ответил: "Она спит". Тогда голос в телефоне сообщил, что это звонят из секретариата Горького. На это последовал новый ответ: "И все-таки она спит". Кто не пережил те времена и не представляет себе бедственного положения опального писателя, не поймет всей дерзости такого ответа.

Читателя! Советчика! Врача!

Еще до знакомства с Мандельштамом я слышал, что он человек очень трудный и с тяжелым характером. Как могло сложиться такое мнение? Думаю, что оснований для него могло быть достаточно. Посредственные люди не выносят в других положительных качеств, каких они лишены сами. Они не верят, что такие качества вообще существуют, и воспринимают чужую пронизательность, порядочность, щедрость, доброту и т. п. как притворство и ханжество. Но особенно они не переносят остроумия. Если принять, что самая чувствительная часть человеческого тела — карман, и что самую быструю и острую реакцию обычно вызывает боязнь всякой материальной утраты, то на втором месте следует поставить страх перед насмешкой. А остроумный человек всегда в этом отношении потенциально опасен.

Дружба с Мандельштамом была тяжела и мне. Но по единственной причине. — Страшно было видеть, как он, словно нарочно, рвался к своей гибели. Во всех других отношениях он был, на мой взгляд, удивительно легок для самой тесной дружбы. И это прежде всего потому, что он был человек очень открытый и без дружбы

просто дышать не мог. Именно тоской даже не о друге, а хотя бы только о собеседнике, о слушателе вызван его вопль:

Читателя! Советчика! Врача!

На лестнице колючей — разговора б!

Рождение новых стихов было для О. Э. всегда радостью, которую ему необходимо было с кем-то и как можно скорее разделить. Конечно самым первым его читателем была Н. Я. Ее даже мало назвать читателем, так как она обычно собственно и писала стихотворение, т. е. записывала стихи или строфы, которые О. Э. произносил после сосредоточенной внутренней работы, сопровождаемой бормотанием, мычанием, выкриками отдельных слов, шаганием по комнате, беспорядочным курением, а иногда и пожевыванием какой-нибудь еды. При выборе одного из двух или нескольких вариантов он повергал их на суд жены, с которой он, впрочем, часто и не соглашался. Но готовые и прошедшие строжайшую собственную оценку стихотворения было необходимо прочитать кому-либо из друзей.

Я считаю, что слабых, а в молодости и незрелых стихотворений у Мандельштама вообще не было. И это удивительно для поэта. Но тем не менее я принимал не все, написанное им, не все его стихи звучали для меня одинаково. Допускаю, что установленные мной категории очень субъективны. Но я их различал, и к первой абсолютно преобладающей относил стихи (и, конечно, прозу), в которых автор предстал предо мной весь полностью. Их нельзя воспринимать отдельно от всего его облика. При их чтении кажется, что О. Э. должен был их написать, что они были *необходимы*, как некий особый ракурс, без которого его портрет был бы обеднен. И эти стихи прежде всего беспощадно правдивы, непререкаемо убедительны. В них я узнаю или с ними сопоставляю свои собственные переживания или через них мне становится видимым то, мимо чего я до сих пор проходил без внимания. Но всякий человек может увлечься и чем-то для него случайным. Даже увлечься сильно, и как ему кажется — искренне. Однако этот предмет остается для него все же только внешним, представление о нем поверхностным, иногда подсказанным кем-то, не результатом озарения после настойчивых и мучительных возвращений к нему, а иногда и обидно неверным. Когда это происходит с художником, то это не может не отразиться на поэтической силе его творения. Происходило это и с Мандельштамом. И я замечал, что в стихах и прозе, относимых мною к этой

категории, он бывает особенно прятен и расточителен в эпитетах, образах и сравнениях, не имеющих, на мой взгляд, безусловной убедительности.

О. Э. прекрасно сознавал свою поэтическую силу. Тем не менее он, как ребенок, тянувшийся к сладенькому, хотел полного признания того, что он написал. При честной нашей дружбе я не всегда мог доставить ему эту радость. И в этих нечастых случаях был с ним вполне правдив. Он тогда явно огорчался. Возражал. А затем словно упрасивал: "Да нет же, Б. С., стихи хорошие. Ну, послушайте", — и снова читал написанное. — "Ведь хорошо!" Мои протесты лишь в редких случаях имели последствием нанесение некоторых небольших поправок. Но и сам я не изменил своего отношения к тому, что мне казалось написанным не в полную силу Мандельштама.

Однажды утром О. Э. прибежал ко мне один (без Н. Я.), в сильном возбуждении, но веселый. Я понял, что он написал что-то новое, чем необходимо было немедленно поделиться. Этим новым оказалось стихотворение о Сталине. Я был потрясен им, и этого не требовалось выражать словами. После паузы остолбенения я спросил О. Э., читал ли он это еще кому-нибудь. "Никому. Вам первому. Ну, конечно, Наденька..." Я в полном смысле слова умолял О. Э. обещать, что Н. Я. и я останемся единственными, кто знает об этих стихах. В ответ последовал очень веселый и довольный смех. Но все же обещание никому больше эти стихи не читать О. Э. мне дал. Когда он ушел, я сразу же подумал, что невысказано, чтобы стихи остались неизвестными по крайней мере Евг. Як. (брату Н. Я.) и Анне Андреевне при первой же ее встрече с О. Э. А Клычкову? Нет, не сдержит он своего обещания. Слишком уж ему нужно

Читателя! Советчика! Врача!

Буквально дня через два или три О. Э. со сладчайшей улыбкой, точно бы он съел кусок чудного торта, сообщил мне: "Читал стихи (было понятно — какие) Борису Леонидовичу". У меня оборвалось сердце. Конечно, Б. Л. Пастернак был вне подозрений (как и Ахматова, и Клычков), но около него всегда увивались люди (как и вокруг О. Э.), которым я очень поостерегся бы говорить что-нибудь. А самое главное, мне стало ясно, что за эти несколько дней О. Э. успел прочитать страшные стихи не одному своему знакомому. Конец этой истории можно было предсказать безошибочно. Даже удивительно, что в надлежащее место стихи попали только через год.

Познакомившись с Мандельштамом только в 1930-м году, я не могу представить себе его без Надежды Яковлевны. Они всегда были вместе. Вдвоем они, за редкими исключениями, приходили ко мне. Обоих их я всегда заставлял, придя к ним. С обоими шел куда-нибудь. Очень часто супруга друга бывает принудительным дополнением. Никогда я не воспринимал Н. Я. как такое дополнение. Мне даже и не приходила в голову мысль, что я дружу с кем-то одним из них. Предмет наших разговоров несколько не изменялся в зависимости от того, были ли мы вдвоем или втроем. Разве только с О. Э. мне иногда приходилось в повышенном тоне разговаривать по поводу какого-нибудь его очередного заскока. С Н. Я. таких разговоров не бывало, так как она никаких химер не придумывала.

В 1934 году отправился в ссылку О. Э., а весной 1935 года забрали меня. Выйдя через два с лишним года из лагеря, я списался с Мандельштамами, приехавшими тогда в Москву. Но мы успели обменяться лишь немногими письмами, так как вскоре О. Э. был арестован и отправлен в лагерь на Колыму. В начале 1938 года Н. Я., зная, что первые вести от О. Э. придут нескоро и что зимовать ему придется где-то вблизи Владивостока, приехала ко мне в Шортланды. Она договорилась с братом, что он немедленно оповестит ее, если что-либо узнает об О. Э. Находясь у меня, Н. Я. по памяти записала все ненапечатанные стихотворения О. Э. и оставила эти записи у меня. Ее память удивительна. Но после выхода американского собрания сочинений Мандельштама я увидел, что все же она сохранила в памяти не все. Откуда же стали известны стихи, отсутствующие в моем списке? Всего вероятнее, что у Н. Я. существовала и другая запись. Тогда отпадает и вопрос о расхождении, чаще небольших, но иногда и существенных между текстом опубликованным и сохранившимся у меня. Первый вероятно более достоверен, но м. б. и не всегда.

Не помню точно, сколько времени Н. Я. пробыла у меня. Однажды от ее брата пришла телеграмма, извещавшая о смерти О. Э. Н. Я. немедленно уехала в Москву.

После ее отъезда между нами установилась очень постоянная и частая переписка. Весной 1945 года я по пути в Сталинабад (до того и теперь Душанбе) остановился у нее в Ташкенте, где она жила во время войны. С тех пор я больше с ней не встречался, но наш обмен письмами продолжался.

И вот произошло нечто, лишённое всякого основания и смысла. В один из послевоенных годов я эту переписку оборвал. Без всяких объяснений, так как объяснить свое поведение мне было нечем. И мало того что без объяснений, — с полной уверенностью, что буду я заподозрен в трусости. — Ведь в это время вторая волна сталинского террора набирала свою полную силу, и такое подозрение напрашивалось само собой. Я не имел в жизни случая проявить героизм. Поэтому я не могу утверждать, что трусость мне чужда. Но я хорошо знаю, сознание, что я совершил постыдный поступок, было бы для меня непереносимо. Я и до сих пор не понимаю, что заставило меня прекратить переписку с Н. Я. Очень твердо помню, что все наши письма были самые дружеские. Никаких споров мы в них не вели, и поэтому обидеть друг друга не могли. Мой поступок мучил меня, и я искал для него всяких объяснений. Возможно, в то особенно мрачное время постоянные мысли о мучениях О. Э. перед смертью стали для меня совсем непереносимы, и я, бессознательно спасаясь от боли, сторонился от всего, что эти мысли вызывало. Но я не уверен, что это объяснение справедливо. Сведения о Н. Я. доходили до меня из разных источников. Каждый раз слыша о ней, я вспоминал о своем безобразном поступке. Но я не пытался восстановить наши отношения, хотя, я думаю, это было возможно, если бы я написал Н. Я. приблизительно то, о чем говорю сейчас.

Одно только я вижу положительное последствие своего необъяснимого поведения. Как мне передавали, вокруг Н. Я., живущей теперь в Москве, образовалось подобие литературного или литературоведческого салона. Возник он, вероятно, на почве подготовки к печати сочинений Мандельштама. Я однажды писал (в своих воспоминаниях о Н. Д. Леонове), как судьба уберегла меня от вступления на "литературное" поприще. Если бы я продолжал свои отношения с Н. Я., то неминуемо вступил бы в какие-то связи с теми, кто создают — иного слова я не могу найти — культ Мандельштама. Я не люблю ни салонов, ни культов. Об О. Э. я хочу сохранить воспоминание как о самом мне дорогом друге. А объект культа — тем самым уже не друг. И я не совсем уверен, что издания стихов и прозы Мандельштама следовало добиваться. Ведь если бы они были у нас теперь напечатаны, то в каком изуродованном виде! Увидав американское издание Мандельштама, я вздохнул с полным облегчением. Его творения не потеряны. Пусть они будут трудно доступны русскому читателю хотя бы еще сто лет. В великой русской литературе место Мандельштама сохранено навсегда.

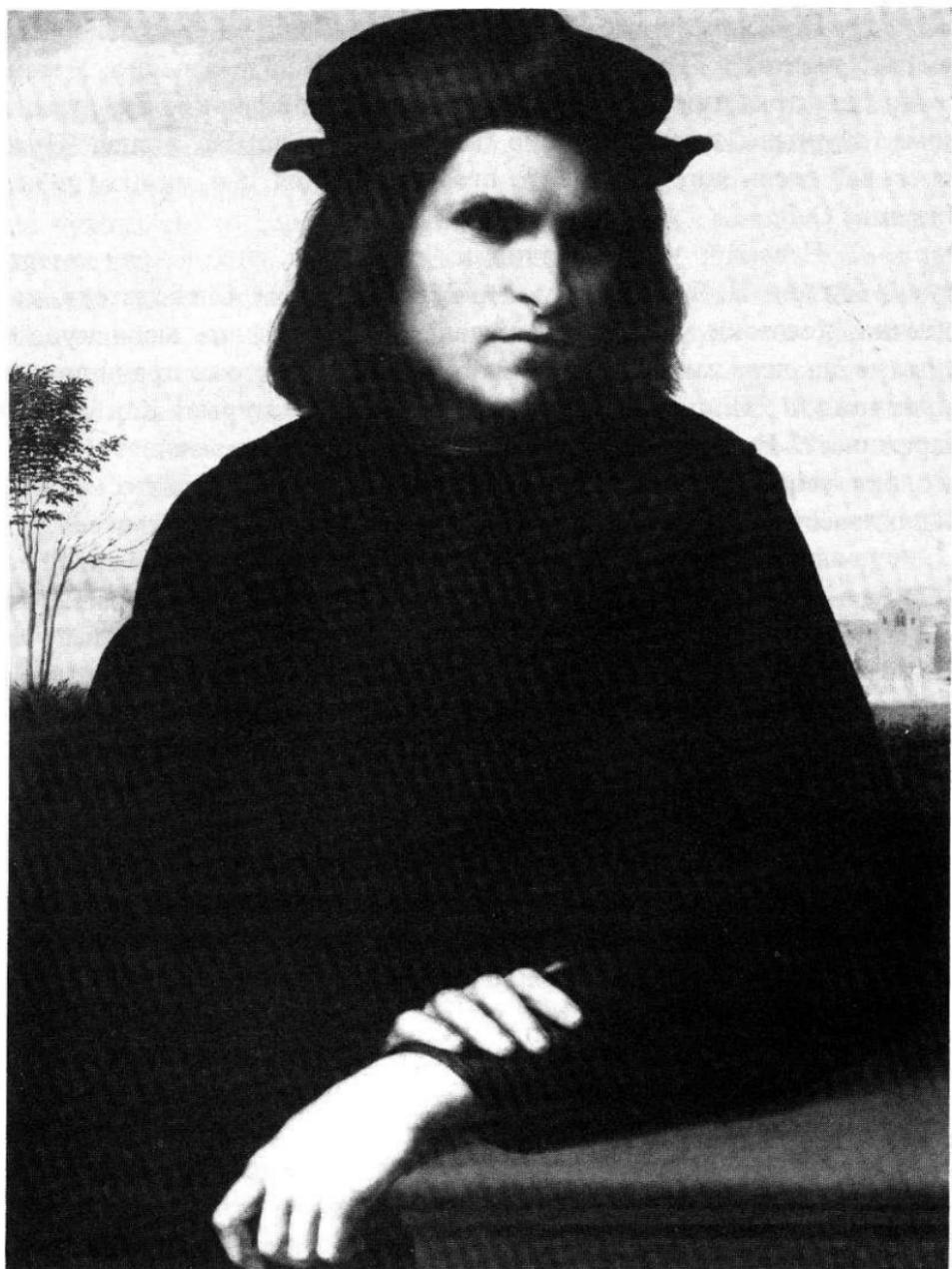
Две поправки

Только две, потому что я не успел прочитать всю рукопись Н. Я.

1. Н. Я. пишет, что А. А. Морозов сообщил ей, будто я совсем не был знаком с "Путешествием в Армению". Это неверно. У меня за время странствий по Казахстану пропал оставшийся в Москве номер журнала, в котором оно было напечатано. Но я знал "Путешествие" очень хорошо еще до его напечатания и о многом в нем спорил с О. Э.

2. Неверно, что я заявил на следствии, что я хочу смерти своей матери. Н. Я. забыла мой рассказ об этом. Следовательно, как обычно, всячески меня заставлял. Обещав загнать меня куда-то чуть не на всю жизнь, а то и расстрелять, он, тоже традиционно, воскликнул: "Подумайте, что будет с вашей матерью! Как она это переживет?" На это я ему ответил: "Она этого не переживет. Я знаю, что она умрет. Но что же я могу сделать?" — Сделать-то конечно было известно что.

Октябрь 1970 г.

К "ПОРТРЕТУ МУЖЧИНЫ" ГУМИЛЕВА

Не дожидаясь 1986 года, которым ознаменуется столетие со дня рождения и шестидесятипятилетие со дня расстрела "поэта-воина" Серебряного века русской культуры, хочу поделиться с почитателями корифея акмеизма интересной находкой, относящейся к одному из его стихотворений. На нее набрел мой брат Владимир, приехав осенью 1924 года в Париж заканчивать начатое в Петрограде и Праге университетское образование. Тем самым будет дано и мне отметить исполняющиеся в текущем 1983 году восьмидесятую и двадцать пятую годовщину его рождения и преждевременной кончины.

Полезно отметить, что прежде чем стать, со второй половины двадцатых годов, страстным ревнителем и вселенским глашатаем православного богословия, покойный брат интересовался главным образом средневековой культурой Запада и увлекался поэзией вплоть до собственных негласных дерзновений в области стихотворства. Свои парижские досуги он часто уделял посещению музеев Клюни и, разумеется, Лувра. После чего, в письмах, которые он адресовал нашей семье, проживавшей в Праге, на мою долю перепали открытки с репродукциями шпалер из цикла *Dame à la Licorne* или произведений итальянского треченто и кватроченто. Однако раз, почти что в виде исключения, пришла открытка, относящаяся к искусству преемников Рафаэля, с портретом молодого человека и, на обороте, стихами Гумилева. В сопровождаемом ею письме брат сообщил, что перед оригиналом в его памяти неудержимо встал *Портрет мужчины* — картина в Лувре работы неизвестного из сборника *Жемчуга*. Воспроизводим здесь как живописный, так и литературный, по моему глубокому убеждению явно ему соответствующий, портрет:

Его глаза — подземные озера,
Покинутые царские чертоги.
Отмечен знаком высшего позора,
Он никогда не говорит о Боге.

Его уста — пурпуровая рана
От лезвия, пропитанного ядом;
Печальные, сомкнувшиеся рано,
Они зовут к непознанным усладам.

И руки — бледный мрамор полнолуний,
В них ужасы неснятого проклятья,
Они ласкали девушек-колдуний
И ведали кровавые распятья.

Ему в веках достался странный жребий —
Служить мечтой убийцы и поэта,
Быть может, как родился он — на небе
Кровавая растаяла комета.

В его душе столетние обиды,
В его душе печали без названья.
На все сады Мадонны и Киприды
Не променяет он воспоминанья.

Он злобен, но не злобой святотатца,
И нежен цвет его атласной кожи.
Он может улыбаться и смеяться,
Но плакать ... плакать больше он не может.

По всей видимости стихотворение это было написано Гумилевым в 1908 году, незадолго до его возвращения в Царское Село из Парижа, где он посещал с 1907 г. курсы французской литературы в Сорбонне, равно как и сборища космополитической литературно-художественной богемы на Монмартре и Монпарнассе. Во всяком случае оно не вошло в его второй по счету, выпущенный им на берегах Сены сборник *Романтические Стихи*, где увидели свет его поэтические опыты 1903–1907 годов.¹ Появилось оно только в *Жемчугах*, вышедших в 1910 году в Москве с посвящением учителю Валерию Брюсову. В своем первом издании сборник этот разделялся на три части, озаглавленные *Жемчуг черный*, *Жемчуг серый* и *Жемчуг розовый*, очевидно в соответствии с "манахенстической светотенью" стихотворений. Луврский портрет, конечно, попал в разряд "Жемчуга черного". Понятно тоже, что удостоив сборник Гумилева благосклонным и ободряющим отзывом в *Русской Мысли*,² падкий на "цветы зла" автор *Огненного Ангела* не преминул

дать в нем место "мужчинам, отмеченным знаком высшего позора" и "девушкам-колдуньям" среди обитателей "мира, созданного воображением" своего ученика.

О происхождении "картины в Лувре работы неизвестного", возбудившей неоромантическое вдохновение молодого Гумилева, можно сказать следующее. Не исключено, что она в свое время принадлежала кардиналу Ришелье, у племянника которого, герцога Армана-Жана, она была куплена в 1665 году для коллекции Людовика XIV. Она находилась в Версальском дворце вплоть до Революции, осуществившей созревший до нее проект основания Луврского музея.

До середины прошлого столетия *Портрет мужчины* значился в инвентарях и каталогах как произведение Рафаэля, после чего пошли разнообразные противоречивые атрибуции, уступившие место осторожному анонимату, в котором картина пребывала, когда ею увлекся в 1908 году молодой Гумилев. Когда в 1925 году *Портрет Мужчины* завладел вниманием другого русского студента Сорбонны, моего брата Владимира, мнения специалистов о ее предполагаемом авторе уже сходились — как сходятся и теперь — на имени флорентийца Франческо ди Кристофано Биджи, по прозвищу Франчабиджо (1482/83–1525), фрескиста и портретиста, сложившегося в начале XVI века под влиянием Сарто и Рафаэля. Брату искусство этого мастера уже было известно по воспоминанию виденного нами в конце 1922 года в Берлинском Kaiserfriedrichsmuseum другого ему приписываемого *Портрета неизвестного*, также "отмеченного знаком высшего позора", или, как он тогда выразился, "выражением нравственной нечистоплотности".

Луврскому незнакомцу, по словам Гумилева, "в веках достался странный жребий служить мечтой убийцы и поэта". Не знаю, как его воспринимал Бодлер, но отмечу, что конгениальный певцу *Цветов Зла* в области романтической живописи Эжен Делакруа, искусство которого он уподоблял "lac de sang hanté des mauvais anges",³ испытал на себе сумрачную силу "глаз — подземных озер". Об этом свидетельствовала показанная под его именем в 1874 году на одной парижской выставке картина из частного собрания, озаглавленная "copie du portrait du Louvre dit L'Homme noir", в то время приписывавшаяся Франческо Франча (ок. 1450–1517), болонскому живописцу конца XV века. Черный человек притянул к себе также остро-проницательный взгляд другого крупного художника прошлого столетия, Эдгара

Дэга, часто обращавшийся на творения старых мастеров, о чем напоминают, в кабинете эстампов Национальной библиотеки, два контурных наброска с общей композиции картины и, в одном частном собрании Парижа, тщательно проработанный карандашом и растушевкой этюд с лица незнакомца. Перебирая в отделе документации Луврского департамента живописи досье Франчабиджо, можно найти сведения и о многих других, старых и новых, живописных и графических копиях, принадлежащих разным музеям и коллекциям.

Закончим отображением Луврского портрета в художественной прозе. Мельхиор Вогюэ (1848–1910), дипломат-писатель, ценимый нами как друг русской литературы и мысли и проповедник их во Франции, усмотрел, как и Гумилев, в глазах Черного человека "печали без названья", но не от воспоминания "столетних обид", а от тоскливого беспокойства перед надвигающимся новым веком: "ce regard triste et interrogateur, . . . le regard de ce jeune homme noir qui est au Louvre: penché hors du XVe siècle, il regarde venir des temps nouveaux, tourmentés et durs aux âmes simples".⁴

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Николай Гумилев. *Собрание сочинений в 4 томах*, под ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова, изд. В. Камкина, Вашингтон, 1962–1966, т. 1. Биографические данные во вступительной статье Глеба Струве, *Жизнь и личность*.
2. *Русская Мысль*, год XXXI, кн. VII (1900), стр. 206–208.
3. Стихотворение *Les Phares* в серии *Spleen et Idéal* (1855), вошедшей в сборник *Fleurs du Mal*.
4. Vicomte E. M. de Vogüé, *Vanghéli*, сборн. *Nouvelles Orientales*, Paris, éd. Neilson, p. 87. Указанная новелла была написана около 1877 г., когда картина приписывалась Франческо Франча, откуда и ее ошибочное перенесение автором из XVI в XV век.

Виктор АНТОНОВ

Николай Александрович БРУНИ (1891–1938) *

Судьбы русской культуры в XX веке не только глубоко трагичны, но хранят еще столько тайн и имеют столько белых пятен! По крохам – кратким упоминаниям или не всегда беспристрастным мемуарам друзей, коллег и родственников – приходится восстанавливать жизнь писателей, художников и композиторов; по крупицам – в пожелтевших журналах, газетах и малотиражных сборниках, пробиться к которым все труднее, – раскапывать их творчество. Тысячи произведений, может быть, выдающихся, были сожжены, замурованы в спецархивах или утеряны во время долгих вынужденных скитаний по огромной стране. Где их искать, да и найдешь ли при том равнодушии к истории, в котором выросли поколения "образованщины"? Ежели что найдется, то не все может появиться, а ежели появится, то со стыдливými умолчаниями и отточиями. К тому ж, ученому исследователю не все представляется ценным, особенно когда нет модного и звучного имени, оттого припрячет он найденное до лучших дней и станет писать об апробированном, что наверняка принесет ему известность.

Кто знает о Николае Бруни? Где-то, в каких-то воспоминаниях, литературоведы "серебряного века" встречали эту фамилию среди акмеистов* * и их окружения, отпечатывая в памяти разве что ее итальянское окончание или вспоминая о знаменитом родственнике-академике. Он вроде что-то рифмовал, но тогда это делали многие. Так, случайный человек из окололитературной среды, который потом куда-то бесследно исчез. Да что о нем вспоминать, ведь вокруг мэтров мелькали метеорами разные дилетанты. Вспомнить все же стоит, не для того, конечно, чтобы открыть забытого гения, а чтобы к выжженному роковыми годами пейзажу родной культуры прибавить еще один скромный мазок, от которого он, может, станет чуть-чуть ярче.

* Из самиздатского журнала "Часы" (Ленинград), 1981, № 34.

** Н. Бруни, в частности, был близким другом О. Мандельштама. Он выведен под собственной фамилией в третьей главке "Египетской марки": "Николай Александрович, отец Бруни! – окликнул Парнок безбородого священника-костромича, видимо еще не привыкшего к рясе и державшего в руке пахучий пакетик с размолотым жареным кофе. – Отец Николай Александрович, проводите меня". (Прим. Ред.)

Предки Бруни были итальянцами, но жили они не в самой Италии, а в кантоне Тессин — в итальянской Швейцарии, откуда, начиная с петровской эпохи, в богатую и гостеприимную Россию десятками ехали художники и ремесленники. Живописец Антонио Бароффио прибыл в Петербург в 1807 году. На родине он не только писал картины и рисовал эскизы медалей, но интересовался также политикой: волонтер в армии Суворова, он был ранен в бою у Чертова моста. Затем, спасаясь от преследований за свои антинаполеоновские взгляды, немолодой художник эмигрировал в Россию, где остался с семьей до самой смерти, переименовав по непонятной причине на Бруни свою родовую фамилию.

Ее носил уже старший сын Антонио, знаменитый академик Федор Бруни, и младший — Константин, проживший всего 33 года. Он оставил пятерых детей, из которых известность позже обрел только Александр — столичный архитектор и член Академии Художеств. Один из его сыновей, тоже Александр, пошел по стопам отца, но, обладая меньшим талантом, зарабатывал на жизнь в основном службой. Он был женат на Александре Петровне Соколовой — дочери известного акварелиста, бывшего в родстве с Брюлловыми. Александра Петровна не чуралась литературы: переводила с немецкого и норвежского и печаталась во второстепенных журналах, но ее семейная жизнь сложилась неудачно: в 1898 году в течение полугода умерли трое детей, а через год произошел разрыв с мужем. Вскоре привлекательная молодая женщина вышла еще раз замуж за Исакова, возглавлявшего мозаичную мастерскую Академии Художеств, и поселилась в казенной квартире на 3-ей линии с обоими своими сыновьями: старшим Николаем и Львом.

Дом был полон искусства, поэтому оба юноши выбрали для себя художественное поприще. Николай, родившийся 16 августа 1891 г., поступил в Консерваторию, но, хотя преподаватели очень хвалили его успехи, курса, кажется, не кончил, сохранив однако навсегда страсть к музыке. Лев стал известным художником, проделав путь от рьяного авангардиста до хорошо оплачиваемого декоратора сталинских сооружений. Молодые годы братьев прошли в атмосфере, выразительно описанной Н. Пуниным в его воспоминаниях "Квартира № 5". Сюда приходили Гумилев, Кузмин, Бальмонт, Альтман и близкие друзья Николая — композитор Лурье, поэты Петников, Зенкевич, Ивнев, их знакомые и поклонники. Бывали и подолгу гостили Городецкий и его жена Анна Алексеевна. Они привели с собой Клюева. В те предвоенные годы Николай Бруни

сам стал писать стихи, хотя неизвестно, печатал ли их где-либо. На жизнь он зарабатывал уроками музыки.

Когда началась Первая мировая война, молодой поэт и музыкант, охваченный патриотическими чувствами, пошел на фронт санитаром, а потом поступил в авиаторскую школу в Севастополе. За боевые вылеты он получил три Георгия, но в сентябре 1917 года под Одессой во время учебного полета потерпел аварию и чудом остался в живых. Увидев в своем спасении перст Провидения, Бруни решил стать священником. После окончания гражданской войны, в которой сражался в красной авиации, он принял сан и перебрался с женой из Москвы в Оптино, где, расставшись с мужем, жила его мать, духовная дочь старца Нектария. Сперва о. Николай служил в Козельске, а потом — в деревне Касынь, близ Оптиной пустыни, куда в это время из Сибири приехал его младший брат Лев, женатый на еще здравствующей дочери Бальмонта — Нине.

Несмотря на постоянные и все усиливающиеся гонения и притеснения, Бруни в 1920-х гг. пережил духовный и поэтический подъем. Правда, он не был образцовым пастырем и, отличаясь резкостью и нетерпением, часто не ладил с прихожанами. Наверное, виновны в этом были не один его темперамент и тревожная обстановка в Церкви и вокруг, а и сам характер обращений, который после революции сделался типичным для многих русских интеллигентов, подчас принесящих в православие свое самолюбие и тайную гордыню. В стихах Бруни тех лет можно хорошо почувствовать, как он колеблется между духовно-религиозными и эстетическими исканиями, между благочестием и поэтическим мечтанием.

"Пятилетка безбожия" застала о. Николая в Клину. Храм, где он священствовал, был закрыт, и свою многочисленную семью ему пришлось кормить, делая на продажу игрушки. Неожиданно Божий промысл столкнул Бруни со старым товарищем по авиации, который имел связи в официальных кругах. Он помог бывшему священнику (который, кажется, сложил сан) переселиться в Москву и устроиться техническим переводчиком в известном институте ЦАГИ им. Жуковского. Однако недолго длилась безмятежная жизнь Бруни и его семьи в тесной коммунальной квартире. В 1934 году он был арестован и отправлен в северный лагерь в поселке Чибью (ныне — Ухта).

Бывшему священнику пригодились в лагере его художественные способности. Когда в 1937 году праздновалось столетие со дня смерти Пушкина, лагерные власти — ценители изящного — даже заказали талантливому эзку вылепить памятник поэту, до сих пор

стоящий в одном из городских скверов. Выживанию, наверное, помогали и стихи, которые отличаются каким-то особым покоем, христианским смирением и возвышенной скорбью. По силе переживания и искренности они, несмотря на некоторые формальные недостатки, в числе лучших в небольшом поэтическом наследии Бруни. На рисунке, который о. Николай сделал в 1937 году для жены, приехавшей навестить его, он выглядит измученным, грустным и сломленным человеком. Жить ему оставалось недолго. В 1938 году он был расстрелян во время печально памятных кашкетинских мероприятий по разгрузке северных лагерей. Жившей в Малоярославце семье сообщили, что заключенный скончался от воспаления легких.

Так трагически окончилась жизнь богато одаренного человека, который взошел на Голгофу со многими своими соотечественниками. Крупным поэтом Бруни не был, и в публикуемых стихах (они, кстати, лишь четверть его рукописного наследия) весьма заметен определенный, хотя и качественный дилетантизм, который, пожалуй, будет коробить некоторых современных эстетов, ценителей всяческих поэтических ухищрений. Не следует, однако, забывать, что сам поэт редко отделял свои произведения, предназначая их в основном для близких, и не переоценивал свой дар. Для нас они прежде всего интересны как довольно яркое и иногда драматическое личное свидетельство, свидетельство-сопереживание честного, искреннего и духовно чистого человека. Много ли таких свидетельств в поэзии дошло до наших дней?

Ленинград

СТИХОТВОРЕНИЯ Н. А. БРУНИ

Разговор с собакой

Кто пойдет на пытку добровольно?! —
У меня под письменным столом
Жирный пес, всегда собой довольный,
По паркету хлопает хвостом.

На руках она тебя держала,
Месяц был, как с молоком рожок,
Тело твое нежное дрожало,
Косоглазый, шелковый щенок.

Были мокры гладкие перчатки.
Дурень! Да ты помнишь ли ее?
Синие таинственные складки
И пера на шляпе острие.

В тишине слова ее летели
Птичьим криком, звонким и сухим:
"Мальчики топить его хотели,
Ах, возьмите! Что мне делать с ним?"

Больше никогда ты не узнаешь
Ласк ее порывистой руки.
Ненавистный! — Ты опять зеваешь,
Задирая сытые клыки!..

Петербург, 1915

После полета

Я на землю спустился с облаков,
И в комнате готовлю скромный ужин,
И огонь бесцветный — тихо спирт пылает.
Влачат в ангар беспомощную птицу,
Поникла ты, когда остановилось
Железное бестрепетное сердце.

Как ангелы алеющие розы
Плывут по вечеряющему небу,
В открытое окно струится холод
И солнце золотит пустую стену!
Здесь овощи и рыба на столе,
Где я один грущу и вспоминаю
Забытую легенду об Икаре.

Севастополь, сентябрь 1916

К Бальмонту

*Ты, непропетый, несозданный стих,
Сдавленный стих оскорбленья.*

К. Бальмонт

Нет, я не мню себя поэтом,
Но я изведаль, как и ты,
Пронизанный нездешним светом,
Все одиночество мечты!

И в некой пламенной заботе,
Скрывая затаенный гнев,
Ищу забвения в полете
И крыльев слушаю напев.

Быть может ты печаль увидел
В изгипе истомленных крыл?!
Или в таинственной обиде
Ты правду некую раскрыл?!

Мое пылающее сердце
Смотри — среди царственных снегов!
Ах, — это солнце или сердце
И океан без берегов.

Ах, — это снег или туманы,
Вершины или облака?..
Но плавит душу пламень странный,
И дымом стелется тоска!

И крылья стонут! И распятый
Я в океане изнемог,
А мимо мчится златолатый,
Небесный облачный чертог.

Я в этот миг — как ты!
Кто знает, что сердце там пережило?!
Передо мною возникает
Твое высокое чело!

К тебе, как сын, тогда зываю:
"О мой король! Король — певец!
Я здесь один! Изнемогаю!
Ты видишь ли меня, отец?"

Москва, декабрь 1918

Григорию Петникову

*И понял я, что вот — страдать
И значит — полюбить другого.*

М. Кузмин

Такая жальщая жалость,
Такая боль неувядающая.
Ах, не скрывайте же, пожалуйста,
Ведь и во мне душа ветшающая.

Вижу ваши опущенные плечи,
Будто вы роста своего стыдитесь.
Знаю, что вы — подвижник и витязь,
Слушаю донкихотские ваши речи.

Да только на что мне ваше мужество,
Ведь я летал на железных птицах,
С облаками вступал в содружество,
Небесный иней приносил на ресницах.

А вот теперь наяву, не в сказке,
Плетусь от Вас в потрепанной ряске,
Иду, вспоминая — какая ирония!
Из ваших слов одно лишь понял я:
"Вы приходите! Я здесь скучаю!"
Так я всю жизнь смерть встречаю.

Харьков, 20 июля 1920

Поля, поля! Разбег, полет!
Под крыльями метель метет!
Проклятого бензина чад,
Цилиндры черные стучат;
Колотит сердце верный бой,
И стонет воздух голубой!
Рвануться бы! Сорвать узду!
Ах, мне б разбиться о звезду,
Ах, мне бы так ворваться в рай —
Кричать России: "Догорай!"
Кричать, кричать... — проклятый чад!
А крылья кренятся назад —
Туда, где кружат города,
Где бьет бескрылая беда!

Оптина пустынь, 23 декабря 1922

Анне Ахматовой

Это утро в сером серебре,
Закружились, загрубили пчелы.
Мы пришли безумствовать, гореть
В этот мир послушный и веселый.

Тихо тают душные снега
Этих смуглых, этих райских яблонь,
Для чего небесные луга —
Если образ Твой так ясно явлен?

Оптина пустынь, 23 мая 1924, Вознесение

Марии Полиевктовой (сестре жены)

Напрасно медленные годы
Как волны бились в берега.
Среди широкой непогоды
Лишь ты печаль моя строга.

Проходят мимо сны и люди,
И города, и облака,
Но вот, как голову на блюде,
Приносит мне тебя тоска.

Я поднимаю и целую
Завпечатленные черты,
Нет, мне не полюбить другую,
И знаю — не изменишь ты.

Я пью тебя, как кровь из чаши,
Как небо, полное тобой,
Нет, не затопит души наши
Веков беспомощный прибор.

День Марии Магдалины, 1924

О. Павлу Флоренскому

Вы печалью меня напоили!
Сердце стонет или поет...
Чем, скажите, Вы отравили
Чай душистый, варенье, мед?

Думаю, не от того ли
Время застыло с тех пор:
Все мне видится ясно до боли —
Снежная скатерть, ковер.

Все я шурюсь от лампы висячей —
Или Ваш это пристальный взгляд?
Все томлюсь нерешенной задачей —
Не смертелен ли выпитый яд?

[без даты]

Звучит заученная повесть ночи
По степи стелет веящую тишь
И совесть непробужденную точит,
Как стебелек — полунощная мышь.

Поднять не в силах огненного груза
За тополь опускается луна,
И крадется запуганная муза,
Иль это сон? О как она бледна!

Как два угля — недремлющие очи
Горят и жгут мучительную мглу!
О, если б сжег я повесть этой ночи,
Волос тяжелых черную смолу!

22 июля 1925

О, за что невозбранно вдыхаю
Тишину догоревшего лета,
Отчего не тону, не сгораю
В океане вечернего света?

И откуда такая беспечность,
Что ликую, пою и надеюсь.
Воссияла разбойнику — вечность
И открылось небо — злодею!

Так бреду по вечернему полю
И вдыхаю последнюю милость
И пою догоревшую долю,
Будто жизнь мне только приснилась.

Там, за тощей рябиною — вечность,
Над горохом распяты злодеи,
И откуда такая беспечность,
И на что я еще надеюсь?

Клин, 28 сентября 1925

Г. Чулкову

Во всем премудро Провиденье
И все вершится неспроста: —
Когда б не Божье попущенье,
Не позабыл бы я креста.

Сей случай небесам созвучен,
Двойное знаменье того,
Чтоб ты был с Богом неразлучен,
А я чтоб не терял его.

Поезд Москва-Клин, март 1926

Жене

Дорогая, прости мне, прости!
Я срываюсь в нечаянной злобе.
Кто не станет ругаться в пути,
Коль не вспятышь из ямы оглобель?

Не кляню я злую судьбу,
Лишь сгораю в лихой лихорадке.
Оттого залегают на лбу
Как железом прожженные складки.

Эта жизнь мне пришлось не с руки,
Штурмовал я картонные замки,
Проиграл я себя в поддавки,
Торопясь в никчemuшние дамки.

Близок час: застучат молотком,
Загрохочет под сводами эхо,
И придавят меня потолком —
Скорлупой гробового ореха.

О, подруга моей души!
В этот час мы покончим с игрою,
На могиле моей напиши:
"Другу сердца, но... не герою!"

15 августа 1928

Когда Россия Богом позабыта,
Ее не скрасит никакой наряд.
Разбитого и попранного быта
Опять, опять развалины горят.

Встает из гроба дикий самодержец,
Кровавятся крутые бельма глаз,
Коня храпящего он держит,
Но не дается конь, змеей крутятся.

Тебе бы море молниями измерить!
Не ты ли первый огненный кумач
Вознес, как трепетанье веры,
На высоту смолистых мачт?!

Ты церковь закрутил, как воск огарка, —
И перед бездной замер старовер...
И вот на праздном троне патриарха
Державной воле верный офицер.

С такими думами необходимо
Вздвигаться, выситься — и ты
Столбами вздыбленного дыма
Над Русью поднял страшные мечты.

Ты украшал не снежною фатою
Ее, невесту, на немилый брак,
Как скоморох. Она с немой тоскою,
Похолодев, глядела в черный мрак.

И от стыда, как в зареве пожара,
(О, как жених был страшен и жесток!)
Почуяв ужас смертного угара,
Бежала в степи, в стужу, на Восток.

И ты не смог коснуться даже в шутку
Блаженно-девственной руки.
Да! Ты повел не Русь, а проститутку
На свой корабль, на шаткие мостки.

А дикая Царевна-Лебедь птицей
Взвилась в туман с метелью лебедей...
Зачем же ты грозишь теперь столице
Огнем железных кораблей?

Теперь ты бредишь новою Москвою,
Чего ты ищешь на чужой земле? *
Тень самозванца бродит за тобою
В тобой поруганном Кремле!

17 января 1923

[Из лагерных стихов]

О, как медленно годы проходят!
Как мучительно тянутся дни!
Схорони даже мысль о свободе,
Даже мысль о ней схорони!

О, простите меня, дорогие!
Между нами зияют года.
Под покровами льда
В ледяной летаргии
Я лежу, как руда.

Я любил вас всей кровью и силой,
Всем пыланием, добрым и злым.
Золотеющий дым
Вырастает столбом над могилой,
Над безмолвьем моим.

Над щелявой и низкой хибаркой,
Где собратий теснятся гробы,
Полутрупы над печкою жаркою
Греют души — святые останки,
И подмокшие сушат грибы
И портянки.

* В оригинале — "на святой земле".

О, если бы я забыл
Образ милый,
Я б не встал из могилы,
Я бы лег навсегда
Глыбой льда!

Я б не слушал смрадную ругань
Искаженных ложью людей,
Что пред смертью язвят друг другу,
Проклиная врагов и друзей.

Я б не слушал шипенье из трубки,
Что вещаньем зовут
Тут,
Отупевший от боли,
Хрупкий,
Как ребенок в неволе,
Я б отдал свой дух Христу.

Я любил вас всей кровью и силой,
Золотеющий дым
Вырастает столбом над могилой,
Над безмолвьем моим.

Но любовь, как руда
Золотая! — Пусть проходят года,
Истлевают медленно дни,
Пусть уходят они
С золотеющим дымом —
Сохрани
Только память о друге любимом!

Чибью, март 1936*

* Название поселка Чибью не склоняется, ныне город Ухта.

Ни о чем, ни о чем не жалею,
Ничего не хотел бы вернуть.
Упаду, как снаряд, тяжелея,
Завершая стремительный путь.

О распутица черных столетий —
Лихорадочный бред мертвеца!
Слепота в электрическом свете
И труды и труды без конца.

Не нужны мне ни крылья, ни ряса,
Не хочу ни поэм, ни сонат —
Слышу шорох предсмертного часа
В тишине убеленных палат.

Среди волн межпланетного гула
Различаю торжественный звон.
Глубоко ты, душа, заглянула
В животворный, загробный сон.

О, прости меня, милая мама!
От планеты, как зрелый плод,
От вселенского вечного гама
Оторвусь и паду в небосвод.

Упаду в голубые объятия,
Огневую мечту обниму —
Милый друг, там где нету распятыя
Жду тебя в голубом терему.

Розовеет туман волокнистый,
На реке колотят белье,
Загорелись в листве аметисты,
Словно, Отче, Твое бытие!

Не отринь меня, Боже, Боже!
Сколько звезд, столько новых стран!
Только вот для чего, для чего же
Я хватаю опять чемодан?!

И за сердце в припадке хватаюсь.
Иль боюсь бездонного дня?!
Милый друг, о, моя святая,
Помяни в молитвах меня!

Чибью, 8 августа 1936

Декабристы

Звонит серебряный мороз,
Бегут ленивые олени.
Суровый тянется обоз
И длинные ложатся тени.

Сомкните мудрые уста,
Отдайтесь радости в страданьи!
И пусть упрямая мечта
Созреет в северном сиянии!

Забудем счастье и уют
И призрак мимолетной славы,
Пускай нас братья предадут,
Но с нами Данте величавый.

Сильней симфоний и стихов
Греметь мы будем кандалами.
И мученики всех веков,
Как братья старшие за нами.

Пусть нам свободы не вернуть,
Пусть мы бессильны и неправны,
Но наш далекий трудный путь
Постигнет прозорливый правнук.

О! Не оглядывайтесь вспять!
О, не заламывайте руки —
Для тех, кто любит, нет разлуки:
Так солнце может мир обнять!

Май 1937

Аврил ПАЙМАН

ПУТЬ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ПОЭЗИИ

(Размышления по поводу книги Игнатия Карамова "Стихи", Editions L'Age d'Homme, Lausanne, 1982, и некоторых новых, здесь впервые публикуемых, его стихотворений)

*Я скоро весь умру. Но тень мою любя,
Храните рукопись, о, друзья, для себя!
А если Вы, друзья, — лишь плод воображенья,
Пусть о моих стихах пекутся привиденья!*

В прошлом, 1982, году появился в Швейцарии тоненький сборник стихов Игнатия Карамова, с предисловием "от составителя" и с "опытом предисловия" от автора. Возможно, что критики опасались писать об этих стихах — очень необычных, едких, петербургских — потому что подозревали мистификацию. Во всяком случае, заявление составителя о том, что "в этот переплет входит часть уцелевших стихотворений моего товарища и сослуживца" чем-то уж очень напоминает *Повести Белкина*.

Однако, поскольку сегодня не в моде биографический подход к стихам, давайте присмотримся к *произведениям* новоявленного поэта. Во-первых, они заслуживают внимания; во-вторых, нам вместе с составителем "все-таки хочется, чтобы они не были потеряны, не затерялись, как бутылка, брошенная с корабля"; и, в-третьих, хотелось бы доказать автору и себе, хотя бы вопреки доводам точной науки, что "есть на Марсе марсиане".

Давайте, поэтому, оставим в стороне вопрос о том, кто такой Карамов, и посмотрим лучше, что, о чем и как он пишет. Анна Ахматова, прослушав "в первый и последний раз" его стихи, сказала: "Властно и самобытно".

И после паузы, где-то посредине, между этим приговором и заключительным энергичным поздравлением, прозвучала прямая и откровенная фраза, уточнявшая эту оценку и, видимо, не изменявшая ее сути: "А знаете, — неприятные стихи!".

Это уточнение и побудило Карамова, в неопубликованном и, видимо, неотправленном письме, высказать свое поэтическое кредо, где он старается определить свои соотношения с веком и

Во всей книге — только одно посвящение: "К. К. Вагинову". Константин Вагинов, для группы Ленинградского Объединения реального искусства (Обериу), что Иннокентий Анненский для акмеистов: старший, учитель, вдохновитель. Сборники его стихов и романы, изданные крошечными тиражами при жизни его и потом совсем забытые широкой публикой (если только они когда-либо были ей известны) теперь переиздаются издательством "Ардис" в США. Младшие обериуты, Хармс, Олейников и Введенский, писали прекрасные детские стихи, и одновременно писали, но не издавали, взрослую литературу, мрачную и веселую эзотерику, "абсурд". Первые два, по лаконичным данным *Краткой Литературной Энциклопедии*, "незаконно репрессированы" и "посмертно реабилитированы". Введенский же, как сообщает Георг Гибиан,* разделил судьбу Хармса и умер, как и он, в тюрьме. Дружили они со скромным и остроумным Женей Шварцем, так же как и они и детским и не детским писателем, и с замечательным (но тоже, порой, весьма "неприятным") поэтом Заболоцким. Вагинов умер раньше других, в 1934 г., своей смертью. Остро чувствовавший распад петербургской культуры, он был петербургским мистиком. Младшие обериуты переприняли у него гротеск, алогичность, иронию, отчаянный, задорный трагизм.

В стихах Карамова мы найдем многое, родственное Вагинову и младшим обериутам: эксцентрика, игра, мистика; лаконичность, легкость танцующей строки, влияние детской считалки, сочетание литературных реминисценций с нелитературными оборотами, звукопись, граничащая с "заумом". Вот, например, как Карамов пишет о "Музе Ивановне" и о безымянном ее "учителе":

Геральдику в арифметику
Тот педагог облек,
Ты учила ответики,
Повторяла билетики
Арифметике поперек,
Сама себе невдомек.

* См. George Gibian. *Russia's Left Literature of the Absurd*, Cornell University Press, Ithaca and London, 1971, p. 3. О "манифесте" Обериу см. также Robin Milner-Gulland, «Left Art in Leningrad: the "Oberiu declaration"», *Oxford Slavonic Papers*, New Series 3 (1970).

Он скажет:

хрю, ква!

Ты повторишь:

дважды два — халва,

Он скажет:

Кукуреку!

Отвечаешь:

бегу, пеку!

А подымет левую бровь, —

Знаешь:

не прекословь, кровь...

Вот и стала каргой,

А могла быть молодой,

Вот и стала беззубой, горбатой,

А могла быть тароватой, богатой:

Не ловила бы ветер ноздрей,

Не хлопала лягушечьей икрой,

Не пугала попугайной мордой —

Была бы простой

И гордой.

(стр. 14—15)

Вспоминаются слова Ланцелота, странствующего рыцаря Евгения Шварца, когда он призывает Эльзу (спящую царевну, Мировую Душу, Русь) проснуться от тупой дремоты, навеянной Драконом:

Страх, усталость, недоверия сгорят в тебе, исчезнут навеки...
ты будешь ходить спокойная и гордая.

(Евгений Шварц. *Пьесы*. Советский Писатель. Ленинград, 1972, стр. 311).

Карамов, однако, стеснялся бы писать таким "открытым текстом" даже в сказке. Подзаголовок стихотворения, к тому же, "Из Пиндемонте", отсылает к Пушкину. Самым неожиданным образом возникает рядом и Лермонтов — в приписке к стихотворению "Сапог":

Вероятно, это стихотворение под влиянием Лермонтова. Автор вначале хотел написать: "Сапог оторвался от ветки родимой".

Написал же он скорее в духе капитана Лебядкина, одного из признанных родоначальников Обериу:

САПОГ

В память каких-то ног
На крыше лежит сапог.
Сушит его ветерок.
Заметает его снежок.
Кто на крышу его приволок?

Он лежит на боку, на снегу,
Разорванный на снегу...

Только конец стихотворения, с щемящим зовом "в путь", чем-то действительно напоминает Лермонтова — хотя бы "вверх ногами":

Мы лежим (и он и я)
Лежим и встать нельзя.
А живые наши ноги
Идут от нас по дороге. (стр. 22)

Жаль сапога, и веришь, что это — в самом деле *увиденное*, ибо язык настоящей поэзии, будь это даже самый что ни на есть сюрреал — всегда и везде — самое непосредственное выражение действительности. Этому учил Пастернак... и был прав.

Если стихи Обериу восходят корнями к русскому футуризму (в частности, к Хлебникову), они также — по сознательной, эклектичной своей культурности — непосредственно связаны с акмеизмом и, значит, генетически и с символизмом. В стихах Карамова эта связь живая и крепкая — хотя уживается, как мы увидели в стихотворении "Сапог", с интересом к "конкретному предмету, очищенному от литературной и обиходной шелухи".* Есть, например, отзвуки поэзии Андрея Белого, а родство с Александром Блоком переходит грань чисто литературной преемственности. В Ленинграде Карамова все еще незримо присутствует обреченный Петербург Блока. Это чувствуется в "Небесной Балладе", в прекрасном "Поэте на Лиговке", и в наиболее родственной Блоку "Душе в городе":

Когда в свой город зачумленный
Она спускалась с вышин,
За ней влачилсЯ истомленный.
Бессонный лик ее вины.

И довременные каналы
И глубли серые дворов
Уже готовили капканы
И ей сулили свой улов.

(стр. 30).

Но Душа, незапятнанная и неуловимая, хочет

И эту каменную знать
Своей свободой покорить.

И неспросившему сказала:
"О, сон кривой! О, ночи жало!
Я от себя утаена,
Я позабыла имена,
Но этот дикий город любит
Меня. И совесть вниз ведет
И мне Фонтанка песнь поет, —
Небытие мое голубит".

(стр. 31).

Слова и строки, выделенные мною курсивом, выдают блоковский подтекст вплоть до перепева тех же понятий в тех же словах, вплоть до почти нескрытых — и, конечно же, осознанных цитат.

Блоком и Лермонтовым веет из "Коротких стихов с ангелами" — и также из "Коротких стихов без ангелов"! Здесь обида на Бога Живаго за омертвевшую душу. Здесь и скучно и грустно... и настроение часто приближается к блоковским "Пляскам Смерти", или "Из жизни моего приятеля":

Какие скорости! тебе он незнаком,
Тот хмурый бег сквозь книги и недели,
Тот бег на привязи, в кровати, за столом,
Тот непробудный бег без мысли и без цели. (стр. 37).

Голос, однако, вполне современный, своеобразный. Можно в этом наглядно убедиться на сопоставлении строк Карамова о бунте поэта против творческого долга с стихотворением Ахматовой "Одни глядятся в ласковые взоры" на ту же тему безысходного спора с категорическим императивом поэтической совести. У Ахматовой эта тема звучит возвышенно, сказочно:

* "Обериу", в журнале *Афиши Дома Печати*, № 2, 1928, стр. 11.

Одни глядятся в ласковые взоры,
Другие пьют до солнечных лучей,
А я всю ночь веду переговоры
С неукротимой совестью своей.

Я говорю: "Твое несу я бремя,
Тяжелое, ты знаешь, сколько лет".
Но для нее не существует время,
И для нее пространства в мире нет.

И снова черный масляничный вечер,
Зловещий парк, неспешный бег коня.
И полный счастья и веселья ветер,
С небесных круч слетевший на меня.

А надо мной спокойный и двурогий
Стоит свидетель... о, туда, туда,
По древней подкапризовой дороге,
Где лебеди и мертвая вода.

1936

У Карамова лирический герой представлен неблагородно, с острой автоиронией, и момент искушения не эстетизирован:

Ему ни слова не скажу,
Но к щели ухо приложу:
Кормить мне долго иль недолго
Того глухого дылду долга?
И скоро ль, провалясь к Уроду,
Зароюсь в черную свободу? (стр. 37).

Не может быть сомнения, однако, что оба стихотворения об одном и том же.

Изредка, Карамов применяет необычный прием литературного коллажа, т. е. откровенной цитаты, выделенной авторским курсивом ("Свое и чужое" стр. 73, из которого взят эпиграф к настоящей статье, и "В душе задувало", стр. 44). Получается как будто прямой разговор с прошлым. При этом оттеняется хриплый трагизм голоса нашего современника. Но идет и другой, не прямой разговор. Послушаем, как в стихотворении "Простая тайна" он берет и полностью осваивает пушкинский сюжет:

ПРОСТАЯ ТАЙНА

Люби меня, а если нет любви,
Я буду и тогда тебя любить.
Ответ во мраке теряется.
Но безответно
Текут реки,
Земля вращается
И жизнь тоскуя простирает руки. (стр. 47).

Эти простертые руки — повторяющийся образ у Карамова, и они же приводят нас в другую страну его стихотворного мира, недоступную иронии, в ту страну "блаженную, незнакомую, дальнюю", где, за *гранью отчаяния*, — раскаяние и возможность прощения.

Парадокс — что раскаянию всегда предшествует отчаяние, хотя эти два слова как будто противоположные по содержанию: к чему, собственно, каяться, если у тебя нет надежды, если уже наступило отчаяние? Бесповоротное, отчетливое, утрненное?

Бог не вышел на порог,
Утро путало глаза
И товарищ не помог. (стр. 29).

Это — из опубликованных стихов Карамова, из стихов истинно-обериутских про "Обормота с обормоткой", про "тараканий пересуд, петушьи шаги", где горе и то "комарийное", и черти едят мармелад.

А вот неопубликованное стихотворение, написанное в августе 1982 года, недавно предоставленное в наше распоряжение составителем, в котором отчаяние зазвучало в полный голос, без защитного юродства гротеска:

Камни, дайте нам хлеба!
Брызните в сердце водой!
Воздушные престолы
Храните на берегу!
На древнем, кротком,
На младенческом берегу.
Серые сны мне снятся,
Черный гость меня выгнал из дома,
Родину не найти.

И давно уже с того света
 Не получаю вестей.
 Добрые люди, молитесь,
 Молитесь, чтобы мы тихо,
 Чтобы мы тихо уснули
 И явился бы голубь,
 Старый, усталый
 И крылом деревянным
 Показал дорогу
 На родину за горой.

Вместо ответа:

Но те сказали: "Нет,
 Свое отбрел бред,
 Нас поведет во след
 Дорогой лжи и бед
 Не голубь бледный,
 А ворон медный".

Авг. 1982

Какой глухой, безнадежный отказ! А какая просветленная, не личная молитва. Это и поэт в своем одиночестве — и не только поэт. В то же время это не голос громогласного проповедника или пророка, а тихий, предельно усталый голос человека, прошедшего тяжелую, долгую жизнь. И этот человек говорит уже не "я", а "мы"; не "мы" Замятина, разумеется.

С таких недугов,
 С таких потерь
 Ты в сердце друга
 И в рай поверь. Чердак. Противовоздушная
 оборона. 1942

Здесь очень наглядно и просто сформулировано, как, *через* страдание, русская поэзия освободилась от нищенского отрицания *со*страдания. Поэт не только страдает сам. Им овладевает боль других, та нелегкая жалость, которая, как он пишет,

... вошла в жизнь отверстую мою
 как бритва входит в тело. (стр. 32).

В стихотворении "Памяти жертв" ("Безручье. Безножье. Безглазье") он из последних сил, вместе со всеми искалеченными, приносит новую присягу:

И так же, все так же
 Тот призрак дымный, бессмертный,
 Дедам приснившийся,
 Отцами забытый.
 Забытый.
 Тот образ дымный
 В сердце бескровном, в духе сиротском
 Храним. (стр. 43).

Кто — мы? И чей бессмертный образ? Здесь, кажется, намечается тема роковой, трагической *вины* Петербурга перед Русью, той самой — "кондовой, избяной" — которой, как сказал Блок еще в 1907 году, "и не успеть дочесть отходной"... , той самой, которая "безвинно" корчится "под шинами черных Марусь" в *Реквиеме* Ахматовой, но которая — в идеале ли, в действительности ли — так и остается "родной Галилеею". Здесь и вина, и тоска.

Другое стихотворение, последнее из "Прощального цикла" Карамова, говорит и том и о другом:

ТЕНЬ РОДИНЫ

Во сне ли звон колоколов,
 Пригорки, избы эти?..
 Они бегут от наших слов,
 Их не найти на свете.

И тихий город на реке...
 Какою звездной ночью,
 Какой вине, какой тоске
 Ты явишься воочью?

Но след ее не различу
 Над глинистым откосом,
 Лишь постою и помолчу
 На пустыре безлесом.

И верю: под галдеж и свист
 В какой-то недопетой
 Качнется тень, свернется лист
 Ее душой согретый. (стр. 76).

Так старый поэт, переживший протяжную агонию петербургского периода, стоит на страже пропавшей Руси. "Ты и во сне необычайна,/Твоей одежды не коснусь" — так в 1906 году писал Блок. Не суждено уроженцам Петрополя увидеть ее "воочию": вместо голубя "с крылом деревянным" слетает медный ворон. (Кстати, в образной системе Карамова отрицательны и анти-человечны металл, камень и, в меньшей степени — ибо связан с мороками и скорбями ежедневной жизни — кирпич). *Медный ворон*, в сопоставлении с *деревянным* голубем наводит на мысль о той поляризации между новой, петровской, взрослой и жесткой государственностью и детством страны, которая вошла какой-то изначальной данностью в сознание новой столицы. Это надтреснутое сознание, отражавшееся в мифах о Петре-антихристе и о неминуемой гибели Петербурга, впервые нашло выражение в изящной словесности в *Медном Всаднике*. Здесь трещина открылась, чтобы у Гоголя, у Достоевского зазиять таинственной бездной, и в дни января 1918 года разверзнуться и поглотить столичный град под гул "крушения старого мира". Эхом в русской поэзии прозвучало *Двенадцать* Блока. Знаменательно, что новое, советское правительство переселилось в Москву как раз в месяц выхода этой поэмы: "Петербург — finis". Недаром Анна Ахматова, оглянувшаяся "как с башни" с года сорокового, вспомнила проклятие царицы Авдотьи.

Однако, "петербургская тема" не кончилась с Петербургом, и "возмездие" продолжалось, может и продолжается до сего дня. Открывается книга Карамова не ранними стихами, а Блокадой:

Декабрь 1941 г. Ленинград. Ночью под ватником в стационаре на Васильевском острове. Душа, защищаясь, прикидывалась деревянной. Света не было. (стр. 9).

Но и в военных стихах угадывается пройденный путь: революция, НЭП, террор 30-х годов. Потом — победа...

Нам снилась пена, пенье, пропилен
И толп торжественных таинственный восход.

Однако, пришлось и здесь узнать горестный секрет:

..... в этом мире гордом
Есть громкие дела, но нет чудес. (стр. 13).

Осталось понести "в поте и слезах свой груз кирпичный", в духе другого недавно написанного стихотворения, не вошедшего в сборник, и отнесенного автором в отдел "Не в счет":

"Жить вредно"
(изречение XX века)

Жить вредно,
Умереть неприятно.
И то и другое —
Невероятно.

Жить стыдно,
Чтобы жить в покое?
Ведь нам не стыдно
То и другое!

И все же больно
От того и другого
И все невольно
Хотят Другого.

Или в одиночку
Катить свою тачку?
Решив задачу,
Поставим точку.

Помещаю и это стихотворение, так как оно мне кажется как раз очень "в счет". Надо же знать, откуда, через что человек пришел. В "изречении XX века" "жить вредно" дальним отзвуком доносится голос XIX века, голос человека из подполья. Человек из подполья, в какой-то мере, предок крайнего индивидуализма русского декаданса. Искали выход: кто в мистике, кто в искусстве. Поиски, прерванные революцией, не были прекращены ею, и выражались в отвращении — от одиночества, от опустошенности, от жизни вообще. Это наследство дает себя чувствовать и у Карамова в пыльном и "неприятном" инвентаре образов: покинутый дом; черная лестница; "котов движение на чердаках"; "и шляпки, щетки на полу"; пустые углы; задворки; мумия; собака на погосте; потный посох Дон Жуана; петля; даже слова на пыльных книжных полках, которые

Как о своих грехах вздыхают,
Как добрые дела считают
И тельца в полки упирают
Чтоб бесы в ад не сволокли. (стр. 42).

При этом не мешает помнить, что человек из подполья — не только русский, тем более не только петербургский. Он и всечеловеческий. Мы его угадываем в казенных коридорах австрийской империи Кафки, узнаем под нестерпимо ярким солнцем северо-африканского взморья Камю, встречаемся с ним лицом к лицу в предельном, предсмертном одиночестве героев Беккета. Слова на полках у Карамова перекликаются "по-русски и по-иноверски".

Чем, однако, отличается лирический герой от своего дальнего предка "с глумливой физиономией"? У него и в одиночестве присутствуют "все", которые "неволью хотят другого". От признания равноправия этих "всех", хотя бы равноправия на боль, на тоску и отчаяние, один шаг к сопротивлению; антигерой начинает превращаться если не в героя, то в "героя нашего времени".

В отделе *Полночь века* мы неожиданно наталкиваемся на образ Прометея:

На ниточке воли
Повис одинок.
То режет, то колет
Страстей коготок.

События свищут,
Его обступают,
И коршуны нищие
Печень терзают.

(Эти птицы очень неприятны и ядовиты, но их приходится кормить).

Стихотворение кончается:

Как же без сердца
Кровь сохранить?
Как же без крови
Птичек кормить?

...Уже пустота подымает копые,
Уже опрокинуто сердце твое.

И опять — характерная для нашего поэта прозаическая вставка:

(Может быть, это не Прометей?
Не думаю. По-видимому, речь идет
именно о нем). (стр. 16).

С образом Прометея возникает тема трагического мужества, возникает сама собой, вполголоса, из недр отчаяния. Об этом же еще одно неопубликованное стихотворение:

НА ГРАНИ

Как львиный ров.
Как огненная пещь.
Скудеет лов.
Ржавеет меч.

Любовь, прощай!
Уж не помочь.
Мой дух пращой
Заброшен в ночь.

Мужайся, дух мой!
Ведь нет конца.
Ты не потухнешь
У ног Отца.

Твой мир исчез —
Не прекословь —
И в бездне бездн
Горит любовь.

Слово "мужайся" выводит из мира переоценки ценностей Достоевского и русского декаданса, да и из мира иронии и абсурда, в мир осторожных нравственных поисков позднего Блока, Ахматовой, Мандельштама.

Мужайтесь, о други, боритесь прилежно,
Хоть бой и неравен, борьба безнадежна!

Эти слова Тютчева Блок занес в дневник, цитировал в письме к матери, просил жену прочесть на Мейерхольдовской мемориальной постановке *Виновы — Невиновы* Стриндберга летом 1912 года. "Смысл трагедии — БЕЗНАДЕЖНОСТЬ борьбы", записал он 14 ноября 1911 года под непосредственным впечатлением стихотворения. "Но тут нет отчаяния, вялости, опускания рук. Требуется высокое посвящение". И прибавил: "Что пока я? Только — видел кое-что в снах и наяву, чего другие не видели". (7. 89). Ахматова его пере-

жила, и многое увидела. Слово "мужество" звучит уже мажорно и неприкрыто в ее стихах военного периода. А Мандельштам пронес это слово через всю жизнь с начала советской эпохи, когда, в стихотворении "Сумерки свободы", написанном в мае 1918 года, рискнул сопоставить древнее воззвание "Мужайтесь, мужи" с обиходной речью:

Ну что ж, попробуем; огромный, неуклюжий,
Скрипучий поворот руля. (1, 2).

С мужеством связано а priori и другое имя, которое встречается в сборнике Карамова. Имя Цветаевой. В стихах о "бушующей", "огнедышащей" Марине чувствуется поэтическая влюбленность, не родственность — влюбленность в бесстрашие и в метафизическую неустроенность:

Ведь твоей любви не добры дары,
Ей не разрушить моей горы.
И нам с тобой уж не видать добра —
Наш дом раздавит моя гора. (стр. 26).

Эпиграфом к стихотворению взята цветаевская строка: "Та гора была, как гром!" Но "гора" Карамова не есть ли наследственная тяжесть петербургской раздвоенности? Это наследие приходится преодолевать не одним мужеством: приходится вернуться, хотя бы по-новому, к *этике*, сделать *выбор* между добром и злом:

"Мне нестерпима смесь добра и мрака.
Хочу добра, хотя бы вверх ногами!"
И друг ответил, отложив перо:
"Смотри глазами!"
Там черный бык сидел, насвистывая Баха,
И на машинке сочинял добро. (стр. 15).

Смысл "Притчи" темен. Черный бык появляется не только в этом стихотворении, и разгадать его значение предоставляю читателям. Важен здесь для нашего исследования отказ от смешения добра и зла, от декадентского "все позволено", рядом с которым, как писал Владимир Гиппиус, "нигилизм шестидесятых годов казался наивным, поверхностным и умеренным". (В. Гиппиус. "Александр Добролюбов", Русская Литература XX века, 1/1/1, 275). В самом деле, куда добродетельным шестидесятиникам до заявления молодого Дмитрия Мережковского?

Люблю я смрад земных утех,
Когда в устах к Тебе моления —
Люблю я зло, люблю я грех,
Люблю я дерзость преступленья.

(Д. С. Мережковский. "De Profundis".
ПСС, XV, стр. 20)

Другое дело, что за такими, почти пародийными, высказываниями стояла во многом справедливая критика косности общепринятых норм, слишком часто служивших лишь заменой добра. Это было время, когда, как писал Лев Шестов о Достоевском, "сама совесть стала на защиту зла". (Лев Шестов. *Философия трагедии. Мир Искусства*, 5—6, 1902, стр. 342). "Стыдно быть хорошим", утверждал Леонид Андреев в своем рассказе *Тьма*, и многие уверовали.

Принято приписывать возвращение моральных критериев русской поэзии акмеистам, но надо сказать, что это скорее дело поколения, чем школы. Жить можно изо дня в день, но все же хочется знать, за что ты умираешь, что делать и как быть, когда кругом, уже не в теории, а на деле, рушатся все сдерживающие начала: "Эх, эх, без креста!".

У Блока эти поиски выражены — очень застенчиво, это все еще было против духа времени — в 1913 году, в дневнике, за 23 февраля:

Вот эсотерическое, чего нельзя говорить людям (одни заключают, другие используют для своих *позорных* публицистических целей): искусство связано с *нравственностью*.

Так же "эсотерически" переживает Карамов поворот от мрака к свету, неліцеприятную встречу с самим собою:

"Я"
Где все осточертело
И дождик в стекла лупит,
Мое там Я сидело,
Глаза свои потупя.
И так мне Я сказала:
"Сорвался наш пробег.
Не взяться ль нам сначала,
Забыв себя навек?" (стр. 29)

И, забыв себя, поэт увидел других:

И жалость билась головой,
Звала, рвалась к себе домой,
Стучала в двери (зов пустой!),
И окружала нас как лес,
И возносилась до небес,

Чтобы прильнуть без мысли и глагола
К рукам беспомощным в безмолвии Престола. (стр.32–33)

Опять – руки. Как когда-то, в момент крайней слабости, в больнице:

... блаженное касанье
Прохладных, строгих, неизвестных рук... (стр. 34)

В стихотворении "Возвращение блудного сына" сочетаются все эти мотивы: родина, как потерянный рай детства, вина, отвращение, отчаяние, раскаяние, трагическое возвращение ощупью мимо "осколков уюта" ... и "виденье рук". Стихотворение ключевое:

Остались запахи и прежняя береза,
И закадычный сгорбленный денек,
К развалинам прикипший. Но пришедший
В слезах запутался, в рыданиях изнемог
И узнавая все, не узнавал.
Он приволок с собой срамных поступков груды,
Безумные пространства, города звериные,
И образы владык каменноликих,
И кривду слов курносых. ...

.....
.....

И эти мороки находились над ним

И заслонили и деревья и тропинки,
Полузеленые увядшие былинки,
Проросшие, как детство на дворе...

.... Тогда он тихо подошел к березе,

Припал к ее обугленной груди,

Закрыв свои глаза седые –

И перед ним возникло в темноте

Виденье рук, положенных на плечи.

О, руки милосердные, простертые во мраке!

Живые руки в пустоте земной!

Сын идет по развалинам. Береза обуглена. "Река времен" поглотила родину колоколов, изб и деревянных голубей, поглотит скоро и поэта, но он, сознавая все это, продолжает

... в память памяти спою пустую песню,
Чтоб шепот памяти еще услышать мне,
Полузабывшему в пучинах неизвестных,
Полусгоревшему в ее огне. (стр. 77).

Ни Ахматовой, ни Пастернаку, кстати тоже ценившему "прекрасные стихи" Карамова, ни друзьям его ранних стихов Вагинову и Заболоцкому уже не прочесть его "Прощальный цикл". Думается, однако, что в этом цикле он дописывает за свое поколение, пожалуй, и за петербургский период.

Пусть читатель сам ознакомится с ним в книге Карамова. Мы же кончим статью не нуждающимся в комментариях последним дошедшим до нас еще неопубликованным стихотворением:

* *
*

Вы, стоящие навеки в дверях,
Прошедшие мимо.
Сущие и приснившиеся.
Живые и выходцы.
Незабвенные и другие.
Забывтые и другие.
Невозвратные и другие.
Болезненные, сырые.
Первородные.
Прохожие, соседи, братья, друзья, обидчики, дети.
Дети с грозными глазами.
Коснувшиеся.
Простиравшие руки.
Женщины плачущие
(В подушку, в подушку).
И вы, полные боли.
Внимания и равнодушия полные.
Обиженные, мною обиженные.
Навеки стоящие в дверях.
Свои ли чужие ли.

Дети брошенные.
Птицы некормленные.
Листья растоптанные.
    (Припадаю к земле)
    И вы, одарявшие.
Пеленавшие.
Отвергавшие.
Унижавшие меня.
Разившие в сердце.
Стоящие навеки в дверях.
Вы — в сердце моем, в сердце моем.
    В моем сердце.
Аминь.

ДВА РАННИХ СТИХОТВОРЕНИЯ АННЫ АХМАТОВОЙ

ВОСЛЕД ТРЕТЬЕМУ ТОМУ "СОЧИНЕНИЙ"
(Париж, YMCA-Press, 1983)

Только что вышел в свет долгожданный завершающий том — на сегодняшний день единственного в мире — собрания сочинений великой русской поэтессы. При всех недостатках, этот трехтомник окажется незаменимым и для почитателей творчества Анны Ахматовой, и для исследователей ее текстов и биографии — до тех пор, пока не будет предпринято новое, второе собрание ее литературного наследия.

Каждый год приносит новые открытия в нашей литературной истории; и — хотя третий том на ходу дополнялся новонайденными ахматовскими текстами, в него не поспело попасть все. В этом номере "Вестника РХД" мы перепечатаем два ранних стихотворения Анны Ахматовой, обнаруженные в течение последних месяцев в специальных научных изданиях.

С. Д.

I

* * *

Стояла долго я у врат тяжелых ада,
Но было тихо и темно в аду...
О! даже Дьяволу меня не надо,
Куда же я пойду?..

Анна Ахматова (Гумильвица)

23 декабря 1910 г. Царское Село

Опубликовано А. В. Лавровым и Р. Д. Тименчиком в комментариях к обширному обзору "Иннокентий Анненский в неизданных воспоминаниях" (Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1981. Ленинград, "Наука", 1983, с. 117) по автографу в альбоме Валентина Кривича (ЦГАЛИ, ф. 5, оп. I, ед. хр. 111, л. 95).

* * *

Это было вчера... На скамье, в отдаленной аллее,
 В забытн очарованном млея,
 Мы сидели с тобой до утра.
 Тихо таяла ночь.
 И деревья чуть слышно шептались,
 В мягком сумраке песни рождались
 И бежали испуганно прочь.
 Я тебя целовал, я в объятьях держал тебя властно
 И о чем-то мучительно страстно
 И молил, и несвязно шептал.
 И всю ночь до утра, опьяняя своим сладострастьем,
 Длилось то, что казалось нам счастьем...
 А сегодня — взгляни...
 Темен сад, где с тобой мы сидели.
 Все печально, цветы облетели,
 Побледнели, увяли огни, —
 И в душе так темно.
 Закипают в ней жгучие слезы, —
 Где же наши волшебные грезы?
 Где блаженство? о, где же оно?
 Или то, что с тобой называли мы счастьем желанным —
 Было только обманной мечтой?..
 Грустно хмурится даль.
 В ней вчерашних миражей не видно,
 И за что-то мучительно стыдно,
 И чего-то мучительно жаль.

А. Г.

Опубликовано И. Г. Ямпольским в материалах под названием "Из заметок историка литературы" (Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. Том 41, № 4, июль-август 1982, с. 377-378). Текст снабжен воспоминаниями публикатора, которые мы воспроизводим ниже.

Еще до войны, весной 1938 г., я получил из Киева письмо от Б. В. Якубского. "Посылаю Вам наконец давно обещанные стихотворения Ахматовой, — писал он. — Напомню их происхождение. 1918 или 1919 год. Сажу я у какой-то девушки, окончившей киевскую Фундуклеевскую гимназию. Смотрю ее альбом гимназических лет. Попадаю на два стихотворения, написанные в разных местах альбома, однако — близко одно от другого, с подписью А. Г. Спрашиваю, — чья это подпись? Получаю ответ: моей товарки по гимназии Анны Горенко..."

Дальше следовал текст стихотворений. Вот первое из них:

[В оригинале здесь были помещены стихи "Это было вчера...". — С. Д.]

Второе стихотворение — "На руке его много прекрасных колец..." было в переработанном виде опубликовано в 1907 г. в парижском журнале "Сириус" и больше Ахматовой не перепечатывалось.*

Я познакомился с А. А. Ахматовой весной 1946 г. у О. Ф. Берггольц и Г. П. Макогоненко. Г. П. отмечал защиту своей кандидатской диссертации. Я сказал Ахматовой: "А у меня дома имеются ваши гимназические стихотворения". "Вряд ли, — ответила она, — но покажите их мне все-таки", — и она сообщила мне номер своего телефона.

Я довольно долго не решался воспользоваться приглашением Ахматовой — а что если это была просто дань вежливости? я болезненно боялся быть навязчивым. Но как-то я встретил Ахматову на Невском проспекте, против Публичной библиотеки. Она стояла с кем-то. Я поклонился. Ахматова подозвала меня и спросила: "Почему же вы не приходите?". Я забормотал что-то невнятное, и мы условились о встрече.

В назначенный час я пришел в "Фонтанный дом", бывший дворец Шереметевых. Пустоватая комната: длинный стол, за ним диван и книжная полка. Ахматова тотчас же захотела увидеть стихи. Она медленно и внимательно читала их про себя и затем сказала: "Одно, может быть, и мое, а другое не имеет ко мне никакого отношения". Не знаю, конечно, что она думала, читая, что вспоминала, но слова

* Анна Ахматова. Стихотворения и поэмы. "Библиотека поэта", Большая серия. Ленинград, 1976, с. 269, 418 (варианты альбомного текста), 494. [Прим. И. Я.]

Судьбы России

Исповедники и мученики XX века

*** (Москва)

ВОСПОМИНАНИЯ О ИЕРОМОНАХЕ ИЕРАКСЕ (БОЧАРОВЕ)

(1880–1959)

*Правда твоя –
благодатная правда.
Тихую тихость твою
В мире крикливой, кичливой
неправды
Тихой любовью люблю.*

Н. Востоков (Савицкий)

На левом берегу Дона, ниже реки Тихая Сосна, на границе Павловского и Богучаровского уездов раскинулись два богатых и многолюдных села – Верхний и Нижний Мамоны, получившие свое название от речки Мамон, при устье которой и расположено одно из сел – Мамон Нижний.

В XV–XVI веках эти земли носили название "Белый Затон" и являлись угодьями Алексеевского Акатовского монастыря. Здесь были обильные рыбные ловли, сенные покосы, лосиные стойла, бобровые гоны, в лесах водились куницы. Это место составляло богатство монастыря. Но к концу XVI века на благодатных землях стали селиться крестьяне, образовав слободу Мамоновку. Несмотря на протесты монастыря, слобода разрасталась и переросла, наконец, в два обширных села.

В XIX веке природные богатства значительно оскудели, но оба села были еще зажиточными, имели свои церкви, пристани, на которых грузили хлеб и льняное семя. Села славились хлебопашеством и скотоводством, богатыми ярмарками и были застроены добротными домами.

ее сразу вызвали у меня сомнение. Два стихотворения, подписанные ее инициалами, в альбоме гимназической подруги, принадлежат разным авторам? Да и свидетельство этой подруги... Отрицать авторство одного из них ("На руке его много прекрасных колец...") было невозможно. Это первое напечатанное ею стихотворение. Забыть это Ахматова, при ее замечательной памяти, не могла, такое не забывается, – и все же сказала "может быть". А второе? Что же, она переписала чужое стихотворение, выдав его за свое? Просто не хотела, надо думать, чтобы рылись в ее молодых незрелых стихах, разыскивали еще другие неизвестные.

Не желая задерживать внимание на стихах, которые она оставила у себя (не сохранились ли они в ее архиве, нет ли на них каких-либо помет?), Ахматова сказала: "Что ж, почитать вам что-нибудь?". Я с радостью услышал это, потому что сам не рискнул бы ее попросить. Ахматова прочитала мне несколько стихотворений и отрывок из "Поэмы без героя".

Когда В. М. Жирмунский уже после смерти Ахматовой начал готовить собрание ее стихотворений для "Библиотеки поэта", я передал ему копии обоих стихотворений, рассказав о том, как она отнеслась к ним, но он не включил "Это было вчера. На скамье, в отдаленной аллее..." и даже не упомянул его. Почему? – узнать об этом было невозможно, так как В. М. Жирмунский не дожился до выхода книги. Вероятнее всего потому, что оно показалось ему слишком слабым даже для юной Ахматовой, одним из "великого множества беспомощных стихов", которые она, по собственному признанию в автобиографии, писала в те годы.* По-видимому, Ахматова их безжалостно уничтожала, но для истории литературы нет ничего неважного, чем можно вовсе пренебречь.

* "Коротко о себе" – там же, с. 19. [Прим. И. Я.]

В конце XIX века в селе Верхний Мамон жила чета крестьян Бочаровых, Елена и Матвей с семьей, впрочем, ничем особым не отличавшиеся от прочих односельчан. В 1880 году у них родился последний сын Иван, черноглазый мальчуган, всеобщий баловень.

Мальчика лелеяла тихая ласка матери, дивная природа, задушевные украинские песни, звучащие по вечерам у хаты. Навсегда остались в памяти чисто убранный дом, веселый смех сестер, насмешливый прищур отца и песни, всю жизнь пронизавшие песни. Пел отец густым басом, тоненьким голосом пела мать, пел братишка Миша, но лучше и заливистей всех пела Мавруша, старшая сестра. Так бы и слушал, слушал ее не переставая. Хороша была Мавруша — высокая, чернобровая, длинные черные косы вились по плечам, как змеи; бойкая, насмешливая и на работу проворная.

Лениво потягиваясь по утрам, Ванюшка через полуоткрытые веки видит, как колышутся белые прозрачные занавески на окнах, слышит, как по свежевывытому полу звонко стучит голыми пятками сестренка Саша, садится в уголок и начинает играть тряпочной куклой, кушленной отцом на ярмарке. Тихонько позвякивая полными воды ведрами, входит Мавруша. Слышно, как она ставит воду в кухне на скамейку.

— Пошла отсюда, — нанюхала, — сердито кричит она, прогоняя со стола проказливую кошку, и ворчит на Сашеньку:

— Не смотришь ничего...

Как хорошо сейчас подняться, умыться студеной водой. Мавруша уже наливает в кружки холодное молоко. Схватить сейчас горячую лепешку и бежать на улицу. Там вкуснее, смачнее естся. Пробежать по селу, по щиколотку утопая в мягкой дорожной пыли. А навстречу бегут такие же, как и он, малолетние хлопчики. Со смехом они будут играть, догонять друг друга, бороться. А потом со старшими ребятами пойдут в лес по ягоды. Веселые, загоревшие и усталые прибегут они домой с полными корзинами ягод. Напьются молока. А там уже нужно бежать смотреть, как старшие мальчики играют в бабки.

Усталые, одни — от работы, другие — от беготни, проголодавшиеся сядут они за стол, когда уже за вечерет и все соберутся дома. В тарелках дымится ароматный борщ.

Жадно хватается мальчуган за ложку, но тут же, обжегшись, бросает ее на стол.

— Где такой горячий варили! — сердится он.

— В погребе... — серьезно отвечает Мавруша и, взяв брошенную ложку, начинает ею есть свой борщ. Потом лукаво смотрит на братишку и протягивает назад его ложку.

— Нанюхала! — возмущенно кричит мальчуган, и ложка снова катится по столу. Все смеются.

Мало чем разнообразится жизнь деревенских малышей. События, волнующие взрослых, чья-нибудь свадьба, похороны вызывают у них своеобразный отклик, и они долго обсуждают между собой совершившееся. Потихоньку уходят на погост и там, среди потемневших крестов, в высокой и сочной траве, усевшись рядышком, рассказывают друг другу всякие страшные истории, слышанные ими от бабок. С замиранием сердца, боясь пошевелиться, слушают они страшные вещи. И вдруг какой-нибудь посторонний звук вспугивает их, и они, шумно вскочив, бегут, спотыкаясь и обгоняя друг друга, домой, в село.

И вдруг в жизни Ванюши произошло большое событие. Неожиданно мать объявила, что возьмет его с собой в Задонск, в монастырь, поклониться мощам святителя Тихона. Сколько было радости. Просыпаясь по утрам, Ванюшка спрашивал, сколько дней осталось до праздника. И вот, наконец, долгожданный день пришел. С утра все приоделись и большой гурьбой направились к переправе. Многие односельчане ежегодно отправлялись в день памяти открытия мощей святителя Тихона в Задонск на праздник.

На паромах и лодках переправились на правый берег Дона и пошли пешком по направлению к городу. Весь этот путь и усталость не запечатлелись в памяти мальчика. Не запомнился даже внешний вид монастыря. Все поглотило собой одно неотразимое впечатление торжественного богослужения во Владимирском Богородицком соборе. Разве можно было сравнить это с сельским праздником. Там невнятно служил старенький священник, надтреснутым от вина голосом подпевал дьячок. И все внимание односельчан сосредоточивалось на богатой праздничной ярмарке, где красочно пестрели всевозможные товары, игрушки, сусальные пряники... Здесь все было поглощено богослужением. Стройные ряды монахов в черном одеянии. Золотистая парча священнических облачений, церемонное одеяние архиерея, высокий голосистый протодиакон с длинными распущенными волосами и хор, многоголосый хор, могучий, от которого дрожали огни паникадил и тихонько позвякивали в окнах стекла.

Пробившись вперед, как зачарованный смотрел мальчик на все происходящее и как бы очнулся от волшебного сна, когда мать потянула его за руку. Нужно было приложиться к мощам — святитель Тихон покоился в серебряном гробу, под серебряной сенью, покрытой бархатным покровом. Вокруг гроба стояли юноши в

длинных черных одеждах. Один из них подхватил мальчугана под мышки и, подняв перед собой, наклонил над ракой, и Ванюша поцеловал прохладный, затянутый шелком, лоб. Потом одетый в парчу старец помазал его маслом.

Только в гостинице мальчик почувствовал усталость и уснул крепким сном.

Наутро, только мать окликнула его, он тут же открыл глаза и без всякого сопротивления спустил с постели ноги. Наскоро умывшись и помолившись на образа, они снова направились в храм. Сочный благовест протяжно плыл в прохладном утреннем воздухе. Солнце ласково пригревало. Какая-то радость была разлита вокруг. И снова торжество, снова стройное восхитительное пение. Литургия прошла незаметно. Когда громогласный иеродиакон возгласил: "Со страхом Божиим и верою приступите!.." — Ванюшу подвели к Причастию. А потом служили торжественный молебен, снова прикладывались к святым мощам.

После службы богомольцы уселись за длинные столы, установленные на монастырском дворе, и принялись за угощение. Необыкновенно вкусными показались мальчику монастырские щи и пирог с рыбой.

Отдохнув немного в гостинице, богомольцы двинулись в обратный путь, полные впечатлений. Так не хотелось уходить...

— Мама, я приду сюда еще? — спросил Ванюша.

— Придешь, родненький, придешь, — успокоила мать.

А дома было столько восторженных рассказов. Были забыты веселые игры. Целыми днями он красочно описывал сверстникам свое паломничество. А потом выпросил у матери старое полотенце и повесил его себе на шею концами наперед, накиннул на плечи материнский платок, завязав углом под подбородок, нашел где-то почерневшую от времени конфорку от старого самовара, привязал ее на веревку и начал совершать богослужение перед изумленными товарищами. Целый день слышно было пение: "Господи помилуй!", и старая конфорка взлетала на веревочке и снова опускалась, а "народ", в такт ей, кланялся новоявленному священнослужителю.

— Ты ще, пип будешь? — насмешливо спрашивала Мавруша.

Мальчик не удостоивал ее ответа, ее насмешки казались ему неуместными.

Увлечшись игрой, он неохотно отзывался на зов старших и опаздывал за стол, за что получал замечания от родителей и старшей сестры. Наспех глотая пищу и обжигаясь, Ванюша ронял в тарелку ложку.

— Горячо-о! — невольно вырывалось у него.

— Стюды, дураче!.. — в тон ему отвечал отец.

Подрастая, Ванюша очень привязался к старшему брату Михаилу, прислушиваясь к каждому его слову. Вместе ходили они в лес по грибы, вместе сидели вечером у хаты. Миша пел, а Ванюшка тихонько подтягивал ему тонким голоском.

— Хорошо спиваете! Вам бы с сумой ходить, — дразнила их сестра.

Все лето они проводили на воздухе — в поле, в лесу. Это были такие радостные и счастливые дни. А когда отец взял с собой Мишу валить лес, то и Ваня увязался с ними. Он себя чувствовал солидным на мужской работе — на самом же деле суетился и мешался под ногами. Дома Миша помогал отцу пилить дрова, а когда отец колуном рубил толстые плахи, Миша укладывал готовые дрова в поленицу. Ванюша с радостью помогал ему: хватал поленца большими охапками, вставал на цыпочки, стараясь повыше уложить их. Работа спорилась, и вдруг... поленица зашевелилась и с треском рухнула... Вся работа пошла насмарку. Растерянно стоял мальчик у кучи дров, испуганно взглянул на отца и встретил его насмешливый прищур.

— Тикай, — услышал он, — мешаешь...

Как варом обдало Ваню. Лучше бы уж его поругали, а эти презрительные слова были так обидны... Но он не уйдет. Он будет хорошо работать, будет стараться. Он запомнит эти слова навсегда, на всю жизнь, до гробовой доски, и все, что ни придется ему делать — будет делать хорошо.

На зиму Миша уехал в Елец учиться. Дядя, двоюродный брат отца, взял его к себе. Ваня очень скучал, расставшись с братом. К весне заболел отец. Он неподвижно лежал на лавке, отказываясь от еды. Не слышно было его насмешливого голоса, и в доме ходили понурые. Отец не встал — умер.

В хату приходили чужие люди, мать плакала, плакала Мавруша, потихоньку хныкала Сашенька. А Ваня смотрел на все широко открытыми глазами. В длинном деревянном гробу унесли отца, неподвижного, с сомкнутыми ресницами.

Мирная и счастливая жизнь была нарушена. Не стало отца, брат был далеко. А в доме — слезы и горькое уныние. Мать долго убивалась, потеряв мужа, и наконец слегла сама. Вскоре заболел и Ванюша. Он лежал, разметавшись в жару, и действительность казалась ему сном. Он не был уверен, действительно ли у него умерла мать

или это был только кошмарный сон. Похудевший, с ввалившимися глазами, в первый раз вышел он на улицу и сидел возле хаты. По-прежнему ярко светило солнце, шумели деревья листвою, доносился гудок парохода, под порывами ветра пылилась дорога, а в доме царил тишина. И за стол они сели только втроем. Мальчик вопросительно смотрел в похудевшее серьезное лицо сестры, а она отводила глаза. И он снова шел на улицу. Солнце уже склонялось к западу, слышны были знакомые звуки, отдаленное мычание, бляение овец. Это стадо возвращалось домой. Мавруша, высокая, совсем взрослая, в черном платке на голове, вышла встречать свою коровушку, ласково похлопывая ее по бокам, повела домой. Ребятишки проворно загоняли скотину во дворы, и вскоре улица стала тихой и безлюдной.

Совсем стемнело. Из-за крыш выплыла красноватая луна и повисла в небе. Небо все темнело, а луна голубела. И вот серебристым светом залито село, причудливые тени от деревьев и домов упали на дорогу, в кустах защелкал соловей, засвистал, залился. Откуда-то донеслась тихая задушевная песня, подхваченная несколькими голосами, широкой волной разлилась над селом. А он все сидел одинокий и сгорбившийся. Послышались тихие шаги. Мавруша под села рядом и осторожно обняла за плечи. И вопрос сорвался с языка:

— Где мамо?

И ничего не ответила Мавруша, только рука ее дрогнула и сильнее обняла худенькие плечики братишки.

А наутро сестра взяла его за руку, и они медленно пошли по селу, за околицу, в поле и на погост. Там они остановились у двух еще не заросших холмиков, один был свеженасыпанный.

— Вот наша мамо, — серьезно сказала Мавруша, — а это батько.

Мальчик неподвижно замер, как бы силясь представить себе под этой земляной насыпью своих родителей, и вдруг упал на свежий холмик и зарыдал, содрогаюсь всем телом.

— Ну, полно, полно, — старалась успокоить его сестра. — Не надо плакать.

Подняла с могилки и ласково гладила по голове, а у самой по щекам катились крупные слезы и падали на могильную землю.

Теперь Ванюша оставался один в доме. Сестры уходили в поле. Мальчику оставляли молоко в кринке и коржики. Он съедал обед и убирал за собой посуду. А потом уходил на улицу и сидел с соседской девочкой, на долю которой выпало нянчить малыша.

К этому времени Мавруша была уже невестой. Высокий кудрявый парубок завладел ее сердцем. Решено было, что через полгода

после смерти матери они повенчаются и будут жить своим домом, отдельно от свекров, с ними будет жить Сашенька — нескладная девчонка, помогать по хозяйству.

— А Ванюшка-то как? — сокрушались соседки.

— А это мое приданое, — шуточно отвечала Мавруша.

Ваня не знал, что это такое, но по тому, как залиvisto смеялись соседки, понял, что это стыдно. И очень обрадовался, когда ему сказали, что он поедет в Задонск и будет жить и учиться в монастырской школе.

Сборы были совсем короткими. Мальчика одели в чистую рубашечку и штанишки, дали пяточок на дорогу. Провожать его было некому — летом в поле каждый час на счету. И он побежал к переправе, ступая босыми ногами по мягкой траве. На переправе качалась лодка. Мальчик знал, что за переправу платят копейку. Остальное ему на гостинцы. В лодке сидел мальчишка-татарчонок, лет двенадцати, за копейку везти не согласился.

— Две, — сказал он. — На том берегу нема человек, моя одна ехать будет, — пояснил перевозчик. Пришлось согласиться. Ну что ж, останутся еще три...

— Покажь деньги! — потребовал татарин.

— Вот пяточок, — показал Ваня и отдал его перевозчику.

Он прыгнул в лодку, татарчонок взмахнул веслами, и Ванюша поплыл от родного берега. Обернувшись назад, он смотрел, как ширилась полоса воды, отделяющая его от дома. Видно было, как у пристани дымит пароход, как золотятся на солнце кресты сельского храма, как прячутся в зеленых зарослях белые хатки. А вокруг лодки плескалась вода, Тихий Дон был спокоен. Со вздохом отвернулся мальчик от уходящего берега и взглянул вперед. Вот сейчас он пойдет в Задонск той самой дорогой, по которой уже ходил с матерью. А в городе купит себе большой пряник и длинный красный леденец.

Лодка ударилась о каменистый берег.

— Вылазь, — раздался голос перевозчика.

— Сдачи давай, — сказал мальчик, выпрыгивая на берег.

— Какая дачи?

— Три копейки мои дай.

— Какая три копейки? Пошел!

— Я тебе пяточок дал! — возмущенно закричал мальчик, ухватившись руками за край лодки. — Отдай мои три копейки!

— Пошел! Пошел! Никакая твоя пяточок нету... — И он оттолкнулся веслом от берега.

— Жулик! — со слезами закричал Ваня.

Татарчонок был нечувствителен к оскорблениям. Широко взмахивая веслами, он быстро поплыл к противоположному берегу. А Ванюша, громко заплакав, пошел прочь от реки.

Обида детская недолго держится в сердце. Радостно смеющийся солнечный день, ласковый теплый ветерок, незнакомая даль неотразимо влекли Ванюшу. Правая сторона Дона почти лишена растительности, берег состоит из меловой насыпи. И мальчик начал карабкаться по отвесным, как скалы, выступам, поднимаясь все выше на каменистый берег. Последний раз обернулся назад. Его родная левая сторона, где остался опустевший отчий дом, зеленела лугами. Местами среди сочной зелени сверкали серебристые зеркала озер. А впереди открывалась целая цепь меловых гор. Одна гора казалась выше других, своим остроконечным пиком уходя высоко в небо. А на самой вершине ее вырисовывался тонко очерченный крест. К этой горе и направился мальчик. Ветер порывами поднимал меловую пыль, и скоро лицо и одежда сделались белыми. Но удивительное дело: сколько ни шел он, сколько ни карабкался, манящая гора все не приближалась, напротив, казалось, что она еще и отдаляется.

Оставив мысль добраться до желанной цели, мальчик повернул к Задонску. А вот и монастырь. Как красив и величествен он издали. Всего города как бы не существует — один он высоко царит над всеми зданиями.

Вот и опять Ванюша пришел сюда. Усталый и запыленный, добрался он до монастырских ворот.

— Ты ще, хлопчик? — спросил его привратник.

— Я теперь буду жить здесь, — ответил Ваня. — Учиться буду, — пояснил он.

— Значит, насовсем к нам? — улыбнулся седой вратарь. — Ну что ж, пойдем, дитя Божие, в дом Божий.

И он повел мальчика к эконому.

* * *

Задонский монастырь возник в начале XVIII века на реке Тешевке, впадающей в Дон, отчего первоначально получил название Тешевский.

Самое раннее известие о нем есть в Елецких Писцовых книгах 1615 года. В то время это место входило в Елецкий уезд и, находясь по другую сторону Дона от уездного города, получило название Задонского.

Основание монастырю положили два старца — Кирилл и Герасим, прибывшие в эти места из Московского Сретенского монастыря.

История гласит: когда "Железный Хромец" — монгольский завоеватель Тамерлан — двинул в 1392 г. на Россию свои несметные полчища, московский князь Василий Дмитриевич, собирая войска для отпора врагу, приказал привести в Москву из Успенского собора города Владимира драгоценную святыню — Владимирскую икону Богоматери, которую привез с собою из Киева благоверный князь Андрей Боголюбский. По преданию, эта чудотворная икона была написана св. евангелистом Лукой и освящена прикосновением к ней Самой Царицы Небесной во дни земной жизни Ее.

Народ московский и множество духовенства с митрополитом Киприаном во главе в непрестанной молитве ожидали прибытия Владычицы и встретили Ее на Кучковом поле. Люди плакали и, повергаясь ниц перед образом, молили Небесную Покровительницу не допустить врага к сердцу Руси Православной.

— Мати Божия! Спаси Землю Русскую! — раздавались возгласы. А в эту ночь Тамерлана, остановившегося станом на берегу Дона, не доезжая Ельца, мучили кошмарные сны. Он видел несметные полки воинов, с ними благообразных старцев с золотыми жезлами в руках и неописанной красоты Жену, в лучезарном сиянии, Которая гневно приказывала удалиться с захваченных им земель, указывая ему путь на восток. Только смежал очи грозный завоеватель, видение повторялось, и не было сил от него избавиться... И дрогнул "Железный Хромец", и отступил в суеверном страхе со своей ордой в азиатские степи.

А благодарный народ русский соорудил на Кучковом поле храм во имя Сретения Пресвятой Богородицы, при котором возник мужской монастырь. Чудотворную же икону Богоматери — Владимирскую — водворили в Успенском Соборе Московского Кремля.

И вот два века спустя, два старца, монахи Сретенского московского монастыря, соорудили в честь чудесного избавления России от нашествия монголов пустыньку на месте последней стоянки Тамерлана, откуда тот был изгнан Небесной Царицей.

При помощи Божией они соорудили кельи и деревянную церковь во имя Владимирской Божией Матери, куда поместили икону — копию с Чудотворной Владимирской, привезенную из Москвы.

В Писцовой Книге 1615 года написано: "Ограда древена, ворота простые затворные на монастырь, а в монастыре — церковь Пресвятыя Богородицы Сретения Владимирския иконы, а церковь поставление и в церкви образа местные и книги и ризы и у церкви колокола и все церковные и монастырские строения двух старцев Кирилла да Герасима...".*

Впоследствии на месте деревянной церкви был выстроен каменный храм и теплая деревянная церковь в честь Рождества Богородицы.

Все имеют свои судьбы — не только люди, но и целые города. Монастыри также имеют свою судьбу.

Судьба Задонского Богородицкого монастыря тесно связана с именем святителя Тихона. . . Св. Тихон Задонский. . . Святителем он был Воронежским, в Задонске же прожил последних тринадцать лет своей жизни, на покое, и память народная присвоила ему имя этого последнего места жительства.

Св. Тихон был сыном дьячка из села Короцка Новгородской губернии, в младенчестве лишился отца и жил в глубокой нищете. Мать хотела отдать маленького Тимошу (так звали будущего святителя) бездетному ямщику. Но старший сын на коленях упросил ее не делать этого.

— Ямщику отдадите — ямщиком и будет, а мы его грамоте выучим, — так говорил брат, сельский дьячок, голодавший сам.

И Тимошу оставили дома.

Вся детская и юношеская жизнь святителя прошла в нищете. Маленький Тимоша по целым дням боронил пашню у богатого мужика ради куска хлеба. Но настроение мальчика было высокое. В праздничные дни он первым являлся в церковь и был счастлив, если ему удавалось услужить священнику в алтаре или пропеть что-нибудь.

14-ти лет его приняли в новгородскую семинарию по слезной просьбе брата. Для приобретения дневного пропитания мальчику приходилось наниматься копать гряды, делать другие работы. Потом его зачислили на казенное довольствие, но он продавал половину своего пайка для того, чтобы купить свечу и заниматься по вечерам.

* Монашество на Дону. Часть 1. стр. 36. Воронеж, 1909 г. Никольский Н. П.

Такое усердие вызывало насмешки товарищей, более зажиточных и ленивых: они махали на него лаптями и приговаривали:

— Величаем тя.

Замечательно, что впоследствии эти же его однокашники кадили святителю кадилами в бытность его Новгородским викарным епископом.

Еще будучи семинаристом, св. Тихон преподавал греческий язык, а по окончании семинарии был последовательно преподавателем риторики, философии и богословия. Святитель Тихон положил начало новому живому направлению в русской богословской науке. Он излагал богословие на русском языке, а не на латинском, как было принято до него, заботясь более всего о воздействии на сердца слушателей.

В 1758 году он был пострижен в монашество, и в том же году — посвящен в сан иеродиакона, а затем и иеромонаха. Святитель Тихон любил уединение, мечтал поступить в пустынный монастырь и там проводить жизнь в подвигах. Но воля Божия о нем была иной, ибо горящий светильник не держат под спудом, но ставят на свечнике — да светит миру.

В 1761 году по троекратном метании жребия он был назначен на должность викарного Новгородского епископа; 13 мая 1761 года состоялась его хиротония. При этом первенствующий член святейшего Синода митрополит Димитрий (Сеченов) сказал: "Не туда я мыслил его назначить..." А думал он сделать архимандрита Тихона, зная его духовную настроенность, наместником Троице-Сергиевой Лавры. Но Господь судил иначе...

Переход преосвященного Тихона на Воронежскую кафедру, состоявшийся в 1763 году, также был "не от человеков". Были выставлены другие кандидаты, а императрица Екатерина II своей рукой написала: "Быть епископом Воронежским викарному Новгородскому".

Итак, светильник веры и благочестия был поставлен на Воронежской кафедре насаждать благочестие, воспитывать невежественную паству и ее пастырей.

В первую половину своей жизни святитель Тихон пребывал в живом общении с Богом и Его святыми угодниками чрез посредство Священного Писания и среди учащейся молодежи, где семена его учения падали на благородную почву юношеских сердец. На Воронежской кафедре ему пришлось столкнуться с тупым невежеством. Более ста лет прошло со времени кончины первого воронежского святителя Митрофана, много воды утекло, но начатое им дело

просвещения духовенства и благоустройства епархии не подвинулось вперед, а в некоторых случаях даже отступило вспять. Духовных учебных заведений в епархии не было, церкви находились в запустении, священники не знали устава богослужения, некоторые не имели никакого понятия о том, что такое литургия Преждеосвященных Даров, и никогда не совершали таковой. Старообрядческий раскол процветал.

Ревнуя о благочестии, святитель Тихон начал издавать строгие указы, штрафовать неисполнителей его распоряжений, угрожая им строгими мерами. Строго предписывал всему духовенству иметь у себя и читать Новый Завет. Написал для священников руководство под названием "Должность священническая о семи Святых Таинствах", всевозможные инструкции, но почти никто не читал его письменных трудов. Святитель горячился и прибегал к новым наказаниям. Его не любили и боялись.

Еще хуже обстояло дело с народом. Нравы его были так низки, что святитель никак не мог примириться с этим; он резко обличал пороки в своих прихожанах. Люди доходили до того, что праздновали языческие праздники. Святитель сам ходил в толпу народную во время гульбища по случаю празднования богу Яриле и обличительной речью заставлял людей прекращать греховное времяпровождение. Сила его слова была велика. Когда он увещевал народ — люди плакали. Но он не мог говорить ко всем, а послания его по большей части не читались.

Правление его, как сам он думал, было малоуспешным. Его аскетическая настроенность, его требовательность к себе и окружающим не были поняты, и контакта с паствой у него не получилось. У него не было времени изучать людей, а у них не было желаний выполнять его требования. Зато душа преосвященного, выросшего в суровой бедности, тяготела к страждущему народу. Он щедро раздавал милостыню и часто сам посещал неимущих и заключенных. Здесь раскрывались все сокровища его возвышенной души.

Чувствуя слабость здоровья и неплодотворность своей деятельности, святитель трижды просил уволить его на покой, и наконец просьба его была удовлетворена. В 1768 году он был уволен с правом поселения в любом монастыре, по его усмотрению.

Всю жизнь святитель Тихон мечтал об уединении, но его стремления были сдерживаемы сначала необходимостью помогать нуждающимся родственникам, затем его общественным служением. И вот теперь он мог осуществить свою мечту.

Поначалу святитель избрал для своего уединения Толшевский монастырь, расположенный в дремучем лесу и мало посещаемый богомольцами. Но болотистая местность и гнилая вода речки Усмань окончательно расшатали его здоровье. Кроме того, настоятель монастыря иеросхимонах Серафим был заражен расколом и не любил святителя.

Весной 1769 года святитель Тихон переселился в Задонский монастырь, который в то время ничем не выделялся из числа обычных русских монастырей. Он имел пахотные земли, покосы, рыбные ловли, мельницу и даже торжок, а потому особой нужды не испытывал. Святитель не нашел в нем того аскетического настроения, каким переполнена была его душа. Братья, окружающие его, долго не могли понять, кто жил среди них, какой светильник благочестия поставлен "на свещнице" Задонской обители. Монастырское начальство оскорбляло святителя, над ним смеялись, называя ханжой. Низкие нравы монашествующих оскорбляли его. И он почти не общался с монастырской братией.

Немногие чуткие души постигли духовное величие св. Тихона и составили вокруг него содружество, которое положило начало новому аскетическому и деятельному направлению.

С тех пор в Задонском монастыре началось служение подвижников миру.

Немногим в то время понятно было новое направление подвижничества, ведущее не к отрицанию мира, но к могучему нравственному влиянию на мир.

В монастыре святитель Тихон предавался подвигу поста и молитвы, облекся в величайшее смирение. Он часто приобщался Святых Таин за ранней литургией в священнических ризах. Но сам никогда не служил литургии, дабы не раздражать своего преемника по кафедре Тихона II, который даже Синод запрашивал, можно ли разрешить заштатному архиерею совершать богослужения.

И вот, из места уединения святителя потекли реки любви и слова величайшего назидания для страждущего человечества. Теперь все внимание святителя было обращено не на паству, а непосредственно на души пасомых. И народ горячо отзывался на голос праведника и потянулся к нему за помощью духовной и материальной. Ничего не имея для себя, святитель все отдавал людям. Теперь он знал их слабости и учил, как надо молиться и жить. Не только своим современникам, но и потомкам он оставил свои боговдохновенные поучения.

Он пожал такую богатую жатву подвигами уединения, о которой и мечтать не мог в сане епархиального архиерея. Свет, исходящий из келии отшельника-епископа, разливался в души человеческие и производил в них духовный переворот.

О бесконечном его смирении говорит следующий случай: в переписчиках сочинений святителя состоял один монастырский послушник. Однажды он понадобился настоятелю, который и послал за ним. Святитель сказал посланному, что послушнику осталось дописать несколько строк, после чего он явится к настоятелю. Но самолюбивый и вспылчивый игумен послал за послушником вторично. Вслед за послушником пошел и святитель, чтобы взять вину на себя. Услышав в покоях настоятеля гневный крик, святитель открыл дверь и тут же получил сильную пощечину. Святитель Тихон упал к ногам игумена, прося у него прощения. Опомившись, изумленный и пристыженный игумен, в свою очередь, повергся ниц перед святителем, взаимно испрашивая прощения.

Ревность пророка Илии, не терпящая слабостей людских, уступила в душе святителя кротости Христовой. Нелицемерной любви к людям был он преисполнен в эти свои последние годы.

Св. Тихон очень любил город Елец за благочестие его жителей. Он называл Елец Сионом и часто бывал там для раздания милостыни. "Мне жаль расстаться с этим городом, точно я родился в нем", — говорил святитель. Среди елецких купцов было много его почитателей.

Однажды в великий пост к св. Тихону приехал из Ельца купец Козьма Игнатьевич Студенников — благочестивый человек, ведущий безбрачную жизнь, и церковный староста. Святитель любил его. После продолжительной беседы купец направился ночевать к другу святителя схимонаху Митрофану. На другой день они вместе шли к святителю обедать и встретили дорогой знакомого рыбака с большим верезубом, которого тот нес схимонаху Митрофану для Вербного воскресения. И вдруг Митрофану страшно захотелось угостить кушца. "Вербное воскресение будет, — сказал он, — а вот Космы со мной не будет. Будешь ли есть верезуба?" — "Охотно", — сказал Козьма. Монах вернулся и сказал келейнику, чтобы приготовили им обед из рыбы.

Святительский обед был без масла, по случаю пятницы. Насладившись общей радушной беседой, гости простились с хозяином и пошли домой дообедывать. Келейник поставил на стол уху и холодное. И тут в дверях вдруг появился святитель Тихон. Смущенный Митрофан пал на колени, винясь в том, что соблазнился сам и

соблазнил Козьму. Но св. Тихон, зная строгую жизнь обоих, сказал:

— Садитесь, я знаю вас, — любовь выше всего.

Он велел налить ухи и себе, и хотя во весь пост не вкушал масла в понедельник, среду и пятницу, съел ложки две ухи и потчевал Козьму.

Выше воздержания от пищи ставил святитель воздержание духовное. Он говорил:

— Многие не едят мяса, рыбы, молока и пр. снедей, которых Бог не запретил, а паче благословил верным и познавшим истину, со благодарением принимать (1 Тим. 4. 3—4), но пожирают людей живых".

Высокопросвещенная душа святителя притянула к себе другие родственные души, и вокруг него сгруппировалось духовное братство, отразившее в себе его духовный свет и переливавшее в мир его духовную теплоту.

Из этого содружества известны имена трех старцев: Феофана, Аарона и Митрофана, и трех послушников: Никандра, Ивана и Василия.

Феофан и Аарон были неучеными простаками. Однако святитель находил возможным вести с ними богословские разговоры, потому что они знали о вечности то, что недоступно рассеянному ученому.

Схимонах Митрофан нес в монастыре послушание "просвиряка". Но келью он себе устроил за монастырской стеной, где принимал мирян, приходивших к нему за духовным утешением и поучением. За это, как и св. Тихон, он переносил оскорбления и клевету от братии. Но испытывая на себе полное непонимание, осуждение и пренебрежение чернецов, старцы Задонские получили признание и горячую преданность аскетически настроенных мирян, особенно среди жителей города Ельца.

Никандра Бехтеева святитель отметил еще в ранней молодости, будучи на кафедре Воронежской, и из Задонска руководил его духовным воспитанием. Он писал ему в Петербург, где Никандр проходил военную службу: "... Путь к будущему блаженству не тот, которым нынешнего века христиане идут, но описанный в Св. Евангелии, которое ты у себя имеешь. Читай его с почтением, вниманием и молитвой, и оно тебе укажет и за руку взявши, поведет тебя к оному блаженству; только слушай его".

Через три года службы Бехтеев вышел в отставку и по дороге домой заехал в Задонск к святителю, которому признался, что хочет посвятить себя служению Богу. Св. Тихон посоветовал ему

испытать себя. По возвращении домой Никандр повел образ жизни, неожиданный для его родителей: он молился, постился и читал св. Писание.

Объясняя такое поведение сына влиянием задонских подвижников, они запретили сыну общение с монастырем, окружили неусыпным надзором, приставив к его комнате караул. Но темной ночью Никандр ушел из дому и приплыл по реке к Задонскому монастырю, где его встретил св. Тихон и скрыл в пещере, выкопанной схим. Митрофаном возле его кельи.

Разъяренный отец потребовал произвести обыск в монастыре и жаловался правящему архиерею, преосв. Тихону III, требуя вернуть сына. Но последний пристыдил его и успокоил, посоветовав отдать одного своего сына (так как у него осталось еще двое) Небесному Отцу. Так Никандр поселился в монастыре и был келейником св. Тихона.

За два с половиной года до кончины св. Тихон уединился в своей келье и ни с кем кроме острожников не общался лично. Любовь свою к людям он изливал в письменных поучениях и наставлениях.

За неимением особого здания для острога в только что открытом городе Задонске, острожники были размещены в монастырских строениях. Сюда-то и приходил милосердный затворник в ночное время. Он беседовал с несчастными, оделял их милостыней, утешал и целовал в дни св. Пасхи и других праздников.

Святителю было откровение, что он умрет в "день недельный", после чего он каждое воскресенье причащался св. Таин. Он просил похоронить его у порога при входе во Владимирскую церковь. "Пусть, — говорил он, — мое грешное тело попирается ногами входящих..."

Пребывая в созерцательном настроении, святитель однажды увидел во сне высокую лестницу среди монастыря, окруженную множеством народа. Его подвели к лестнице, и когда он поднимался, народ следовал за ним и подсаживал его, так что он не чувствовал усталости. Он поднялся до облаков и проснулся. Это было истолковано как восхождение его в Царство Небесное при содействии молитвы любящей его паствы. Это — символ всей многотрудной жизни великого подвижника, сочетавшего самоотречение для Бога с самоотверженным служением ближнему. Такая неразрывная любовь к Богу и человекам праздным оставляла вопрос: должен ли монах служить своему ближнему?

За три дня до смерти святитель постился с друзьями, которые горько рыдали, целуя его руки. В полночь с 12 на 13 августа 1782

года началась предсмертная агония, а в исходе шестого часа утра угодник Божий почил о Господе.

Кончина святителя собрала в монастырь толпы народа. Хоронили святителя на восьмой день, и все это время совершались непрерывные панихиды над телом его, не обнаружившим никакого признака тления.

Отпевание почившего совершал Воронежский епископ Тихон III, который почитал святителя при его жизни и пользовался его советами и наставлениями. Он прислал облачение из архиерейской ризницы и при совершении отпевания произнес трогательное слово. Он не согласился на погребение угодника Божия при входе в Церковь, а распорядился похоронить его перед алтарем Владимирского храма в особом склепе, выложенном кирпичом.

С искренним плачем провожали богомольцы тело святителя в место упокоения. Но плач этот обратился в радость: память праведника сделалась отрадой и утешением в их жизни. День 13 августа в Задонском монастыре стал отмечаться необычайным стечением богомольцев, с каждым годом все увеличиваясь в числе. И исполнилось видение святителя: поддерживаемый этой народной волной, он все выше поднимался в своей славе, пока в 1861 году не последовало торжественное открытие его св. мощей.

В монастыре не сохранилась келья святителя — так мало понимала монастырская братия, КТО прожил среди них в течение 14 лет. Келью сломали, а предметы ее обстановки вынесли из монастыря почитатели почившего. Священные реликвии, оставшиеся после смерти святителя, хранятся в женском Усманском монастыре, строителем которого был келейник святителя Иван Ефимович, в монашестве Тихон.

После смерти святителя недружелюбие монахов обрушилось на его содружество. Особенно много пришлось претерпеть схимонаху Митрофану. Келью его разрушили, самого перевели в монастырь в общую келью, чтобы он не мог принимать богомольцев; у него отобрали бумагу и чернила, чтобы и письменно не мог он назидать духовных чад своих. Игумен Климент и братия считали, что своей жизнью схим. Митрофан нарушает монастырский устав и отбивает доход у монастыря, "неизвестно куда девая получаемые пожертвования".

Они не поняли и не приняли нового течения непосредственного влияния монахов на живущих в миру и оказания материальной помощи неимущим мирянам.

Со старчеством в монастыре было покончено.

Но оно очень скоро возродилось.

Бывший келейник св. Тихона Алексий, в схиме Агапит, суровый к себе подвижник, продолжил дело своего наставника.

А в 1818 году в монастырь прибыл Георгий Машурин, знаменитый Задонский затворник, в течение 18 лет своей строгой аскетической жизни служивший примером не только монахам, но и бесчисленным богомольцам, которых неустанно поучал он и на словах и письменно. Уважение к этому подвижнику было велико. Его почитал Воронежский архиепископ Антоний II. Под конец же его жизни его посетил замечательный архипастырь-подвижник Филарет Амфитеатров.

В 1836 году затворник Георгий умер, а на смену ему пришел его бывший келейник, иеросхимонах Нафанаил, четыре года исполнявший должность казначея монастыря. Приняв схиму, он поселился в одной комнатке, размером 4 x 3 аршина, в помещении, где прежде жил о. Георгий. В комнате не было кровати, и подвижник в течение 14 лет спал, сидя на стуле. Он вел обширную переписку с мирскими людьми, стремящимися ко спасению, принимал посетителей в своей келье, продолжая тем самым дело св. Тихона и его духовного содружества.

Продолжали это святое дело также схимонах Авраамий (скон. в 1852 г.), иеромонах Павел, бывш. келейник схимонаха Митрофана (скон. в 1837 г.), иеромонах Ириней, более 26 лет бывший гробовым при гробе св. Тихона и ежедневно служивший раннюю литургию (сконч. в 1863 г.).

И на этом служение подвижников миру, в его стремлении к Богу, в Задонском монастыре закончилось.

В 1825 году на кафедре Воронежской был возложен третий светильник благочестия — преосвященный епископ Антоний II (Смирницкий).

Родившийся в 1773 году в семье священника с. Повстын Полтавской губернии, Авраамий Смирницкий окончил Киевскую духовную академию и в 1797 году принял монашество в Киево-Печерской Лавре с именем Антония.

Вступление его в Лавру ознаменовалось чудным сновидением.

— Представилось мне, — говорил он, — что я прихожу к келье преп. Антония. Келейник спрашивает: кого вам надобно? — Дома настоятель? — спрашиваю я. — Дома, подождите, я доложу. С сим словом пошел, и вскоре отворяются двери и идет преп. Антоний, несет большой потир с Святыми Тайнами. Приближается ко мне.

Я упал. "Встань, — сказал преподобный, — и приобщись". Я сказал, что не готов, недавно от мира. Угодник Божий повторил, чтобы я приступил и принял св. Тайны. Я приблизился и из полной чаши сподобился причаститься. И преподобный отошел..."

В том же году Антоний был посвящен в сан иеромонаха и назначен лаврским библиотекарем. Много раз приглашали его на должность преподавателя в духовных учебных заведениях, предлагали отправиться в Константинополь в составе духовной миссии, но он каждый раз отказывался.

Жизнь будущий святитель вел аскетическую: день и ночь молился, хранил строгие посты, носил власяницу и спал на жесткой постели, покрытой черным сукном.

В 1808 году Антония сделали начальником типографии, а в 1814 году начальником ближних Антониевых пещер. Этой должностью он особенно дорожил. Он часто уединялся в заветные подземелия и проводил время в молитве и в непосредственном общении со святыми угодниками Божиими.

В 1815 году иеромонаха Антония произвели в наместника Лавры, в каковой должности он пробыл в течение девяти лет.

В 1825 году наместник Антоний был назначен епископом Воронежским.

— Не надеюсь на себя, — говорил он, предаваясь воле Божией, — но там есть два святителя Христова — Митрофаний и Тихон, их молитвы, как благонадежный якорь душе моей, меня подкрепят и мне помогут.

Роднили его с почившими святителями непрестанный молитвенный подвиг и щедрая благотворительность.

На Воронежской кафедре он продолжал нести свой неизменный подвиг молитвы и поста, присоединив к этому еще и учительство. Семинарской подготовкой пастырей он также был недоволен, как прежде — святитель Тихон. Сам ученый монах, он ценил только ту образованность, что опиралась на истинное благочестие.

По его ходатайству в 1832 году совершилось торжественное открытие мощей святителя Митрофана, и при Благовещенском соборе, где почивают мощи Воронежского святителя, учрежден мужской монастырь.

"На подвиге свят. Митрофания окрепла церковная жизнь Воронежского края в материальном и нравственном отношениях. На подвиге св. Тихона выросло материальное благосостояние Задонского монастыря и процвело особое подвижническое настроение, горевшее любовью к Богу и ближним. На подвиге бескорыстного

Антония II, считавшего себя служкой св. Митрофания и щедро раздававшего приношения к раке святителя неимущим, выросло благосостояние Митрофанова монастыря". ("Монашество на Дону").

Будучи 73 лет от роду и чувствуя себя приближающимся к закату, архиепископ Антоний увидел во сне Задонского святителя Тихона, который сказал ему:

– Ты не умрешь, пока не вынешь меня из грязи. ("Монашество на Дону", часть II. Никольский П.Н.).

В это время в Задонске шла закладка каменного храма в честь Владимирской иконы Богородицы на месте прежней деревянной церкви, которую по ветхости вынуждены были разобрать. Необходимо было приступить к разборке совсем обветшавшего алтаря, под которым покоилось тело св. Тихона, и архимандрит Серафим, настоятель монастыря, обратился к преосв. Антонию за разрешением на перенесение тела почившего в другое приличное место.

Архиепископ Антоний, несмотря на слабость сил, тут же отправился в Задонский монастырь для личного освидетельствования.

Прибыв в Задонск вечером 13 мая, архиепископ приказал архимандриту Серафиму, казначею Паисию и ризничему о. Зосиме откопать пещеру, где покоилось тело святителя Тихона. Разобрав кирпичные своды, они обнаружили гроб с мощами святителя. Две нижние доски были совершенно целы, и на них покоилось тело; верхние и боковые доски отвалились. Одежда и самые мощи угодника Божия были мокры и распространяли сильное благоухание.

Архиепископ Антоний сам пожелал сойти в усыпальницу. Сняв камиллаву, он с помощью о. Зосимы спустился в склеп. Осенив себя крестным знаменем, положил три земных поклона и на коленях припал к мощам. Лобызая руку святителя, архипастырь говорил:

– Благодарю Тебя, Боже, Господь мой, что ты услышал мою молитву и исполнил желание души моей, удостоил меня увидеть мощи Твоего великого угодника и молитвенника о мне, грешном. Ныне отпускаеши раба Твоего, по глаголу Твоему, с миром.

"Мощи нетленны и подобны мощам св. угодников, почивающих в Киево-Печерской Лавре".

В новом гробу перенесли тело святителя в теплую церковь Рождества Богородицы. Восемь ударов монастырского колокола прорезали ночную тишину.

Архиепископ Антоний в облачении встретил св. мощи, и, когда открыли крышку – по церкви распространилось благоухание. Служили панихиду, а так как не было еще отдания Пасхи, – пели пасхальный канон.

"Трогательное и выдающееся торжество иноческого подвига. Вся братия в церкви и во главе ее архиепископ-подвижник, всю жизнь посвятивший прославлению подвигов святых иноков. От юности он сделал себя учеником Киево-Печерских подвижников, отказавшись быть ученым богословом и учителем Богословия.

В зените своих дней он имел высокое утешение обрести и явить православному миру мощи св. Митрофания. Теперь, на закате дней своих, он обрел мощи другого Воронежского святителя. И какого святителя! Тихона Задонского, который так сроден был его душе, который ради подвига отрекся от кафедры и от всей внешней деятельности. И вот теперь архиепископ Антоний совершает панихиду перед его святыми мощами, только что вынесенными из недр земли". ("Монашество на Дону". Часть II. Никольский П.Н.).

По окончании панихиды следовало возгласение вечной памяти преосвященному Тихону, но протоиерей по ошибке провозгласил вечную память преосв. Антонию. Тот осенил себя крестным знаменем и сказал:

– Да будет воля Божия.

Когда все разошлись, архимандрит Серафим и иеромонахи Зосима и Пимен соорудили надгробие над мощами святителя и поставили над ними выкованную из серебра гробницу, которая и прежде стояла над склепом. Так прошла эта святая ночь.

На утро после ранней литургии архиепископ Антоний соборно совершил панихиду по свят. Тихону и уехал в Воронеж.

По возвращении своем архиепископ написал донесение о происшедшем обретении св. Синоду и отдельно – оберпрокурору Синода и пребывал в надежде увидеть торжественное открытие и прославление святых мощей. Но дело затянулось. Прошли торжества 13 августа – дня смерти св. Тихона, и после этого архиепископ Антоний занемог, не перемогался. В сентябре архиепископ послал в Задонск ректора Воронежской семинарии архимандрита Симеона для того, чтобы просушить ризы святителя Тихона. В течение пяти ночей архимандрит выполнял это поручение: не снимая ризы, а вставив в рукава и подпольник распорки, он просушил таким образом все облачение.

В декабре 1846 года архиепископ Антоний совсем ослаб. Чувствуя приближение кончины, он снова написал донесение св. Синоду и письмо на имя царя Николая I. Уже коснеющей рукой подписал он документы, а личное духовное завещание подписать не успел.

Ночь на 20 декабря Владыка провел в молитве, а утром послал денежные письма бедным людям.

”Никакого нет у меня страха при ожидании смерти, — говорил архиепископ своему викарному епископу Елпидифору, — желаю разрешиться и со Христом быть”.

В 6 часов вечера над ним было совершено таинство Елеосвящения. Последнюю молитву он прочитал сам и благословил всех окружавших его.

Потом он прилег, и все вышли. Но через четверть часа владыка сильно постучал в стену. В спальню вошли преосв. Елпидифор, наместник с братиею Митрофанова монастыря, родственники и близкие.

Крестообразно благословив всех и молитвенно устремляя взоры вверх, архиепископ, под чтение отходной, с горящей свечой в руке, тихо скончался.

Его похоронили в Благовещенском соборе, близ прежней гробницы святителя Митрофана. Ректор духовной семинарии архимандрит Симеон, любимый владыкой за простоту и послушание, произнес надгробное слово. Между прочим было сказано:

”Кто всматривался в закат солнца на тихом, светлом небе, тот может представить кончину иерарха, возлежащего во гробе. Как лучезарное солнце, приближаясь к небосклону, делается величественнее и доступнее для зрения, так наше духовное светило — архипастырь, приближаясь к вечности, был величествен духом, и пастырские его доблести, известные ближним и дальним при его жизни, особенно явлены были сонму левитов и других, окружавших его одр при его кончине. Кончина почившего архипастыря есть торжество веры христианской над ужасами смерти. По слову Божию, мирная кончина есть только плод благочестивой жизни. ”Праведник еще постигнет скончаться, в покое будет”. Добрая жизнь нашего почившего архипастыря, как светильника, горевшего на высоком и открытом для всех чад Православной Церкви свещнике, многим градам и весям благословенного Отечества нашего известна. Он был светильник Церкви, который не словом только, а паче добрыми делами любви и милосердия озарял и указывал путь, ведущий в Царство Божие.

Подобно Иисусу Навину, он сам прежде прошел в Палестину духовной жизни, в училище богоносных отцов Антония и Феодосия Печерских, а потом собственными опытами руководствовал и других в сию страну, где нет печали и вздыхания, а блаженное успокоение, коего сладость предвкусил владыка наш и здесь, подобно Иисусу Навину, усладившемуся обилием земли, кипящей медом и млеко прежде обладания оною...”

Так и не дожидаясь архиепископ Антоний II до того дня, когда были явлены миру святые мощи святителя Тихона Задонского.

День этот был 13 августа 1861 года — ровно через 70 лет со дня кончины святителя и через 17 лет после их чудесного обретения, когда, по настоянию почитателей памяти Задонского подвижника, Воронежским архиепископом Иосифом II было возбуждено новое ходатайство.

В 1814 году в черте монастырской ограды, в память милосердия св. Тихона, основано Задонское училище на 20 человек, называющихся тихоновскими и содержащихся за счет монастыря.

В 1862 году в монастыре устроена больница для людей всякого звания.

А в 1884 году при монастыре открыта церковно-приходская школа на 100 учеников, содержащая, главным образом, за счет монастыря.

На первых порах Ваню послали на скотный двор и там дали ему послушание пасти гусей. . . Мальчик очень серьезно отнесся к своим обязанностям. Целый день он бегал с прутиком, охраняя своих питомцев. Дело было хлопотное, питомцы непослушные, они упорно всем стадом выбивались из-под опеки пастушка и далеко уводили своего пастыря, независимо разгуливая по монастырским угольям.

Набегавшись за день, Ванюша с аппетитом уписывал монастырские щи с мягкой и душистой горбушкой пшеничного хлеба. Перепадало ему и молоко. Мальчик прижился на скотном. Когда гусята подросли, их наставника повысили, доверив ему пасти телят. Непосредственным начальником его был пожилой добродушный монах. С ”дедушкой” они жили душа в душу. Рано, чуть свет, будил мальчика пожилой пастух. Солнце только поднималось. Весело было бежать по росе, выгоняя скотину на монастырские пастбища. Спокойно, величественно шагали сытые буренки, низким басом гудел здоровенный бык Васька, неуклюжей рысцой забегали вперед рыжие телята. Слышится посвистывание и удары о воздух бича. Шествие удаляется далеко от монастырских стен. Выгнав скотину

на пастбище, пастушки усаживаются рядком, завтракают хлебом и холодным молоком, и начинаются задушевные беседы. Много интересного рассказывал дедушка своему маленькому помощнику. Но Ванюша зорко следил за поведением своих пасомых, чтобы не отбились, не отстали, не ушли вперед. Время от времени он вскакивал и стрелой бежал выравнивать стадо. Иногда пастух пел молитвы и мальчик подтягивал ему. Он настолько освоился, что по временам, как прежде дома, начинал изображать из себя священнослужителя. "Мир всем", — провозглашал он, осеняя коров. Срывал зеленую ветку и кадил на стадо и на пастуха.

— Мы с тобой пастыри бессловесного стада, — подшучивал дедушка, — но погоди, придет время — я-то не доживу, — и будешь ты пастырь словесных овец. Вот тогда крепко обороняй их от волков грядущих...

В жаркий полдень мальчик жадно пил из бидона душистый монастырский квас. Есть не хотелось. Ужинали на скотном дворе, когда пригоняли скот. Тут же Ваня падал на постель и засыпал крепким мальчишеским сном.

Проводя целые дни на воздухе, мальчик вырос и окреп. Но вот подули ветры, начались дожди. У Ванюшки не было обуви, и он продолжал бегать босиком по сырой земле. Конечно, летние дожди теплые, но, почти никогда не просыхая, мальчик простудился. Некому было присмотреть за ним, и сам он не жаловался. Так и бегал со стадом, пока не свалился в жару. Его положили в больницу.

Как жарко натоплена печь... Слышно, как упорно звенит назойливая муха, беспрестанно ударяясь об оконное стекло. Сбросить бы с себя теплое одеяло... "Мамо!" — зовет мальчик. Кто-то склоняется над ним. "Кто это? Ах, это Мавруша!" Черные косы ее падают и щекочут лицо. "Жарко, Мавруша..." — "Ничего, спи, — она смеется, — а я спю".

"Как за гаем, гаем, гаем зелененьким..." — раздается свежий Маврушин голос. Хорошо поет сестра. "Еще, еще спой". И она поет, поет. Ванюша пытается подпеть, но не может. Кто-то наваливается на грудь. "Мавруша, зачем так крепко обнимаешь? Пусти". Сестра смеется. "Ой, чья же черешня, ой чья же вишня, ой чья же дивчина на улицу вышла..." — задорно поет Мавруша, и веселые огоньки загораются в ее глазах.

Пить... как хочется пить... Что-то холодное освежает губы. Но где же Мавруша? Куда ушла? Почему перестала петь?

— Пой, пой еще, — со слезами просит мальчик.

Как темно кругом... И вдруг... чей это голос прорезает тьму?

"К Богородице прилежно ныне притецем... — поет кто-то высоким надтреснутым тенорком... — Владычице, помози, на ны милосердовавши..."

С трудом мальчик открывает глаза и встречается взглядом с другими, выцветшими глазами. Он видит жиденькую бородку и седые пряди волос.

— Ты ще, дидко?

— Петь велишь, вот и пою. Проснулся? Испей кваску.

Ванюша жадно пьет из белой кружки холодный квас и, откинувшись на подушки, засыпает.

Просыпается он наутро. Ему не жарко, только слабость страшная.

— Ну, ожил? — улыбается добродушный старик в выцветшем подряснике, подпоясанный старым истершимся ремнем. — Молочка хочешь?

Ванюша отрицательно качает головой.

— Выпей молочка, — предлагает старец через некоторое время, — или щец поешь монастырских.

— Не хочу, — отвечает мальчик.

— Чего же ты хочешь?

— Вареников.

— Вареников? — удивляется старичок. — Ишь чего захотел. Весь день мальчик только пил и ни за что не хотел есть.

На следующий день врач осмотрел его и предложил покормить мальчика. Старик снова стал предлагать Ване еду:

— Поел бы чего-нибудь.

— Вареников, — снова сказал мальчик.

— Ну, где я возьму тебе вареников, — вот каша, щец, огурчика.

— Вареников, — упорно твердил больной.

К монастырскому казначею пришел больничный служитель.

— Мальчик Ванюшка со скотного болен уж очень...

— Ну и что? — сдвинув брови, спросил казначей.

— На поправку пошел, только вот не ест ничего. Вареников просит.

Лицо казначая прояснилось.

— Вареников? — усмехнулся он. — Ах, он хохол! Ну, раз просит, надо дать. Скажите на кухне, пусть приготовят.

И вот в больничную палату принесли целую макитру вареников, больших, жирных, в сметане...

Мальчик радостно присел на кровати, ему казалось, что он все это съест. Но съел только один вареник и тут же уснул. С этого

времени быстро начал поправляться. Вдвоем с монахом, больничным служителем, они пели церковные песнопения и расстались друзьями.

После болезни Ване дали новое послушание — в портновских мастерских.

Здесь он был мальчиком на побегушках: подмести пол, подогреть утюг, заготовить иглы с длинными нитками, всякие мелкие услуги лежали на его обязанностях. Но каждую свободную минутку Ваня становился около портного и внимательно следил за его работой, за каждым движением рук.

— Смотри, смотри, — поощряли его, — вот подожди, скоро начнем тебя учить. Будет из тебя портной.

В мастерской полюбили услужливого и расторопного мальчика, и он освоился на новом месте. По праздникам охотно ходил в церковь. Иногда его отпускали и в будни. Церковное богослужение по-прежнему привлекало Ваню и доставляло неизъяснимое наслаждение. Он становился впереди, чтобы все было видно, и иногда робко подпевал. Все здесь стало для него родным.

В монастырском соборе хранились две святыни: Владимирская чудотворная икона Божией Матери, посреди собора с правой стороны, и мощи святителя Тихона — слева.

Ваня любил рассматривать раку с мощами, серебряную, изящную... Серебро-позлащенная сень над ней покоилась на 4 серебряных столбах. На крышке вычеканено выпуклое изображение святителя Тихона во весь рост. У главы чеканно изображена кончина святителя Тихона, у смертного одра — келейник и схимонах Митрофан. С правой стороны — вид монастыря и внутри его крестный ход. Слева — освидетельствование нетленных мощей святителя в Рождества Богородицы церкви, где они покоились последние семнадцать лет.

Четыре литых серебряных орла с распростертыми крыльями вместо ножек поддерживают раку с гробом.

Вверху сени над головою святителя кованная из серебра митра, дикий и трикий, осеняемые крыльями херувимов. С правой стороны — образ Святой Троицы художественной живописи, поддерживаемый херувимами; с левой стороны, также поддерживаемый херувимами, образ Владимирской Богородицы.

Над ногами святителя вверху сени прикреплены: Евангелие, крест и рипиды, держимые херувимами.

Все это много раз тщательно осмотрел Ванюша. Только не мог еще прочитать вычеканенные по низу раки слова...

Подошло время занятий в школе. В монастырь собрались дети, те, что уезжали домой в летние каникулы, и те, что вновь были

приняты. Открылись двери школы. Внизу были комнаты для занятий, наверху — спальни для мальчиков. В одной из этих спален Ваня получил кровать и маленькую тумбочку. Мальчика одели. В классной комнате у каждого был свой ящик, куда укладывались тетради и книги, у каждого был пенал для карандашей и ручки. Ванюша почувствовал себя самостоятельным человеком.

Учиться он старался и был на хорошем счету, как самый аккуратный, чистоплотный и добросовестный. Свое послушание в портновской мастерской он также не оставлял. Поднимаясь ко сну в свою уютную спальню, он всегда останавливался перед большим образом Божией Матери "Скоропослушницы" на стене у входа в спальню. Дивный светлый лик Богородицы приковывал к себе взоры. Сиконы смотрели пронизательные, в самую глубину души заглядывающие, но необыкновенно добрые и нежные глаза. У этого образа мальчик как бы получал благословение на сон грядущий.

И размеренным ходом потекла жизнь. Ваня вырос, повзрослел. По-прежнему его любимым занятием было посещение храма. За богослужением он стоял серьезный, молился, клал земные поклоны. Прилежным мальчиком заинтересовался игумен. Однажды Ваню позвали в алтарь. Он вошел смущенный и начал класть земные поклоны, а потом нерешительно приблизился к игумену и сложил руки для благословения.

— Хочешь быть книгодержцем? — спросил его о. архимандрит. О, конечно, он хотел, хотя толком не знал, что это такое...

Так Ваня получил новое послушание. К службе он приходил задолго до начала и ждал прихода иеродиакона, который раскладывал ему закладки и объяснял, когда и что нужно открывать. Мальчик был настолько внимателен и так старался, что вскоре уже обходился без посторонней помощи и сделался образцовым книгодержцем. Служение свое он ставил очень высоко. В своем деле мальчик был бесменным и, как ему казалось, незаменимым. Его высокое послушание давало ему право на пребывание в алтаре, и там он многому научился. Особенно горд бывал он, когда на праздник в монастырь приезжали односельчане. Он стоял перед ними важный, в блестящем парчовом стихаре... Однажды приезжала сестра Сашенька. Из долговязой нескладной девчонки она превратилась в стройную красивую девушку. Они обрадовались друг другу. Сашенька рассказала о своем житье-бытье, о старшей сестре и ее семье, об общих знакомых, и мальчику немного взгрустнулось. Но он скоро оправился: его место было здесь. Здесь проходил он свое служение: учился и нес церковное послушание.

Так протекали дни. На лето многие дети разъезжались и расходились по домам. Ванюшу домой не брали, да он, увлекшись своей деятельностью, и не стремился из монастыря. Он оставался здесь в числе немногих детей. Возобновил посещения портновской мастерской, где научился строчить на машинке.

Петровками у Ванюши разболелась нога. Он ходил прихрамывая, но занятий не оставлял. Между тем, ходить становилось все труднее. Осмотрев мальчика, врач назначил операцию. Глубоко под кожей назревал нарыв. Нужно было ждать, когда он окончательно созреет. Лежа на своей постели у открытого окна, Ваня думал о том, что приближается Петров день и ему надо быть за церковной службой. Накануне праздника утром врач осмотрел ногу. Опухоль была красной, но еще твердой.

— Придется денек подождать вскрывать, — сказал доктор, — полежи еще.

— А сегодня всенощная, — возразил мальчик.

— Ну и что же, что всенощная?

— Мне надо быть.

— Тебе лежать надо, — отрезал доктор.

— А кто же книгу держать будет? — запальчиво возразил Ваня.

— Ну кто-нибудь подержит. . . А ты лежи, вставать я тебе не разрешаю.

И врач вышел из комнаты.

Мальчик остался один. Перед ним стоял нетронутый завтрак. Как же так? Будет совершаться богослужение, все будут присутствовать, народ переполнит собор, может быть, односельчане придут, а его, Ванюшки, не будет. . . Кому же доверят книгу? Еще перепутают все. . . Куда девалась важность мальчугана, — он весь сморщился и заплакал. . . Потом, опустив ноги, осторожно поднялся, цепляясь за спинки кроватей, и поскакал на одной ноге, опираясь руками о стены, к дверям, с трудом перепрыгнул через порог и оказался перед иконой Божией Матери. Мальчик взглянул в лучистые глаза, так тепло смотревшие на него, и упал перед образом:

— Матерь Божия! Помогите мне! — просил он, громко рыдая. — Ты все можешь — исцели меня!..

Через некоторое время надзиратель поднял лежащего на полу мальчика. Он отнес его на постель и пошел за врачом. Ваня сидел смиренно. Все бинты на ноге оказались мокрыми, и из образовавшегося свища обильно истекал гной. Врач очистил рану, промыл и наложил свежие бинты.

— Что ты за мальчик такой! — говорил он не то удивленно, то укоризненно.

— Я пойду ко всенощной? — радостно спросил Ваня.

— Ну, там посмотрим, — уклончиво ответил доктор.

А вечером Ваня, как всегда, держал книгу и звонким голосом пел величание с прочими священнослужителями. Нога не беспокоила его.

“Скоропослушницею” нарекаясь скоро услышала чистую и доверчивую молитву мальчика.

У Ванюши был хороший слух. На это обратил внимание регент и начал понемногу заниматься с ним.

Подошел великий пост. В храме погасли огни. Величественные образа стоят мрачные, и только строгие и благостные лики озарены светом лампад. Длинные службы почти целиком состоят из чтения псалмов. Но зато — редкое пение необыкновенной красоты. Погруженный в полумрак храм, строгие сосредоточенные лица монахов создают особенно молитвенное настроение.

Ванюша трепетно воспринимает эти дни. За литургией Преждеосвященных Даров он с двумя юношами выходит на середину храма и становится перед амвоном. . . Дивные звуки оглашают собор: “Да исправится молитва моя, яко кадило пред Тобою. . .”, “Господи, воззвах к Тебе, услыши мя. . .”

Ваня поет впервые. У него не только чистый приятный голос, но и очень молитвенное настроение. . . А по сторонам тихо вытирают слезы старые монахи. За них, за всех людей льется эта чистая молитва к Престолу Божию. Сохранил бы его Господь на всю жизнь. . .

Ваня серьезный и сосредоточенный. Он принял участие в очень важном и серьезном деле. Говорят, что пел он хорошо. Вот увидел бы, услышал бы его отец! Не сказал бы теперь: “Тикай отсюда. . .”

С этих пор мальчуган получил новое послушание, клиросное. Теперь ему нужно было разучивать ноты, изучать Устав богослужения.

В больших интересных делах проходило время. Ваня принимал деятельное участие в жизни хора: раздавал ноты, готовил и открывал на нужных страницах книги с песнопениями, читал “Отче наш. . .” Мало-помалу ему стали давать на буднях более ответственное чтение. Вскоре он уже читал шестопсалмие и кафизмы. Мальчик всем сердцем прикипел к церкви. Все, что было лучшего в монастыре, он вбирал в себя.

Прошли годы. Ванюша сросся с обителью и стал полноправным членом монастырского хора. Закончено духовное училище. Получены

портновские знания в монастырской мастерской, и теперь вся душа его отдана музыке.

Он поселился в певческом корпусе, где имел отдельную келью. Здесь и предался юноша музыкальным занятиям. Один паломник из Ельца, большой любитель церковного пения, но сам не имевший отношения к музыке, подарил Ване скрипку и самоучитель. С этим драгоценным подарком юноша не расставался. Все свободное время проводил он со смычком в руках, увиваясь извлекаемыми звуками. Его упражнения можно было слышать и утром, и днем, и вечером. Уши окружающих страдали от них, и многие выражали ему свое неудовольствие. Особенно возмущался сосед, пожилой уже "бас", который могучей октавой угрожал музыканту всякими карами за то, что тот "рвет ему уши".

Однажды, потеряв терпение, босой, в нижнем белье, он ворвался в комнату скрипача и, потрясая кулаками, зычным голосом закричал:

— Я тебе морду набью! Дашь ты мне покой?

Такое истушленное негодование добродушного певца позабавило юношу. Но с этих пор он стал ограничивать себя в занятиях.

Вскоре к Ване пришла радость. Видя незаурядные способности юноши, его послали в музыкальное училище за счет монастыря.

Вернувшись из училища в обитель, Ваня снова встал на клирос и начал усердно помогать регенту. К этому времени у него определился голос — довольно сильный бас. По-прежнему он ежедневно посещал храм. В будни управлял хором монахов и читал канон, а в праздничные дни — канонарил и пел в большом смешанном хоре. Понемногу регент стал доверять ему управление хором, и Ваня исправно заменял своего учителя.

И вот произошло неожиданное для всех событие. Перед самым праздником Введения во храм Пресвятой Богородицы регент объявил, что уходит: ему было сделано выгодное предложение, и упускать хорошее место не хотелось.

Настоятель растерялся.

— Могу отпустить вас только после праздника, — сказал он регенту. Но тот не хотел задерживаться ни на один день.

— Где же я могу так быстро найти регента? — недоумевал о. архимандрит.

— А вам и не надо искать. Он у вас есть.

— Кто же?

— Ванюша Бочаров.

Настоятель только рукой махнул.

— Я с вами серьезно говорю, а вы шутите...

— Я не шучу, — возразил регент. — Я приготовил себе замену. Он вполне справится с хором — он давно уже им управляет.

Видно было, что настоятель не доверяет этим словам. Но выбора не было, и он обратился к Ване:

— Ты уж там попроще что-нибудь возьми, — сказал он, — а то срежете — неудобно будет...

По обители распространился слух, что регент уехал. А между тем хор пел как ни в чем не бывало; пел трудные вещи, специально отобранные новым регентом. Всенощная прошла как всегда, без заминок. А праздничная Литургия была для Вани триумфальным дебютом. Певчие очень старались не ударить в грязь лицом и блестяще исполнили сложные песнопения. Казалось, что так хорошо они еще никогда не пели.

Можно было думать, что служба без регента вызовет горькие слезы, а вышло так, что многие плакали от радости и умиления.

После службы молодой регент принимал поздравления. Ему жимали руку, хлопали по плечу, говорили одобрительные слова. Всем было приятно сознавать, что этот способный юноша — воспитанник монастыря. А Ванюша с трудом отвечал на поздравления — какой-то комок застрял в горле. Он стоял как равный среди равных. Где тот маленький босоногий мальчуган с хворостинкой в руках, пасущий на скотном гусей, старавшийся всем услужить, угодить каждому... Вот он сейчас стоял здесь с камертоном в руке; стройные ряды певцов замерли в ожидании, и одним взмахом руки заставлял он этот хор греметь и затихать, потрясать молящихся и вызывать слезы умиления на глазах...

Благодарная радость переполнила юношеское сердце. Он подошел к мощам святителя Тихона и опустил на колени... Как задушевно пела в этот вечер скрипка в келье молодого регента, какие чарующие звуки извлекал из нее высоко настроенный музыкант...

Щедро одаренный исключительным музыкальным слухом и вкусом, Ваня оказался очень хорошим регентом. Несмотря на свою молодость, он не только успешно управлял хором, но и учил петь. Его простосердечная вера и молитвенная настроенность безошибочно помогали ему угадывать душу музыкального произведения, и он умело передавал это понятие певцам, почему хор под его руководством и исполнял церковные песнопения особенно молитвенно. Это признавали все.

В течение ряда лет Ваня состоял регентом большого хора Задонской обители, под покровом Владимирской Божией Матери, у мощей

Задонского святителя Тихона. Спевки, разучивание новых произведений и полные торжества богослужения — в этом проходила его жизнь. Но судьба юноши все еще не определилась. Будучи иждивенцем обители, он официально не вступал в число братии, хотя, по своей настроенности, был склонен к иночеству, ни на что не решаясь.

В Задонском монастыре любил служить епархиальный архиерей. Нравился ему Владимирский собор. Он любил молиться перед чудотворной иконой Богоматери, очень почитал Задонского святителя Тихона и с удовольствием слушал пение монастырского хора.

На праздники обретения мощей святителя Тихона приезжал глубокий его почитатель Орловский преосвященный Григорий. Он очень любил пение, знал почти всех певцов и похвалил регента.

Однажды в монастыре появился посланный от преосв. Григория и прошел прямо в певческий корпус. В Ельце освободилось место регента архиерейского хора, и преосвященный предлагал это место Ване.

Польщенный предложением, Ваня ответил, что ему надо подумать.

Елец. . . Любимый город святителя Тихона. . . Прощай, обитель-мать, вскормившая и взрастившая сироту. . . Твой птенец расправил крылья и готовится в полет. Мир открывается перед ним.

Его отговаривали.

— Не ходи, сынок, — говорил ему монах-духовник. — Там жизнь рассеянная, а ты в монастыре вырос. . . под покровом Матери Божией и святого угодника Тихона.

— Матерь Божия везде, — возражал Ваня, — а Елец и святитель Тихон любил — Сионом называл.

— Женят тебя там, — вздыхал духовный отец, — веру забудешь.

— Нет, — уверял Ваня, — веру не забуду. И там буду в соборе служить.

И улетел в "Сион".

Трудно сказать, что решило его судьбу. То ли слава вскружила голову, то ли потянуло к вольной жизни, представились ли большие возможности применить свои силы? . . . И конечно, большое значение имело то, что в Ельце жил его старший брат Михаил.

"Сион" обратился к Ване совсем не той стороной, которую имел в виду святитель Тихон.

Дивный Вознесенский собор города Ельца восхитил нового регента. Но это был не монастырский собор, и жизнь здесь текла по-другому.

В Ельце Ваня превратился в Ивана Матвеевича. Жил он в гостинице вместе с братом — тенором архиерейского хора. Снова они подружались.

Михаил окончил реальное училище, но, обладая красивым голосом, сделался певцом. Он был верующим человеком, но воспитание получил мирское и в этом отношении оказал некоторое влияние на брата.

Жизнь Ивана Матвеевича в эти годы была глубоко контрастной.

Опять спевки, торжественные богослужения в прекрасном Вознесенском соборе, изысканное пение. Толпы богомольцев. Радостно-праздничный перезвон колоколов множества городских церквей.

А в свободное время — знакомства, приглашение в гости, Городской сад и общество городской молодежи.

Пришла слава, деньги, появилась возможность помогать сестрам. . .

Иван Матвеевич одевался у лучшего портного, к каждому празднику у него появлялся новый костюм, а прежний, едва поношенный, отдавался швейцару гостиницы, который подобострастно спешил открыть перед ним двери. Откуда-то явилось барство. . . Рассеянная жизнь засасывала.

Пение по-прежнему захватывало его, в пении он изливал душу и все силы отдавал ему, будучи требовательным и к певцам. Хор славился. Преосвященный был доволен регентом.

В свободное от спевок время они с братом, как когда-то в детстве, пели украинские песни. Уезжали за город с товарищами, в пикниках участвовали и певцы хора. Появились девушки.

У Михаила, еще до приезда Ивана Матвеевича, была знакомая Лиза. Она приходила на свидания со своей подругой Полиной. Как-то само собой получилось, что они стали всюду бывать вчетвером. Иногда разбивались парами, так что Ваня оставался наедине с Полиной. Знакомые всюду привыкли видеть их вместе.

И все-таки эта жизнь не удовлетворяла Ваню. Где-то в глубине души жило недовольство собой и окружающими. К Полине он не имел чувства, но появлением в течение долгого времени с ней на людях закрепил за собой звание жениха и сам понимал это, хотя жениться не собирался.

Четыре года прожил Иван Матвеевич в Ельце. Отношения его с девушкой зашли в тупик. Набравшись смелости, она сама спросила однажды, как бы вскользь, не думает ли он жениться, и Ваня буркнул в ответ, что "пока еще нет". А сам подумал о том, что отношения их становятся неприличными. Жениться он не хотел. Не мог. От одной мысли об этом ему становилось душно. А порвать не было предлога. Положение стало тяготить его. Да и в хоре начались неполадки. В Задонске, где он был строг к себе, требовательность его к людям была оправдана — не то было в Ельце.

Иван Матвеевич не выносил фальши ни в музыке, ни в жизни. Попад в фальшивое положение, он мучительно искал выхода, а к певцам был нетерпим и часто стал раздражаться. Услышав фальшивую ноту, он тут же передразнивал неудачника — это стало его методом. Он был глубоко убежден, что человек легче всего поймет свою ошибку, когда услышит ее с чужого голоса. Но к этому примешивалось раздражение, и выходило обидно. Певчие оскорблялись и отвечали дерзостью.

В это самое время он узнал от проезжающего духовенства, что в Троицкую Лавру требуется регент и учитель музыки для детского хора. В голове промелькнула мысль — не уехать ли? Но жаль было оставлять брата, тем более что последнее время он стал прихварывать. И опять все осталось по-прежнему.

Но Господь ведет людей Своими путями. Болезнь Михаила все усиливалась. Его пособоровали, причастили, и он спокойно отошел в иной лучший мир.

Смерть брата потрясла Ивана Матвеевича. Жизнь в Ельце окончательно померкла для него. И вот из Троице-Сергиевой Лавры на его имя пришло официальное приглашение занять место второго регента и руководителя хора мальчиков. Иван Матвеевич принял это предложение.

Был 1911 год — пятидесятилетие со дня открытия мощей св. Тихона. В Задонске на 13 августа готовилось большое торжество. Иван Матвеевич как воспитанник Задонской обители не мог не поехать туда. Свой уход из Ельца он решил приурочить к этому времени.

К юбилейным торжествам готовились долго и тщательно. Почитатели святителя позаботились об издании его сочинений, выпустили поучения св. Тихона отдельными листками. Желая придать юбилейному дню общецерковный характер, епископ Воронежский Анастасий разослал приглашение принять участие в торжестве преосвященным: архиепископу Тихону Иркутскому, епископу Подольскому Серафиму, епископу Орловскому Григорию, епископу Холмскому Евлогию, епископу Гомельскому Митрофану. Но прибыли на юбилей только епископ Орловский Григорий и епископ Гомельский Митрофан.

Таким образом, юбилейное торжество носило характер местный. Святитель Задонский остался Задонским, и празднование ему было исключительно народным. Печальник народный, он на свое торжество привлек толпы простого народа.

Самым торжественным и значительным в эти дни было шествие крестным ходом из Воронежа на расстояние 84 верст и из Ельца на расстояние 40 верст.

Из Воронежа крестный ход вышел 9 августа в 8 часов утра. После напутственного молебна, получив благословение преосв. Анастасия, народ двинулся в путь. Все улицы были запружены участниками крестного хода и провожающими. Шли с хоругвями, с большим образом святителя Митрофана Воронежского, с пением акафистов святителю Тихону и святителю Митрофану. Священники служили молебны, на остановках произносили проповеди. Из близлежащих сел выходили крестьяне с иконами и пением молитв. Богомольцев встречали хлебом-солью и студеной водой. Одни присоединялись к крестному ходу, другие только встречали и радостно плакали о том, что Господь привел увидеть такое торжество.

Приведу воспоминание очевидца:

”Утро второго дня путешествия — 10 августа.

Такая бодрость, такое хорошее настроение после почти бессонной ночи! Встали в пять часов. Когда вышли на дорогу, было пасмурно, свежо, но приятно. Наши спутники-богомольцы идут давно, иные вставали и уходили чуть ли не с 2 часов ночи; видно, на далекое расстояние растянулись они группами; едут многие и на лошадях, или видны телеги, нагруженные вещами. Немного отошли мы вперед, вдруг слышим звон — это крестный ход двинулся. Оглянулись назад и залюбовались картиной: церковь на возвышении, из-за ограды стали выносить хоругви; солнышко, еще не выходявшее из облаков, показалось и как бы нарочно осветило всех... Засияли, покачиваясь, хоругви и фонари. Издали так хорошо было смотреть, когда спускались с бугра, лучше чем вблизи, потому что идешь со всеми и не рассмотришь всего за головами других... Медленно подвигается шествие, а мы стоим, дожидаемся. Подходят — снова бодр и веселы — около хоругвей, другие — позади, у иконы святителя Митрофана. Каждому хочется немного понести икону. Прошли мост и у крайних домов деревни Бестужево стали служить молебен святителям Митрофану и Тихону, а затем отдыхать. Как хорошо было подходить к каждому селу: все более убеждались, что много людей, кроме нас, богомольцев, принимало участие в необычайно торжественном шествии...”

К селу Хлевному подходили под проливным дождем. Но вместо того, чтобы отдохнуть, народ собрался в храм для слушания проповеди и пения акафиста.

”С утра шел дождь, а потом все меньше, а когда заблаговестили, совсем перестал. Вышли из села, провожали нас с иконами и певчими. Кончится сегодня наше путешествие. Осталось только 24 версты.

На дороге грязь, идем бодро, не замечая ее и думая о другом, с каждым шагом все ближе к цели... Остановки ныне не будет, да никто и не думает о ней. Вошли в лес; по просьбе монахинь, живущих здесь, служили молебн. Народ все прибавляется, стало тесно около икон, приходится идти сзади или вперед, чтобы дать возможность другим послушать пение и помолиться.

Как-то необыкновенно скоро, прямо незаметно, оказались мы близко к Задонску. Уже последнее село Уткино, все хоругвеносцы пошли одеваться в свои костюмы — значит, скоро дойдем; испытываешь волнение, какое бывает в пасхальную ночь, когда духовенство перед крестным ходом уходит облачиться в светлые ризы.

И ждешь, и боишься чего-то и желаешь, чтобы скорее настали эти блаженные минуты!

Улицы полны встречающим народом, который стоит сплошной стеной по обеим сторонам дороги, не видно ни конца ни начала этой толпы. Верст за 5 навстречу нам вышел крестный ход из Задонска во главе со своим святителем Тихоном, изображенным на большой иконе, устроенной на высоких подставках, вместе с другими иконами, духовенством и народом. Тихо идем мы, тихо приближаются и они; издали кажется, что встречаются живыми два великие молитвенника Земли Русской, один идет почтить память другого. Иконы поставили одну против другой, когда встретились и стали служить молебн. Необыкновенная картина! Сколько она возбуждает мыслей и чувств. Чье сердце могло остаться равнодушным при виде всего этого? Представилось, что вот сошлись два святителя живыми, беседуют невидимо для нас, радуются такому множеству людей, почитающих их память; твердо верилось, что всякое прошение наше будет услышано, всякая печаль успокоена, всех нас помянут они сейчас и на предстоящих торжествах”.

Все вместе идут дальше, и вдруг к торжественности общего настроения добавляет радости волна нового восторженного подъема: раздается радостная пасхальная песнь: “Христос Воскресе!”

Все громче несется победоносный звон задонских колоколов, неумолкаемо пение множества голосов. “Праздников праздник”, Пасха среди лета, о которой не забыть очевидцам до смертного их часа. Это прообраз другой неописанной встречи, о которой говорит в своем “Завещании” святой Юбиляр: “Хорошо бы увидеться со всеми там, где БОГ видится лицом к лицу, и видящих Его оживляет, утешает, делает радостными, веселыми и вечноблаженными! Там люди как солнце сияют, там истинная жизнь, радость, веселие, блаженство и все вечное и бесконечное!”

Крестный ход из Ельца, города “Сиона”, любимого святителем Тихоном за благочестие жителей и благолепие храмов, тронулся 11 августа утром. Преосвященный Георгий, проводив крестный ход, выехал в Задонск, чтобы там встретить ельчан. Вместе с крестным ходом вышел в Задонск и регент Вознесенского собора Иван Матвеевич. Пасмурный с утра день разгулялся. На солнце сверкали хоругви. Впереди несли образ святителя Тихона и частицу его святых мощей. Вокруг регента сгруппировались певчие елецких церквей, пели акафист, стихиры святителю. По дороге к шествию присоединялись новые богомольцы. Настроение у всех было торжественное, усталости не чувствовалось.

В Задонск пришли вечером. Приближаясь к месту своего паломничества, богомольцы зажгли восковые свечи и двигались в наступившей темноте с пением молитв, представляя из себя великолепное зрелище.

Очевидец так описывает это шествие:

”Темнело... Звездами блеснули вдали огоньки. Все ближе и ближе... Послышалось пение. То ельчане шли к угоднику Божию со свечами в руках и пением песен святых.

Массы встречавших и пришедших слились в одно, и мощно разлилась кругом песнь величания святителю.

А из Задонска на встречу дорогих гостей шел крестный ход во главе с епископом Орловским Григорием.

Великолепную картину можно было наблюдать с задонского нагорного берега реки Дон.

Идущие навстречу друг другу крестные ходы сошлись, и среди громаднейшей массы остановившегося народа образовался очаг огня из горящих свечей в руках богомольцев. Несколько минут — и вдруг дрогнула народная масса и пошла. От очага огня побежали отдельные звезды-огоньки и рассыпались в разные стороны. Перед мостом через реку Дон огоньки опять сошлись, образовали полосу света, и блестящею лавою пошел народ через Дон.

На этом берегу запылала бочка смоляная и осветила красным огнем хоругви, иконы, кресты; ярко блеснули ризы духовенства, и чудными огоньками загорелись камни в митре архиерея, встретившего елецких богомольцев.

Под звон колоколов крестный ход взошел в монастырь”.

В половине девятого вечера во Владимирском Богородицком Соборе начался парастас о родителях и родственниках святителя Тихона и о всех Преосвященных Воронежских, преемниках Святителя, с участием множества священнослужителей... На правом

клиросе пел воронежский архиерейский хор, на левом — задонский монастырский, к которому и присоединился Иван Матвеевич.

12 августа заупокойную литургию совершил архиепископ Григорий. Панихиду служили все прибывшие архипастыри собором, с преосвященным Анастасием во главе.

В три часа дня ими же был совершен торжественный молебен пред мощами св. Тихона с чтением акафиста.

Торжественная всенощная началась в 6 часов вечера. Прекрасное пение огласило своды. Народу было так много, что и руки поднять было невозможно. После чтения Евангелия елеем помазали по очереди архиереи, архимандриты и множество священников. Далеко за полночь продолжалось помазание, но не все могли подойти к мощам. Некоторые богомольцы по три дня ждали своей очереди, чтобы иметь возможность к ним приложиться.

Перед литургией 13 августа прибыл крестный ход из задонского Успенского собора с настоятелем протоиереем Никанором Холодовичем во главе. Прибыли крестные ходы из близлежащих монастырей.

По определению монахов и жителей города, а также местной полиции, в этот день в Задонске было свыше 100 000 богомольцев. В прежние годы здесь собиралось до 40 000.

Торжественное архиерейское служение литургии началось в 9 часов. Около 12-ти гулким басом прокатился с высокой монастырской колокольни удар колокола. Началась торжественная процессия обнесения мощей святителя Тихона вокруг монастыря. Все улицы и площади переполнены народом. Вокруг монастыря на далекое пространство пестреет человеческое море, красное, белое, желтое, синее... Пахнет новым кумачом, холстиной, свежим хлебом... День ясный, солнечный.

Место для прохода духовенства со святыми мощами оцеплено канатами.

В воздухе сверкают хоругви, два образа святителей — Митрофана Воронежского и Тихона Задонского. Медленно движется процессия, а над головами богомольцев непрерывно летят куски холста, полотенца — приношения угоднику Божию. Народ всюду — на стенах монастыря, на крышах домов, на деревьях.

По четырем сторонам монастыря прочитано четыремя архиереями св. Евангелие с осенением народа и окроплением святой водой; перед входом в обитель прочитана молитва об умирении народов и прекращении крамолы.

Более часа продолжался крестный ход вокруг монастыря.

А через два часа богомольцы стали дружно расходиться и разъезжаться из Задонска по Воронежскому и Елецкому шоссе.

Переполненный чувством благоговейной радости и умиления, весь проникший святостью торжества, Иван Матвеевич отрешился душой от суетной жизни последних лет. Детство и юность, освященные благословением обители, живо прошли перед его внутренним взором. Первое посещение обители, еще с матерью, 25 лет назад, так поразившее его тогда... Слезы благодарности и тихой радости навертывались на глаза.

В 7 часов вечера из монастыря вышел в обратный путь елецкий крестный ход, сопровождаемый Орловским Преосвященным Григорием, но регента Вознесенского собора с ними не было... Простившись с преосв. Григорием и архимандритом Нафанаилом — игуменом Задонского монастыря, Иван Матвеевич, припав в последний раз к мощам святителя Тихона, посетив пещерную церковь и получив благословение монастырского духовника, уехал в Москву и оттуда — в обитель преподобного Сергия Радонежского, куда дважды намечался путь святителя Тихона. В первый раз, когда митрополит Дмитрий Сеченов хотел назначить его наместником Троице-Сергиевой Лавры, а жребий поставил его Новгородским викарием; и второй раз, когда, изнемогая под бременем архиерейского служения на воронежской кафедре, святитель просил Синод отпустить его на покой в Троицкую Лавру, на что не последовало ответа.

Получив благословение обители-матери, оторвавшись душой от всего, что осталось в Ельце, Иван Матвеевич навсегда оставил эти края.

**ХОДАТАЙСТВО ОБ ОТКРЫТИИ ЦЕРКВИ
В ГОРОДЕ НАБЕРЕЖНЫЕ ЧЕЛНЫ (г.Брежнев)**

Председателю Совета по делам религий
при Совете Министров СССР
тов. Куроедову В. А.

копия: В Совет по делам религий при Совете
Министров СССР по Татарской АССР
тов. Михалеву И. А.

копия: Председателю Тукаевского райисполкома
г. Набережные Челны
тов. Галиуллину И. Г.

копия: Казанской и Марийской Епархии
епископу Пантелеиму

от верующих православной хри-
стианской общины г. Набережные
Челны, с. Боровецкое.

Православные христиане г. Набережные Челны и близлежащих сел, деревень, молитвенно в коленопреклонении обращаясь к Творцу Мира Господу нашему Иисусу Христу и Покровительнице Мира Божией Матери, в милостивом челобитии вступаем и перед Советом по делам религий при Совете Министров СССР о разрешении передачи строений церкви с. Боровецкое или же п. Орловки православным верующим, чтобы соборно возносить молитвы к Спасителю Мира о даровании мира всему миру.

Искренне веря в правдивость статьи 52 Конституции СССР, что за гражданами СССР признается "свобода совести, то есть право исповедовать любую религию", православные христиане г. Набережные Челны душевно скорбят, что в городе нет действующей церкви, где по церковному уставу совершались бы богослужения.

В местной газете "Знамя коммунизма" № 171 от 5 сентября 1979 года в статье "Милый сердцу уголок" говорится о старой заброшенной церкви, испытавшей на своем веку немало, — творение неизвестных мастеров прошлого века. И действительно, сердце охватывает щемящая грусть, что наши недействующие церкви в городской черте заняты под мельницу — с. Боровецкое, складом сельпо — п. Орловка, тогда как в городах Москва, Киев, Владимир и других жемчужинами мирового искусства остаются архитектуры церквей с творениями иконописцев Феофана Грека, Андрея Рублева, известного русского художника В. М. Васнецова.

Ближайшая церковь находится от нас в 60 км. в маленькой кладбищенской часовне г. Мензелинска, где из-за длительного пути, неблагоприятных климатических условий, состояния здоровья, возраста и других причин не все верующие могут побывать даже на двенадцатых великих праздниках: Пасха Христова, Вознесение Господне, Успение Пресвятой Богородицы, Воздвижение Креста Господня, Рождество Христово, Рождество Иоанна Предтечи, св. первоверховных апостолов Петра и Павла, Покров Пресвятой Богородицы и других.

Верующие христиане возносят к Престолу Предвечного Бога любви общую усердную молитву о богохранимой стране нашей, о народах и властях ее, о мире всего мира, о благосостоянии Святых Божиих Церквей.

И нам, челнинцам, верующим во едину Святую, Соборную и Апостольскую Церковь, необходимо иметь в городе церковь, где укреплялись бы в исполнении заповедей Божиих, сподоблялись бы в причастии Святых Таин, где могли бы производить поклонение Пречестному и Животворящему Кресту Господню, Святое Воскресение славить, совершать крещение, браковенчание, погребение и поминовение усопших.

Священное древо жизни — Церковь — в живом присутствии и действии в ней Святого Духа защищает мирную созидательную жизнь народов, облагораживает укрепление моральных устоев семьи.

Еще раз убедительно просим Совет по делам религий при Совете Министров СССР разрешения об открытии церкви, а также вступаем в ходатайство перед Епархией о назначении к нам священника с церковными книгами, облачением, о выделении плащаницы, мощей Святых Угодников, икон, церковной утвари.

Просим закрепить уполномоченного в помощь об открытии церкви и зарегистрировать нашу православную религиозную общину,

которая берется на денежные пожертвования верующих и при помощи райисполкома произвести необходимый ремонт и открыть двери церкви для всех желающих, исповедующих православную христианскую веру.

Прилагаем намечаемый Исполнительный Орган.

Председатель Исполнительного Органа — Каракулин Федор Осипович, пенсионер, русский, с. Боровецкое, и следующий состав двадцатки:

1. Язынин Андрей Васильевич, г. Набер. Челны, ул. Зои Космодемьянской, 55.
2. Забродин Дмитрий Михайлович, г. Набер. Челны, ул. Красногородская, 24.
3. Язынин Владимир Лаврентьевич, пос. ЗЯБ, ул. Луначарского, дом 2-а.
4. Пашутин Николай Иванович, г. Набер. Челны, ул. Гагарина, 76.
5. Юдин Василий Кириллович, с. Боровецкое.
6. Трошина Ефимия Васильевна, с. Боровецкое.
7. Юдина Елизавета Максимовна, с. Боровецкое.
8. Ушакова Елизавета Ивановна, г. Набер. Челны, ул. Профсоюзная, дом 53.
9. Сорвина Нина Федоровна, пос. ЗЯБ, ул. Чайковского, 35.
10. Лукьянова Евдокия Григорьевна, пос. ГЭС, д. 3/30-2, кв. 56.
11. Кондылева Мария Ивановна, г. Набер. Челны, ул. Крахмальная, 12, кв. 2.
12. Багурина Евдокия Евдокимовна, г. Набер. Челны, ул. Г. Камала, дом 12-а.
13. Рогова Валентина Ивановна, пос. ГЭС, дом 1/2, кв. 4.
14. Усов Дмитрий Григорьевич, с. Большая Шильна.
15. Костромин Афанасий Филиппович, с. Большая Шильна.
16. Красильников Федор Николаевич, с. Большая Шильна.
17. Костромин Раиса Ефимовна, с. Большая Шильна.
18. Викарева Клавдия Васильевна, Новый город, 4-а, кварт. 524, дом 08, кв. 319.
19. Абубакирова Клавдия Ивановна, г. Набер. Челны, Новый город, 24/02, кв. 155.
20. Байгулова Анна Петровна, г. Набер. Челны, Новый город, кварт. 511, дом 09, кв. 234.

Подписи: Каракулин, Забродин, Костромин, Пашутин, Юдин, Юдина, Абубакирова, Викарева, Трошина, Багурина, Лукьянова, Усов, Костромин, Красильников, Сорвина, М. Кондылева, Язынин, А. Язынин, Ушакова, Байгулова, Рогова.

Помня смертный час, трубный глас, страшный суд и геену-муку болезную об открытии церкви православные христиане: рабочие производства, труженики сельского хозяйства, матери-героини, участники войн Японской, Финской, Отечественной, инвалиды войны, заслуженные труженики, награжденные правительственными наградами, чтобы при жизни сподобиться покаяния и по милости Господа нашего Иисуса Христа и ходатаицы Царицы неба и земли Пресвятой нашей Владычицы Богородицы и молитв Святых Угодников спастися душам нашим.

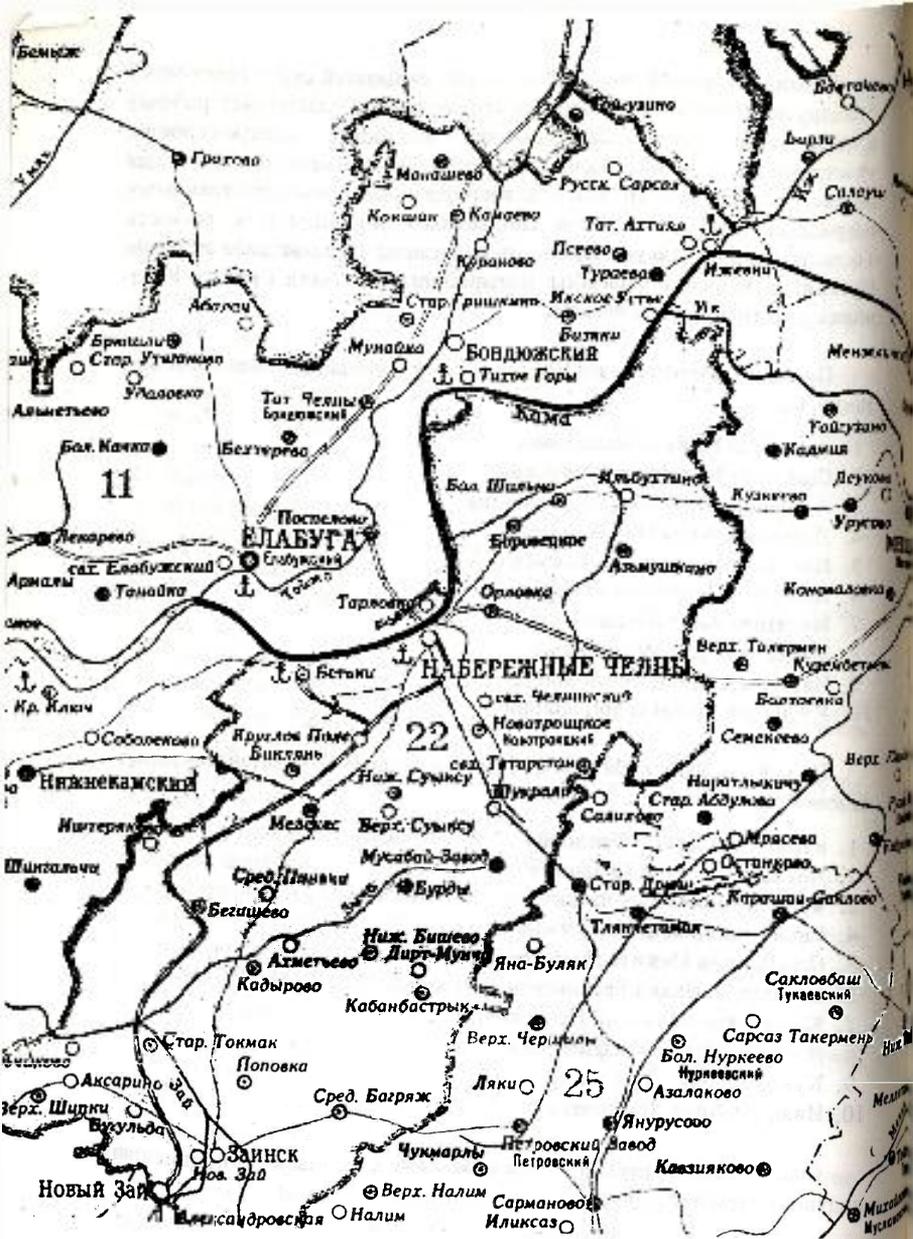
По селу Боровецкое из 107 (ста семи) ходатайствующих человек такие, как:

1. Алемасов Никита Федорович
2. Семенова Серафима Сергеевна
3. Ашкарова Прасковья Степановна
4. Даньшова Анна Михайловна
5. Попова Екатерина Афанасьевна
6. Ашкаров Петр Герасимович
7. Мусатова Анна Михайловна
8. Михеева Ольга Михайловна
9. Иванова Евдокия Федоровна
10. Кузнецов Трофим Михайлович

По селу Большая Шильна из 120 (ста двадцати) ходатайствующих человек такие, как:

1. Каракулин Федор Осипович
2. Хрульков Сергей Егорович
3. Чупров Абрам Васильевич
4. Сочкова Домна Макаровна
5. Серебряков Никита Дмитриевич
6. Слепков Алексей Васильевич
7. Костромин Афанасий Петрович
8. Яппаров Николай Ефимович
9. Куклова Анна Петровна
10. Иванова Анна Яковлевна

Списки 227 (двухсот двадцати семи) человек с подписями подтверждаем в подлиннике.

Часть карты Татарской АССР
 ("Главное управление геодезии и картографии
 Министерства геологии СССР", М., 1966)

Список

- Верующих в Бога села Шильна, ходатайствующих перед Благословенными властями града Набережные Челны с просьбой: об открытии храма Вознесения Господня в селе Боровецкое.
1. Скочкова Анна Романовна (год рож. 1912 г. 7 августа. Род занятий. Пенсионерка).
  2. Подъячева Нина Ивановна (год рож. 1920 г. 14 июня. Род зан. Пенсионерка).
  3. Аникин Александр Андреевич (1923 г. Охранник ВОХР – Военизированной охраны).
  4. Аникина Александра Ефимовна (1919 г. Пенсионерка).
  5. Бестолкова Александра Ивановна (1922 г. Пенсионерка).
  6. Чубурина Мария Спиридоновна (1885 г. Пенсионерка).
  7. Усов Дмитрий Григорьевич (1902 г. Пенсионер).
  8. Усова Александра Михайловна (1905 г. Пенсионерка).
  9. Усова Мария Павловна (1935 г. ВОХР стрелок).
  10. Серебрякова Анна Ивановна (1927 г. ВОХР КамаАЗа).
  11. Яппаров Николай Ефимович (1924 г. Пенсионер. Инвалид Отечественной войны II группы, награжден 4 медалями Великой Отечественной войны. Защитник Сталинграда).
  12. Яппарова Марфа Ивановна (1921 г. Пенсионерка).
  13. Яппарова Анна Ефимовна (1916 г. Пенсионерка).
  14. Скочкова Александра Тимофеевна (1915 г. Пенсионерка).
  15. Яппарова Клавдия Васильевна (1915 г. Пенсионерка).
  16. Золкина Аграфена Зиновьевна (1918 г. Пенсионерка).
  17. Ерохина Пелагея Константиновна (1915 г. Пенсионерка). *(Подписать крестиком)*.
  18. Космачева Василиса Константиновна (1918 г. Пенсионерка).
  19. Тюлькина Нина Филипповна (1931 г. ВОХР КамаАЗа).
  20. Кузнецова Мария Тимофеевна (1898 г. Пенсионерка).
  21. Кузнецова Клавдия Константиновна (1915 г. Пенсионерка).
  22. Скочков Иван Яковлевич (1929 г. Бригадир полеводческой бригады).
  23. Краснова Агафья Дмитриевна (1906 г. Пенсионерка).
  24. Фирстова Надежда Ивановна (1946 г. Техничка в школе).
  25. Фирстова Любовь Дмитриевна (1905 г. Пенсионерка).
  26. Поцелуева Вера Григорьевна (1929 г. Рабочая совхоза Камский).
  27. Секерин Александр Кириллович (1929 г. Рабочий совхоза Камский).
  28. Каракулин Федор Осипович (1913 г. Пенсионер. Участник Фин-

- ской и Великой Отечественной войны, дважды тяжело ранен, награжден орденом Славы III степени, орденом Красной Звезды и 4 медалями).
29. Красильников Федор Николаевич (1906 г. Пенсионер. Участник Великой Отечественной войны).
  30. Подъячева Наталья Григорьевна (1921 г. Пенсионерка).
  31. Логинова Анна Васильевна (1918 г. Пенсионерка).
  32. Петров Евгений Петрович (1932 г. Шофер).
  33. Цыганова Александра Ивановна (1903 г. Пенсионерка).
  34. Косарева Прасковья Егорьевна (1909 г. Пенсионерка).
  35. Фирстова Елизавета Петровна (1926 г. ВОХР КамаАЗа).
  36. Куклова Анна Петровна (1911 г. Пенсионерка, награждена правительственной медалью).
  37. Скочков Иван Александрович (1934 г. Тракторист совхоза Камский).
  38. Кузнецова Елена Макарьевна (1921 г. Пенсионерка).
  39. Смаева Прасковья Михайловна (1937 г. УЖВТ /Управление железнодорожного и водного транспорта/ стрелочник).
  40. Чупров Юрий Николаевич (1935 г. УЖВТ составитель поездов).
  41. Фирстова Галина Николаевна (1937 г. ВОХР КамаАЗа).
  42. Фирстов Николай Павлович (1935 г. ВОХР КамаАЗа).
  43. Куклов Николай Иванович (1933 г. Электромонтер. Ударник 9 пятилетки – строительства КамаАЗа, награжден именными часами за строительство КамаАЗа).
  44. Фирстов Николай Николаевич (1960 г. Тракторист совхоза Камский).
  45. Хрульков Сергей Егорович (1927 г. Участник Великой Отечественной войны, награжден медалью "За победу над Японией", награжден трудовыми медалями).
  46. Хрулькова Александра Григорьевна (1930 г. Рабочая совхоза Камский).
  47. Давыдов Алексей Федорович (1931 г. Рабочий совхоза Камский).
  48. Ягутова Нина Григорьевна (1918 г. Пенсионерка).
  49. Чупрова Анастасия Осиповна (1929 г. Рабочая медпункта, санитарка).
  50. Чупров Абрам Васильевич (1888 г. Участник 3-х войн).
  51. Серебрякова Екатерина Александровна (1906 г. Пенсионерка).
  52. Скочкова Дюма Макарьевна (1900 г. Пенсионерка. Мать-героиня, награждена медалью "За трудовую доблесть").
  53. Краснова Зоя Сергеевна (1934 г. Медработник).
  54. Краснова Прасковья Макарьевна (1900 г. Пенсионерка).

55. Бестолкова Анна Яковлевна (1926 г. Рабочая фермы).
56. Филиппова Полина Ефимовна (1901 г. Пенсионерка). (*Подпись крестиком*).
57. Шеркунова Дарья Петровна (1926 г. Рабочая совхоза Камский).
58. Шеркунова Фанасея Федоровна (1884 г. Пенсионерка). (*Подпись крестиком*).
59. Исаева Людмила Прокопьевна (1929 г. Киномеханик, награждена медалью).
60. Фирстова Анна Васильевна (1923 г. Дом. хозяйка).
61. Иванова Валентина Павловна (1948 г. Доярка совхоза Камский).
62. Куклова Евдокия Кузминична (1920 г. Пенсионерка).
63. Перевозина Анна Кузминична (1916 г. Пенсионерка).
64. Исаева Анна Ивановна (1912 г. Пенсионерка).
65. Логинова Анна Васильевна (1918 г. Пенсионерка).
66. Усова Александра Евстигнеевна (1929 г. Зав. складом совхоза Камский).
67. Милюкова Анна Григорьевна (1926 г. Рабочая совхоза).
68. Серебряков Никита Дмитриевич (1901 г. Участник Гражданской и Великой Отечественной войн, имеются ранения и награды).
69. Серебрякова Анастасия Тимофеевна (1904 г. Пенсионерка).
70. Иванова Анна Яковлевна (1919 г. Пенсионерка, награждена во время войны).
71. Ерохин Анатолий Михайлович (1914 г. Участник Великой Отечественной войны).
72. Ерохина Вера Григорьевна (1914 г. Пенсионерка).
73. Слепкова Александра Максимовна (1912 г. Пенсионерка).
74. Ерохина Анна Ильинична (1921 г. Пенсионерка, награждена медалью).
75. Секерина Александра Александровна (1931 г. Доярка совхоза Камский).
76. Куклова Екатерина Федоровна (1915 г. Пенсионерка).
77. Секерина Екатерина Петровна (1903 г. Пенсионерка).
78. Куклова Евдокия Яковлевна (1915 г. Пенсионерка).
79. Слепков Алексей Васильевич (1912 г. Участник Великой Отечественной войны, на войне потерял ногу, награжден орденом Красной Звезды, медалью "За отвагу" и другими медалями).
80. Косарева Марина Романовна (1906 г. Пенсионерка).
81. Еромасова Александра Васильевна (1923 г. Пенсионерка).
82. Подъячева Вера Анатольевна (1954 г. ВОХР КамаАЗа).
83. Ашкарова Александра Степановна (1906 г. Пенсионерка).
84. Фирстова Елизавета Григорьевна (1907 г. Пенсионерка).

85. Исаев Виктор Леонидович (1947 г. Рабочий совхоза).
86. Парфенов Анатолий Дмитриевич (1940 г. Рабочий совхоза Камский).
87. Логинова Лидия Кирилловна (1926 г. Рабочая совхоза).
88. Ерохина Анна Степановна (1939 г. ВОХР КамАЗа).
89. Секерина Пелагея Васильевна (1926 г. Рабочая совхоза).
90. Клепикова Мария Васильевна (1911 г. Пенсионерка).
91. Иванова Валентина Александровна (1954 г. ВОХР КамАЗа).
92. Цыганова Валентина Николаевна (1930 г. Доярка совхоза Камский).
93. Чупрова Матрена Ильинична (1908 г. Пенсионерка). *(Подпись крестиком)*.
94. Секерин Григорий Филиппович (1919 г. Рабочий совхоза Камский).
95. Секерина Ирина Семеновна (1919 г. Пенсионерка).
96. Подъячев Михаил Иванович (1929 г. Рабочий совхоза Камский).
97. Подъячева Анна Дмитриевна (1929 г. Рабочая совхоза Камский).
98. Слепкова Галина Александровна (1952 г. Доярка совхоза Камский).
99. Слепкова Вера Матвеевна (1908 г. Пенсионерка).
100. Косарева Нина Ивановна (1932 г. ВОХР КамАЗа).
101. Костромина Александра Ивановна (1938 г. ВОХР КамАЗа).
102. Куклова Агафья Никитична (1897 г. Пенсионерка).
103. Милюкова Елена Поликарповна (1910 г. Пенсионерка).
104. Богомолова Татьяна Леонтьевна (1900 г. Пенсионерка).
105. Костромин Афанасий Петрович (1908 г. Участник Великой Отечественной войны, 5 наград).
106. Костромина Евдокия Васильевна (1913 г. Пенсионерка).
107. Серебрякова Екатерина Федотьевна (1892 г. Пенсионерка).
108. Усова Антонида Петровна (1905 г. Пенсионерка).
109. Журавлева Мария Степановна (1914 г. Пенсионерка).
110. Безрученков Ефим Захарович (1901 г. Пенсионер).
111. Безрученков Александр Ефимович (1944 г. СМУ № 1 /Строительно-монтажное управление/ УМС /м. б. управление мелиоративного строительства/ машинист крана).
112. Чубурина Александра Гавриловна (1931 г. Рабочая совхоза Камский).
113. Новикова Анна Сергеевна (1913 г. Пенсионерка).
114. Фролова Ульяна Александровна (1902 г. Пенсионерка). *(Подпись крестиком)*.

115. Гаврилов Яков Иванович (1929 г. Рабочий совхоза Камский).
116. Кузнецова Елизавета Васильевна (1927 г. Техничка в школе).
117. Баскакова Анастасия Яковлевна (1926 г. Техничка в школе).
118. Колесникова Людмила Васильевна (1941 г. Кузнечный з-д, распредел. работ).
119. Викарева Клавдия Васильевна (1913 г. Пенсионерка).
120. Кузнецова Галина Владимировна (1938 г. Рабочая на заводе).

В Совет по делам религий при Совете Министров СССР по Татарской АССР тов. Михалеву И. А.

копия: Председателю Тукаевского райисполкома г. Набережные Челны тов. Галиуллину И. Г.

Верующие христиане города Набережные Челны, сел Боровецкое, Шильна, Суровка, Новотроицка вторично вступаем в ходатайство о вашем содействии в открытии церкви.

Как человеку необходимы солнце, воздух и вода, так и нам, чадам Божиим, необходима Церковь, чтобы через богослужение, таинства, обряды, посты очищаться и освящаться ради соединения с блаженным Существом, в Троице славословимым Отцом, Сыном и Духом Святым.

Каждая ничтожная былинка прославляет Бога своею полезностью, любовью и благоподобною волею, и нам по своей греховности необходимо призывать безначального Отца всей твари, Ангелов и человеков в Церкви и прославлять имя Его.

Имя Богу нашему: — Любовь, Благодать, Человеколюбие, Щедроты, Сила, Свет, Мир, Милость, Огнь.

Наступают двенадцатые праздники: еже по плоти Рождество Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, еже по плоти Обрезание Господа нашего Иисуса Христа, Святое Богоявление, или Крещение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа.

Ради нас и нашего ради спасения плотию от Безвестных и Пречистых Девы Марии родился превечный Бог, и нам, верующим, в нашей немощи необходимо в Церкви величать и славить всесвятое имя Его.

Господь волю Свою совершает обыкновенно через посредство природы и ее законы: солнце, землю, времена года. Внимательно наблюдая, мы видим призыв Божий к покаянию и просим — не препятствуйте, а помогите открыть нам церковь.

Ответ сообщите корреспонденцией на церковную двадцатку.

Верующие православной христианской общины

Подписи: Сорвина, Пучинина, Зайкова, (Неразборч. подпись), Язынина, Язынин, Щербаков.

1 января 1980 года

Председателю Президиума Верховного
Совета Татарской АССР
тов. Батыеву С. Г.

копия: Прокурору РСФСР
тов. Кравцову Б. В.

копия: Председателю Набережночелнинского
городского Совета Народных Депутатов
тов. Гилязову Р. Р.

от верующих христиан города На-
бережные Челны, сел Боровецкое,
Шильна, Новотроицк, Суровка.

Мир Вам и благословение от Господа нашего Иисуса Христа!!!
Верующие христиане, получив от Бога в собственность душу, не могут уврачевать по плотской немощи и духовному голоду ее язвы. Болезненная душа взывает к покаянию, просит духовной пищи, врачевания. Врач наш Царь Небесный Иисус Христос срастворяет тела наши от обоняния Животворящего Тела Своего и наслаждает душу нашу Своею Честною Кровию при Святом причащении Божественных и преславных, и пречистых, и животворящих Своих Таин, совершаемых в единой Святой, Соборной и Апостольской Церкви.

Человек, крестившись с верою во Господа нашего Иисуса Христа, помазался святым елеем, омывался святою водою и словом Божиим от греха первородного, облекся поклоняться Триипостасному Боже-ству, Сыну во Отце, со Святым Духом и, став освященным, принял свещу возженную, чтобы помнить, что он должен в течение всей своей жизни просвещаться светом веры и добрых дел, чтобы тогда, когда придет Господь в последний день, он вышел ему навстречу со светильником со всеми святыми и чтобы с Ним царствовать во веки веков. Затем, получив миропомазание, человек приобретает твердость в нашей христианской вере. Он обязан прославлять Бога, Творца Неба и земли, Ангелов, человека, и жить по-христиански.

Жизнь христианина — это покаяние, моление, посещение Церкви, жизнь в Боге. Преимущественным местом моления является храм Божий, куда при земной жизни ходил Иисус Христос. В общественном молении в храме, посвященном Богу, молитва гораздо сильнее и угоднее пред Богом. "Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди их", — говорит Иисус Христос (Евангелие от Матфея, 18, 20). "Господи, возлюбих благолепие дому Твоего и место селения славы Твоея", — поется в псалме 25, 8. В кн. Царств 9, 3 читается: "Будут очи Мои ту и сердце Мое во вся дни", — говорится о храме, ту, т.е. больше на сердцах предстоящих и молящихся, ибо очи Владыки в храме Божиим обращены на каждого из нас, сердце Владыки обращено к каждому из нас. В церкви мы вытрезвляемся от мирского обаяния и опьянения страстей и похотей житейских, просветляемся, освящаемся, очищаемся душами своими, к Богу приближаемся, с Богом соединяемся. Как должен быть достопочтен и достоин любви храм Божий, как любили его святые Божии человеки: первоверховные апостолы Петр и Павел, апостол и евангелист Иоанн Богослов, святители Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, великий чудотворец Николай, великомученик и целитель Пантелеимон, великомученик Победоносец и чудотворец Георгий, преподобные и богоносные отцы наши Антоний и Феодосий, Серафим Саровский, Сергий Радонежский, великомученицы Варвара, Екатерина, равноапостольный князь Владимир, Великий князь Александр Невский.

Утвержденная святыми Апостолами: Петром, Андреем, Иаковом, Иоанном, Филиппом, Варфоломеем, Матфеем, Фомою, Иаковом, Симоном, Иудой Иаковлевым, Матфеем и собором 70 апостолов Православная Церковь вот уже двадцатое столетие перед народами мира открывает двери, творит в Божие воспоминание Божественную литургию, во время которой Сам Бог особенным, ближайшим,

теснейшим образом присутствует и пребывает с людьми, будучи Сам невидимым Священнодействующим, приносящим и приносимым.

Божественные слова, произнесенные в Евангелии от Марка, гл. 7, ст. 21, 22, 23: "Ибо изнутри, из сердца человеческого исходят злые помыслы, прелюбодеяния, любодеяния, убийства, кражи, лихоимство, злоба, коварство, непогребство, завистливое око, богохульство, гордость, безумство; все это зло изнутри исходит и оскверняет человека".

Чтобы этого с нами не случилось, нам нужен священник, нужна Церковь. Вот уже в третьем письменном ходатайстве просим разрешения на открытие церкви в городской черте на одну из недействующих с. Боровецкое, пос. Орловка, Новотроицка.

В Конституции (основном законе) Татарской АССР, РСФСР, статьях 46, 50, принятых на внеочередных седьмой, девятой сессиях Верховного Совета РСФСР, ТАССР девятого созыва от 12 апреля, 31 мая 1978 года, пишется: "Гражданам РСФСР гарантируется свобода совести, то есть право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, отправлять религиозные культы..."

"Но вам слушающим говорю: любите врагов ваших, благотворите ненавидящим вас, благословляйте проклинающих вас и молитесь за обижающих вас" – Евангелие от Луки, гл. 6, ст. 27, 28.

Убрав свое осуждение, слепоту и подумав, какие мы малoverы, не прославляем Бога. В руках Которого силы природы, вселенная, небесные светила, все живое, наша жизнь, по благодати Которого дышим, питаемся, живем. Который требует, чтоб Небо, земля и ад прославляли Его, на Лице Которого не могут от славы взирать Честнейшие Херувимы и славнейшие без сравнения Серафимы, Которого славят все Ангельские чины, лики, многочисленный сонм святых Ангелов. И Который говорит: ждите славное второе Мое пришествие на землю, предшествовать которому будет знамение Святого Креста Господня. Крест – путь заблудшим; Крест – упование христиан; Крест – узда богатым; Крест – памятник победы над демонами, помощь беспомощных, надежда обуреваемых, заступник вдов, упование скорбящих, цель старцев; Крест – оружие вечное, мудрость неученых, проповедь Апостолов, целомудрие дев; Крест – безопасность вселенной; Крест – уничтожение идолов, сила бес- сильных, разрешение расслабленных, покров нагим; Крест – воскресение мертвых, жезл хромым, низложение горделивых, победа над диаволом.

Пророк Моисей сказал: "Кто не познал Бога при жизни, познает по смерти". И мы, верующие, избравшие жизнь, чтобы жить в

христианской Вере, Надежде, Любви по молитвам ходатаицы нашей Пресвятой Девы Мати Господа, Царицы Небеси и земли, всех святых, милости и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа Сына Божия добровольно плотию пострадавшего на кресте и пролив Пречистую Свою Кровь за род человеческий, хотим избавиться от величайшего зла: греха и веруем Божественные слова: "кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой (Исаия 12, 3. Иоиль 3, 18). Сие сказал Он о Духе, Которого имели принять верующие в Него; ибо еще не было на них Духа Святаго, потому что Иисус еще не был прославлен". Евангелие от Иоанна, гл. 7, ст. 38, 39.

Обращаясь к Боголюбивой Матери всех скорбящих и обремененных, просим в молитвах призреть на нас, грешных, и во озлоблении сущего покрыть нас пресвятым омофором Своим. Особым почитанием пользуется у нас Казанская икона Пресвятой Богородицы, 22 октября которой отмечалось 400-летие. Но, не имея в городской черте церкви, многие не могли воздать должное Царице Неба и земли. Мы как христиане обязаны особо чтить хранителей человек, городов, государств Архангелов: Михаила, Гавриила, Рафаила, Уриила, Салафиила, Иегудиила, Варахиила и Иеремиила. В особом молении обращаемся к своему Ангелу Хранителю, молитвенно призываем святого, имя которого носим, особо почитаемым как всесвятому Николаю Угоднику, святому великомученику Победоносцу и чудотворцу Георгию, святой великомученице Варваре и другим, чтобы они помогли нам избавиться от воздушных мытарств и вечного мучения. А для этого нужно для них служить молебны, возжигать свечи, читать Акафисты, соборно молиться в Церкви.

Нам, верующим христианам, как воздух, вода, солнечное тепло, нужна Церковь, чтобы в церковном молении на земле могли соединиться с Церковью Неба и воедино просить у Бога мира во всем мире, спасения душ наших, сопричетненными быть овцами избранного стада.

Еще раз просим – проявите человеколюбие, помня о нашем рождении от единых прародителей Адама и Евы, Ноевом потопе, о городах Содоме и Гоморре, сожженных Богом за грех, о Страшном Суде над живыми и мертвыми, где обличать будет наша совесть. Дайте разрешение и окажите содействие в открытии Православной Церкви!!!

К сведению: Первое письмо на имя Председателя Совета по делам религий при Совете Министров СССР тов. Куроедова В. А.

копия: В Совет по делам религий при Совете Министров СССР по Татарской АССР

тов. Михалеву И. А.

копия: Председателю Тукаевского райисполкома

г. Набережные Челны

тов. Галиуллину И. Г.

копия: Казанской и Марийской Епархии

епископу Пантелеиму

датировалось сентябрем месяцем 1979 года, представлялось группой верующих на приеме в руки, подтверждалось 227 (двумястами двадцатью семью) подписями в подлиннике. Прилагался намечаемый Исполнительный орган в лице председателя, двадцатки с указанием фамилии, адреса и подписи.

Второе письмо в Совет по делам религий при

Совете Министров СССР по Татарской АССР

тов. Михалеву И. А.

копия: Председателю Тукаевского райисполкома

г. Набережные Челны

тов. Галиуллину И. Г.

направлялось в январе месяце 1980 года, неоднократно ходили на прием группами ходатаев.

Трошина.

Письмо на 14 листах с 434 (четырьмястами тридцатью четырьмя) подписями.

РАБЫ БОЖИИ:

1. М. Кондылева	2. Киселева
3. Нуждина	4. Мужин
5. Шиев	6. Киселин
7. Подпись крестиком	8. Иванова
9. А. Кочегарова	10. А. Пучинина
11. Н. Сорвина	12. Зайкова
13. Михева	14. Заключениева
15. Сурова	16. Ермолина
17. Голубева	18. Пустовалова
19. Ногтева	20. Герасимова
21. Корнева	22. Пермякова
23. Пучинина	24. Симанов
25. Соболева	26. Афанасьева

27. Пермякова	28. Валентинов (подпись крестиком)
29. Токарева	31. Кранова
30. Западнов	33. Язынина
32. Вялкина	35. Кумызова
34. Борисов	37. Корнева
36. Пучинина	39. Ананина
38. Недопекин (или ина)	41. Пашукова
40. Аксенова	43. Журавлева
42. Подпись крестиком	45. Михеева
44. Афанасьева	47. Подпись крестиком
46. Подпись крестиком	49. Подпись крестиком
48. Недопекина	51. Дружнова
50. Буднин	53. Савинкова
52. Трошина	55. Карпова
54. Пучинина	57. Пучинин
56. Мокрополова	59. Иванов
58. Щербаков	61. Скочкова
60. Самойлова	63. Пучинин
62. Кочегарова	65. Зайкова
64. Щербаков	67. Сурова
66. Матюшечкина	69. Колова (подпись крестиком)
68. Патракова	72. Куфтерина
70. Маркова Мара	74. Патраков
71. Бокчанова	76. Патракова
73. Сливчикова	78. Патракова
75. ? терина	80. Сурова
77. Майорова	82. Сурова
79. Подпись крестиком	84. Ситников
81. Новичкова	86. Казанцев
83. Кузнецова	88. Сурова
85. Куфтерина	90. Казанцева
87. Симонева	92. Мокрополов
89. Сурова	94. Уркенева Ю. Г.
91. Лапина	96. Конюхова Е. Л.
93. Лапина	98. Лаконина
95. Соловьева А. П.	100. Спирина
97. Симиволкова	102. Мулина
99. Сорокина	104. Лаконкина
101. Грудилова	106. Подпись крестиком
103. Соколова	
105. Щарбакова	

107. Подпись крестиком
109. Мазина
111. Мазина
113. Бузина
115. Кузнецов
117. Лакина
119. Символкова
121. Конихова
123. Кучина Елизавета
125. Кучина Наталья
127. Кузнецова А.И.
129. Журавлева К.Е.
131. Журавлева Устинья
133. Косарева Агая
135. Анимасова Анна
137. Елесина Дарья
139. Ситник Анна Аф.
141. Родионова Г.Н.
143. Платонова Татьяна
145. Быданова Анна
147. Малова Н.Н.
149. Юдина Елизавета
151. Кучин А.Д.
153. Данышов В.В.
155. Юдин И.П.
157. Малов А.И.
159. Косарев Н.В.
161. Иванов П.М.
163. Трошин Н.В.
165. Юдин Алексей И.
167. Журавлев Илья
169. Попов Николай
171. Юдин Сергей М.
173. Иванов А. А.
175. Кузнецова Евдокия
177. Иванова
179. Трошина М.А.
181. Трошина А.С.
183. Косарева Ана
185. Михеева О.И.
187. Юдина Нина
108. Вахуршова
110. Саранцева
112. Кузнецова
114. Лакинкина
116. Нестирова
118. Салова
120. Соловьева
122. Гиманов (?)
124. Косарева Ефросинья
126. Абзяпова В.Е.
128. Косарева А.П.
130. Буткина Анна
132. Трошина Домна
134. Кучина Анна М.
136. Середенина Анна
138. Масинина Нина
140. Попова Екатерина
142. Попова А.
144. Масленина Пелагея Е.
146. Малова Дарья
148. Косарева Анна
150. Анемасов Ник.
152. Кузнецов В. Ив.
154. Попов Г.И.
156. Быданов Юрий
158. Будкин Н.А.
160. Иванов М.А.
162. Трошин П.М.
164. Юдин И.С.
166. Юдин Александр П.
168. Кириллова Александра
170. Юдин Михаил С.
172. Горнышев Н.И.
174. Попов Михаил
176. Иванова А.
178. Баннова Валя
180. Западнова А.С.
182. Трошина Т.П.
184. Петров А.З.
186. Михеева М.А.
188. Юдина Прасковья
189. Юдина Александра
191. Патракова Наталья
193. Кириллова Мария С.
195. Попова Евдокия
197. Карпова Фекла
199. Голикова Анна В.
201. Голикова Мария
203. Гусева Матрена А.
205. Лукьянова
207. Мальшева
209. *Подпись крестиком*
211. Касаткин (а)
213. Пашина
215. Мельников (а)
217. Мельникова
219. Моянщева
221. Белова
223. Чистякова
225. Борболюп (или ов)
227. Сурова Я.
229. Сурова У.
231. Курышова
233. Агафонова
235. Гаранина
237. Анисимова М.
239. Л. Соловьев
241. Гурьянова М.
243. Глушкова
245. Михайлова
247. Инькова
249. Бабкина Е.С.
251. Кузнецова З.
253. Мезина Еф.
255. Ефимова
257. Николай Пашутин
259. Русина
261. Гусева М.
263. Корнилова
265. Кузнецова
267. Капралова
269. Смолева А.
190. Журавлева Александра
192. Попова Александра Н.
194. Карпова Фекла Романовна
196. Юдина Анна
198. Карпова Валентина
200. Каплева Евд. Д.
202. Гусева Валентина С.
204. Горнышева Екатерина И.
206. Шишюкина
208. Сазонова
210. Петрова
212. Наденова
214. Долинина
216. Абрамова
218. Храменкова
220. Стулова
222. Клюкина
224. Кузюрин
226. Мостовых
228. Сурова А.
230. за Алексеева
232. Нырова
234. Семенова
236. Телешев И. Ф.
238. Казакова
240. Ефремова
242. Русина
244. Исикова
246. Инькова
248. Шахматова
250. Коробейникова А.
252. Мурунова А.
254. Голиков (а)
256. Давыдова
258. Рогожина
260. Касаткина
262. Барсова
264. Степанова
266. Гусева
268. Андреева Е.
270. Пузырникова

271. Кондрашева
273. Гусева
275. Запускалов
277. Кибов
279. Пи. . . . .
281. Гриш. .
283. Кормина
285. Смирнова
287. Обухова
289. Тужилина
291. Кузнецова
293. Митянова
295. Евсеева
297. Таротина
299. Панарина М.Л.
301. Бронникова
303. Петрова
305. Саушева
307. Фирсова
309. Столбовая
311. Ненахова
313. Бровкин Гаврил (*подпись крестиком*)
316. Самсонова
318. Антропа
320. Евдокия
322. Иванова Е. Н.
324. Трошина Е.
326. Кучина Наталья
328. Ломилова Анастасия М.
330. Попова Ксения П.
332. Косарева Ефросинья
334. Косарева Галина Д.
336. Слепкова Нина К.
338. Пospelова Анастасия П.
340. Дангурова Ал-дра М.
342. *Подпись крестиком*
344. Бычкова Валентина П.
346. Косарева Анна Семенов.
348. Назарова Анна К.
350. Мельникова Мария А.

272. Гусев С.
274. Голик (ов)
276. Исаев
278. Соболев
280. Митин В.
282. Стронкина
284. Надежкина
286. Евдокимова
288. Филатова
290. Горина
292. Еремин
294. Артамонова
296. Архиреева
298. Панарина Л. В.
300. Якимова М.
302. Якимова К.
304. Васюкова
306. Марков (а) (?)
308. Румянцева
310. Федорова
312. Яковлева
314. Карташова
315. Западнова
317. Сименская
319. Бажанова
321. *Подпись крестиком*
323. Иванова М. Е.
325. Лобанова Клавдия
327. Кучина Лида
329. Карпова Мария Е.
331. Трошина Вера Ив.
333. Косарева Вера Л.
335. Карпова Ольга Егоровна
337. Подмарова Прасковья
339. Данышова Мария В.
341. Быстрова Анна И.
343. Дурмасова Александра И.
345. Косарева Мария Дмит.
347. Матвеева Мария Матвеевна
349. Емельянова Ал-дра В.
351. Емельянова Валентина Вас.

352. Кузнецова Александра А.
354. Емельянова Анна Александр.
356. Патракова Мария Антоновна
358. Попова Г. П.
360. Журавлева Анна Дмитриевна
362. Колесникова Людмила Вас.
363. Дурмасова А. И.

353. Бычкова Мария М.
355. Мельникова Татьяна В.
357. Буханова Нина Мих.
359. Лонскова Прасковья В.
361. Трошина Ефросинья Ка-
питоновна

г. Набережные Челны
Февраль 1980 г.

ОБРАЩЕНИЕ ХРИСТИАНСКОГО КОМИТЕТА ЗАЩИТЫ ПРАВ ВЕРУЮЩИХ В СССР

УЧАСТНИКАМ И ДЕЛЕГАТАМ VI ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ ВСЕМИРНОГО СОВЕТА ЦЕРКВЕЙ В ВАНКУВЕРЕ

*"Кто оказывает милость, тот дает
взаем ближнему, и кто поддерживает
его своєю рукою, тот соблюдает
заповеди". (Сирах, 29, 1)*

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

С тех пор, когда православные верующие священник Глеб Якунин и мирянин Лев Регельсон обратились в 1975 году к участникам V Генеральной Ассамблеи Всемирного Совета Церквей в Найроби с письмом, в котором описывалось плачевное положение религии и верующих в СССР, прошло 8 лет. За эти годы положение верующих в СССР не только не улучшилось, но стало почти невыносимым. Красноречивым свидетельством этого являются следующие факты:

в тюрьмах, лагерях и спецпсихбольницах находятся в настоящее время около 300 верующих всех вероисповеданий, в том числе и один из авторов письма V Генеральной Ассамблеи в Найроби священник Глеб Якунин и член Католического комитета защиты прав верующих Альфонсас Сваринкас;

20 тысяч христиан-пятидесятников добиваются выезда из СССР, так как власти не дают им жить в соответствии с христианской моралью (воспитывать детей, помогать единоверцам, собираться на общие молитвы и трапезы);

антирелигиозная пропаганда начинается чуть ли не с детских ясель, т. е. с 3 лет, и навязывается потом до конца жизни (в школе, в институтах, на работе, в агитпунктах для пенсионеров), и от этих лекций нельзя отказаться, так как за отказ немедленно последует наказание;

запрещается любая религиозная деятельность вне разрешенных государством молитвенных домов, церквей, мечетей, синагог. Так, в начале июля в Москве были арестованы на собственной квартире собравшиеся на молитву евреи (Абрамов, Фельдман и Брискман);

о верующих и их деятельности распространяются с помощью радио, телевидения, кино, газет, журналов и "художественной" литературы самые нелепые клеветнические измышления с целью вызвать у неверующей, необразованной части населения ненависть к верующим. Известны случаи, когда подогретые лекцией и вином, воинствующие безбожники чинили расправу над верующими, поджигали дома, били стекла в окнах домов, избивали даже женщин и детей;

в отношении верующих власти СССР проводят откровенную политику геноцида: верующие лишены многих гарантированных Конституцией прав — на равноправный со всеми гражданами оплаченный труд, образование, отдых, медицинское обслуживание, жилье.

Можно было бы привести еще много примеров, фактов, показывающих бесправное положение верующих в СССР, но, кажется, и приведенных более чем достаточно.

Почему, зачем с такой яростью ведут борьбу на уничтожение религии и верующих советские власти? Да потому, что на пути постоянного и целенаправленного духовного и морального разложения народов СССР единственным серьезным препятствием внутри страны является религия и истинно верующие люди. Они не дают превратить всех граждан страны в аморфную, полуразложившуюся массу, которой легко управлять, они — закваска, оживляющая массу.

Советские представители, светские и религиозные (разумеется, угодные и удобные властям), повсюду заявляют, что, с тех пор как церковь в СССР отделена по закону от государства, для верующих началась счастливая жизнь. А в чем же на деле состоит это отделение? Да в том, что государство церкви ничего не дает, а только берет. Да как берет! Приходы изнемогают от бесчисленных поборов. Многочисленная "армия" советских чиновников постоянно обирает религиозные общины. Штрафы, требование пожертвований в Советский Фонд Мира, детям Камбоджи, взрослым Кубы, сыну уполномоченного по религии на свадьбу, членам исполкома на квартиры, членам райкома на машины и т. д. Имя им легион.

А свободное управление делами религиозной общины? Все управляющие органы религиозной общины должны быть согласованы (читай "назначены") местными властями. И назначаются в старосты и казначеи люди, чужие общине, а зачастую даже неверующие.

Законодательство о культах, изданное в СССР, прятается от граждан. На всех экземплярах стоит гриф "для служебного пользования", поэтому ни купить его, ни взять где-либо верующие не могут, а вынуждены обращаться к советским чиновникам, которые, отбросив ненужные законы, правят и судят по своему произволу.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБРАЩЕНИЕ

В Советском Союзе вслед за переменами, произошедшими в Советском руководстве, последовало ужесточение политики государства по отношению к религии. Имеется в виду проведение обысков в домах верующих, во время которых изымалась религиозная литература, многочисленные допросы верующих и препятствия, чинимые властями проведению молитвенных встреч в домах верующих. Все эти действия затрагивают христиан различных исповеданий, — как баптистов и пятидесятников, так и православных и католиков. Основанием для проведения обысков и допросов является возбуждение уголовных дел против верующих за молитвенные встречи в домах верующих.

Указанные действия представляют собой не отдельные случайные события, а являются частью общегосударственной кампании по подавлению религиозной активности, неугодной партийному руководству. В пользу этого свидетельствуют следующие факты:

1. В нескольких выступлениях партийных пропагандистов на "закрытых" собраниях, а также в том, что говорилось некоторым верующим во время допросов, была высказана одна и та же концепция об особенностях современной идеологической борьбы, а именно: "Если в 60-е годы международный империализм пытался воздействовать на наше государство через разведку, в 70-е годы — через диссидентов, то в 80-х годах главным каналом во враждебной деятельности становятся всевозможные религиозные группы, где под видом проповеди религии ведется враждебная агитация против советского строя". Вероятно именно такая установка позволила одному из следователей во время допроса верующего заявить: "религия — это преступление, которое мы терпим лишь до поры до времени". При этом следует подчеркнуть, что возбуждение органами прокуратуры всех уголовных дел против верующих проводится по прямым указаниям КГБ, который при этом дает следствию имеющиеся в их распоряжении агентурные данные (доносы "стукачей", магнитозаписи подслушанных телефонных разговоров и разговоров на квартирах и т. п.). Сотрудники КГБ принимают непосредственное участие в обысках, беседах и допросах, не называя при этом ни своей должности, ни своих подлинных имен и фамилий.

В 1976 году группа православных верующих создала Христианский комитет защиты прав верующих в СССР, а позже, в Литве, несколько католических священников создали Католический комитет защиты прав верующих. Христианский комитет и Католический комитет постоянно обращали внимание советских властей на незаконное преследование верующих в СССР.

На эти обращения власти ответили арестами, обысками, преследованиями членов комитетов.

В 1979 году, после нескольких допросов и обысков, был арестован и осужден на 5 лет лагерей строгого режима и 5 лет ссылки один из основателей Христианского комитета священник Глеб Якунин. Члены Христианского комитета священники Николай Гайнов и Василий Фонченков постоянно подвергаются инсценируемым властями нападениям со стороны церковных властей. В. Фонченков отстранен от преподавательской работы в Загорской Духовной академии, Н. Гайнов вынужден постоянно терпеть мелкие придирки и укоры со стороны своего церковного начальства, в июне 1983 года, после нескольких лет преследований, выехал из СССР еще один член Христианского комитета Вадим Щеглов.

В мае 1983 г. приговорен к 7 годам лагерей строгого режима и 5 годам ссылки один из членов Католического комитета защиты прав верующих священник Альфонсас Сваринскас.

Вот так живут и молятся верующие в СССР.

Христианский комитет защиты прав верующих в СССР от имени миллионов верующих обращается ко всем участникам VI Генеральной Ассамблеи Всемирного Совета Церквей в эти дни, когда христианский мир с молитвами и надеждой ждет Преображения Господня, вознести свои молитвы за преобразование сердец и умов, пораженных атеизмом, а страдающим верующим оказать помощь.

Помощь может быть разнообразна: обращение к советским властям по поводу преследования верующих, передача информации в Христианский комитет о фактах нарушения прав верующих в СССР, распространение информации, которую публикуют ответственные западные организации, как "Кестон Колледж" и "Вера во Втором Мире", передача верующим в СССР религиозной литературы, которой они почти полностью лишены (молитвословы, Библии, Евангелия, акафистники и т. д.), помощь семьям верующих, члены которых находятся в заключении, помощь работе Христианского комитета защиты прав верующих в СССР и его филиалу за рубежом.

24. 07. 83 г. Христианский комитет защиты прав верующих в СССР

2. В 20-х числах февраля, то есть во время начала многочисленных обысков на квартирах верующих в Москве с последующими вызовами на допросы в прокуратуру, в газете "Московская правда" была начата публикация большой статьи двух известных журналистов, работающих по прямому заданию КГБ, — Кассиса и Колосова, — "За фасадом Славянской Миссии", растянувшаяся на несколько газетных номеров. В этих публикациях приводятся материалы пятилетней давности, в карикатурном виде рассказывающие о деятельности Славянской Миссии, — шведской религиозной организации, содействующей доставке в СССР Библий, Евангелий и книг чисто религиозного содержания. Деятельность этой организации по отношению к СССР носит по необходимости нелегальный характер, так как легально провезти иностранному туристу через таможеню хотя бы один экземпляр Библии на русском языке не разрешается. Публикация серии статей Кассиса и Колосова в момент возбуждения уголовных дел против пятидесятнических и баптистских групп в Москве и проведения обысков, конечно, не случайное совпадение, а имело целью ориентировать в нужном направлении как следственные и советские органы, так и простых граждан, которые могли знать об обысках и допросах. В статьях явно подразумевалось, что все верующие — потенциальные шпионы, живущие на деньги, присылаемые им "западными разведывательными службами". В это же время в продаже появился сборник "С чужого голоса", где в статьях этих же авторов, основанных на материалах судебных процессов прошлых лет и оперативных данных КГБ, проводится та же концепция об антисоветской роли религиозной активности верующих.

3. Во всех случаях обысков, допросов и задержаний речь *всегда* шла о нарушении 142-й статьи Уголовного Кодекса РСФСР, предусматривающей ответственность за нарушение закона об отделении Церкви от государства и школы от Церкви. Подобными нарушениями считаются, в частности, молитвенные собрания или встречи верующих под открытым небом или в домах верующих, организация групп по изучению Священного Писания или вообще любых других религиозных и даже не-религиозных вопросов, обучение детей религиозному вероучению, кроме обучения родителями своих детей. Нарушение этой статьи карается штрафом в 50 руб. или лишением свободы на срок от 1-го до 3-х лет.

4. И, наконец, в мае текущего года в номере 5-м юридического журнала "Социалистическая законность" была опубликована статья В. Ключкова "Ответственность за нарушения законов о свободе совести", в которой содержался развернутый комментарий статей

143-й, 227-й и 142-й Уголовного Кодекса РСФСР, предусматривающих ответственность за всякую религиозную деятельность, не уместяющуюся в узкие рамки официального советского законодательства. Очевидно, что число дел, открытых в связи с предполагаемыми нарушениями этих статей, и число работников юстиции, вовлеченных в эти процессы, стало настолько большим, что потребовалась публикация статьи, как и что следует делать с верующими, религиозные потребности которых простираются чуть дальше границ, поставленных им атеистическим государством.

Теперь сообщим об известных нам фактах преследований верующих:

17-го февраля, в Москве, рано утром, одновременно были произведены обыски на квартирах 12-ти верующих, принадлежащих к нескольким пятидесятническим группам. Обыски производились по одной и той же схеме: приходили трое представителей власти — следователь, участковый милиционер и человек в штатском, не называвший себя, но участвовавший в обыске, очевидно сотрудник КГБ. Присутствовали понятые. Руководили обыском следователи. Вначале предлагалось хозяевам дома выдать представителям власти всю имеющуюся у них "запрещенную религиозную литературу". За этим следовало недоумение хозяев дома — какую, собственно, литературу следует считать "запрещенной"? После чего производился обыск на книжных полках, в письменных столах, в бельевых шкафах и т. п. Изымались нередко Библии, Евангелия и вообще все книги и машинописи религиозного содержания, а также записные книжки, личные записки, все, что могло иметь хоть какое-то отношение к религиозной проблематике. Изъятию подлежали также пишущие машинки, магнитофоны, магнитозаписи. В каждом случае изымалось от 10-ти до 200 названий книг. Примеры изъятых литературы приводятся ниже.

В конце февраля текущего года в Москве, недалеко от своего дома, был задержан математик Владимир Никифоров, принадлежащий к группе русских католиков. Он был задержан в тот момент, когда перевозил из дома религиозные книги на русском и иностранных языках. Книги были отобраны (около 40 кг), и немедленно был произведен обыск на квартире у него и на работе у его жены. В тот же день Владимир Никифоров был задержан на двое суток. Спустя несколько дней ему было предъявлено обвинение в том, что он является тайным католическим священником, а его жене

в том, что она проводит религиозные занятия с детьми. 19 мая Владимир Никифоров был арестован и после двух недель содержания в отделении милиции переведен в Бутырскую тюрьму.

В феврале и в начале мая текущего года, в Москве, были произведены обыски на квартирах двух православных верующих. Обвинений предъявлено не было, но было изъято в каждом случае около 100 названий книг исключительно религиозного содержания и пишущие машинки. Изымались в частности Библии на иностранных языках, акафисты, молитвословы, в том числе дореволюционных изданий.

В конце февраля — начале марта текущего года, в Москве, были произведены обыски на квартирах 18-ти баптистов. Были изъяты Библии, Евангелия, книги, машинописи и ксерописи религиозного содержания, диафильмы, записи проповедей и религиозной музыки.

Начиная с февраля 1983 г., а в некоторых местах несколько ранее, были насильственно приостановлены собрания пятидесятнических групп в городах: Фрунзе, Феодосия, Винница, Бердичев. На собрания верующих приходили милиционеры, физически препятствуя собраниям и молитве. Эти действия сопровождалась также многократными вызовами в милицию с предложениями зарегистрировать общину, а также с угрозами лишить прописки и т.п.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ, КОТОРУЮ ИЗЫМАЛИ У ВЕРУЮЩИХ ВО ВРЕМЯ ОБЫСКОВ

Приводимый список книг, которые, как нам стало известно, изымали во время обысков у верующих христиан, красноречиво свидетельствует о том, что же с точки зрения властей относится к "запрещенной религиозной литературе", и подтверждает, что имеющие место репрессии являются борьбой не против "антисоветских" действий, а борьбой против религии:

Библии

- а) карманного формата, издаваемые Лондонским библейским обществом;
- б) Иерусалимская Библия, комментированное издание на английском языке;

- в) на латинском языке, старое комментированное издание;
- г) на русском языке, комментированное издание издательства "Жизнь с Богом".

Симфония (алфавитный указатель к Священному Писанию).

Библии Грэм, "Путь к счастью", магнитозаписи проповедей.

Книга правил Святых Апостол.

Повесть о Фатиме (издательство "Жизнь с Богом").

Ганс Кюнг "Быть христианином" (перевод с немецкого).

Нотные сборники духовных песен.

Кэтрин Кульман "Я верю в чудеса".

Православный катехизис.

Шмеман "Исторический путь православия".

Франсуа Мориак "Во что я верю?".

Дэвид Вилкерсон "Пророчества".

Дерек Принс "Статьи и проповеди".

Жак Лев "Будьте Моими учениками" (перевод с французского).

Ионге Чо "Четвертое измерение".

Не исключено, что все, о чем здесь сообщается, всего лишь видимая часть айсберга, а подлинный масштаб религиозных преследований значительно шире, но остается неизвестным ввиду полного отсутствия гласности.

Так, согласно слухам, в партийном руководстве принято решение о необходимости оказания давления на ислам, в связи с активизацией в его рамках религиозной и национальной деятельности, очевидно связанной с событиями в Иране и Афганистане.

Так или иначе, для нас остается несомненным, что предание гласности известных нам случаев религиозных преследований позволит верующим христианам запада правильно оценить политический курс, взятый советским руководством. Мы просим наших братьев — христиан на западе, во всех странах, всех исповеданий молиться о христианах Советского Союза, положение которых может в ближайшее время еще более ухудшиться. И второе, — пусть все верующие, которым так или иначе приходится либо бывать в Советском Союзе, либо участвовать в политических, торговых, научных и других контактах, связанных с СССР, никогда не забывают о своей христианской ответственности за своих братьев во всем мире, особенно о тех, кто оказывается лишен элементарных прав в своей религиозной жизни, памятуя о том, что все мы — единое Тело Христово, и если болит одна Его часть, то

другая не может не сострадать, что Господь наш Иисус Христос по тому узнает, что мы Его ученики, если мы будем иметь любовь между собою, любовь, неотделимую от чувства всеобщей солидарности и всеобщей ответственности каждого за все, что происходит в нашем мире.

Москва, июнь, 1983 г.

Диакон Владимир РУСАК

ПРОПОВЕДЬ

произнесенная в Казанском храме г. Витебска 28 марта 1982

Эта, не совсем традиционная, проповедь была сказана 28 марта 1982 г. за пасхией в Казанском храме г. Витебска. Она принесла автору немало неприятностей со стороны светской и церковной администрации, и немало радостей — со стороны благодарных рядовых верующих.

Возлюбленные во Христе!

Не первый год, не первый раз уже и в этом году стоим мы у креста, который напоминает нам о другом, великом, единственном и действительно неповторимом Кресте, стоящем на Голгофе, и на Котором, безмерно страдая, умирал распятый Господь наш Иисус Христос, Сын Божий.

На том Кресте совершилось величайшее дело — оправдание человека, всех людей в глазах Божиих, совершилось Искупление, как мы говорим.

На том Кресте умирал Христос, чтобы жили мы, чтобы нам открылась возможность Вечной Жизни, которой лишились наши прародители, совершив грех. Безмерная Жертва была принесена на том Кресте — Пречистая и Животворящая Кровь Спасителя.

И всякий раз, говоря об этом, думая об этом, мы не перестаем задавать себе вопрос: но почему же именно такая Жертва нужна была Богу, почему, если грех совершил человек, страдать должен безгрешный Сын Божий? Не справедливее ли было бы потребовать жертву от самого человека, потребовать ответа от того, кто совершил преступление богоотступничества?

Человек от природы любознателен. Кстати, эта самая любознательность и толкнула первых людей на непослушание Богу: что же будет, если мы съедем это яблоко? Мы станем как боги? Мы станем обладателями полного знания о добре и зле?

И мы с вами, зараженные этой наследственностью, синдромом любознательности, если можно так сказать, тоже задаем себе такие вопросы, которые проще и безопаснее было бы вообще не ставить: почему нужна была жертва именно Христа?

Мы могли бы, конечно, смиренно опустив руки, сказать, что так было предусмотрено Богом и все: на этом вопросы кончились бы. Но в нашем случае нет необходимости лишать себя утешения знать ответ на этот вопрос.

Да, нужна была именно такая жертва, и именно потому, что человек сам не мог принести Богу ничего, достойного оправдания его грехов.

Ведь давайте посмотрим: что обычно считается среди людей самым дорогим и ценным?

Житейские блага? — Но в глазах Бога это тлен, который сегодня есть, завтра его нет. Да и в глазах нормального человека тоже.

Может быть, слава? Но славу не принесешь в жертву. Да и не христианское это дело. К тому же и она преходяща.

Самое ценное у человека, наконец, сама жизнь. Но ведь и она в руках Божиих, Который в любой момент может взять нашу душу.

И получается, что никакой жертвы за свой грех человек принести не может. Кроме того, даже если бы он и принес что-либо, то лишь за себя. А другие? Те бесчисленные поколения, которые жили до нас, живут одновременно с нами, и еще будут жить после нас все, которые согрешили в Адаме?

Нужна была жертва безмерная, как безмерен людской род и как безмерны его грехи. Такую жертву мог принести только Бог, и именно поэтому на Голгофском Кресте под тяжестью вселенских грехов страдал Иисус Христос...

Не один раз Церковь напоминает нам об этих безвинных страданиях Богочеловека, имя Которого мы носим и жить по заповедям Которого мы обещали в святом крещении. Так почему же, стоя здесь, представляя себе Крест, с которого стекает Пречистая Кровь Спасителя, сердце наше не разорвется от сострадания? Почему достаточно выйти из храма, как мы тотчас окунаемся в привычные будни и до следующего посещения храма лишь изредка вспоминаем нашего Спасителя в коротких, редких и холодных молитвах? Почему мы, как псы (помните апостольское выражение?), возвращаемся на свою блевотину и продолжаем творить грех, который искуплен ценой Пречистой Крови Христа?

И на эти вопросы есть ответ: потому, что грех сидит в нас слишком глубоко, слишком цепко. А потому так мало в нас сострадания, так мало в нас справедливости, и так много в нас черствости и холодности.

И вот здесь мне хотелось бы сказать несколько простых человеческих слов о том, о чем мы, к сожалению, задумываемся довольно

редко. Ведь на том великом Голгофском Кресте, дорогие, рядом с величайшим делом нашего спасения было совершено и величайшее преступление человека. На том Кресте самое яркое и полное выражение нашла людская несправедливость.

Когда страдает разбойник (а он действительно страдает), когда страдает другой разбойник, пусть благоразумный (а он тоже страдает — такие же крестные муки), то страдают они заслуженно, справедливо, скажем по-человечески.

Хочу подчеркнуть: справедливо. А Христос? Что Он сделал, достойное такой позорной и мучительной казни? Убил? — Нет. Исцелял и воскрешал. Обманул? — Нет. Принес на землю правду и истину. И вот Его страдания удесятерились, утысячались бесконечно за счет несправедливости, с которой осудили Его люди на крестные муки.

Здесь, у Креста, особенно ясно стали понятны слова Писания о том, что всяк человек — ложь. Здесь, от Креста на Голгофе, широким мутным потоком разлилась по земле эта несправедливость и лживость человека.

Мир с этого момента разделился на две части: верующих во Христа и не верующих в Него. Меч разделения, который Христос Собой принес в мир, обоими остриями оказался обращенным в сторону христиан. Полилась их кровь. Почти три века жесточайших гонений только за то, что люди уверовали в распятого Христа. Тысячи и десятки тысяч мучеников, имена которых заполняют месяцеслов нашего календаря.

Но Церковь нельзя уничтожить мечом. Ее вообще нельзя уничтожить. Мученики оказались незыблемым фундаментом, на котором выросло прекрасное церковное здание.

А потом было другое время. Вместо пещерных храмов — роскошные храмы-дворцы, вместо убогого убранства — украшенное драгоценными металлами и камнями, вместо гонений — почести и слава. Но именно с этого времени, как ни странно, Церковь потеряла самое дорогое, что она имеет, — внутреннюю духовную красоту и привлекательность. Вернее, она не потеряла ее, а за внешним блеском ее стало трудно видеть. За Церковью, Невестой Христовой, как сказал один учитель Церкви того времени, стали ухаживать не из-за ее душевных качеств, а из-за богатых внешних нарядов.

И с русской Церковью произошло то же самое. В ее фундаменте заложены тела святых мучеников Бориса, Глеба и Игоря, а дальше — та же внешняя роскошь, за которой всегда трудно усмотреть внутренние достоинства. Девять с лишним веков безбедного

существования. Но, видимо, недостаточно оказалось жертвы трех мучеников, чтобы Церковь оставалась обществом спасаемых, а не ведомством государственного аппарата, какой она фактически была в последние два столетия.

И вот здесь не случайно совершается наша революция. Она, как ни странно, оказала огромную услугу Церкви. Вас, видимо, коробит такое утверждение, но я сейчас постараюсь объяснить.

Революция и наша нынешняя власть подняли с задворок тот самый меч, который много веков назад святой Константин Великий выбросил за ненадобностью после первых трех веков гонений. Революция подняла его, очистила, наострила и со всей силой вновь направила против Церкви.

И вновь полилась кровь мучеников. Тысячи их: архиереев, священников, мирян, русских, белорусов, украинцев, других национальностей, наших отцов и дедов. Чтобы не утомлять вас, приведу лишь несколько приблизительных цифр.

За время от революции до войны, т. е. за каких-то 20 лет, в нашей стране были уничтожены около 300 архиереев: митрополитов, архиепископов, епископов. Почти 200 из них пропали без вести. Вы можете представить, чтобы наш любимый митрополит Филарет,* например, взял и пропал сегодня без вести? А ведь пропадали архиереи и даже более высокого ранга.

Перед войной во всей русской православной Церкви было только 4 правящих епископа, включая и будущего патриарха Сергия.

От 100 тысяч священнослужителей, которые совершали службу в более чем 80 тысячах храмов нашей Церкви, перед войной осталось горстка запуганных и уstraшенных.

Были разрушены десятки тысяч храмов. Большинство сохранившихся было закрыто.

В 1932 году начиналась вторая пятилетка. Ее официально объявили безбожной. В программе СВБ — была тогда такая организация: Союз воинствующих безбожников — предусматривалось к концу этой пятилетки закрыть в нашей стране последний храм и добиться того, чтобы слово "Бог" было вычеркнуто из нашего языка. Многие из вас ведь прекрасно помнят это время.

* Митрополит Минский и Белорусский (с 10. 10. 78), в миру Кирилл Варфоломеевич Вахромеев, р. 21. 03. 35, с 15. 04. 75 в сане митрополита, с 12. 10. 78 Патриарший Экзарх Западной Европы, с 14. 04. 81 пред. Отдела внешних церковных сношений Моск. Патриархата.

Наша Церковь украсилась и укрепилась десятками тысяч мучеников. Им нет памятников, к подножию которых мы могли бы положить цветы, вместе с чувством нашего сострадания. У многих из них нет даже могил: кто — на дне реки, кто — в шахте, кто — сожжен.

Но они сделали свое дело своей мученической кончиной. Они показали нам, каким должен быть христианин в наших условиях. Своей духовной силой, кроме того, они освежили и укрепили церковный организм и показали ограниченность сил безбожия.

Как христиане, и мы не можем миновать чаши, которая уготована нам как детям Божиим. Мы не можем сбросить со своих плеч крест, который взяли вместе с именем Христа.

Так что же? Мы лучше Христа, у Которого был кровавый крест? Неужели можно думать, что при известной ловкости можно и христианином остаться, и господам безбожникам угодить, и жить беззаботно, и закон Христов исполнить?

Может быть, мы лучше апостолов, которые почти все окончили свой жизненный путь мученически, да и жизнь-то была у них далеко не сладкая. Неужели же они не достойны были более благой участи в этой жизни? А нам, значит, можно и здесь беззаботно и без страданий прожить, и надеяться, простите, на теплое местечко в будущей жизни?

Нет и еще раз нет. Крест Христов — всегда тяжел. И путь Христа — всегда тернист. И христианин не может избежать этой участи.

Христос ждет от нас чистого сердца. Но какое же оно может быть чистое, если в нем одновременно уживается и любовь ко Христу, и доброжелательность к Его противникам и гонителям? Чистый человек может быть только в одном лице, а не двуличным.

Конечно, у неверия еще огромная сила. Ваш внук, например, ничего не может сделать, когда у него в школе силой срывают крестик, ваш верующий сын или дочь ни к кому не могут пойти за справедливостью, когда им занижают отметки в институте или исключают из него, ваши родные часто не могут работать там, где хотят, только потому, что они — верующие. Да мало ли в чем проявляется сила безбожия. Но это уже не та одержимость неверия, которую наша Церковь пережила в 20-е и 30-е годы или в конце 50-х, начале 60-х годов. Мы теперь спокойно выходим из храма после службы, нас не ждет известный "воронок", мы надеемся прийти и в следующий раз в храм. Кровь наших мучеников не пропала даром.

Но для того, чтобы она была еще и спасительной для нас, с нашей стороны требуется одно: помнить ее, помнить жертву наших

дедов и отцов, которые ценой жизни смогли сохранить самое дорогое, что у нас есть, — православную веру.

”Поминайте наставников ваших, — сказано в Писании, — которые проповедали вам Слово Божие, — и взирая на кончину их, подражайте вере их”.

Без связи с нашими предками нет нас самих. Наши отцы и деды — наши корни, которые питают нас живительными соками души. Может быть так, что именно жертвенным подвигом наших новых русских мучеников мы спасаемся от гнева Божия. Ведь существует же мнение, что один праведник спасает своих потомков до седьмого колена.

А мы, мало того, что кощунственно забыли их кровь и страдания, но преступно обогнали их подвиг. Вместо того, чтобы прямо указать на виновников их мученичества, мы казуистически возлагаем вину на них же самих: мол, они сами виновны в том, что заняли неояльную позицию по отношению к власти. А какую же, простите, нормальный церковный человек должен занимать позицию по отношению к безбожной, и даже больше того — антихристианской власти?

Наши новые мученики своей кончиной показали, какой должна быть вера наша. Мы обязаны подражать вере их, но во-первых — хотя бы помнить их.

Если уходя из храма, вы, в свете безмерных страданий Спасителя Христа, вспомните, пусть безымянно, о крови наших новых мучеников, которые отдали жизни за то, чтобы не бесплодны были страдания Христа, то не зря они страдали, и я с радостью буду считать, что не зря утомлял вас своими словами.

Диакон Владимир РУСАК

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО
ДЕЛЕГАТАМ VI ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ
ВСЕМИРНОГО СОВЕТА ЦЕРКВЕЙ В ВАНКУВЕРЕ

Обращаясь с этим на первый взгляд весьма личным письмом к уважаемым делегатам Генеральной Ассамблеи ВСЦ, я глубоко убежден, что кардинальные вопросы богословия и социологии, внесенные в программу работы Ассамблеи, не заслонят проблему рядового верующего и служителя Церкви.

Исходя лишь из этих соображений, осмеливаюсь беспокоить высокое собрание людей, ответственных и болеющих за судьбы Церквей и верующих во всем мире.

Я — рядовой диакон Русской Православной Церкви. Долгое время работал в редакции ”Журнала Московской Патриархии”, окончил Московскую духовную академию, служил при архиепископе Волоколамском Питириме, затем — в приходских храмах.

Много лет в свободное от редакции и от службы в храме время работал над материалами по истории Русской Православной Церкви новейшего периода (после революции 1917 года). В 1980 году я закончил книгу, которую назвал ”Свидетельство обвинения”.

Считая архиепископа Питирима своим духовным отцом, я, как на исповеди, рассказал ему все об этой книге. Трудно передать, с какой настойчивостью он на протяжении долгого времени уговаривал меня полностью уничтожить (!) этот труд. Я отказался это сделать, и он просто-напросто уволил меня с работы.

Вполне возможно, что он присутствует здесь, на заседаниях Ассамблеи, и может подробнее и красивее изложить эти обстоятельства. Боюсь только, что этой красоте достоверность сопутствовать не будет.

После увольнения из редакции у меня еще некоторое время была возможность (исключительно по бюрократической медлительности) служить в одном из подмосковных храмов. Затем меня перевели в Белоруссию, в г. Витебск. Здесь я произнес в храме проповедь, после которой мне запретили служить и отправили в ссылку в монастырь. С текстом этой проповеди можно ознакомиться в архиве Кестонколледжа.

Уполномоченный Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Витебской области В. И. Крючков, в связи с этим, заметил: если бы на то была моя воля, я не то что отобрал бы у него регистрационную справку, но упрятал в тюрьму.

После этого меня отправили еще дальше от Москвы. Началось преследование со стороны КГБ. Во время обыска в январе этого года у меня изъяли весь мой архив, и самое главное — итог восьмилетнего труда — последний, наиболее полный вариант моей книги.

Во время бесед со мной сотрудники КГБ настойчиво требовали гарантий, что, во-первых, эта работа не будет опубликована на Западе, и, во-вторых, я больше не посмею заниматься этой темой.

Сотрудников КГБ возмущало и беспокоило не столько то, что в работе, как они уверяли, содержится клевета, сколько то, что она может быть опубликована на Западе. Поразительно (но объяснимо), что и митрополит Филарет говорил со мной по этому поводу почти теми же словами и требовал точно тех же гарантий. Митрополит говорил не о том, что факты, изложенные в работе не достоверны, но о том, что они не должны быть в настоящее время известны широкому кругу.

А как он был встревожен, не выйдет ли моя работа именно перед Ванкуверской встречей! К сожалению, книга еще не вышла, но желающие могут ознакомиться с ее содержанием. Рукопись в настоящее время находится на Западе.

Вскоре меня опять лишили работы. Все это произошло при непосредственном участии того же митрополита Филарета, причем с использованием весьма сомнительного для церковного человека приема — прозаического обмана.

В течение трех месяцев после отстранения меня от службы я имел более полутора десятка встреч и бесед с митрополитом. Во время последнего разговора митрополит откровенно сказал мне, что за его спиной стоят анонимные силы (это за Экзархом-то всей Западной Европы, подумайте в эти слова!) и что он при всем желании не может ничего сделать. Верю в искренность его желания, потому что неоднократно убеждался в его человеческой доброте.

В конце беседы он дал мне ясно понять, что в церкви мне никогда не служить, что я должен искать работу где угодно: работать сторожем, грузчиком, ассенизатором...

Митрополит Филарет, я уверен, присутствует здесь, в этом зале. Но сможет ли он объяснить свое полное бессилие в таком прозаическом вопросе, как назначение клирика его епархии на приходское служение?

Итак, воспитанный на прочных основах веры, с пяти лет принимавший участие в богослужениях, посвятивший свою жизнь священнослужению, я оказался в стороне от алтаря, без надежды когда-нибудь служить в храме.

Это моя трагедия. Но не может быть, чтобы моя судьба никого не тронула из сидящих в этом зале, потому что это не только моя трагедия, а трагедия всей Русской Церкви. На примере моей личной судьбы о многом можно говорить в этом высоком собрании.

Можно говорить о том, например, что история Русской Церкви в послереволюционный период как научная дисциплина практически отсутствует в духовных школах, а тем более — в сознании рядовых верующих. То, что преподносится в духовных школах как история Церкви, ничего общего с историей действительной не имеет.

Можно говорить и о том, что попытки отдельных членов Церкви выйти за пределы санкционированных светской властью представлений об истории Русской Церкви жестоко подавляются, зачастую с помощью самого же церковного руководства.

Можно говорить и о том, что церковное руководство, видимо, и само заинтересовано в том, чтобы служители Церкви не знали ее истории. Более того: усилия церковного руководства явно направлены на то, чтобы служители Церкви меньше всего задумывались над актуальными церковными проблемами. Митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий, который тоже, возможно, сидит в этом зале, в ответ на мою просьбу посодействовать в получении разрешения работать в одном из залов (закрытых) публичной Ленинской библиотеки в Москве (если слушателям непонятно то, что рядом стоят взаимоисключающие слова "закрытый" и "публичный", то пусть они обратятся к делегатам из Союза за разъяснением) через своего секретаря ответил, что нечего, мол, этим заниматься, а лучше если я буду просто служить. Понятно, что любимым невежественным обществом, в том числе и церковным, управлять легче.

Можно говорить о том, что всякое не санкционированное церковное творчество, будь то административно-каноническая область (о. Глеб Якунин, о. Сергей Желудков, Александр Огородников), публицистическая (А. Солженицын, А. Краснов-Левитин, З. Крахмальникова) или церковно-социальная (о. Д. Дудко, иеромонах Амвросий), одинаково негативно воспринимается в нашей стране как светской, так и церковной властями.

Можно говорить о том, что главная цель светской власти в эксплуатации церковного руководства — пропагандистская. Это повышает ее политические дивиденды на международной арене и

в какой-то мере оправдывает само существование Церкви в условиях торжествующего социализма, поскольку вся межцерковная и международная деятельность представителей наших Церквей направлена на защиту интересов в первую очередь светской (читай: советской, атеистической) власти, в ущерб интересам Церкви и всех верующих.

За пышной риторикой и казуистикой делегатов из Союза, без сомнения, стоят прежде всего политические цели.

Можно говорить и о том, что некоторые церковные деятели искренне считают, будто такой политикой они спасают Церковь от броневоего натиска антицерковных сил.

Можно было бы говорить и о наших надеждах. Надежде, что ВСЦ когда-нибудь перестанет отождествлять делегацию советской Церкви на международных церковных встречах со всей Русской Православной Церковью.

Надежде, что любое международное церковное собрание за внешней пышностью и представительностью делегатов из Советского Союза увидит когда-нибудь боль и слезы наших верующих.

Надежде, что ВСЦ перестанет когда-нибудь оценивать вклад советской Церкви в деятельность ВСЦ по ее чувствительным материальным взносам, а применит более достойную церковной организации шкалу оценок, за внешним благолепием наших иерархов сможет разглядеть скудость нашей духовной жизни и церковной инициативы.

Надежде на то, что Устав ВСЦ (кстати, никто из рядовых верующих нашей Церкви и подавляющее большинство священнослужителей не имеют ни малейшего представления о содержании этого Устава) наконец будет содержать пункт, обязывающий Церкви-члены ВСЦ всемерно отстаивать жизненный принцип веры перед лицом неверия — защиту прав верующих, где бы они ни нарушались.

Надежде, что ВСЦ перестанет когда-нибудь считать единственным источником информации о положении Церквей в Советском Союзе пропагандистские заявления наших официальных делегатов.

Обо всем этом можно и необходимо говорить. Говорить во всеуслышание, и теплится еще надежда, что глас вопиющего будет услышан. Так, открытое письмо священника о. Глеба Якунина, обращенное к делегатам предыдущей Генеральной Ассамблеи ВСЦ в Найроби, принесло свои плоды. Изданное в спешном порядке и чаемое миллионами верующих Священное Писание — непосредственный результат этого выступления.

Мое письмо не поднимает таких глобальных проблем, как письмо этого священника, трагическая судьба которого, наверно, известна всем делегатам Ассамблеи (одним из главных пунктов

уголовного обвинения о. Глеба было именно это письмо), да и трудно рассчитывать, что мое письмо будет оглашено на одном из заседаний Ассамблеи. Труден к вам путь. Очень труден, труднее, чем к Богу. Но я не могу молчать.

Я обращаюсь к делегатам VI Генеральной Ассамблеи ВСЦ как к последней и самой авторитетной церковной инстанции, пока я еще на свободе, пока мой слабый голос еще может прорваться к вам в надежде, что глубокие богословские вопросы и глобальные проблемы не заслонят от вас судьбу одного человека.

Я обращаюсь к вам в уверенности, что судьба даже самого рядового верующего, рядового служителя Церкви тысячами кровных нитей неразрывно связана с будущим полноты Церкви.

Я верю в Бога, люблю Церковь, болею за ее судьбу и хочу служить ей, но, разумеется, не ценой приспособленчества — этой страшной ценой, которую платит церковное руководство, которую предлагают платить и мне.

Я бесконечно убежден в правоте слов церковного публициста А. Краснова-Левитина о том, что Церкви незачем плыть на каком бы то ни было корабле, если она может ходить по водам.

Москва, июль 1983 года

о. В. Русак

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ.

Отрывок из книги "Свидетельство обвинения".

Типографская проблема.

В 1917 году большевики разрушили историческую и известную всем в России типографию Почаевской Лавры. Попытки захватить Петроградскую Синодальную типографию предпринимались, вопреки желанию работавших в ней рабочих, уже с конца октября 1917 года, но тогдашние обстоятельства не позволили большевикам осуществить свои планы.

Захват Синодальной типографии был осуществлен только 22 января 1918 года. Комитет революционной обороны Петрограда в эти дни своим распоряжением закрыл почти всю "небольшевистскую" печать. И пригрозил: "... Прибегая к закрытию всей контрреволюционной печати в эти дни, объявляем к сведению владельцев типографий, что ни одна из закрытых газет не должна выходить ни под каким другим названием. Новые издания газет, журналов, листовок, воззваний и т.п. впредь, до снятия осадного положения в г. Петрограде, могут печататься только с особого на то разрешения комиссариата по делам печати при петроградском совете рабочих и солдатских депутатов. Владельцы типографий обязуются не печатать ни одной из закрытых газет до особого распоряжения.

Рабочим, остающимся без работы из-за закрытия газет, хозяева типографий обязаны платить полностью.

Нарушившие это постановление будут наказаны по законам осадного положения".

Русская Православная Церковь вынуждена была предпринимать исключительные усилия для издания хотя бы одного официального журнала — как "Церковные Ведомости". Но неожиданно и тут возникло препятствие. Несмотря на принимавшиеся издательством меры к своевременной рассылке "Церковных Ведомостей" подписчикам, в редакцию и контору начали поступать заявления о неполучении некоторых, а иногда и всех, вышедших за год номеров издания.

Были наведены справки, и оказалось, что лишь в весьма редких единичных случаях причина этого обнаруживалась в неточности или

случайном пропуске адреса в экспедиционном наряде; в подавляющем же большинстве случаев их приходилось искать в обстоятельствах, совершенно от издательства не зависевших.

Наиболее естественным представлялось то предположение, что неисправность доставки издания происходила вследствие крайнего расстройств почтовых сообщений, в связи с общей разрухой транспорта.

Однако, поступившее в редакцию заявление одного из подписчиков пролило свет на существование иного рода причины. Не получая несколько месяцев "Церковных Ведомостей", подписчик этот, — как сообщалось в его заявлении, — запросил пошехонскую почтовую контору, которая официально уведомила его, что "Церковные Ведомости" и "Ярославские Епархиальные Ведомости" конфискуются по распоряжению комиссара, "как вредные для народа".

Таким образом, резолюцией пошехонского комиссара православные жители целого уезда были лишены возможности осведомляться через печатные церковные органы о деятельности, постановлениях и распоряжениях как св. Синода, так и епархиального управления Православной Церкви.

Мириться с таким положением было, конечно, невозможно — необходимо было предпринимать меры к его устранению. Но что можно было сделать против грубой физической силы?

Причем, внесшим подписную плату, но не получающим номеров "Церковных Ведомостей", или же получавшим их слишком неаккуратно, рекомендовалось, помимо заявлений в контору издания, наводить справки и в надлежащих почтовых учреждениях.

Если при этом обнаруживались обстоятельства, аналогичные с пошехонским случаем, местным приходским организациям предлагалось через своих уполномоченных предпринимать соответствующие шаги к отмене подобных распоряжений, грубо попирающих права русского православного народа; причем рекомендовалось действовать в этом случае "с возможной настойчивостью и лучше объединенно всем районом". Но это не помогло.

В результате предпринятых большевиками шагов православные почти замолчали.

Единственное издание Московской Патриархии — это ежемесячный журнал ЖМП, который из-за отсутствия собственной типографии выходит с квартальным опозданием и содержит "новости" полугодовой давности. Своим ничтожным (десятитысячным) тиражом разве может он пытаться охватить 50 миллионов верующих в России.

Но говорить было надо. Необходимость активно действовать посредством печатного слова понималась ответственными церковными деятелями с самого начала. В качестве примера интересна статья-призыв протоиерея И. Янсона, написанная им в послереволюционные годы. Прот. И. Янсон призывал все монастыри и приходы, где только возможно, заводить по возможности хотя бы самые простые печатные машины, чтобы изготавливать сотни тысяч и миллионы поучительных листков. . . Необходимо иметь свои бумажные фабрики, свои словолитни для изготовления шрифтов и клише... Только таким образом можно просветить народ истиной Христовой и привести его к свету Божию.*

Призыв этот не нашел поддержки в традиционно-инертных православных церковных кругах. В результате этого в течение 25 лет верующие Русской Православной Церкви жили старой церковной информацией, были оторваны от самых необходимых сведений об актуальных событиях и проблемах церковной жизни...

Богатейший набор старославянских, церковно-славянских и старо-русских шрифтов синодальных типографий переплавили, оборудование "революционизировали", так что теперь невозможно удовлетворить даже нужды Академии Наук СССР. А ведь среди этих шрифтов были гарнитуры — подлинные произведения искусства!

... По непосредственной договоренности со Сталиным в 1944 году Церкви вроде бы разрешалось иметь типографию. В 1945 году редакция приобрела типографское оборудование:

1. Линотип завода им. Гельца с магазином;
2. Линотип того же завода;
3. Проволокошвейную и ятияпаратную машину;
4. Плоскопечатную машину фирмы Кениг Бауэр (формат тедлера — 80 на 150 см.);
5. Такую же машину фирмы Гейдельберг;
6. Такую же машину фирмы Аугсбруг;
7. Станину.

Как видим, было приобретено очень даже немало для оборудования небольшой типографии. Это оборудование сложили на территории Новодевичьего монастыря. Почему? Ответ очень простой — нечего было оборудовать. Оборудование дали, помещение не дали. Так и лежало это оборудование многие годы.

* "Церковные ведомости". 1918. № 5, с. 192.

В 1956 году редакция обратилась в Совет по делам религий с просьбой разрешить устроить в Троице-Сергиевой Лавре небольшую типографию. — Вновь осечка.

Так это оборудование пролежало в бездействии до 1960 года, когда редакция обратилась в Совет с просьбой (?) "помочь ликвидировать это оборудование, как негодное".* Предоставив специалистам сказать, насколько устарело имевшееся оборудование к началу шестидесятых годов, заметим здесь только одно: говорить о негодности нужных вещей можно лишь при наличии или при возможности получения других, более современных, а этого у нас не было и нет.

Издательский отдел Патриархии носит весьма претенциозное название. Фактически — это всего лишь редакционная группа. Какой это "издательский" отдел, если у него нет типографии, он ничего не издает, а только проводит редакционную обработку материалов.

Если в будущем, как обещал главред на редсовете 23 ноября 1976 года, редакция обзаведется ксерокопической установкой, то в условном (шутливом) тоне его действительно можно будет назвать "издательским". Все, что издает Московская Патриархия, а это только ежемесячный "Журнал Московской Патриархии" и некоторые богослужебные книги, все печатается в государственных типографиях. Поэтому первая проблема, с которой сталкивается Церковь в своей издательской деятельности, выражается не в том, что печатать, а в том, где печатать.

Долгое время секретарем Патриарха Алексия был "всемогущий" Данила Андреевич Остапов. Его многолетние усилия наконец увенчались успехом. Церковь получила разрешение иметь в личном, так сказать, пользовании типографию. Ей передавали (бывшую) Лаврскую типографию в Загорске. Но...

Один из наиболее влиятельных архиереев приложил все свои усилия, чтобы, по его же собственным, словам, помешать, расстроить осуществление этого предприятия, под предлогом будто бы возможных осложнений в отношениях с местной властью; и это в то время, когда рядом находится центральная советская власть, и она способна при "минимальных затратах" разрешать все недоумения, возникающие на типографской почве.

Был ли это "мудрейший" дипломатический ход, действительно определявшийся доскональным знанием положения вещей, или

* См. отношение редакции в Совет... от 26. IV. 1960 г.

прямой подрывной шаг, пусть решают другие, но то, что худшего положения, чем существует сейчас в издательской сфере, найти трудно — это на настоящий день, кажется, ни у кого не вызывает сомнения.

Не говорю уже о том, что не хватает конспектов для воспитанников духовных школ. Почему? Потому, что размножаются они все на той же исторической пишущей машинке. И это в наше время, когда машинка используется только для подготовки оригинала. В наше время, время ротаторов и всевозможных других множительных установок!

Так что же получается? Неужели Русская Православная Церковь, жертвующая в фонд мира миллионы рублей, не в состоянии приобрести ротатор? Ну, хотя бы один на каждый из духовных учебных заведений. В конце концов, хотя один на Московскую, один на Ленинградскую и один на Одесскую семинарию. — Финансово — в состоянии. Но не может. Не позволяют.

И приходится заслуженным профессорам академии стоять в очереди, чтобы отпечатать крохотную статейку или лекцию, чтобы получить одну-две закладки своего творения на пишущей машинке!

Да что там профессора! Сам покойный митрополит Ленинградский и Новгородский Никодим, Патриарший Экзарх Западной Европы, Председатель комиссии Св. Синода по вопросам христианского единства и межцерковных сношений, и прочее... вынужден был "издавать" свои труды все тем же допотопным машинописным способом.

Прерогатива издавать типографским способом свои творения принадлежит исключительно Патриарху. Это особая милость государства к Церкви. Но и здесь дело не идет дальше публикации официальных выступлений, которые ни для кого не являются новостью, поскольку почти все они в свое время публикуются в "Журнале Московской Патриархии". Получается так, что тот, кто имеет возможность получить этот журнал, в сборнике слов и речей Патриарха не почерпнет ничего нового, а тот, кто не имеет такой возможности — будьте уверены, — тем более не получит этого сборника, имеющего скорее сувенирный, чем массовый характер.

Цензура.

Вторая проблема в издательской деятельности Московского Патриархата — строжайшая, драконовская цензура.

Всякая журнальная строка проходит цензуру, произвол которой не знает границ. Представители власти возлагают обязанности цензора

даже на метранпажей, чтобы читатель никоим образом не смог догадаться о тех манипуляциях, которые производятся над журналом.

Совет по делам религий при Совете Министров СССР существует не только для того, чтобы как можно оперативнее разрешать все недоумения, возникающие в процессе взаимоотношений Церкви и государства. Он призван предупредить такие явления. А для этого он должен достоверно знать, "чем дышит" Церковь. Естественно, его интересует и то, что редакция собирает и публикует. Именно собирается публиковать. Бесспорно, разумнее заниматься профилактикой, чем лечением.

Поэтому: в определенный день (по существующему графику — 20 числа каждого месяца) блок предмакета очередного номера журнала "подают" в Совет.

В Совете читают 5 дней. Это самые внимательные, самые усердные читатели церковного журнала. Ни одна строчка, ни одна иллюстрация, ни одно слово не проскользнет мимо их недремлющего сознания. И это сверх того, что существует уже четко выработанная неписанная номенклатурная схема, которую каждый сотрудник репортажного отдела должен усвоить себе с самого начала.

Например, следует меньше употреблять (это значит почти то же, что не употреблять совсем) слово "духовенство". Лучше всего писать: "причт" или "клир".

Не проходят в Совете по делам религий заметки о плохом состоянии кладбищ.

Крестный ход — можно упоминать только в описаниях пасхальных богослужений. В других случаях обычно пишется "об окроплении храма и богомольцев святой водой в конце Божественной Литургии".

Архиерей благословлял народ — так писать нельзя.

При встрече архиерея или во время богослужения был колокольный звон — об этом тоже нельзя писать, только упоминать в хрониках пасхальных богослужений.

Встреча старостой архиерея. Старосту не упоминать. Надо писать, что встречает настоятель и члены церковного совета. Можно упомянуть о мирянах. Если судить по журналу, то староста не имеет в храме вообще никакого значения, в действительности он — хозяин, и советская власть на его стороне.

О наградах старостам тоже не надо говорить.

Если архиерей благодарит настоятеля за усердие в трудах по благоукрашению храма, то следует придать этому оттенок, будто

архиерей благодарит за это церковный совет. А дальше можно написать: "Он также отметил усердное пастырское служение отца настоятеля".

Дети на фото? — Убрать безоговорочно. В английском варианте, тираж которого (3 тысячи) полностью рассчитан на западного читателя, можно оставить и детей.

О Туринской плащанице информация и медитации не проходят.

О храмах в новых городах, где они есть, (например, в Комсомольске-на-Амуре), в нашем журнале вы не найдете ни строчки. Нельзя подавать соблазн. А то вдруг кое-кто захочет и в Набережных Челнах построить храм. А это уж будет слишком.

Резолюция сотрудников Совета по делам религии выглядит таким образом: "длинновато", "зачем давать 1975 год? Нужно дать только 1976 год" (это в отделе "библиография"), "желательно" — это значит обязательно, "подсократить". Бывает и такая надпись: "статья не по теме Журнала Московской Патриархии".

Вот несколько примеров советской правки. Возьмем "Журнал Московской Патриархии", 1, 1979 г. Биография президента ХМК д-ра Тота.

Автор пишет: "Желаем помощи Божией д-ру К. Тоту на ответственном посту президента ХМК... во славу Христовой Церкви". Курсив Совет по делам религии выбросил.

"Журнал Московской Патриархии", 2, 1979. Статья о поездке русской церковной делегации в Венгрию. В ней писалось, что "... во время своего пребывания в Венгрии, епископ Иов в сопровождении протодиакона В. Назаркина посетил посольство СССР в Будапеште, где был принят сотрудниками посольства Ю. Л. Асажуровым и В. Л. Мусатовым". Все это вырезано из статьи.

Совет читает всю церковную продукцию. Особенно пристально — официальные документы. Смешно и печально смотреть на экземпляр рождественского послания Патриарха Пимена (1980 г.) после цензурной проверки в Совете по делам религий: на первой полосе — ажурный орнаментальный крест и рядом — сочная печать Совета по делам религии с серпом и молотом.

Иногда мы сами даже предвосхищаем правку Совета. Инстинкт раболепства подсказывает.

Умер, например, священник. Монах. Уважаемый и любимый. Талантливый и преданный Церкви и церковному делу, за которое и страдал.

Уже в стадии редакционной подготовки некролога один "редактор" провел такую "правку", что от человека даже "скелета" не осталось. Привожу авторский текст.

”В 1961 году отец Николай (Смирнов) был уволен за штат. В начале 1962 года он смог еще несколько месяцев прослужить настоятелем Петро-Павловского храма в Астрахани, а все последующие годы жизни его — сплошная цепочка болезней, скорбей и лишений.

Неленостный и талантливый проповедник, безупречный в личной жизни, как отзывался о нем митрополит Питирим, отец Николай был лишен возможности заниматься активным пастырским служением: любимым, единственным делом, придающим смысл всей его жизни.

Но в этих условиях наиболее полно проявилась другая способность его души, его старческий, несмотря на молодость, духовный церковный опыт, которым он щедро делился со своими многочисленными духовными детьми.

В 1971 году по совету врачей он переезжает на постоянное место жительства в Крым, в г. Ялту, где и прожил остальные годы своей жизни.

Отпевание отца Николая было совершено в Александро-Невском храме в Ялте собором священнослужителей, который возглавил заштатный архимандрит Всеволод. Тело отца Николая было облачено по уставу в священно-монашеские одежды. *На погребение прибыли многие клирики и богомольцы из Москвы, Ленинграда, Минска и Днепропетровска и многих других мест. У гроба его днем и ночью постоянно читали Святое Евангелие. После заупокойной литургии, во время отпевания, архимандрит Всеволод прочитал последнее пасхальное поздравление отца Николая своим духовным детям.* Погребен иеромонах Николай на городском ялтинском кладбище.

Веруем и надеемся, что Господь услышит молитвы многочисленных духовных чад отца Николая, помилует, спасет и упокоит его со Своими святыми в Царствии Небесном. Вечная ему память!”

Выделенное курсивом вычеркнул сам церковный редактор.

Или вот другой случай. В статье архимандрита Нестора (б. настоятеля Болгарского подворья в Москве) (ЖМП, 1, 1979, статья ”Параскева Пятница”) упоминается много московских храмов, в том числе и храм, стоявший на месте нынешнего здания Верховного Совета.

В Совете по делам религий прочитали эту заметку, ничто их не ”смutilo”. А вот А. С. Буевский из перестраховки подчеркнул: нужно опустить упоминание этого храма.

Еще примечательная деталь. Запрещено в журнале показывать церковное рукоделие. В этом мы уже сами заинтересованы. Был

такой случай. В церковном календаре дали фотоиллюстрации, отражающие церковно-прикладное искусство насельниц Корецкого женского монастыря. Сразу же туда нагрянул фининспектор.

— У вас что, ремесло? Фирма? Аргель?

Еле отверглись (об этом случае главред рассказал на редсовете 1 июня 1975 года).

.. В настольный календарь 1980 года было решено поместить акафисты Покрову Божией Матери и преподобному Серафиму Саровскому. В Совете, после ”читки”, ответственному секретарю редакции сказали, что в Покровском акафисте надо заменить отдельные места (не понравившиеся им), а акафист преподобному Серафиму — вообще снять. Собственно, не столько из-за личности преподобного Серафима, сколько из-за щекотливого положения с разоренной Саровской обителью. И сняли.

Стиль журнальных статей — особая тема. Авторы ”Журнала Московской Патриархии” упрекают в том, что, описывая ту или иную (чудотворную) икону, они, как правило, говорят общими фразами, не приводят ”ни одного факта чудес и помощи” этой иконы.

Да, не приводят. Не дают такой возможности. А ведь без труда, по памяти, многие рядовые верующие могут привести десятки исторически засвидетельствованных чудес от этой иконы. Но в нашем журнале не говорят о чудесах. Не принято. Это и понятно. Ведь если в светской печати позволяют себе писать слово чудо, заключив его в кавычки, то мы на это, разумеется, не пойдем, как бы ни старались угодить Совету...

Во-вторых — срезаем острые углы, боимся, чтобы даже тень не пала на нашу ”дорогую советскую власть”. Все ее грехи против Церкви, против Духа Святого покрываем своим раболепным молчанием.

К 150-летию Московской Духовной академии статью ”Славный юбилей” написала представительная группа преподавателей:

доцент К. Е. Скурат (ныне доктор богословия, профессор), священник С. Соколов (ныне заведующий заочным сектором), преподаватель аспирантуры А. И. Осипов (ныне профессор).

Пишут: ”В 1914 году намечались большие торжества по случаю 100-летнего юбилея академии. Но начавшаяся война помешала осуществлению этого.

Возрожденная в 1944 году, Академия с 1949 года снова в Лавре”.*

* ”Журнал Московской Патриархии”, 1965, № 1, с. 18.

Уважаемые преподаватели пишут историческую статью о 150-летнем пути академии и без зазрения совести выбрасывают из этого исторического отрезка 30 лет, пятую часть истории, кстати, наиболее насыщенную историческими событиями самого высокого ранга.

А здесь — пропуск. Даже многоточий нет. Будто вообще ничего не произошло в этот период.

В статье о приходе, созданном в 1919 году при той же Московской Духовной Академии — игумен Марк (Лозинский) также делает пропуск с 20-х по 1948 год. Вместо этого он ставит точки. Хорошо, что и они есть. Точки — много говорящие. С одной стороны, они говорят о совести покойного о. Марка: он, видимо, не мог подверстать 1949 год к 1919-му, не показав этими точками, что между ними что-то все-таки произошло. Что? На дверях храма висел замок? Нет. Они не закрывались. Посетителей было достаточно, потому что в святилище был устроен клубный зал, а на месте алтаря — сцена.

Готовя статью об отношении государства к той же Церкви для нашего журнала, совсем не обязательно исходить из реальной действительности. Подбирай самые лестные слова из своего лексического запаса для характеристики этих отношений и заранее будь уверен: все в порядке.

...Совет дает не только те или иные "редакторские" рекомендации. Советом постепенно определено и все построение журнала, в котором собственно церковно-историческим событиям отведено в лучшем случае треть площади. Остальное — миротворчество, экуменизм. Церковно-полезная площадь покупается за счет государственно-полезной.

Душевно-спасительную деятельность Церкви, в которой, кстати, и заключено непреходящее ее значение, государство пытается свести в общественном сознании к узко-социально-общественным явлениям и тем самым как бы оправдать само наличие Церкви в атеистическом (антирелигиозном) государстве.

Не может же оно, то есть государство, в самом деле признать свое бессилие в борьбе с церковными началами, а фундаментальный тезис атеизма о том, что религия должна (закономерно) отмирать в процессе развития и накопления научных данных, необходимо как-то оправдать. Поэтому дело представляют так, будто государство терпит Церковь лишь потому, что она поддерживает миротворческие усилия власти, забывая при этом, что мирная политика Церкви заложена в ее существе, а у государства она — не более, как случайность (берем крайние положения).

Инерция поведения религиозных деятелей в Советском Союзе, вызванная соответствующим влиянием со стороны системы, привела к тому, что даже в работах, предназначенных для внутреннего пользования, все выработанные Советом по делам религии нормы соблюдаются неукоснительно.

Можно с уверенностью сказать, что шеститомный труд митрополита Мануила (Лемешевского) "Архиепископат Русской Православной Церкви" никогда не будет опубликован в Советском Союзе. Несмотря на то, что митрополит Мануил был человеком безупречной жизни и веры, его работа не свободна от тяготеющего над всей церковной литературой недостатка: и она не оставляет ни одного острого угла, "причесывает" церковную историю под советскую гребенку, отшлифовывает ее в соответствии с нормами советской цензуры, в большинстве случаев просто оставляет пустоты на месте тех биографических отрезков, на которые приходилась тюрьма или ссылка.

Лучшее качество в характере русских епископов — стойкость в православии и вере, отмеченная десятилетиями ссылок и тюремного заключения, обойдена стороной. На ее месте — пустота, провалы.

Уж, казалось бы, кто не знает печальную историю процесса над митрополитом Петроградским и Гдовским Вениамином (Казанским), закончившегося расстрелом его и многих ни в чем не повинных священнослужителей, а в каталоге митрополита Мануила сказано: "Скончался 3 июля 1922 года". Ведь каждому ясно, что "скончался" и "расстрелян" — не одно и то же.

Нет необходимости говорить о том, что в некрологах, публикуемых в ЖМП, этот подход сохраняется еще в большей мере.

Принципиальная установка во всей редакционно-издательской работе — видимость конкретности.

Главред в своей беседе с коллективом авторов юбилейного (по случаю 60-летия восстановления Патриаршества) номера "Журнала Московской Патриархии" так и сказал: "Мы должны создавать видимость конкретности".

И мы уже до того привыкли к такому подходу в работе, что начинаем сами верить в *конкретность этой видимости*.

Это мы уже научились делать. В самых критических ситуациях мы умеем показать свое лицо хорошо умытым. 9 июля 1975 года в одном из храмов Подмосковья, где группа кинооператоров из АП снимала за службой фильм для режиссера-англичанина (он был там же и руководил съемкой), вдруг за свечным ящиком начали продавать Новый Завет, которого в самой редакции еще не знали цену.

От неожиданности никто не мог поверить, что все это происходит в действительности. 15 рублей экземпляр. Молодые люди, бывшие в храме, тут же приобрели по нескольку книг, кто сколько мог. Эффект известный: пожалуйста, смотрите, в глухом провинциальном храме свободно продают Новый Завет.

На редакционном Совете 13 марта 1978 года главный редактор ЖМП делился своими впечатлениями от поездки в Женеву во Всемирный Совет Церквей. При этом он выразил опасение по поводу того, что в недалеком будущем светским журналистам будет открыт доступ к заседаниям Всемирного Совета. Для Русской Православной Церкви это было бы явно нежелательно.

— Если с ВСЦ мы можем говорить о каких-то высоких идеологических вещах, — сказал главред, — то с светским журналистом, издателем, корреспондентом, так не поговоришь. Ему надо дать точную информацию, факты, цифры. А мы привыкли говорить так, вообще.

Мы не готовы к прямым и четким ответам на вопросы, касающиеся взаимоотношений Церкви и государства.

... На все предполагаемые издания, начиная от церковных календариков-картинок, необходимо особое разрешение Совета, который в последней инстанции решает вместо церковного руководства надо это Церкви или нет.

Без согласия Совета Патриархия не выпустит ни одного листка, ни одной странички, ни одной строчки.

Даже сборник "Богословские труды" начал издаваться в 1960 году не потому, что это нужно Церкви, а потому, что действовали политические мотивы, которые государство не могло не учитывать. Вот документ.

№ 920, 30 марта 1956 года

В Совет по делам религии
при Совете Министров СССР

Дело подготовки пастырских и научно-богословских кадров не может быть полноценным при отсутствии возможности печатать богословские труды наших профессоров. Это ясно не только для нас, но и для зарубежных христианских Церквей, с которыми Русская Православная Церковь вступает в оживленные отношения.

Получая от них многочисленные издания богословских трудов, мы оказываемся в крайне затруднительном положении, не имея возможности отвечать им тем же. Когда они спрашивают о наших печатных трудах, то нам нечего сказать ввиду отсутствия самой возможности печатать эти труды.

Такое положение становится тем более нетерпимым, что оно подает повод зарубежным Церквам обвинять Русскую Православную Церковь в беспомощности, чем наносится ущерб не только нашей Церкви, но и престижу нашего государства. Ссылаться же на наш единственный печатный орган, "Журнал Московской Патриархии", не приходится, так как он имеет официальный характер, ограниченный объем и богословские труды помещать не может.

Поэтому...

Далее следует просьба разрешить издавать сборник "Богословские труды" в объеме 20 печатных листов тиражом в 3 тысячи экземпляров.

Точно так же мотивируется и просьба издать Новый Завет.

18 июня 1974 года

В Совет по делам религий
при Совете Министров СССР

Назрела необходимость приступить к изданию Нового Завета на русском языке — для представительских целей и для употребления этой книги по прямому назначению.

... Несомненно (это) будет иметь значительный резонанс в международных кругах.

Более 10 лет мы вынуждены оставлять неудовлетворенными многочисленные заявки от епархиальных управлений, личные просьбы епископов и священников.

Советская власть поставила Церковь в СССР в положение Лазаря: она должна довольствоваться тем, что падает с государственного стола. А просто так с этого стола ничего не падает.

Недавно в редакцию "Журнала Московской Патриархии" пришло письмо.

Ваше Высокопреосвященство!

Прошу извинить за обращение без имени — не знаю. Недолго ждать знаменательную дату 1000-летия крещения Руси. Меня, как всякого православного человека интересует: как будет эта дата отмечена? Только ли Церковью, или может быть и официальной печатью?

По старым традициям, конечно, надо бы возвести храм! Где-нибудь в Корсуни, или Киеве. Да это, конечно, сейчас *немыслимо!*

Если в изданиях Патриархии будет что-либо публиковаться по этой теме, если Вас не затруднит, окажите любезность, сообщите, где и как можно будет получить эти публикации.

С почтением, Чебуркин Павел Владимирович.

г. Шекино, Тульской обл.
ул. Техническая, 21, кв. 8.

Ответ: "Ваш вопрос у нас еще не обсуждался". А надо бы. И вопрос этот — не "его", а наш, кровный. И времени осталось не так уж много.

* *
*

В связи с 800-летием Москвы в 1948 году в Богоявленский патриарший собор из кремлевского Успенского собора были перенесены мощи святителя Алексия. За прошедший с этого времени период Церковь уже дважды отметила юбилейные даты: 10-летие и 20-летие перенесения мощей. Ни в том, ни в другом случае редакция даже не заикнулась об этом событии. Малозначительно? А годовщина (не юбилей, а просто годовщина) интронизации Патриарха — выглядела более значительным торжеством, так что его считают нужным отмечать каждый раз отдельной статьей. А на самом деле, в соответствии с традицией Православной Церкви, должно быть как раз наоборот. Но что может дать редакция в свой журнал, если ей не позволили сделать репортаж даже о самом перенесении мощей. Обошлись одним предложением, в общем историческом очерке о Богоявленском соборе 7 лет спустя: "Другая святыня Богоявлен-

ского патриаршего собора — мощи святителя Алексия, митрополита Московского и всея Руси, которые в связи с 800-летием Москвы были перенесены сюда из Кремлевского Успенского собора и положены в новую раку под золоченой сенью"... Не указали даже прямую точную дату, а лишь ориентир, который не каждому сразу скажет, что произошло это в 1948 году.

Если верить слухам — в сентябре. Мы уже пережили 30-летие перенесения мощей святителя Алексия из Большого Успенского собора в Богоявленский патриарший собор. Молчание.

Заведующий отделом "Церковная жизнь" говорил в свое время ответственному секретарю редакции при обсуждении вкладки в журнал № 5 (1978 г.):

— Хорошо бы подать тему 600-летия со дня кончины святителя Алексия пошире, потому что о 30-летии перенесения мощей из Кремля в патриарший собор мы не будем и упоминать.

В порядке, так сказать, некоторой компенсации — дать "пошире" 600-летие со дня кончины. Значит о перенесении мощей "не будем и упоминать". Не будем упоминать, пока жива советская власть, потому что само перенесение было совершено тайно, ночью. Немногие даже знали об этом.

Помещение редакции.

Вначале редакция размещалась в одной маленькой комнатке в Патриархии, в Чистом переулке. Затем — опять же в одной комнате (теперь это кабинет главного редактора) — в Успенском храме Новодевичьего монастыря.

В течение многих лет весь редакционный коллектив, включая и главного редактора, и обслуживающие отделы, размещался, буквально ютился, в одной комнатке.

В конце концов "расширили". До того, что по-прежнему в одной комнате (приблизительно около 40 квадратных метров) работают 7 редакторов и 5 человек хозяйственно-административного аппарата. 12 человек на 40 кв. метрах!

Поставьте на этой площади 12 столов, и вы увидите, что от нее останется. Добавить к этому полки со справочной литературой, плюс всевозможные шкафы! В проходах, которые включены в названную рабочую площадь, невозможно разминуться двум человекам.

Обслуживающие отделы, такие, как отдел фототелеинформации и звукозаписи, производственный, бухгалтерия, экспедиция, библиотека, архив, склад, отдел копирования и машинописи, корректорская,

расположены в подвальных помещениях. Воздух там не выдерживает никаких санитарно-гигиенических норм. Люди в течение всего рабочего дня лишены нормального дневного света.

Фотолаборатория, один из важнейших узлов любой редакции, до последнего времени размещалась в подвале. Никакая вентиляция не в силах вытянуть оттуда устоявшийся воздух, перенасыщенный токсичными химикалиями. Фотолаборантов удерживает в этих условиях только преданность церковным интересам.

Ответственный секретарь редакции занимает клетушку в 3, 5 квадратных метра. Рабочий стол, кресло, полка с самой необходимой справочной литературой и один стул для "посетителей". В этом, с позволения сказать, "кабинете" он умудряется принимать даже делегации, в том числе и иностранные.

Если руководитель такой делегации имеет честь быть приглашенным "на стул", то остальные выстраиваются по рангу цепочкой вдоль узкого коридора.

Многолетние усилия по приобретению помещения для редакции только сейчас увенчались "успехом".

19 мая редакция на своем заявлении в Президиум Верховного Совета СССР получила резолюцию: во исполнение решения Верховного Совета от 18 июля 1977 года, передать в аренду Московской Патриархии двухэтажное строение по Погодинской улице, площадью 400 квадратных метров ("недостаточно пригодное для дальнейшего проживания граждан" — 9 семей).

Редакция должна обеспечить семьи, проживающие в настоящее время в этом "особняке", жильем, затем сломать его, и на этом месте построить помещение по собственному проекту.

Из средств, необходимых на это "предприятие", только 70 тысяч (из 350) берется из фондов жилищного строительства. 138 тысяч должна дать редакция, а остальное покроеет хозяйственное управление Московской Патриархии. А ведь здание-то останется государственным!

Тираж и цены.

Церковные представители утверждают, что церковная литература издается у нас "массовыми тиражами".*

Насколько они массовые, можно судить по конкретным цифрам.

* Шабатин И. Е., проф. Курс лекций по истории Русской Церкви в XIX-XX вв. для III курса МДА. Машинопись, с. 195.

Священное Писание. Библия 1956 года — 25 тысяч. При этом необходимо иметь в виду, что из этого количества

10 тысяч было отправлено за границу,

3 тысячи — в духовные школы,

2 тысячи — в резерв,

и только 10 тысяч — предоставлено для распределения.

Эта цифра (10 тысяч) — только половина наличного состава священно-церковнослужителей* в то время.

В 1968 году, слава Богу, Церковь (это еще не значит, что — рядовые верующие) получила еще 40 тысяч экземпляров Библии.

В 1970 году (с матриц 1968 года) было милостиво разрешено отпечатать еще 30 тысяч. Много это или мало? — Как посмотреть. В московские храмы, например, было выделено по 10 экземпляров. Во многие сельские — ни одного.

Главный редактор дал письменное распоряжение секретарю не принимать никого, приходящего по вопросу об увеличении количества Библий против разверстки.

Итак, за годы советской власти (63 года!) Русская Православная Церковь получила в общей сложности 95 (пусть 100) тысяч экземпляров Библии.

Не менее половины из них до рядового верующего не доходит: книги идут за границу, в духовные школы, в резерв, на представительство, да... в Совет по делам религий, уполномоченным на местах... Итого — около 50 тысяч Библий для всех верующих Советского Союза (три поколения не менее чем по 50 миллионов) за весь советский период истории.

Но будем справедливы. За годы советской власти вышли еще три издания Нового Завета.

1. В том же 1956 году — 25 тысяч.

2. В 1975 году — 50 тысяч.

И то, что в 1975 году был издан Новый Завет — заслуга не столько Издательского отдела или Патриархии, сколько священника Глеба Якунина, который выступил в европейской печати с несколькими статьями. В перспективном плане издательской деятельности Московского Патриархата его не было. Из этого тиража только в Совет по делам религии было отправлено 500 экземпляров.

3. В 1979 году — 75 тысяч (?).

* См. письмо редакции в Совет по делам религий от 28. 03. 1957 г.

Итак, за годы советской власти выпущено около 150 тысяч экземпляров Нового Завета. Около половины — 70–75 тысяч — попали к верующим.

Таким образом, около 50 тысяч Библий и около 75 тысяч Нового Завета достигли своей цели — верующих. Это на 50 миллионов православных, и на миллионы других христиан (с издания 1970 года частью тиража братски поделились с баптистами) или просто любознательных!

В нашей стране действуют 360 тысяч библиотек, услугами которых пользуется 180 миллионов читателей. Следовательно, даже всех изданий Библии и Нового Завета вместе взятых недостаточно покрыть нужду одних библиотек. В скольких из них есть Библия, Новый Завет? — В пяти? — В десяти? — А каждому ли читателю ее дадут почитать? Единицам — антирелигиозникам по особому разрешению!

А как обстоит дело с ЖМП?

Третий тираж (4 622 экземпляра) редакция высылает бесплатно, в том числе за границу (3 930 экз.), в Совет и другие государственные учреждения (44 экз.).

Московские храмы получают только по 10 экземпляров журнала.

Тираж "Журнала Московской Патриархии" в самом журнале не указывается, потому что его стыдно указать — 15 тысяч экземпляров! Точнее — 15 тысяч 100 экземпляров (на 1977 год).

Теперь представьте: 15 тысяч — на всю Русскую Православную Церковь, включая в эту цифру и значительную часть, которую отправляют за границу.

Накануне открытия Всемирной конференции — Религиозные деятели за прочный мир, разоружение и справедливые отношения между народами — (Москва, 6–10 июня 1977 года), главный редактор "Журнала Московской Патриархии", созвав репортерскую группу на инструктаж, советовал на возможные вопросы делегатов конференции о тираже нашего церковного журнала отвечать приблизительно в таком духе: "Мы — в развитии", — т. е. тираж журнала неуклонно растет. Но ведь понятно, что это не ответ, а уход от ответа.

В сельском приходе о существовании "Журнала Московской Патриархии" знают не более десяти человек, а читают, помимо настоятеля, который, в лучшем случае, получает лично или на церковь один экземпляр, и того меньше.

Зато пропагандистский юбилейный журнал, посвященный 60-летию восстановления Патриаршества, был оттиснут 25 тысячами экземпляров, плюс 5 тысяч — английский вариант.

Каждый номер английского варианта "Журнала Московской Патриархии" обходится редакции убытком в 8–10 тысяч рублей. Он совершенно нерентабелен. Зачем нам нужно такое издание? Или в Патриархии и Издательском отделе есть лишние деньги? Разве у нас нет необходимости издавать что-либо другое? — Нужно. Теряем средства, приобретаем пропагандистские дивиденды. Это чисто пропагандистское издание.

Стенной и настольный календари до 1964 года выходили тиражом в 50 тысяч экземпляров, а после 1964 года — в 40 тысяч (помните? — "мы в развитии").

Часть тиража каждый год отправляют в Совет по делам религий. Из тиража 1979 года в Совет отправлено 1 000 штук календарей. Даже в райисполкоме есть желающие иметь календарь. И, конечно же, их просьбу удовлетворяют в первую очередь. В 1979 году в райисполком Ленинского района Москвы было отправлено 5 экземпляров.

"Богословские труды" выходят тиражом в 3 тысячи экземпляров! И для всей Русской Православной Церкви (в Союзе и за границей), и для представительских целей!!!

Помимо всего этого необходимо заметить, что ни одно издание не поступало в редакцию в указанные договорные сроки.

Систематический срыв графика и неритмичное получение тиража нарушает работу редакции и подрывает значение журнала в качестве информационного официального органа.

То, что мы получаем очередной номер журнала в середине следующего месяца — это всего лишь уловка, фикция, лишь манипуляция с нумерацией, потому что событие в нем — 3-месячной давности. Если бы без обмана, т. е. если бы тот номер, который мы готовим в феврале, например, нумеровали вторым, то мы получали бы журнал ровно с 3-месячным опозданием.

В 1955, 1956, 1958, 1966, 1967 годах тираж настольного календаря выходил в марте номинального года! Начальник производственного отдела I-й Образцовой типографии Г. П. Белокриницкая в "грубой форме" отказалась принимать меры к ускорению печатания календаря.

Кроме того, с тиража каждого издания "кто-то" "съедает" довольно чувствительную часть (если учитывать мизерные общие тиражи).

Каждый номер журнала недодают. Государственная типография недодает не меньше чем на 150 экземпляров. Тираж четвертого номера журнала за 1976 год недодан на 500 экземпляров.

Настольные календари.

В 1961 году недодали 100 штук,

в 1962 116

в 1963 199

в 1964 487,

а в 1970 году недодали 122 пачки (по 25 штук), т. е. 3 050 штук.

Цифры недостачи, как видим, растут. Настенный календарь недодают систематически.

Служебник. 1-й части не хватило 800 экземпляров,
2-й части — 1 500 штук.

Венчики и молитвы для умерших. Ежегодный заказ Патриархии издательство "Художественная литература" на 1 млн. штук выполняется с опозданием и не полностью. В 1962 году недодача составила 165 тысяч (!). А потом и вовсе сократили с 1 миллиона до 500 тысяч.

В настоящее время Новый Завет стоит уже почти четверть зарплаты многих работников — 15 рублей.

Библия — почти ползарплаты — 30 рублей, а на черном рынке — 100 рублей и больше.

Триодь Постная (в 2-х книгах) — 40 рублей.

Триодь Цветная — 30 рублей.

Псалтирь — 20 рублей.

Молитвослов — 10 рублей.

Журнал — 1 рубль 50 копеек.

Календарь — 5 рублей.

Как видим, цены растут, и растут катастрофически.

Не каждый может приобрести церковные издания по таким ценам, даже если бы он и смог найти эти неуловимые книги.

А кто сможет приобрести журнал или книгу, которая выходит тиражом в 15 или 30 или 40 тысяч экземпляров, но выходит не в Воронежской области, а в Москве, с ее 7-миллионным населением, среди которого минимум миллион — верующие? А предназначена эта книга не для Москвы только, а для всего 50-миллионного верующего населения Советского Союза (не включая сюда многих образованных неверующих людей, желающих приобрести ее с чисто познавательной целью)?

...Рядовой сельский храм в Белоруссии. Воскресная всенощная. Для службы необходимо пять книг. Две из них изданы за границей (Польша, Чехословакия) Русской зарубежной Церковью, — две — до революции. Мы живем инерцией самодержавия.

* *

*

На имя Патриарха и председателя Издательского отдела Патриархии приходят сотни и тысячи писем, в которых люди слезно молят выслать им за наличный расчет Библию или церковный календарь.

"Прошу простить меня за беспокойство. Ради Господа, простите. Я живу в Воронеже, не имею святой Книги — Библии, а иметь ее очень хочу. Что делать, где взять?"

Обращалась я не раз в Московскую Патриархию, Молитвослов выслали, а Библию отказали. Спустя много времени, обратившись снова с просьбой о Библии, снова получила отказ... Что делать?

Потом читаю в газете статью Куроедова,* пишу письмо — нет. Дети говорят: "На каникулы поедем сами в Загорск и заедем". Так и сделали. Дети тоже ехали, надеялись, что получим, и вдруг — снова отказ. Как обидно, очень обидно.

Потом читали Вашу статью в "Журнале Московской Патриархии", совсем случайно, знать так надо, журнал № 2 за 1976 год** — этого журнала я не имею, а случайно попал — и решила обратиться к Вам с просьбой. Где найти правду? Где взять Книгу? Все свободно, все есть, а нам (верующим — В. С.) ничего нет, и жмут*** со всех сторон.

Я Вас очень прошу: помогите мне приобрести Библию... Очень прошу, не откажите в моей просьбе, и Вас Господь не оставит. Простите меня, ради Господа.

Гришина Нина Васильевна,
Воронеж,
ул. Солнечная, д. 11-а, кв. 42".

"...Я бы хотел прочитать Библию, — пишет автор другого письма. — Честно признаюсь, я представления не имею о ее содержании. Но где ее увидеть, а тем более прочитать, не знаю... Я бы хотел иметь Библию. Внимательно прочесть и неоднократно — даю Богу обет в этом.

На склоне лет (мне уже идет 6-й десяток). Это поможет мне приобщиться к истине Божией.

* Вероятно, имеется в виду статья в газете "Известия" за 1 апреля 1977 г.

** Одно из многочисленных интервью Патриарха корреспонденту АПН, в котором выражается полнейший оптимизм по поводу положения с изданием церковной литературы.

*** Возможно, не всем понятно, что это такое. Термин "жмут" рожден советской действительностью и означает дискриминацию и притеснение верующих.

Очень прошу вас внимательно отнестись к моей просьбе и распорядиться выслать мне 1 экземпляр Библии — на любых условиях...

Прошу вас, ради Бога, исполните мою просьбу.

1. 09. 1977 г.

Инвалид Отечественной войны 1-й гр.
Шагаев Лев Николаевич
Москва, А-475,
Зеленоградская ул. 25, к. 1, кв. 121".

"...Я, жительница г. Воронежа, 1899 года рождения, православного исповедания, посещаю храм Божий, но память мне изменяет, и я бы хотела иметь на руках свой молитвенник... От всей души прошу удовлетворить мою просьбу. Стоимость я оплачу.

16. 08. 1978 г.

Мой адрес: Воронеж,
ул. Героев-Сибиряков, д. 16, кв. 70
Ясеницкая Ольга Герасимовна".

"...Я сердечно благодарю Вас за ответ на мою просьбу о Библии, но желаемого я так и не получил.

23. 05. 1978 г.

Черкаська обл.
с. Кривець Манькивський р-н,
Яровой Ф. Т."

"...Очень прошу вас выслать для мамы следующие книги:
церковные праздники,
молитвослов,
Евангелие,
Библию.

Прошу не отказать в нашей просьбе. Живем и не знаем ни одного праздника.

24. 04. 1978 г.

Алтайский край,
Шипуновский р-н, пос. Ясная Поляна
Яковлева Мария Кондратьевна".

"...Прошу извинения: я вас очень прошу, я желаю приобрести Евангелие или Библию, а то у людей брать на время уже надоело и неудобно... Ради Христа, выполните мою просьбу.

30. 08. 1978 г.

г. Кропоткин
Краснодарский край,
ул. Мираза
Якушенко Мария Николаевна".

"...Простите, что я беспокою вас своей просьбой, но ради праздника Рождества Христова, не откажите... выписать мне церковный календарь на 1978 год.

10. 01. 1978 г.

Дагестанская АССР ^{свМ}
г. Махачкала
ул. Советская, д. 9, кв. 18
Яценко Анастасия Павловна".

"...Не откажите моей просьбе, духовные братья и сестры, вышлите, пожалуйста, молитвенник, где есть молитвы утренние и вечерние. Пожалуйста, сколько будет стоить, я оплачу.

Свердловская область
Серовский район
ст. Андрияновичи
ул. Зеленая, д. 25.
Ярошенко Харитина Евгеньевна".

"...Прошу вас выслать мне православный церковный календарь праздников. Прошу вас, не откажите моей просьбе, прошу, пожалуйста, не откажите...

28. 03. 1978 г.

Липецкая область
Становлянский район
Ламский с/с, д. Чемоданова
Яковлева Ольга Васильевна".

"Дорогая редакция!

Я вас очень и очень прошу: ради любимого нашего Господа Иисуса Христа, прошу вас, вышлите мне Псалтирь. У меня умерла мама, папа, муж, и много сродников. И я хочу читать по ним дома Псалтирь. Прошу вас, пожалуйста, вышлите мне Псалтирь, не откажите моей просьбе.

31. 01. 1978 г.

Ворошиловградская обл.
Краснодонский район,
ул. Ленина, д. 4, кв. 28
Янчур Евдокия Антоновна".

"...Черновой Евгении Александровны

Прощение

Глубокоуважаемый Владыка, простите меня за мою смелость, но очень прошу Вас, сделайте доброе дело.

Мой близкий знакомый 25 лет уже страдает неизлечимой болезнью. Никакого ропота. Лежит без движения, но зрение сохра-

нилось. Очень просит Библию. Утешьте к празднику святой Пасхи.
Прошу прощения, молитв и благословения.
Март, 1979 г.”.

”...Давыдовой Зинаиды Яковлевны
Прошение

Умоляю Вас, Высокопреосвященный Владыко, не отказать мне
в приобретении Библии.

Я осталась в скорбном положении. У меня внезапно умер муж,
следом за ним — свекровь. Осталась я одна с сыном, и нигде нет
мне утешения, кроме чтения Слова Божия.

Заранее искренне Вас благодарю.
16/IV-1979 г.”.

”...Прошу я вас не отказать моей просьбе. Что будет стоить, я
оплачу..., только не откажите выслать мне книгу — простые и крат-
кие поучения — священника Василия Бандакова.

Гомельская область,
Мозырский район, п/о Крушники
д. Зим-Буда
Ящиковский Григорий Михайлович”.

Ответ.

Уважаемый Григ. Мих.!

На ваше письмо от 11. 11. 77 г. редакция ”Журнала Московской
Патриархии” сообщает, что просимых Вами книг в редакции нет.

”... Убедительно вас прошу: вышлите мне церковный кален-
дарь. Если можно, то книжечкой, а если нет, то какой есть. Пожа-
луйста, прошу вас убедительно. Деньги я сразу выслала бы, но не
знаю на чье имя. А так почта не принимает... Прошу убедительно,
вышлите.

г. Ревда Свердловской области
почтовое отделение 10, ящик 14
Яковлева Мария Ефимовна”.

Ответ.

Уважаемая Мар. Еф.!

На ваше письмо от 16. 12. 1977 г. редакция ”ЖМП” сообщает,
что все издания Московской Патриархии распределяются по храмам

Русской Православной Церкви через епархиальные управления, куда
вам следует обращаться с просьбой о церковном календаре.

В редакции календари не продаются.

Приведенные здесь просьбы — капля в море подобных писем,
получаемых центральными церковными органами.

В редакции существует неофициальная должность, обладатель
которой только тем и занимается, что готовит ответы на такие
письма с... отказом.

В редакции уже не в диковинку такие случаи, когда человек с
Дальнего (дальнего!) Востока или с Севера, как мы говорим, а то
и просто из Подмоскovie, приходит и слезно просит продать ему
один календарик. А ему вежливо:

— В редакции продажи нет.

В киосках ”Союзпечати” их тем более нет. Да что там говорить?
Сотруднику редакции — и тому разрешается приобрести за налич-
ный расчет только пять календарей, и по одному периодическому
изданию.

Нет Библии! А что говорить о церковной, богословской лите-
ратуре?

Страна ждет с л о в а, печатного слова, в неограниченном коли-
честве, или хотя бы в более или менее достаточном. Разрушены и
загажены храмы, Библия и Евангелие на черном рынке идут по
баснословным ценам наряду с книгами модных поэтов, но это
только в Москве и крупных городах, а в провинции верующие
заклеивают болтовню антирелигиозных брошюр, оставляя цитаты
из Писания.

”Я не могу забыть, — пишет один автор, — мужика на паперти
одного из московских храмов.

— Православные! — молил он. — Я из Курска — у нас все сож-
жено, хоть какую-нибудь книжку о Боге, ради Христа!”.

Это не фантазия, хотя и похоже. Вот какой случай приводит
даже журнал ”Наука и религия”.

Судьба свела Виктора Гарбузова с Анатолием Даниловым и
Геннадием Тарасенковым. Темой для постоянных бесед была Биб-
лия. Библии ни у кого из них не было, но Данилов посоветовал
Виктору брать в библиотеке антирелигиозную литературу и читать
в ней лишь цитаты из Библии, не обращая внимания на авторский
текст.

Слыхано ли это? В наше время!

Нам сейчас трудно. Очень трудно. Мы не можем встать на ноги. Мы ничего не можем сделать хотя бы потому, что мы не коммуникативны. Ведь при желании мы даже листовку не сможем отпечатать. Видимо, в таких условиях нам надо знакомиться и перенимать опыт русских вольнодумцев и самих большевиков, которые нелегально печатали "запрещенную" литературу в типографиях столицы, Киева, местных, в вольных типографиях за границей. Первая вольная типография (русская) начала свою работу еще в феврале 1853 года в Лондоне. Необходимо шире использовать возможности, которые предоставляют нам западные издательства.

Беда не в том, что в настоящем состоянии нашего общества печать стала не формой выражения мысли, а учреждением, с которым никто не может не считаться, с которым необходимо считаться, а в том, что она сама оказалась связанной государственной властью и подлежащей контролю и ответственности. Да, в любом государстве нет учреждений, которые могли бы считать себя бесконтрольными и безответственными. Но если для них в этом ничего зазорного нет, то для печати это просто губительно. Церковной — тем более.

Правдивая и своевременная информация — вот проблема № 1 в области всевозможных свобод на настоящий день в Русской Православной Церкви и в советском обществе в целом.

А. СОЛЖЕНИЦЫН

ВЫСТУПЛЕНИЕ В ИТОНЕ

Виндзор, Англия

17 мая 1983

Мои молодые друзья! Когда в учебное заведение приглашают постороннего гостя, как сейчас меня, от него естественно ожидают, что он призвет воспитанников к наибольшему усердию в науках — что принесет им в дальнейшем и мудрость, и успехи в жизни. Не я буду тот гость, который нарушит эту традицию. Я сам в вашем возрасте имел большую страсть к учению, так что даже учился одновременно на математическом и литературном факультетах. Но я полагаю, что многие из вас понимают: одно образование еще не дает человеку всего необходимого. Образование ваше будет плохо использовано, если вы не сумеете выработать в себе собственного духовного зрения, духовной позиции. И ваше образование останется втуне, без настоящего применения, если у вас не выработается характер и воля к действию. Это довольно общее место, которое вам всем, вероятно, понятно. Но я хотел бы подчеркнуть, что в наше время эти качества, духовное зрение и воля к действию, необходимы как никогда. Парадоксально, что именно в двадцатом веке, когда все науки получили необыкновенное, бурное, блистательное развитие, сказалась недостаточность как точных наук, так и социальных. Точные науки и техника привели к умопомрачительным, потрясающим изменениям, так что, например, на протяжении моей жизни — просто нельзя узнать лица планеты. Но тем не менее, развитие точных наук не сделало людей более добрыми и не повысило их духовный уровень. И даже, что уже совсем странно, это бурное развитие, принесшее столько комфорта, — кажется, не увеличило и счастья людей сравнительно с предыдущими веками. Что же сказать о науках социальных? Они тоже растут, они множатся сотнями и тысячами книг, но сегодня они не указывают нам выхода из того катастрофического положения, в котором находится наша планета. Не все осознают остроту этой катастрофы: что она не только приближается, но уже наступила. Знаменательно то, что мир сегодня состоит из как будто бы совершенно непохожих друг на друга частей. С одной стороны — коммунистический Восток, с другой —

Запад. Но как ни различаются эти миры, они оба пришли к тупику. Пути были разные, причины разные, а катастрофа — общая, одна.

Я понимаю, что среди вас растут возражения: на Западе этот тупик еще не так виден. Но он — есть. Вы вступаете в жизнь в роковую эпоху. Вам не предстоит жизнь благополучная, ровная, без крупных событий. Этот смерч исторический захватит вас — некоторых еще на выпуске из учебного заведения, некоторых на первых жизненных шагах. Даже внутренние проблемы Запада чрезвычайно трудны для разрешения сегодня. Но на это накладывается каждодневная опасность коммунистического нападения. Я не имею в виду обязательно открытое нападение армии. Эта агрессия длится уже десятки лет, она обладает способностью взрывать государства изнутри. И в каждом государстве находится достаточное число людей, готовых служить коммунистической тирании. Даже в такой стране как Польша, объединенной крепким национальным духом и религией, даже в ней нашлось достаточное количество палачей и их помощников. Я боюсь, что ни одна страна Западной Европы не может обещать лучших результатов, чем Польша. Везде коммунизм находит тех, кто ему служит.

Вы вступаете в жизнь в период, когда окончилась долгая эра человеческого существования, три или четыре столетия. Мы стоим перед большим поворотом, не только физическим, но и духовным. А если мы этого духовного поворота не совершим, то мы просто все погибли.

Перед лицом угрожающей реальности XX века английские руководители, как и все руководители западно-европейских стран, делали почти одни ошибки. С начала Первой мировой войны, и во всяком случае с Версаля. Эти ошибки ваших мыслителей, ваших политических деятелей объяснялись иногда тем, что они следовали ошибочным теориям, иногда тем, что они недостаточно вдумывались в события на востоке Европы, но чаще всего, увы, они объяснялись простой человеческой слабостью. Люди так устроены, что пока потолок еще не обвалился, мы продолжаем под ним беспечно ходить. Казалось — для простого самосохранения Западной Европы надо было уже с 1919 года внимательно следить, какая угроза растет с Востока. Но ваши руководители беспечно декларировали, что никогда еще Англия не жила так хорошо, как теперь. За слепоту дедов и отцов придется расплачиваться нынешнему поколению на земле. После конца Второй мировой войны ваши руководители совершили ужасающую вещь, то, что я назвал бы самым тяжелым моментом отношений между англичанами и русскими за 400 лет. Они выдали,

против воли, сотни тысяч людей, отдали их на уничтожение в коммунистических лагерях. Многие из них кончали самоубийством на глазах английских офицеров и администраторов. Но администраторы не дрогнули. Великая демократия отдала сотни тысяч людей тоталитаризму на уничтожение. Как это могло произойти? Здесь не столько замышленное злодейство, сколько ужасная ошибка. Ошибка эта состоит в том, что Запад смешивает представление о коммунистических правительствах и народах, угнетенных коммунизмом. На Западе считают, что эти народы как бы принадлежат своим правительствам, как добровольно избранным. Эта ошибка продолжается до сегодняшнего дня, она в вашем обычном употреблении, она в системе вашего мышления. Сегодня эта ошибка становится роковой, вот почему. Западный мир, хотите вы или не хотите это признать, потерял за последние семьдесят лет так много, уступил так много, укреплял коммунистические правительства так много, — что сегодня Запад, даже если бы собрался с волей, а воля его не собрана, — уже не может один устоять против соединенного коммунизма. Сегодня Запад может устоять только в союзе с угнетенными народами. И те из вас, кто хотят действовать безошибочно, должны все время различать, на каждом шагу, в каждом решении, в каждом действии — между правительствами СССР, коммунистического Китая, Кореи, Вьетнама, Кубы, Никарагуа, и народами этих стран. Если вы это различие сделаете, и если те из вас, кому суждено направлять общественные действия, будут смело идти в этом направлении, — вы получите могучих союзников, в союзе с которыми сможете победить коммунизм. Если вы будете продолжать спокойно плыть по течению, и будете бояться оскорбить какое-то из коммунистических правительств, и будете бояться протянуть руку угнетенному народу, то вас просто толкнут по пути Гитлера. Гитлер ополчился не против коммунизма, а против русского народа. И таким образом дал Сталину козырь. Сталин мог призвать свой народ: "смотрите, Гитлер хочет уничтожить вас, не нас, а вас", — и у народов СССР не осталось выбора, как, защищая себя, спасти и коммунистическое правительство. Объединяя народ с враждебной ему властью, вы загоняете его в отчаянный тупик, опасный и для Запада.

Я хочу настоятельно призвать вас не поддаваться беспечности, не ожидать для себя благополучной, счастливой жизни. Вся Европа, и Англия — стоят перед ужасающим испытанием, которому трудно будет найти аналогию в веках. Сегодняшнее положение Англии более опасно, чем в 1940 году, когда немецкие самолеты прямо были над Лондоном. Однако Англия в своей истории не раз создавала чудеса.

Я верю, что Англия сумеет и в этот раз противостоять, и совершить чудо. Не доводите до нашего положения, под коммунизмом. Мы продолжаем борьбу, но уже как рабы, на коленях. В Советском Союзе две трети века, а в Китае — треть века. Борьба человечества с коммунизмом не прекратится никогда. Рано или поздно коммунизм уйдет с земли. Но лучше бороться с ним, пока вы еще стоите на нескованных ногах, и руки ваши свободны. Защищайте свободу, пока она у вас есть.

Вопрос: Сэр, если в России так мало людей, которые поддерживают коммунизм и хотели бы атаковать Запад, — то в чем мы должны видеть угрозу?

Ответ: Это напоминает мне почти анекдотическое удивление европейцев 40 лет назад. Когда я был в советских войсках на территории Германии, мы разговаривали с европейцами, и рассказывали, какой ужас там у нас творится. А европейцы разводили руками: "Если вы все недовольны Сталиным, почему вы его не переизберете?"

Для того чтобы судить о коммунизме — отбросьте ваши привычные мерки. Если вы чем-нибудь недовольны — вы собираетесь, сто, тысяча человек, и идете на улицу, а мы у себя дома — собираемся по два человека и боимся говорить под потолками. Мы пишем друг другу на бумажке, показываем и уничтожаем. И так — во всех коммунистических странах. Уже давно никто не принимает коммунизм душой. Даже коммунистические вожди сегодня думают только о своем благополучии, а вовсе не о коммунизме. Коммунизм должен быть живым только в тот момент, когда он прыгает на спину, и во времена Ленина он был таким. Он схватил страну, — а дальше он может держать своей хваткой, даже будучи мертвым. Это метафизическое существование. Вожди коммунизма не нуждаются лично в том, чтобы захватывать Анголу, Никарагуа или Южный Йемен. Но они действуют под влиянием этой страшной силы, и если нужно — они нажмут кнопки ракет, и если нужно — пошлют танки, и солдаты пойдут, — не потому, что они за коммунизм, а потому, что у них нет выхода. Вы просто не понимаете природы коммунизма. Во время венгерского восстания в Будапеште были случаи, когда советские солдаты отказывались стрелять в народ, стрелять в венгров, — и были тут же расстреляны своим начальством. Они отдали жизнь, а сегодняшние молодые американцы, которых призвали — не в армию, нет, только записываться, регистрироваться, на случай, если когда-нибудь их позовут, — они во множестве не идут. Сравните, сравните пожалуйста два уровня души.

Вопрос: Считаете ли вы, что русский народ жаждет религии и духовного знания больше, чем западные народы?

Ответ: Я посвятил этому свою речь в Гилдхолле несколько дней назад. Поэтому я не буду сейчас отвечать подробно. Но смысл в том, что когда все открыто, все свободно и не нужно никакого душевного усилия для того, чтобы отстаивать свою веру, — она, по человеческой природе, начинает поддаваться эрозии. У нас в стране 65 лет коммунизм не имел другой более важной цели, чем уничтожить религию. Страшным давлением он раздавил миллионы людей, вместе с их верой и с их жизнью. Но у тех, кто выдержал это нечеловеческое давление, — у тех развилось острое влечение к вере, такое, какого на Западе сегодня действительно нет.

Вопрос: В истории всегда бывали очень сильные вожди и агрессивно настроенные государства, которые долгими периодами держали под своей властью много народов, подобно нынешнему Советскому Союзу. Что такого особенно угрожающего вы находите в коммунистической власти?

Ответ: Вы знаете евангельское изречение: "отдай Кесарю кесарево, а Богу Богово"? Все предыдущие тирании, существовавшие до коммунизма, требовали только кесарево, — коммунизм впервые требует отдать ему не только кесарево, но и Божье. Коммунизму не достаточно, чтобы человек работал на него всю жизнь и умер, он должен прежде всего отдать душу, он должен как попугай повторять пропаганду коммунистическую, до тех пор, пока у него не останется ни собственных мыслей, ни собственных чувств. Такова цель коммунизма. Если вы будете искать для него каких-нибудь аналогий в прошлом — вы ошибетесь. Коммунизм — это начало большой эры в жизни человечества. Очень может быть, что коммунизм еще настолько распространится по земле, что захватит и Англию. Тогда вы легко поймете на собственном опыте. Но я не желаю вам этого. Как ни трудно для человека, но надо стараться понимать и учиться на чужом опыте.

Вопрос: Сэр, разве недавнее внушительное голосование за политику канцлера Коля в Западной Германии, и решительность его самого поставить ракеты в Европе — не показывают новое осознание коммунистической угрозы Западной Европой?

Ответ: Конечно, постепенно, за эти 65 лет у какого-то числа общественных и политических деятелей проясняется сознание остроты опасности. Конечно, канцлера Коля не сравнишь с канцлером Брандтом. Канцлер Брандт просто развалил всю позицию Западной Германии и как только мог укрепил Восточную Германию. Но одного

сознания у отдельных политических деятелей мало для поворота Запада. Только тогда будет Запад как целое являть собой силу, когда сознание опасности, и воля, и решимость жертвовать, если нужно, жертвовать и жизнью, — овладеют обществом. А что сегодня мы видим в той же Западной Германии или Англии? Вот эти недавние демонстрации антивоенные, якобы антиядерные. Конечно, каждый разумный человек ненавидит атомное оружие. Но если заглянуть вглубь, если бы участники этих демонстраций ответили честно — они должны были бы признать, что они демонстрируют против всякой борьбы. Они вообще не хотят сопротивляться, никак.

Вопрос: Итак, господин Солженицын, что нам на Западе делать, сражаться с Советским Союзом ядерным оружием, которое уничтожает, или словами, которых советские не слышат?

Ответ: Если бы, если бы Запад мог сражаться словами! Советский Союз при любой разрядке продолжает идеологическую войну, так и объявляет вслух. Ни одной минуты, никогда советские руководители не отказывались от идеологической войны. Все их ложные идеи имеют обманную одежду, и они проталкивают их все 65 лет с нечеловеческой настойчивостью. На Западе часто говорят: "Мы нисколько не боимся идеологической войны, наши идеи выше, и мы победим!" Но вы не умеете мобилизовать ваших идей. Вы не умеете настаивать на истине, никогда ни в чем не уверены. Вы должны постоянно услуживать плюрализму. Вы должны представить "фифти-фифти" по каждому вопросу. Невозможность признать, что существует в мире определенное Добро и определенное Зло, даже стыдливость произносить эти слова — делает Запад не способным противопоставить словесную войну Востоку. Ярлык "холодная война" приклеили коммунисты. Никогда никакой холодной войны Запад не вел, потому что он не в состоянии. Потому что каждый, кто выразит идею слишком ясно, слишком прямо, слишком отчетливо, — сейчас же будет одернут со всех сторон: "уберитесь! замолчите! это испортит отношения". И потом не забывайте, что защищать демократию словесно — гораздо легче было 200 лет назад. Тогда демократия стояла на высоком уровне личной ответственности. Все держалось на том, что люди знали себе границы, знали свою ответственность перед Богом. А теперь Бог затмился, мы от него отвернулись. О своих обязанностях мы забыли. Только повсюду слышно: "мои права", "наши права". Один американский журнал напечатал подробную инструкцию, как изготавливать ядерную бомбу. Его пытались остановить государство — нет, "по конституции я имею право". Изобретают отвратительные фильмы об Иисусе Христе, — это

не запрещается, и у людей, которые производят и демонстрируют эту мерзость, нет границ, чтобы самим остановиться. И когда вы говорите Востоку, что у вас свобода, — вам отвечают: да! свобода порнографии, свобода распущенности, свобода для богатых. Что вы можете на это ответить? Вы потеряли сердце демократии, вот почему у вас нет ясного словесного ответа коммунизму. А коммунизм лжет блестяще, он толкает на вас легионы лжи. Таково положение в словесной войне.

Вопрос: В Гилдхолле, и вот сейчас, — вы сказали, что причина мировых проблем в том, что человек забыл Бога. Но разве не правда, что в прошлом организованная религия, с ее указанием на вину и грех, — была такой же силой для гонения, как коммунизм сейчас?

Ответ: Такой же как коммунизм — нет, никогда. Но что церкви делали ужасающие ошибки — несомненно. Однако, посмотрите и на свою собственную жизнь. Может быть, вы еще молоды, чтобы заметить многие свои ошибки. Когда вы доживете до пятидесяти, шестидесяти лет, вы возьметесь за голову: сколько вы наделали ошибок. Почти вся жизнь состоит из ошибок. То же самое относится к человечеству. Человечество еще не исчерпало свой исторический путь. Я думаю, что пройденное нами — короче того, что нам предстоит. Мы должны были удариться то в одну стенку, то в другую, то в инквизицию, то в полную свободу Возрождения и Просвещения. Вы сейчас попрекаете все церкви справедливо — за расколы, за войны, за ненависть. А что, за 200 лет после Просвещения — сделано ошибок меньше на Земле? А разве колонизация произошла не после Просвещения? Каким же образом просвещенные люди взялись покорять другие народы, владеть ими для своего обогащения? А потом бросить их в такой поспешности, что они не могут на ноги встать?

Да, вера в Бога — это самое, может быть, трудное и высокое, что есть перед человеком и перед человечеством. И надо пройти очень тяжелый путь, пока наконец вы почувствуете, что этот источник есть свет и помощь. Там, под тоталитаризмом, на самом дне Архипелага Гулага, который мне вам трудно передать вне пределов моей книги, — там самыми стойкими, свободными людьми были те, кто сохраняли веру в Бога. Она проверена при тысячекратных напряжениях и нагрузках. Конечно, человечество еще будет ошибаться, потому что задача, поставленная перед нами, — на пределе наших душевных и умственных сил.

Вопрос: Думаете ли вы, что Великобритания или другие страны Западной Европы могут играть какую-то роль в борьбе против

коммунизма, или должны только помогать Соединенным Штатам Америки? Разве это не потеря свободы самой в себе?

Ответ: У коммунизма, при всей невероятной силе, есть духовная слабость. Коммунизм отступает перед несокрушимой волей даже одного человека. Когда человек решает стоять до конца, не дорожа более своей жизнью, коммунизм ничего не может с ним сделать, потому, что убить его — не значит победить. И когда сейчас православный священник отец Глеб Якунин сидит полгода в каменной коробке, без постели, без печки, стены покрыты инеем, не получает горячего, а вот такой кусочек очень плохого хлеба в день, и говорит: "отдайте мне Евангелие", — перед таким человеком коммунизм отступает. История коммунизма показывает ряд таких примеров. Надо только действительно решить, что вы становитесь не в позу, вы становитесь на жертву.

Перенося это на Британию, я бы сказал, что не только без Соединенных Штатов, но даже без всей Европы Британия сама может утратить коммунизм, если она действительно сольется в желании стоять насмерть. И даже было бы очень вредно для вас слишком полагаться на американскую помощь. Америка имеет десятки обязательств по всему миру. У нее нет большой армии. Ее может не хватить на все места. Если вы будете ждать, что Америка придет вас спасать, вы можете жестоко просчитаться. Не потому что она не захочет, а потому что у нее сил не хватит. Сопротивление злу должно расти в каждом сердце, в каждом человеке, в отдельной маленькой группе людей, и в такой стране, как Британия.

Вопрос: Можно ли эффективно использовать религию и искусство против коммунизма? Разве нет более сильных средств, чем политика и оружие уничтожения?

Ответ: Сам коммунизм отвечает на это ясно. Религию он считает своим главным врагом. Если вы когда-нибудь познакомитесь более внимательно с Марксом или Лениным, на что, впрочем, я вам не советую тратить время, — вы увидите, что главный винт Маркса и Ленина это ненависть к Богу. А что касается искусства — коммунизм никогда не выпускает его из-под своих рук и неусыпного наблюдения. Можно даже поразиться, сколько сил, сколько средств коммунизм тратит для того, чтобы запрячь искусство в свою упряжку. Я сам присутствовал на двух встречах, когда в Кремль собирали по 300, по 400 ведущих деятелей искусства. Сидел весь состав Политбюро, 10 человек, сидели главные министры, Косыгин скучал, просто клевал носом, не знал, как оттуда выбраться. Но так это было для партии важно, так это было важно, что они нас держали

полных три дня в непрерывном втолакивании, какое должно быть искусство. Не удержусь рассказать вам один смешной случай. Хрущев громил живопись, не такая живопись. Позади подиума за ними была дверь, и будущему великому Брежневу Хрущев приказал: "А ну, принеси картину". И этот грузный Брежнев, еще никто не знал, что он станет такой великий, побежал вот так на цыпочках за картиной и принес, поставил перед нами.

Религии и искусства коммунизм чрезвычайно опасается. Но лишь до тех пор, пока искусство, литература выражают человеческое страдание и духовный поиск. Если же художник воображает богом самого себя, если искусство совершается как свободная забава художника, или даже выход его раздражению и ненависти, — такое искусство, на Востоке или на Западе, опасно для его потребителей, а не для коммунизма.

ТЕЛЕИНТЕРВЬЮ КОМПАНИИ Би-Би-Си

Интервьюер — Малькольм Магэридж

Лондон, 16 мая 1983

Магэридж: Когда были опубликованы ваши три книги о Гулаге, они произвели огромное впечатление на общественность. Но мне кажется, большинство людей считает, что Гулаг отошел в прошлое, конечно с этим. По-моему, вовсе не кончено, и то, что происходило раньше, происходит и сейчас. В конце концов, глава Госбезопасности даже стал теперь главой государства.

Солженицын: У нас в Советском Союзе книга об Архипелаге Гулаге воспринимается как книга о сегодняшнем дне. Был момент в нашей истории, когда казалось, что, может быть, Архипелаг Гулаг начнет исчезать. И то — момент этот был очень короткий и обманчивый. Архипелаг Гулаг продолжается в сегодняшнем Советском Союзе. В смысле жестокости он не изменился. Перешел в другие формы жестокости. А вот в смысле объема — Архипелаг все же уменьшился. Если раньше Архипелаг Гулаг доходил, бывало, до 15-20 миллионов одновременно, то сейчас, например, по оценкам Государственного Департамента Соединенных Штатов, он составляет 4 миллиона, а по данным эмигрантских организаций, которые рассчитывают количество лагерных пунктов, население Архипелага — между 5 и 6 миллионами. Что дало возможность снизить число жителей Архипелага? Не добросердечие руководителей СССР, но то, что Сталин в свое время взял огромный запас ужаса, он уничтожал людей далеко за пределами того, что ему нужно было практически. И это создало инерцию ужаса, так что теперь достаточно небольшого давления, которое сразу дает значительный эффект в людском ощущении. Еще некоторое время инерция эта будет продолжаться.

М.: Верно ли, что та неоплачиваемая рабочая сила, которую используют советские власти в Гулаге, является для них необходимой?

С.: Она всегда была необходима, и сегодня такова, но особенно в таких местах и на таких работах, на которые почти невозможно нанять никого. Ну например, всякая работа с радиоактивными веществами, где не применяют никакой защиты организма. Во многих местах и добыча радиоактивных веществ, и очистка, например, радиоактивных частей подводных лодок, проводится с помощью

труда заключенных, которые умирают за несколько месяцев. В таких случаях организовано так, что охрана, привезя заключенных, уходит за защитные бетонные стены, или отъезжает на расстояние.

М.: Можно ли себе представить, что эта страшная вещь, это гулаговское насилие, могло бы быть изъято из советской жизни?

С.: Видите, не один Гулаг выражает всю насильственную природу коммунистического тоталитаризма. Это только крайняя степень его насилия. Но существует целая градация насилий. Ваш вопрос следует так понять: возможен ли коммунистический тоталитаризм без насилия? Ни одного дня.

М.: И в Советском Союзе и в Соединенных Штатах Америки — огромные массы атомного оружия. Возможно ли себе представить, что не дойдет до ядерного конфликта?

С.: Я почему-то даже уверен, что ядерной войны не будет. Тут могут быть разные комбинации и обоснования, почему не произойдет это в одном, в другом, в третьем варианте. Если бы Запад после 1945 не сделал бы ядерный зонтик своей главной опорой, если бы Запад после 45-го года не распустил всю свою оборону, и военн-обязанных, но сохранял бы обыкновенную, человеческую силу, то сегодня вообще не стояла бы опасность ядерной войны. Я не буду перебирать всех возможных вариантов, но один укажу — очень мрачный. Вариант, который подводит итог десятилетиям уступок и капитуляций. Одна из возможностей, почему не будет ядерной войны: Запад упустил ядерное равновесие, и упустил равновесие в обычных силах, и слабо подготовлен к разложению изнутри, — так что для коммунистических правителей остается много путей и без ядерной войны.

М.: Я старый журналист, я уже больше пятидесяти лет работаю журналистом. И ко мне часто обращаются с вопросом: какое событие является самым значительным в наше время? И я отвечаю, что самое значительное, что произошло за те пятьдесят лет, что я пишу, — это возрождение христианской веры, и именно в том месте, где можно было считать ее угасшей. Можно ли сказать, что усилия коммунистической власти раздавить, уничтожить всякую веру — фактически потерпели крах?

С.: За прошедшие пять-шесть десятилетий мы видим во многих направлениях и во многих местах земли — только победы и победы коммунизма. Правда, победы никогда не в пользу людей, не оздоравливающие, не экономические, а победы чисто военного характера. Сигнал к наступлению на христианство дали Ленин и Троцкий, в самом начале своего господства. С тех пор прошло шестьдесят лет. Брошены

были все силы чекистского аппарата, политической тайной полиции, уничтожались миллионы крестьян, носителей религии. Истрачены миллионы часов пропаганды на то, чтобы выжечь религию из сознания, не допустить к ней детей. И тем не менее мы видим сегодня, что в нашей стране коммунизм не победил христианства. Христианство потерпело большой упадок, но сейчас действительно стало усиливаться и укрепляться. И это самый обнадеживающий знак, который относится не только к нашей стране, но ко всему миру. Пока мы не видим конца военным победам коммунизма, такое впечатление, что тень коммунизма все больше и больше наползает на землю. Я сравнил бы это с солнечным затмением, только при солнечном затмении затемняется небольшая часть земли, а от коммунизма затмилось уже полземли, а может будет три четверти. Но именно потому, что коммунизм показал уже свою слабость уничтожить христианство, мы можем надеяться, что эта тень будет постепенно с земли сходить, и может быть даже раньше будет очищать те страны, которые она раньше покрывала тенью.

М.: Я вспоминаю сейчас, как два-три года назад я был в Советском Союзе, по поводу столетия со дня смерти Достоевского. И в связи с этим я перечитал его Пушкинскую речь. И вот я оказался на московской улице, и цитировал слова, по-английски, конечно, из Пушкинской речи Достоевского — о том, что Дух Христов восторжествует против всех врагов его, именно в России.

С.: Поразительно, что Достоевский это видел за сто лет вперед.

М.: И не только это. Именно Достоевский почувял, что все произойдет из беса либерализма.

С.: Мы с вами можем видеть то, что уже стало зримым во многих местах Земли. Но как он увидел то, что еще только зарождалось, и чего еще не было нигде на Земле? Наблюдая современность, мы то и дело возвращаемся к Достоевскому и поражаемся его предвидениям.

М.: Я не могу не согласиться. А ведь все знают, что Достоевский в СССР был в опале, его нельзя было читать.

С.: О, еще как! Его в мое время совершенно не было в школе. Среди писателей такого имени не было.

М.: Но теперь они его снова восстановили, и меня поражает эта совершенно феноменальная идеологическая акробатика. Теперь нас стараются уверить, что Достоевский каким-то таинственным образом продолжает идеологию Маркса; и будто бы Ленин его хвалил.

С.: Нет пределов акробатике марксизма. Не только Достоевского они записали уже в свои единомышленники, но, уничтожая

христианство, они готовы и Иисуса Христа записать себе. В СССР совершенно серьезно доказывается в атеистической и политической литературе, что именно лучшее, что есть в христианстве, — христианство осуществить не может, а наследует и практикует марксизм.

М.: В Восточной Германии праздновали 500-летие Лютера. И при этом утверждали, что именно Лютер начал дело Ленина.

С.: Но я больше вам скажу: дело не ограничивается только коммунистическими странами, но этот фокус, это мошенничество распространяется на весь мир, потому что социалисты то и дело приписывают себе христианские доблести. Социализм на самом деле совершенно противоположен христианству. Христианство основано только на доброй воле, а социализм основан только на насилии, хотя бы и мягком. Но тем не менее социализм себя все время примазывает к христианству и использует его.

М.: Я хочу задать личный вопрос: вы надеетесь когда-нибудь вернуться в Россию?

С.: Знаете, странным образом, я не только надеюсь, я внутренне в этом убежден. Я просто живу в этом ощущении: что обязательно я вернусь при жизни. При этом я имею в виду физическое возвращение живым человеком, а не книгами, книги-то конечно вернутся. Это противоречит всяким разумным рассуждениям, я не могу сказать: по каким-таким объективным причинам это может быть, раз я уже не молодой человек. Но ведь и часто история идет до такой степени неожиданно, что мы самых простых вещей не можем предвидеть.

М.: Ото всей души надеюсь, что это исполнится. Меня уже скоро не будет, но если я смогу откуда-то наблюдать, я буду радоваться без конца.

Дорогой господин Солженицын, вы уже давно на Западе живете, вы нам сказали, как вы рассматриваете положение в мире, и в основном я вполне согласен с вами. Считаете ли вы, что Западу суждено быть захваченным военной силой коммунизма? Или поддаться полному разложению христианской цивилизации?

С.: И та и другая угроза сейчас очень высоки. Прямое наступление коммунизма на Запад весьма возможно. А может быть, Западу будет дано развиваться в себе еще какое-то количество десятилетий. Но если Запад не найдет в себе духовных сил, не возвысится духовно, — да, христианская цивилизация развалится. Последние два-три столетия все идет в этом направлении. Мы теми же самыми именами называем европейские страны — Англия, Франция, Германия, мы так же называем общественный строй — демократия. На самом деле

за эти два-три столетия неузнаваемо переменялись и Англия, Франция, Германия, и демократии Англии, Франции, Соединенных Штатов. Демократия, как она создавалась, была — перед лицом Бога. И все основание равенства было — равенство перед Богом. Но люди стали образ Бога отодвигать, и смысл той самой демократии стал странным. Требуется равенство от совсем неравных, и даже наоборот: с большой выгодой для самых посредственных. Ответственность перед Богом теперь исчезла, осталась только ответственность перед законом. Но демократические государства имеют очень слабые институты самозащиты, — и, лишившись ответственности, мы стали совершенно свободно разрушать сами себя и общественную жизнь.

М.: Вы об этом уже говорили в вашей замечательной Темплтоновской речи, на прошлой неделе. Считаете ли вы, что положение безнадежно?

С.: Положение, Божьей волей, никогда не безнадежно для нас. Мы в СССР, кажется, потеряли уже все — и то еще наше положение не безнадежно. Я совсем не думаю, что человеческая история при конце. Масштабы, которыми мы пользуемся, очень коротки. Вся эта эпоха — ослабления христианской цивилизации, и коммунизма, пришедшего в мир, и ушедшего из него, — все это будет измеряться какими-то отрезками времени, а История будет продолжаться. Просто на тот урок, который должно усвоить, мы, человечество, требуем много столетий. Мы слишком непонятливы.

М.: Вы столь многое делаете, что мне так интересно. Но самой важной мне кажется ваша попытка "вернуть России ее историю", то, что вы говорите от имени и за тех, которые умерли в Гулаге.

С.: Я как писатель, действительно, поставлен в положение говорить за умерших, но не только в Гулаге, а за умерших в русской революции. Я 47 лет работаю над книгой о революции, но в ходе работы над ней обнаружил, что русский 1917 год был стремительным, как бы сжатым, очерком мировой истории XX века. То есть буквально: восемь месяцев, которые прошли от февраля до октября 1917 в России, тогда бешено прокрученные, — затем медленно повторяются всем миром в течении всего столетия. И хотя я не ставил себе целью послужить миру для объяснения Двадцатого века, моя задача была только вернуть России ее память, — в последние годы, когда я уже кончил несколько томов, я с удивлением вижу, что я каким-то косвенным образом писал также и историю Двадцатого века.

М.: Замечательно. Я впервые попал в Россию молодым журналистом, в 32-м, 33-м году. Это было сталинское время, и слово,

сказанное против Сталина, было смертельно. Все поклонялись ему, совершенно одинаково, включая и многих выдающихся западных писателей, которые говорили: "Какой замечательный человек!!" Потом пришла речь Хрущева на 20-м съезде, и все памятники были сняты. Как вы думаете, его когда-нибудь восстановят?

С.: Думаю, нет такой необходимости. Например, Андропов сейчас делает шаги, в общем, слабо повторяя сталинские шаги. Но им достаточны для образца такие манекены, такие постоянные куклы, которых они имеют в лице Ленина и Маркса. Если будет слишком много вождей в промежутке, тогда падает роль очередного вождя. Хватит им Ленина.

М.: Но если взять простой русский народ, вот было понятие Сталина как великого вождя, и потом вдруг в один прекрасный день он — не великий человек, не великий вождь. Какая может быть реакция? Подрывает ли это доверие? Если великий человек — больше не великий человек, это же самое можно отнести к его наследнику?

С.: Я должен сказать, что здесь история для Запада представлена неверно. В Архипелаге Гулаге я рассказываю несколько случаев, а знаю их десятки, когда простые люди относились к Сталину с насмешкой и полным непочтением, именно в 30-е годы. Это было именно в деревне, самые неграмотные, и вообще низшие слои общества. И для них развенчание Сталина не было никаким потрясением. Они спокойно выбросили из красного уголка, из официального места, портрет Сталина, и повесили Маленкова. Потрясением это было для коммунистической элиты, для верхов советской интеллигенции и для западного передового общества, которое верило в Сталина. Откуда и родилось это представление, что 20-й съезд "открыл глаза". Он открыл глаза только тем, кто хотел быть обманутым. У нас в лагерях шапки бросали вверх, когда слышали, что Сталин умер. А кто плакал? — плакали комсомолки по 14-ти, 15-ти лет.

М.: Меня всегда очень интересовал самиздат. Ваши книги ходят в самиздате?

С.: Тут есть различие. Самиздатом мы называем то, что перепечатают или переписывают вручную и распространяют люди, живущие в Советском Союзе. Всякого рода общественные заявления и сегодня появляются в самиздате, и расходятся. И более серьезные исследовательские работы, особенно религиозного и философского характера. Художественные произведения в 60-е годы тоже распространялись довольно живо, например, мои два романа, "В круге первом" и "Раковый корпус", ходили по рукам широко. Но когда,

скажем меня, стали издавать широко на Западе, и делают специально такие маленькие книжечки для России, то люди стали предпочитать каким-нибудь образом достать почитать типографскую книжечку. Это уже — не самиздат. К счастью, мои книги туда проникают. Каждая книжка находит себе много читателей, из рук в руки переходит. Когда у кого-нибудь обыск, мои книги отбирают. Для нас с женой это наша главная цель: чтобы мои книги попадали в Россию, и чтобы читали именно там, мы больше всего к этому стремимся.

М.: Хорошо это знать. Последний вопрос: вы живете в Америке, реализовалась ли у вас "американская мечта"?

С.: У меня никогда не было ее, "американской мечты". Но что удалось мне в Америке осуществить, это впервые такой образ жизни, когда вся жизнь есть работа. В Советском Союзе я никогда не мог, во-первых, заниматься только литературой, я должен был все время зарабатывать себе на жизнь, чем-нибудь другим. Во-вторых, я никогда не мог держать все свое написанное у себя дома, потому что каждую ночь или день можно было ожидать налета КГБ. И я держал у себя так мало рукописей, что когда мне нужно было сверить одну часть Архипелага с другой, я не мог этого сделать. И в-третьих, у меня почти не было доступа ни в одну библиотеку. Сперва я было имел такую возможность, членом союза советских писателей, а потом меня выгнали из союза писателей. Поэтому доставать книги мне было чрезвычайно трудно, а уж эмигрантские издания для нас там вообще закрыты. А вот теперь у меня пять, даже шесть столов, на которых лежат все мои рукописи, лежат десятки раскрытых книг, и моя жизнь проходит с раннего утра до позднего вечера в работе. Нет никаких исключений, отвлечений, отдыхов, поездок, — в этом смысле я действительно делаю то, для чего я был рожден. Но все это освещается только тем солнцем, что я надеюсь еще увидеть Россию, освободившуюся от коммунизма.

М.: Замечательно. Вы — для всех нас урок и поучение.

В порядке дискуссии

Зинаида ШАХОВСКАЯ

О "ЛИБЕРАЛАХ"

На опасные темы

Как подобает моему возрасту, работаю я сейчас над моими "посмертными мемуарами". Первые четыре тома моих воспоминаний, написанных на французском языке, охватывали период от 1910 до 1950 г., и вышли под общим названием "Таков мой век".* Надеюсь, что когда-нибудь они будут переведены на русский язык — несмотря на их "космополитичность", во всех четырех, а не только в двух первых томах, Россия и русские, иногда косвенно, но всегда присутствуют.

С тех пор мне пришлось быть свидетелем и многих других событий. О пребывании моем в Москве в 1956—1957 гг. тоже вышла книга,** переведенная с французского на многие языки, но не на русский. А последние пятнадцать лет прошли для меня в совсем неожиданной роли главного редактора "Русской Мысли", что и привело меня с начала семидесятых годов к не менее неожиданной встрече с бывшими советскими гражданами, главным образом с бывшей советской интеллигенцией. С их появлением на Западе, всегда темпераментно, выявилось их присутствие среди нас, ставших еще в детстве "гейматлоссами" (потерявшими отечество). О личных встречах с этими новыми эмигрантами я пишу в части моих воспоминаний, которые будут переданы в добавление к моей довольно обширной коллекции литературного, исторического материала, корреспонденции, документов и т. д., уже находящейся в США. Но, поскольку темы, которые многие из новых эмигрантов затрагивают в своих выступлениях и в печати настолько вызывающе, мне казалось, что было бы малодушно с моей стороны мое суждение о них отложить на "посмертное", когда я буду вне критик, порицаний, а может быть и угроз.

Кстати, я считаю, что совершенно ошибочно эмигрантов из СССР называть "третьей русской эмиграцией". Логично ее надо обозначать

* "Lumières et Ombres", II. "Une Manière de Vivre", III. "La Folle Clio", IV. "La Drôle de Paix". Presses de la Cité, Paris и Piper Verlag, München.

** "Ma Russie Habillée en URSS". Grasset, Paris. Piper Verlag, München. Putman, New-York. J. Cape, London, в Швеции, Голландии, Гонконге и т. д.

как "вторая советская". Единственная русская эмиграция была 20-х годов нашего столетия, поскольку все в ней находящиеся, к какой бы этнии они не принадлежали, будь они калмыки, русские евреи, армяне, выехали как русские граждане, и никогда советскими гражданами не были. Да и эмигрантами они не были. Они были беженцами, нансеновские бесправные паспорта называли их *réfugiés russes*. Большинство из них, до приблизительно 30-х годов, корней за границей не пускали, натурализаций не искали, все надеясь на возвращение в страну, из которой они были силой, огнем и мечом изгнаны.

Первая советская эмиграция 1945 года, такая же бесправная, и тоже спасающая свою жизнь, долго томлящаяся в лагерях "перемещенных лиц", имела с нашей нечто общее, это б е ж е н с т в о. К тому же всего четверть века отделяло ее, эту первую советскую волну, от русского прошлого; не все в ней было вытравлено сменой поколений. К тому же в ней почти не было людей, занимавших в Советском Союзе ответственные места, т. е. номенклатуры, людей, включенных в систему.

Вторая советская эмиграция 70-х годов была подлинной э м и г р а ц и е й. Выезжавшие не бежали, а получали право на выезд. Большинство из них требовали своего возвращения на свою историческую родину, что доказывало, что ни Россию, ни СССР они родиной не считали. По своей сущности она была национально или этнически ограничена, русских, которые смогли, благодаря содействию своих еврейских друзей, в нее включиться, было не так много. Кажется, один Амальрик, по непреклонности своего характера, хотя и не был русским патриотом, отказался от такого камуфляжа. Поименно можно перечислить тех русских, или признающих себя русскими (что одно и то же), которые, часто трагически, были высланы, и тех, у которых вынудили согласие на неофициальную высылку. Если часть новых советских эмигрантов выехала в Израиль, то другая осела на Западе, где и начала представлять собою именно русскую эмиграцию, внося этим путаницу в понятия не всегда тонко разбирающихся в русской и советской сложности западных специалистов.

Толчком к моей статье оказалась вышедшая по-английски в Америке в 1982 году книга А. Янова "Новая русская правая". Мне мало что известно об авторе: бывший партизанин, литературовед, этот представитель советской интеллигенции по-видимому видит "русскую правую" одновременно как сталинскую и фашистскую, и предостерегает Запад о возможности захвата власти в СССР именно этой партией.

Не знаю, имеются ли в СССР — возможно, что имеются — "крайние правые", но уверена, что поощрения они от правительства не получают, поскольку известно, что русские националисты переправляются в Гулаг, тем более, что ими на Западе мало кто интересуется, и за них манифестаций не устраивают.

Не принадлежа ни к какой партии, но прожив на Западе почти всю мою жизнь, я не совсем понимаю, почему для "либералов" типа Янова правые должны быть вне закона. В каждой свободной стране есть и правые и левые, прогрессисты и консерваторы, и только по коммунистической терминологии правые всегда фашисты. И в Израиле мы находим правых, левых, коммунистов, и даже фашистов (как рабби Майр Коган). Страна, где только одна партия имеет право управлять государством, называется диктатурой. А в сущности, если предположить, что консерваторы ошибаются в истории, то прогрессисты несомненно ошибаются в человеке, веря в совершенство человеческой природы, верят они и в светлое будущее человечества. Эта утопия, официальное кредо коммунистов, стоила уже много миллионов жертв, и была с необычайной силой осуждена Александром Зиновьевым, имеющим мужество и себя включить в *homo sovieticus*, и честно признающим, что знает он не русское, а только советское общество. Впрочем, это к слову, а так, невозможно причислить к таким утопистам эмигрантов из Советского Союза, потому что давно известно, что именно в СССР никто, от пионеров до высшую власть имущих, в светлое будущее не верит. Обычно принято все же, вопреки всем историческим опытам человечества, приравнивать утопистов к либералам, и, попав на Запад, где личина либерализма выгодна, некоторая часть новоприбывших советских интеллигентов самоопределила себя "либералами", хотя и их высказывания, и их поведение подлинному либерализму совершенно чужды. Также не либеральны и их печатные органы, например "Синтаксис", или недавно основанная "Трибуна".

Я не веду какой-то список таких неубедительных "либералов" в кавычках, но трудно их совсем не заметить, поскольку почти все они имеют некое коллективное лицо; Кронид Любарский, Э. Эткинд, Е. Клепикова, ее муж Вл. Соловьев, А. Синявский, Б. Шрагин, и др. Все они не только нетерпимы к инакомыслящим, но еще и объединены анти-русским расизмом. Не в коммунизме, а именно в России видят они опасность. Все их беспокоит, даже самое нормальное и все развивающееся стремление всех народов вернуться к своим истокам, найти свои корни должно быть, по их мнению, запрещено

русским. Но ведь иной исторической родины, кроме России, древней Руси, у них нет. Почему же не признать за ними право искать свое духовное и культурное историческое прошлое, в Союзе искаженное, и за границей оклеветанное?

И если есть у русских свой замысел о будущем России, то ведь имеется он у всех, больших и малых, народов. И если этот замысел не совпадает с замыслом, уготованным для них бывшими советскими "либералами" эмиграции, то может быть потому, что этот последний продиктован не симпатией к русскому народу, а болезненной ненавистью и страхом перед его освобождением.

Обеспокоены они и тем, что русские в Союзе продолжают быть верными православной вере и в ней видят краеугольный камень "Русского Возрождения". Православная церковь веками создавала Россию, она была ее учительницей и ее утешительницей, и, как и христианство вообще, очагом просвещения. Религия — движущая сила всякого народа. Мы видим это на примере Польши. Еще более разительный, потому что более длительный, пример юдаизма. Не будь активного, воинствующего юдаизма в странах еврейской диаспоры, давно не существовало бы нигде еврейского вопроса (но не было бы и Израильского государства). Евреи бы растворились в разных народах, и в частности в русском, который безо всякого предубеждения впитал в себя, и обогатил себя этим, другие народности, и не только европейские. Со времени основания Руси не существовало в ней *никогда расистских законов* о чистоте расы. Были религиозные препятствия для браков, существуют они и сейчас в странах, где религия неотделима от государства.

Легкомысленно также довольно распространенное проведение аналогии между русским прошлым и советской действительностью. Конечно, можно сравнить де Голля с Людовиком XIV, или Сталина с Иоанном Грозным, и объяснять все теперь в СССР происходящее "дурной наследственностью". Боюсь, что такой подход к сравнительной истории доказывает, если не партизанскую передержку фактов, то полное незнание каждодневной жизни русского общества до революции.

Начнем с того, что царская охранка была несравнимо хуже организована, чем ЧК, ГПУ, НКВД или КГБ. Террористы легко убивали генералов и губернаторов, министров, и даже царей.* Некоторые из

* Наше время доказывает, что терроризм процветает только в странах либерального режима ФРГ, Англии, Италии, Франции и в после-франковской Испании. При диктатурах он исчезает (в гитлеровской Германии и в СССР были только дворцовые перевороты и сведение счетов). Из этого можно заключить, что в России перед революцией был самый невыгодный из режимов: он только казался авторитарным.

них успешно убежали за границу, где их никто не убивал и не "умыкал" обратно. Характерна история молодой Климовой, одной из участниц покушения на Столыпина, при котором была ранена его дочь и убиты многочисленные просители, находившиеся на его даче. Климова была присуждена к смертной казни. Ей было всего 19 лет, и под давлением общественного мнения казнь была ей заменена пожизненной каторгой. Царская каторга не имела ничего общего с ГУЛАГом. Начальница тюрьмы так привязалась к Климовой, что устроила ей и ее сообщникам побег в Японию, и сама убежала с ними. Туда сразу же террористические организации доставили денег на дорогу беглецам в Швейцарию. В Швейцарии Климова родила двух дочерей. Одна из них захотела в 1937 г. вернуться в страну, освобожденную от "царского гнета". Попала она в ГУЛАГ, хотя ни на кого из советских сановников она и не думала покушаться, лагерное начальство не помогло ей оттуда бежать.

Хвалебных книг об охранниках никто не писал, площадей именем всяких Малют Скуратовых не называли, в СССР же все-народно почтены Дзержинский, Урицкий, Жданов и прочие.

Доносы? Талантливейший и независимый поэт Алексей К. Толстой, не любимый "мыслящей интеллигенцией" XIX века, написал "Сон советника Попова", обличая тех, "кто в страхе гадки", но не нашлось советского поэта, открыто решившего посмеяться над таким малопочтенным явлением. Фискальство и доносительство, несмотря на их бытование во всех странах мира, во всяком обществе и во всяком народе (люди, жившие в оккупированных гитлеровцами странах это знают) считались в старой России делом презренным. Начиная со школьной скамьи, во всех учебных заведениях России фискалам и доносчикам объявлялся бойкот — часто они принуждались к уходу, да и начальство к ним почтения не имело. Памятник Павлику Морозову был бы в России немыслим.

Несмотря на несправедливое ущемление гражданских прав евреев, их религиозное и специфически еврейское культурное наследие не преследовалось. Синагоги были открыты, существовали кошерные продукты, раввинские школы и школы идиш. Именно в России и развился, став из жаргона литературным языком, идиш. Наконец, не существовало в России и "отказников". Любой еврей мог беспрепятственно эмигрировать со всем своим имуществом куда хотел, с царским паспортом, в Палестину, Америку или в другие страны.

Не было случая, чтобы за границу бежали дипломаты, ученые, писатели, поэты, танцоры, музыканты, летчики, генералы. Бежали только политически — активные противники царского режима.

За всю историю России не было случая, чтобы целая армия перешла на сторону врага. Армия Самсонова была разгромлена, но не перешла.

Ни один русский дипломат не был выслан из страны, куда он был назначен, за шпионаж.

Цензура существовала, существовала она тогда и в странах Западной Европы, но все же, в стране, где теперь нельзя официально купить Библию, в начале века можно было приобрести "Капитал" Карла Маркса.

Новые "либералы" недовольны, что русские (конечно националисты, а не интернационалисты) считают, что марксизм не русская идеология. Они в этом видят изоляционизм и шовинизм. Тогда следует приписать к русским шовинистам и Раймона Арона, и Бернар-Анри Леви, и Андре Глюксмана. Но, на самом деле, это несерьезное обвинение имеет определенный подтекст — ностальгию по марксизму, не искаженному "тупым и бездарным русским народом". Чудесного обращения, о котором так часто пишет Владимир Волков в своих романах, с этими "либералами" не случилось. Им трудно оторваться от кумира, которому они верили, которому многие из них служили, а главное, на котором они были воспитаны. Подсознательное это чувство, или сознательное, но в котором признаться открыто им трудно, находит выход в утробной русофобии, иначе им бы пришлось осуждать и все другие народы, находящиеся в плену коммунизма, скажем Чехословакию, в которой "дурной исторической наследственности" не найдешь, и не прощать полякам их национализм.

К тому же явно опасность свободному миру идет от СССР, и поэтому тут на Западе может оказаться удобным и выгодным советскую политику представлять как русскую.

То, что я здесь пишу, относится, понятно, только к "либералам" в кавычках. Есть, к счастью, и подлинные. То, что они пишут, не пропаганда, а серьезный материал, даже если с их мнением можно и не соглашаться. Они не выдают себя за опекунов, учителей и обличителей русского народа.

К подлинным либералам принадлежит также христианский социалист Э. Левитин-Краснов, Россию любящий, себя из нее не исключаящий, и милующий тех, кто с ним не согласен. Пользуюсь случаем, чтобы дружески напомнить ему, что из четырех европейских диктатур нашего времени три поднялись на дрожжах социализма: коммунистическая в России, гитлеровская в Германии, фашистская в Италии; диктатура "справа" была только франкистская, хотя

Франко был не капиталистом и не испанским грандом, а сыном галицийских крестьян.

Особое место среди "либералов" занимает А. Синявский — и по таланту своему, и по сложной своей личности. К номенклатуре он не принадлежал, был в лагере, по-видимому в довольно благоприятных условиях, позволивших ему не прерывать литературную деятельность, и, вернувшись в Москву, можно предположить, был он там окружен культом личности, которому обычно подвержены вернувшиеся герои (это обычно опасно для всех героев, кроме тех, кто помнит, что героизм — состояние не более постоянное, чем счастье). Отношение его к Солженицыну показывает, что ему как-то тесно в одном мире с этим писателем.

Почему журнал Синявского (какая это удача для писателя — иметь свой собственный журнал) "Синтаксис" стал одним из голосов анти-русского хора? Отчасти, пожалуй, все же из-за того же "комплекса Солженицына". Во всяком случае, он не рупор либерализма. Розанов, влияние которого на Синявского неоспоримо, был противоречив в своих вечно изменяющихся суждениях. Синявский себе никогда не противоречит. Он твердо держит свой курс в политическом духе времени, что исключает, увы, гениальную непосредственность смысла и стиля Розанова.

Трудно предположить, чтобы такой знаток русской литературы не чувствовал бы привязанности или уважения к народу, ее создавшему.

Что-то всегда подзадаривает Синявского на провокационные выходки, к которым склонна и шаловливая Мария Розанова, со-редактор "Синтаксиса". Я, правда, сомневаюсь, что своего Пушкина он написал в таком развязном тоне только для того, чтобы рассердить "допотопных читателей", тех, которые не любят хлопать по плечу великих людей. Соглашусь, что это только дело вкуса и эпохи. Но, видимо, и в другую эпоху такое случалось. Призываю на помощь Розанова: "Универсально начитанный "товарищ", в демократической блузе, охватил Пушкина "как он есть", в шинели с бобровым воротником и французской шляпе, и понес, высоко подняв над головой (уважение) — как медведь Татьяну в известном сне. И сколько общего у медведя с Татьяной, столько же у теперешних комментаторов с Пушкиным".

Бойкие анти-русские статьи, не всегда талантливые, которые печатаются в "Синтаксисе", право, либеральностью не отзываются, там чаще всего в ы з о в, как у некоторых персонажей Достоевского. А вообще, "либералы" никак не могут простить Солженицына, как бы

кристаллизующего все, что им ненавистно, пусть идеализированную Россию (но уж так ли она у Солженицына идеализирована?), русский народ, его духовные, многое искупающие, искания, тем более, что Солженицын недосыгаем и что голос его трудно заглушить, хоть он и "не модерн".

"Либералы" оппозиция Солженицыну. Он их оскорбитель. Тут опять вспомним Розанова: "Нельзя оскорблять оппозицию и правды ее", и дальше: "В журнале Благосветлова писались "залихватские", "семинарские" статьи в духе: "Все расшибем", "Пушкин г...о" (удивительное совпадение прошлого с настоящим).

Но какую, собственно, цель преследуют и те, кто пишут, и те, которые издают статьи и книги, совсем не либерально ругающие огульно целый народ? Не надо преувеличивать их значение: в Западной Европе, во Франции обыватель интересуется больше личными и национальными проблемами, чем международной политикой. Политизированы в широком смысле слова только интеллектуальные крути, но они хорошо знакомы с русской культурой, и какое бы у них ни было отношение к советскому режиму, не будут их смешивать. То же самое в Англии, а в Западной Германии и подавно — грехи прошлого не располагают к презрению к "Остам". В США положение несколько иное, потому что там "обывателями", в силу обстоятельств, коммунизм ощущается как реальная, и даже единственная опасность, а воплощается он пока в том, что было Россией (Китай еще не в счет). И тут как раз масс-медии, направляющей обывательские настроения, следовало бы помнить, что, и дипломатически и политически, всякой свободной стране чрезвычайно глупо делать из какого-либо народа, тем более многомиллионного, своего потенциального врага.

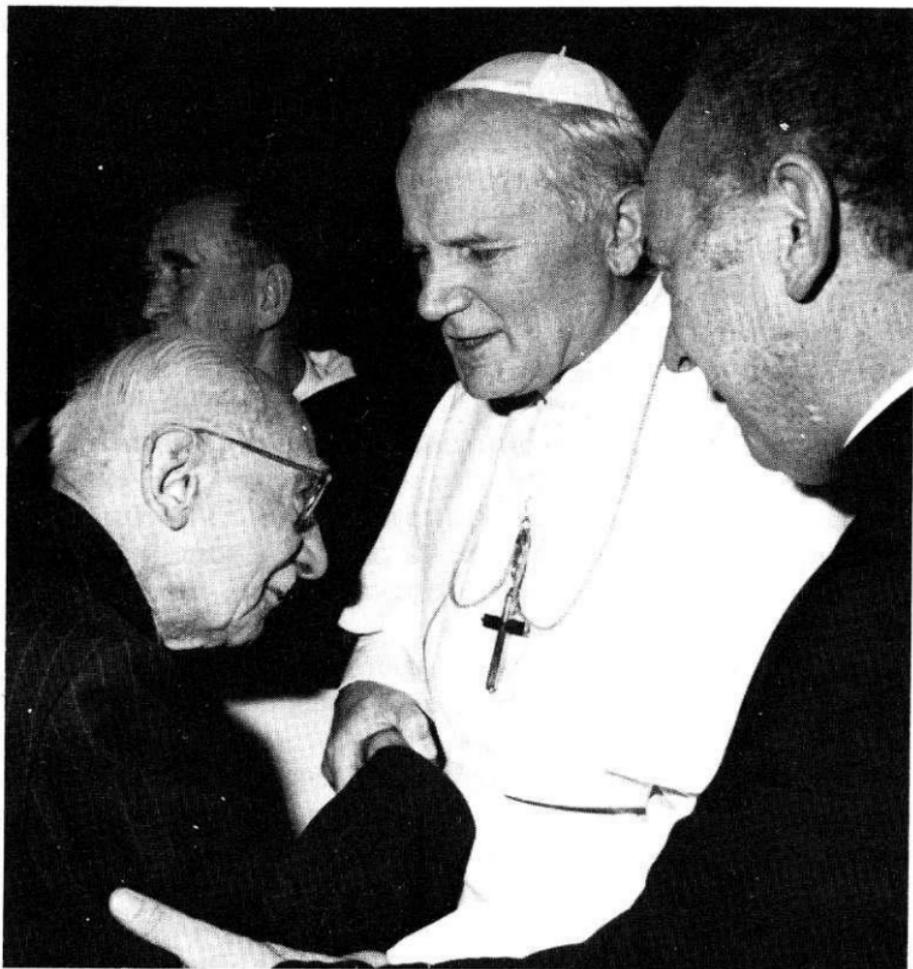
В 40-м году Великобритания, имеющая основания быть недовольной Францией, а позднее имеющая такие сложные отношения с де Голлем, в своих передачах на французском языке всегда очень старательно подчеркивала свое доверие к французскому народу.

Сталинский Советский Союз был непроницаем для сведений из внешнего мира, и сам Сталин, идиотски верящий в нерушимый советско-нацистский союз, старательно скрыл от граждан ост-политику фюрера. Будь "Майн Кампф" переведен на русский язык, вряд ли так много советских людей чаяли бы в Гитлере возможного своего освободителя от коммунистического гнета.

Так что не совсем понятно, чего добиваются кое-какие эмигранты "либералы" своей анти-русской акцией. Советский Союз больше не непроницаем. По радиопередачам, по книгам, по журналам на

русском языке и на иностранных языках, если не всем гражданам СССР, то во всяком случае многим известно, что происходит на Западе. Всякое действие вызывает противодействие, яновского типа книги как раз и могут у русских в Союзе пробудить те ультра-националистические чувства, которых, как будто, так боятся "либералы". Если эта акция кому-либо выгодна, то это советскому правительству: во-первых, она подтверждает его антисемитскую версию, что эмигранты-евреи враги не коммунистического режима, а именно русского народа, а во-вторых она дает ему возможность обезнадеживать русских ложными доказательствами, что друзей у них на Западе нет, что податься им некуда, что они действительно и з о л и р о в а н ы.

Париж, май 1983 г.

**П. Паскаль на приеме у папы Иоанна-Павла II
Рим, 3–7 ноября 1981 г.**

ПЕТР КАРЛОВИЧ ПАСКАЛЬ
(26.VII.1890—1.VII.1983)

Памяти учителя-друга

После почти двухлетней болезни, во время которой он не узнавал даже близких, 1 июля 1983 года, скончался 92-летний "патриарх" славяноведения во Франции, Петр Карлович Паскаль. Но как не к лицу ему, хотя и достигшему сверхбиблейского возраста, это слово "патриарх"! Вплоть до последней внезапной болезни Петр Карлович оставался поразительно бодр телом, молод духом, свеж и отзывчив душой! Время, казалось, не имело над ним власти... Да и слово "славяноведение" ему не подходит... Филолог-классик по образованию, он напал на русский язык случайно (в его лице, в 1903 г., открылся сверхобычный курс русского языка), позже, уже студентом "Эколь Нормаль Сьюпериер" стал ездить в Россию и постепенно был захвачен "русской темой" во всем ее многообразии. Во время I Мировой войны, после тяжелого ранения на франко-турецком фронте, Петр Карлович, в 1916 г., был послан во французскую миссию при могилевской Ставке. Это назначение определило его "русскую судьбу". В Ставке его застигла русская революция, которой он, на первых порах, отдался всей душой. Тут в его биографии мы наталкиваемся на ряд неразрешенных противоречий. Как объяснить, что истый католик (сын неверующих родителей, он обратился в христианство, будучи студентом, через чтение боссюэтовских проповедей) примкнул к революции, которая с первых октябрьских дней объявила себя воинственно-безбожной? Как понять, что закоренелый горожанин (он не отличал яблоню от дуба) воспринял революцию по-есенински, как некое всемирное преображение на крестьянский лад? Как сочетал он исконно-правые убеждения (первую свою работу он написал о консервативнейшем из мыслителей, Жозефе де Местре) с анархическими стремлениями, от которых никогда не отказывался? ("Ваш дед был "государственником", — любил он мне говорить, — а я государство не люблю"). В дореволюционной России его прельстили прежде всего — слабость на местах центральной власти, отсутствие социальных перегородок, прямая демократия

крестьянского "мира"... На наши недоумения относительно его прошлого, Петр Карлович отвечал обыкновенно добродушной усмешкой, или шуткой, не пытаясь post factum рационально примирить жизненные противоречия...

Как бы то ни было, но в 1917 г. Паскаль, из любви к революции, сделался "невозвращенцем"... Первые сомнения наступили скоро: в апреле 1918 г., "когда, заключив мир, насадив советы, Ленин уже не продолжал народной революции, а стал зачинщиком своей собственной".*

Окончательное разочарование вызвано было НЭП'ом, возвратом к старым порядкам, концом социальной романтики. Петр Карлович вернул свой партийный билет. Но вернуться во Францию ему, поставившему себя вне закона, удалось только через 12 лет, в 1933 г. Работая хлеба ради в Институте Маркса-Энгельса над бумагами французского социалиста Пекера, Паскаль случайно попал в библиотеке на "Житие протопопа Аввакума", дотоле бывшее ему неизвестным. Он увлекся этим "ревнителем благочестия" русского XVII века, напомиавшим ему французских преобразователей того же времени: Аббата Рансе, насельников Пор-Рояля. Изучив досконально источники, исколесив заволжские раскольничьи места, Петр Карлович дописал уже во Франции большой труд о протопопе Аввакуме и русском расколе. В этой работе сказалось своеобразие его таланта как историка: хотя книга написана по всем правилам докторской диссертации, со всей научной осначенностью и точностью, она читается с увлечением, как художественное произведение, почти как приключенческий роман! Так непосредственно свежо, так образно-красочно описаны бесконечные мытарства многострадального протопопа по России, по Сибири вплоть до подземельных тюрем, так живо воскрешены события, люди, обычаи, бытовые подробности, что читатель становится как бы современником-соучастником той, уже далекой, эпохи...

Защитив в 1938 г. диссертацию, Петр Карлович получил кафедру русского языка, сначала в Школе Восточных Языков, затем, с 1950 г. до отставки в 1960 г., в Сорбонне.

В профессорской деятельности Петр Карлович достиг того, что не удавалось его предшественникам: создать во Франции целую школу славистов, точнее "русистов". И получилось это у него как-то естественно, во всяком случае, непреднамеренно. Лекций, в смысле

* См. интервью П. К. Паскаля в "Вестнике РХД", № 132, стр. 253–263 (по случаю его 90-летия).

последовательных разработанных курсов, он не читал, а в основном комментировал тексты и преподавал перевод с русского на французский; но выбор текстов, скрупулезная методика, богатый побочный комментарий, исторический и стилистический, обаяние его личности превращали переводческие семинары-упражнения в настоящие праздники. С кафедры студенты слышали новый, по крайней мере для того времени, подход к царской России: не сухо-критический, а сочувственно-благожелательный. Все брошенные вскользь замечания клонили к тому, чтобы вызвать в слушателях не только интерес, но и любовь к дореволюционной жизни и культуре. В преподавании Паскаля не менее существенно было и то, что он не договаривал, но о чем предоставлял догадываться, максимально оберегая свободу слушателей. От этого к нему с одинаковым уважением относились и правые, и коммунисты, и верующие, и не верующие. О себе, о своем пути Паскаль на курсах не говорил, ему было органически чуждо всякое самолюбование.

Пожалуй, главной чертой Петра Карловича было столь редкое у людей (столь ценимое Пушкиным) чувство благоволения: в первую очередь к людям, но и шире, к истории, ко всему творению. Ученики становились со временем его друзьями. Происходило это как-то естественно, без особых усилий с обеих сторон. Петр Карлович на дружбу не напрашивался, он был совершенно счастлив в семейной, хотя и бездетной жизни, и даже после смерти жены, в 1963 г., казался, довольел самому себе. И тем не менее ученики с годами переходили в разряд друзей, несмотря на, казалось бы, непреодолимую разницу лет — в четыре, а то и больше, десятилетия.

Безусловно, стержнем его личности была его крепкая, неискоренимая, думаю даже неподвластная сомнению, вера в Христа-Богочеловека. (По некоторой ревности ко Христу, он, на мой взгляд, неосновательно упрекнул Достоевского, которого знал назубок и много переводил, в том, что он в Спасителе чтит больше человека, чем Бога.) О своих религиозных верованиях он говорить не любил, но они сквозили во всем: в его лучезарности, в его скромности, в его покорности воле Божьей. Законопослушный католик (даже в революционной молодости!), он тяжело переживал кризис 70-х годов, когда Римская церковь безоглядно отбросила не только латинский язык, но многие обряды, если не догматы. Петр Карлович даже усомнился — по примеру любезных его сердцу старообрядцев — не наступило ли апокалипсическое царство Духа, когда верующим не придется уже прибегать к посредничеству "отступившей" Церкви... (Подобным образом, в книге о расколе, он пришел к

ложному, на наш взгляд, выводу, что в России настоящей Церкви уже не оставалось.) В завещании он просил, чтобы его отпевали, если не по старому обряду, уже утерянному, то, по крайней мере, с пением древних латинских песнопений (что и было совершено в его приходской церкви св. Петра в Неи).

Мы неоднократно в статье употребляли слово "случайно": *случайно* Паскаль набрел на русскую стезю, *случайно* она превратилась в его русскую судьбу, *случайно* он открыл для себя Аввакума и т.д. Но, как ум глубоко религиозный, Паскаль знал, что "случай" всего лишь секуляризированное наименование Провидения. Он всегда чувствовал руку Провидения, и, в своих дневниках, найденных после смерти, от всего сердца благодарил Бога за долгую, счастливую и богатую жизнь.

Трудами своими (к книге об Аввакуме прибавим этюды о русской крестьянской культуре, о народной вере, о Достоевском), всем своим подходом к России, продолженным его учениками, Паскаль оставит долгий и глубокий след в познании Запада о России.

А в памяти сотрудников и друзей навсегда останется неизгладимый образ человека сокровенного сердца, ясного ума и редкой доброты.

Никита Струве

в день свв. Петра и Павла

Письма в Редакцию

По поводу выступления А. Солженицына в Японии

Уважаемый господин Редактор,

в 138-м выпуске "Вестника Русского Христианского Движения" опубликован текст беседы А. И. Солженицына с гг. Ясуока, Кимура, Симидзу, Кацуда и Моримото, организованной токийской газетой "Йомиури".

"...имеет ли какое-нибудь сравнение сегодняшняя ситуация с западниками XIX века и славянофилами? Существует ли сегодня в СССР противостояние между ними?" — так сформулировал г. Симидзу один из своих вопросов.

Свой ответ А. И. Солженицын посвятил критике взглядов Андрея Дмитриевича Сахарова.

"Сахаров считает, — сказал Солженицын, — что эмиграция является важнейшим правом человека. А я считаю, что это 35-е право человека. Мы лишены у себя в стране чистого воздуха, чистой воды, питательной пищи, возможности рожать детей — у нас падение рождаемости, нет возможности обрабатывать землю, и могу насчитать таких 34 права, а 35-е будет право эмиграции. Совершенно дикой была бы мысль предложить Японии от своей тесноты уйти тем, что уехать с этих островов навсегда".

Это замечание не кажется мне справедливым. Сахаров действительно писал о том, что считает право на эмиграцию одним из основных прав человека. Так же считали и авторы Всемирной Декларации Прав Человека, заявив в одной из ее статей о праве "покидать любую страну, включая свою собственную". Однако Декларация Прав Человека не есть рецепт решения всех национальных проблем. Так и Сахаров, по-видимому, не считает, что гарантия права покидать страну (и возвращаться в нее) решит все проблемы советского общества, хоть и указывал на утилитарное значение этого права (если из тюрьмы выпускать всех желающих, то и тюрьма перестанет быть тюрьмой).

Однако, справедлива ли, нет ли критика Солженицыным взглядов Сахарова — не это побудило меня обратиться к вашим читателям. Еще менее я желал бы вступать здесь в философский спор по поводу глубоких различий в позициях Сахарова и Солженицына. Имеют ли

права человека абсолютную ценность или только утилитарную, а потому, могут ли быть принесены в жертву злободневным общественным нуждам (например, борьбе с преступностью) или "высшим ценностям" (национальное возрождение)? Не здесь продолжать этот тысячелетний спор, да и позицию одного из оппонентов — Сахарова — трудно истолковать в терминах трансцендентальных ценностей.

Изложение А. И. Солженицыным взглядов А. Д. Сахарова — вот что требует публичного разъяснения.

"Сахаров считает, — сказал Солженицын, беседуя в Токио, — что надо в будущем России максимально копировать западную систему". Сахаров так не считает, или, по крайней мере, ничто из сказанного им публично за последние 15 лет не служит тому подтверждением.

"Далее, Сахаров верит до сегодняшнего дня в идею конвергенции, то есть, что западные и восточные системы постепенно превращаются друг в друга, и это мол хорошо". Это утверждение столь же отражает взгляды Сахарова, сколь фраза "На северо-востоке Советского Союза началось строительство отстойника русской нации" отражала бы взгляды Солженицына. Отмечу, что и сейчас ("Опасность термоядерной войны" *Foreign Affairs*, Summer 1983), как 15 лет тому назад, когда были опубликованы "Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе", Сахаров считает конвергенцию единственной, в конечном счете, альтернативой большой термоядерной войне.

"Далее, Сахаров считает, что экономика не должна быть в компетенции нации, но только межнациональная, и должно быть мировое правительство... Сахаров считает, что нация не должна вестись своей экономикой, экономика должна быть сквозной по земле, единой...". "Мировое правительство" вскользь упомянуто в двух ранних работах Сахарова ("Размышления..." 1968 г. и футурологическая статья "Мир через полвека" 1974 г.). В своей полемике с "Размышлениями...", опубликованной в 1973 г. (А. Солженицын "Статьи и речи" УМСА-Press), Солженицын уравнивал это сахаровское "мировое правительство" с авторитарной властью умственной элиты, без достаточных, на мой взгляд, к тому оснований. Обвинение Сахарова в мечтаниях о мировом господстве технократов стало также непременным пунктом анти-сахаровских кампаний в советской прессе.

Однако, обратимся к тексту. В главе "Размышлений..." "Основа надежды" Сахаров писал:

Рассмотрев в первой части этой работы развитие человечества по "худшему" варианту, который приводит его к гибели, мы

должны попытаться, хотя бы схематически, представить себе альтернативный, "лучший" вариант.*

... 4-й этап. Социалистическая конвергенция приводит к сглаживанию различий социальных структур, к развитию интеллектуальной свободы, науки и производительных сил, к созданию мирового правительства и сглаживанию национальных противоречий (1968—2000 гг.). ...

И далее:

... Об опасностях бездумно-бюрократического использования научно-технической революции в разобщенном мире я кратко писал в разделе "Опасности", но можно еще многое добавить. *(Такая революция возможна и безопасна лишь при очень "интеллектуальном", в широком смысле, общемировом руководстве.)*

Увы, ничего не сказано Сахаровым о функциях и полномочиях этого мирового правительства. Ничего не сказано и о том, что это мировое правительство узурпирует руководство экономической деятельностью. Напротив, можно предположить, что "сглаживание национальных противоречий" при существовании мирового правительства подразумевает суверенитет наций. (Любопытно отметить, что ни Европейский Парламент, ни Общий рынок, возможно прообразы мирового правительства, не ограничивают существенно экономическую жизнь европейских наций, по крайней мере в том, что не касается внешней торговли. Добавлю, что, коль скоро Солженицын, как и Сахаров, призывал к единству Запада перед лицом тоталитарной угрозы, можно надеяться, что он одобрительно относится к этим наднациональным институтам. Вообще же, что означает принцип национального суверенитета над экономикой в случае наций, практикующих свободное предпринимательство и либеральные импортно-экспортные законы — не вполне ясно. Вопрос достаточно серьезен, ибо как, если не методами государственного, "социалистического", планирования, следует нации управлять своей экономикой, как того хочет Солженицын?)

Если что и предписывает Сахаров мировому правительству, то это контроль за использованием плодов научно-технической революции. Мирового правительства нет, а возможно никогда и не будет, но этим контролем занимается множество международных, наднациональных

* Сознывая примитивность своей попытки в области "футурологии", требующей усилий очень многих специалистов, автор здесь, более, чем в других местах статьи, надеется на позитивную критику.

организаций. Занимаются многим — от распределения частот радиопередач до контроля торговли ураном. По ясным причинам они часто не эффективны, но их роль, как предсказывал Сахаров в 1968 году, растёт и будет расти. Потому что мир уже не может без них обойтись, потому что, например, Америка жжёт уголь, добывая электричество, и отравляет "кислотными дождями" не только Вермонт, но и соседнюю Канаду, на что канадское правительство горько жалуется.

Возвращаясь к теме моего письма: ни упоминая о "мировом правительстве", ни где-либо ещё Сахаров не говорил, что "экономика не должна быть в компетенции нации, но только межнациональная". Может ему и следовало бы это сказать. Но, вот, не сказал.

И, наконец, Сахаров не считает, "что наши проблемы, внутри Советского Союза, должны быть решены давлением иностранных правительств, парламентов и обществ".

Пожалуй чаще, чем о многом другом, говорил Сахаров о желательности внешнего давления на советские власти, чтоб принудить их с большим уважением относиться к правам своих граждан. Говорил о методах, стратегии и возможных результатах такого давления. Международная защита прав человека — Сахаровское кредо, со всеми, неприемлемыми для многих, импликациями.

Однако, нигде не сказал он, что одно только внешнее давление способно (или должно) гарантировать советским гражданам их неотъемлемые права или разрешить все проблемы советского общества.

В заключение я считаю уместным привести здесь небольшой отрывок из статьи Сахарова 1974 года. За давностью и краткостью этот отрывок не следует, пожалуй, рассматривать как полное изложение современных взглядов Сахарова на затронутые в нем проблемы. Однако, привлекательно здесь то, что Сахаров излагает в этом отрывке многие из своих взглядов, столь неудачно интерпретированных Солженицыным в Японии, и излагает их в полемике с самим Солженицыным.

... я глубоко убежден, в отличие от Солженицына, что нет ни одной важной ключевой проблемы, которая имеет решение в национальном масштабе. В частности, разоружение, которое так существенно для устранения опасности войны, очевидным образом возможно только параллельно во всех крупных державах на основе договоренности и доверия. То же самое относится к переходу на безвредную для сохранения среды технологию, которая неизбежно будет дороже, к вопросам ограничения

рождаемости и промышленного роста. Все эти проблемы упираются в межгосударственное соперничество и национальный эгоизм. ...

Обобщая сказанное, только в глобальном масштабе возможны разработка и осуществление стратегии развития человеческого общества на Земле, совместимое с продолжением существования человечества.

Наша страна не может жить в экономической и научно-технической изоляции, без мировой торговли, в том числе и без торговли природными богатствами страны, в отрыве от мирового научно-технического прогресса, который представляет собой не только опасность, но и одновременно и единственный реальный шанс спасения человечества. Это сближение с Западом должно носить именно характер первого этапа конвергенции (вопреки тому, что считает Солженицын) и сопровождаться демократическими сдвигами в СССР, частью добровольными, а частью вынужденными экономическим и политическим давлением извне. В частности, очень важно демократическое решение проблемы свободы выезда из СССР и возвращения русских, немцев, евреев, украинцев, литовцев, турок, армян и всех других, поскольку при наличии такого решения станет возможным сохранение и других антидемократических институтов в стране, возникнет необходимость приближения жизненных стандартов к западным, возникнут условия для свободного обмена людьми и идеями. ...

(А. Сахаров "О письме Александра Солженицына "Вождям Советского Союза". Опубликовано в сборнике произведений А. Сахарова "О стране и мире", "Хроника", Нью-Йорк, 1976).

Взгляды Сахарова могут вызвать, и вызывают, определенные возражения, и их ценность отнюдь не в претензии на абсолютную "правильность". Более того, сам Сахаров, со столь редкой для русской публицистики готовностью, признает спорность своих многих прогнозов и предложений. Однако, как и любой иной автор, он вправе рассчитывать на добросовестное изложение своих взглядов.

Ефрем Янкевич

Глубокоуважаемый Никита Алексеевич!

Мой ответ в "Йомиури" я не "посвятил критике взглядов" Андрея Дмитриевича (Янкелевич) — там лишь бегло сопоставлены наши взгляды, в чем-то наследственные тем, о которых меня спросили. На мой более существенный разбор ("Континент" №2, 1974) А.Д. ответил ("О стране и мире", стр. 34, 1975), что сегодня он не видит поводов для продолжения начатой им ("О письме вождям", 1974) со мной дискуссии, — а может быть прервал ее по обстановке, и он прав. Нынешнее письмо Е. Янкелевича, о котором я сожалею, дает ненужное публичное развитие темы, и обвинением в недобросовестности вынуждает меня к ответу. Я слишком уважаю Андрея Дмитриевича, чтобы не отнестись бережно к сути его взглядов или не упоминать их вовсе, и в то же время не могу продолжать спор при его нынешнем трагическом положении.

В 1969 подробную критику статьи Сахарова "Размышления о прогрессе" я представил ему, и только лично ему — без всякого оглашения и без самиздата ("На возврате дыхания и сознания", напечатана лишь через 5 лет). В "О стране и мире" он пишет (стр. 6): "Я и сейчас в главном не отошел от сформулированной тогда позиции". Его взгляды проходят последовательными стержнями через статьи и интервью разных лет и друг другу не противоречат. Среди них и пункты, сейчас оспариваемые Е. Янкелевичем (но скорее подтверждаемые его письмом).

1. Все предложения Сахарова для будущего нашей страны всегда состояли в следовании западному образцу — и мы не найдем ни одного места, где было бы высказано предложение или даже слабое предположение о допустимости своеобразного пути для нашей страны, гигантской как континент. И когда он говорит в самом общем виде: "Я считаю единственно благоприятным для любой страны демократический путь развития" ("О письме вождям") — то есть и для любой африканской, то, чтобы быть конкретным, он в прямой стык с этой фразой продолжает: "Существовавший в России веками рабский, холопский дух..." — и т.д., увы, известный набор.

2. "В главном не отошел" — а конвергенция и несла конструкцию "Размышлений". (Изобретенная на Западе наивная и странная идея: Запад наполовину осоциалистичить, это, впрочем, достижимо, а тоталитарный режим сделать наполовину демократией?) Тут возражение Янкелевича, видимо, произошло от грамматического недоразумения: я сказал, что Сахаров верит в и д е ю конвергенции, а дальше поясняю, что значит конвергенция. Не сказано: Сахаров верит, что

она реально происходит, это и все в мире видят, что не происходит.

3. О прогрессе — Янкелевич не возразил.

4. Так же писал Сахаров: "научное и демократическое *общемировое* регулирование экономики и всей общественной жизни" (например, "О письме вождям", курсив мой). Так что речь идет не только об экономике. В "Размышлениях" читаем мы, что и искусство должно регулироваться научно — это ли не опасная мысль? Такие мероприятия и невозможны без единого управляющего центра, и Сахаров в ряду с другими крупнейшими физиками нисколько не уклоняется от термина "мировое правительство", которое он и выводил из "социалистической конвергенции" ("Размышления", цитата, приводимая Янкелевичем). Какой бы характер носило это правительство — Янкелевич тоже цитирует нам: "очень интеллигентное... общемировое руководство", — с чем же он тут спорит? "Управление экономикой" совсем не значит социализм, сейчас на Западе управление экономикой — реальный феномен (и через правительства, и особенно через банковские объединения, и через монопольные концерны). Но управление экономикой страны *извне* до сих пор называлось колониализмом, и невозможно признать его благом, даже если оно осуществляется несоциалистическими межнациональными корпорациями. И одобряемый Сахаровым приток иностранных капиталов (ищущих, конечно, только своей выгоды) я считаю спорным благом. XX век показывает нам, что силы национального самосохранения повсюду усилились, хотим мы этого или нет, — и нельзя не учитывать их, оставаясь вне утопии.

5. Е. Янкелевич неаккуратно приписывает мне такое представление о мысли Сахарова: "что *одно* только внешнее давление способно... разрешить *все* проблемы советского общества". "Одно" и "все" — таких слов у меня нет, Янкелевич поддался движению усилить выразительность своих доводов. Но об "экономическом и политическом давлении извне" Сахаров говорил не раз, и не раз же по конкретным поводам призывал к такому давлению то общественные западные силы (куда, по контексту, войдут и финансовые круги, "кредитная приманка"), то парламенты, а то и правительства. Но строже того: когда я обратился к внутренним силам нашей страны не с революционным, а всего лишь с моральным призывом "жить не по лжи" как способу изменить внутреннюю обстановку, А.Д. осудил меня: "Нельзя призывать наших людей, нашу молодежь к жертвам; люди в нашей стране тотально зависимы от государства и оно проглотит каждого" ("О стране и мире", стр. 34). Но запрещая даже такой умеренный способ внутреннего

противодействия — Сахаров и исключает всякие внутренние пути освобождения.

6. О праве же на эмиграцию А. Д. высказывался чаще и настойчивей, чем о чем-либо другом. И называл его не только важнейшим из прав человека, имеющим "первостепенное международное значение" ("О стране и мире", стр. 39), и писал о нем четырежды в Конгресс США (там же), но называл "ключевой проблемой" ("О стране и мире", стр. 75) — то есть, значит, *решающей* (вопреки трактовке Янкелевича) другие проблемы (чего мы никак не видим по множеству стран, где свобода выезда не ограничена). И даже при построении этой программной книги Сахаров поставил раздел "О свободе выбора страны проживания" — раньше "Проблем разоружения", которым А. Д. посвятил труднейшую и достойнейшую часть своей деятельности, и за которую пострадал и сейчас страдает больше всего, — так высоко он ставит право на эмиграцию. Да вот и Янкелевич при разборе моего ответа перенес этот пункт с последнего места на первое.

А. Солженицын

11 октября 1983

От Редакции:

Приводим здесь тот отрывок из выступления А. Солженицына за круглым столом "Йомцури", на который откликнулся Е. Янкелевич.

С и м и д з у: За последнее время мне несколько раз встречались сведения о новых проявлениях русского самосознания. Существует ли связь между новым национализмом и возрождением христианства в России? И имеет ли какое-нибудь сравнение сегодняшняя ситуация с западниками XIX века и славянофилами? Существует ли сегодня в СССР противостояние между ними?

С о л ж е н и ц ы н: Сейчас стало модно среди западных наблюдателей и критиков: сводить внутренние течения в нынешней стране, в СССР, к наследству прошлого, к западникам и славянофилам. Я должен сказать так, что прямого наследства, во всяком случае от славянофильства, я не вижу и сам не испытываю. Конечно, в России, в стране, которая лежит между Западом и Востоком, должны всегда быть колебания более восточного или более западного понимания. Сахаров считает, что надо в будущей России максимально копировать западную систему. Я считаю, что нужно развивать традиционные русские формы, которые не совпадают с западными. Среди таких форм, например, отсутствие партий. Или: наше прежнее представительство, так

называемый земский собор, совещательно искало *единое* решение, которое было формально необязательно для царя, но морально он не мог не выполнить его. Далее, Сахаров верит до сегодняшнего дня в идею конвергенции, то есть, что западные и восточные системы постепенно превращаются друг в друга, и это мол хорошо. Сахаров верит во всесторонность и непрерывность общечеловеческого прогресса, он верит, что действительно идет все время общечеловеческий прогресс. А мне, наоборот, гораздо виднее плоды нравственного регресса, а прогресс технический — это еще мало радости. Далее Сахаров считает, что экономика не должна быть в компетенции нации, но только межнациональная, и должно быть мировое правительство. Я считаю, что если в маленьких странах то и дело открываются коррупция и бесчувственность правителей к делам маленьких людей, то мировое правительство, оно вообще ничего не будет знать и понимать, где что делается. Сахаров считает, что нация сама не должна вестись своей экономикой, экономика должна быть сквозной по земле, единой, а раз так, то кто будет ею управлять? — мировое правительство? А я считаю, что это будет только бестолочь, вообще уже концов не найдешь, потому что не дозовешься до этого всемирного правительства, не объяснишь своих национальных бед и потребностей. Какое может быть мировое правительство, если Объединенные Нации — балаган, просто балаган, где справедливости не дождешься. В соответствии со своими взглядами Сахаров считает, что наши проблемы, внутри Советского Союза, должны быть решены давлением иностранных правительств, парламентов и обществ. И считает, что мы уже столько понесли жертв внутри страны, что нельзя призывать к жертвам наше население. А я считаю, что с Запада достаточно, если он спасет сам себя. А мы, да, мы тоже должны сами себя спасти и, да, без добровольных жертв не спастись. В частности наш спор также пришел к вопросу об эмиграции. Сахаров считает, что эмиграция является важнейшим правом человека. А я считаю, что это 35-е право человека. Мы лишены у себя в стране чистого воздуха, чистой воды, питательной пищи, возможности рожать детей — у нас падение рождаемости, нет возможности обрабатывать землю, и могу насчитать таких 34 права, а 35-е будет право эмиграции. Совершенно дикая была бы мысль предложить Японии от своей тесноты уйти тем, что уехать с этих островов совсем. Но на Западе, в Америке особенно, эту эмиграцию действительно переставили вперед как самую главную проблему Советского Союза и человечества, понимаете? Можно было бы продолжить список этих расхождений, но я хочу только сказать, что вот эти основные разногласия взглядов нельзя считать прямым наследием западничества и славянофильства. Это лишь следствие того, что Россия стоит между Западом и Востоком.

ИМПРЕРИЕ И МАУТЕНТИОН

ИМПРЕРИЕ И МАУТЕНТИОН

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

От редакции. Два юбилея — Никита Струве 3

БОГОСЛОВИЕ И ФИЛОСОФИЯ

Об откровении — прот. Сергей Булгаков 5

О христианском единстве — о. Матта Эль-Мескин (Египет) . . . 18

Священство православных и баптистов —
С. Т. Богданов (Москва) 29

Универсалистские тенденции в еврейской религиозной
мысли — Михаил Агурский (Иерусалим) 61

■ Материалы по истории русской культуры

Письма М. О. Гершензона к В. В. Розанову 72

А. А. Вольнский — В. Розанов 86

Левитан и Гершензон — В. Розанов 91

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ

Стихи — Елена Шварц (Ленинград) 95

Об О. Э. Мандельштаме — Б. С. Кузин 99

К "портрету мужчины" Гумилева — Борис Лосский 130

Н. А. Бруни — Виктор Антонов (Ленинград) 135

Путь петербургской поэзии — Аврил Пайман 151

Два ранних стихотворения Анны Ахматовой 171

ОДЕРЖАНИЕ

SOMMAIRE

Pages

Deux jubilés (Joukovski et Tourguenev) — Nikita Struve 3

THEOLOGIE, PHILOSOPHIE

Sur la Révélation — P. Serge Boulgakov 5

De l'unité chrétienne — P. Matta el-Meskin 18

*Le sacerdoce chez les Orthodoxes et les Baptistes —
S. Bogdanov (Moscou) 29*

*Tendances universalistes dans la pensée religieuse
juive — M. Agourski (Jérusalem) 61*

■ Matériaux pour servir à l'histoire de la culture russe

Lettres de M. Gerschenson à V. Rozanov 72

A. Volynski — V. Rozanov 86

Levitane et Gerschenson — V. Rozanov 91

LITTERATURE ET VIE

Poèmes — E. Schwarz (Léningrad) 95

Souvenirs sur O. Mandelstam — B. Kouzine 99

Goumilev et le «Portrait d'un homme» — B. Losski 130

N. A. Bruni, prêtre, poète et martyr — V. Antonov (Léningrad) . . . 135

Les voies de la poésie pétersbourgeoise — A. Payman 151

Deux poésies de jeunesse d'Anna Akhmatova 171

СУДЬБЫ РОССИИ

■ Исповедники и мученики XX века

Воспоминания о иеромонахе Иераксе (Бочарове) —
*** (Москва) 175

■ Русская церковь сегодня

Ходаатайство об открытии церкви в г. Брежневе 214

Обращение Христианского комитета защиты прав верующих
в СССР к VI Генеральной Ассамблее в Ванкувере 234

Проповедь (28 марта 1982, Витебск) — Владимир Русак 243

Открытое письмо — Владимир Русак 249

Издательский отдел Московской Патриархии —
Владимир Русак 254

■ Вопросы общественности

Выступление в Итоне — А. Солженицын 281

Телеинтервью компании Би-Би-Си — А. Солженицын 290

О "либералах" — Зинаида Шаховская 297

Памяти Петра Карловича Паскаля — Н. Струве 306

■ Письма в Редакцию

По поводу выступления А. Солженицына в Японии —
Е. Янкелевич 311

Ответ — А. Солженицын 316

DESTINEES DE LA RUSSIE

■ Confesseurs et martyrs du XXe siècle

Souvenirs sur le P. Hierax Botcharov —
*** (Moscou) 175

■ L'Eglise russe aujourd'hui

Supplique pour l'ouverture d'une église dans la ville de Brejnev ... 214

*Adresse du Comité chrétien pour la défense des droits de l'homme
en URSS à l'Assemblée de Vancouver* 234

Sermon (28 mars 1982, Vitebsk) — Diacre Vladimir Roussak 243

Lettre ouverte du diacre Vl. Roussak 297

*Le département des éditions du Patriarcat de Moscou —
Vl. Roussak* 254

■ Problèmes politiques et sociaux

Discours d'Eton — A. Soljénitsyne 281

Interview télévisée à la BBC — A. Soljénitsyne 290

Sur nos «libéraux» — Z. Schakhovskaia 297

A la mémoire de Pierre Pascal — N. Struve 306

■ Lettres à l'éditeur

*Lettre à l'éditeur —
E. Jankelevitch* 311

Réponse — A. Soljénitsyne 316

ИЗДАТЕЛЬСТВО

11, rue de la Montagne Ste Geneviève

НОВИНКИ!!!

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ — Избранная поэзия.
Составил Н. А. Струве по указаниям Н. Я. Мандельштам.
191 стр. 48,00 фр.

"... И сегодня, явленный в стихах необыкновенной силы и полноты, разливается по миру свет божественной гармонии Мандельштама, свет его христианского мироощущения, свет его мужества и мученичества".

Никита Струве

Первый выпуск небольших антологий (по сто примерно стихотворений), посвященных крупнейшим русским поэтам.

ИННА ЛИСНЯНСКАЯ — Дожди и зеркала. Стихи.
259 стр. 80,00 фр.

Инна Лиснянская — автор нескольких, вышедших в СССР стихотворных книг, "самоисключилась" из Союза писателей после своего участия в альманахе "Метрополь". Ее стихи — редкий сплав мужества и лиризма, соответственны собственному источнику и благодарно открыты Творцу, ждущему от нас ответного слова.

Юрий Кублановский

Заказы направлять: LES EDITEURS RÉUNIS —

Ymca - Press

75005 Paris, France - Tél. : 354-74-46

НОВИНКИ!!!

А. АНТОНОВИЧ — Многосемейная хроника. (Продолжение)
248 стр. 70,00 фр.

Первая часть этой повести была удостоена в 1979 году премии В. Даля.

Тогда критика отмечала редкую в наши дни мягкость и тонкость письма: автор видит советскую действительность не как сатирик, а как поэт-юморист.

А. БЕННИГСЕН — Мусульмане в СССР.
87 стр. 42,00 фр.

Мусульмане в СССР составляют самое крупное этническое и религиозное меньшинство, к тому же стремительно растущее. Каково бы ни было будущее России, с этим новым фактором нужно будет считаться.

Книга открывает новую популярную серию "Что нужно знать о ...?". Цель ее осветить в краткой и общедоступной форме основные проблемы современной русской истории.

11, rue de la Montagne Sainte Geneviève, 75005 Paris, France.

YMCA - PRESS 11, rue de la Montagne Ste-Geneviève, 75005 Paris

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ — Большой формат, в переплете, ТОЛЬКО ПО ПОДПИСКЕ

Вышли в свет: т. X ПУБЛИЦИСТИКА (1966—1981) Общественные заявления, интервью, пресс-конференции. О литературе и языке.

т. XI и XII КРАСНОЕ КОЛЕСО. Узел 1
АВГУСТ ЧЕТЫРНАДЦАТОГО части 1 и 2

Весной 1984 выйдут:
т. XIII и XIV КРАСНОЕ КОЛЕСО. Узел 2
ОКТАБРЬ ШЕСТНАДЦАТОГО части 1 и 2

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: на все пять томов, с пересылкой 650,00 фр.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ — Малый формат, в переплете, удвоенные тома продаются отдельно

т. IX и X ПУБЛИЦИСТИКА 200,00 фр.

т. XI и XII КРАСНОЕ КОЛЕСО. Узел 1
АВГУСТ ЧЕТЫРНАДЦАТОГО ч. 1—2
в одном томе 200,00 фр.

ОТДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ — В мягкой обложке

КРАСНОЕ КОЛЕСО. Узел 1
АВГУСТ ЧЕТЫРНАДЦАТОГО
часть 1-я 110,00 фр.
часть 2-я 110,00 фр.

”Весной 1976 писатель собрал в Гуверовском институте в Калифорнии обширные материалы об истории убийства Столыпина. Летом—осенью 1976 в Вермонте были написаны все относящиеся к этому циклу главы (ныне 8-я и 60—73). В начале 1977 написана глава ”Этюд о монархе”(ныне 74-я) — после чего Узел Первый окончательно стал двухтомным”.

Направлять заказы на адрес: Les Editeurs Réunis
11, rue de la Montagne Sainte-Geneviève — 75005 Paris

”РУССКАЯ МЫСЛЬ” «LA PENSÉE RUSSE»

РУССКАЯ МЫСЛЬ - самая большая русская еженедельная газета на Западе. Она выходит в Париже, каждый четверг на 16-ти страницах.
Главный Редактор: Ирина ИЛОВАЙСКАЯ

Адрес РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ:

«La Pensée Russe», 217, rue du Fg Saint-Honoré - 75008 Paris
Tél. 561-05-79, 563-21-83, 563-94-47

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: (во франц. франках)

	3 мес.	6 мес.	12 мес.
ФРАНЦИЯ.....	70	130	250
ЗАГРАНИЦА.....	97	184	357

Почтовый счет: С.С.Р. 5883-44 К Paris

Цена отдельного номера 6 фр.

Новое Русское Слово

ЕДИНСТВЕННАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ РУССКАЯ ГАЗЕТА ЗА РУБЕЖОМ

72-й год издания. Выходит 6 раз в неделю в Нью-Йорке

Главный редактор: **АНДРЕЙ СЕДЫХ**

Свыше 200 сотрудников во всех странах мира. В Новом Русском Слове печатают свои произведения виднейшие эмигрантские писатели, поэты и публицисты.

Полная информация о жизни эмиграции.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: Воскресное и ежедневное издание:

один год — 90 амер. долларов
6 месяцев — 50 амер. доллара

Воскресное издание только:
один год — 35 амер. долларов

Подписку и объявления направлять по адресу:

NOVOE RUSSKOYE SLOVO

461 8th Avenue — New York, 10001, N.Y., USA.

или по адресу парижского представителя газеты,
с уплатой во франках:

Mr. Perepelovsky, 108, rue Michel Ange, 75016 Paris

POSSEV-VERLAG

Flurscheideweg 15, D-6230 Frankfurt am Main 80

**КНИГИ И ЖУРНАЛЫ
НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Российские и зарубежные авторы

Художественная литература. Проза и поэзия. Социально-политическая литература. История, философия, религия, мемуары, свидетельства.

Каталог высылается бесплатно.

ПОСЕВ

Ежемесячный общественно-политический журнал. 64 стр. большого формата. Подписка непосредственно в издательстве: 72 нм

ГРАНИ

Ежеквартальный журнал литературы. 288 стр. книжного формата. Подписка непосредственно в издательстве: 48 нм

НАДЕЖДА

Христианское чтение. Составитель З. Крахмальникова (Москва). Религиозный Самиздат. 2 раза в год. 400 стр. карманного формата. Подписка непосредственно в издательстве: 50 нм за три номера.

ВЕСТНИК

Издание Русского Христианского Движения

58-ой год издания

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВЕСТНИКА

В Америке:

Mrs. Elisabeth Dorman, 99 Mercer St., Jersey City, N.Y. 07302, USA.

Mrs Olga Raevsky-Hughes, P.O. Box 1207, Berkeley, Ca 94701, USA.

В Канаде:

« Parish News », 1175 Champlain St. Montreal P.Q. H2L 2R7, Canada.

В Англии:

Aid to the Russian church (Miss Ellis) Schoolhouse, Heathfield Rd, Keston, Kent.

Русское Студенческое Христианское Движение за Рубежом имеет своей основной целью объединение верующей молодежи для служения Православной Церкви и привлечение к вере во Христа равнодушных к вере и неверующих. Оно стремится помочь своим членам выработать христианское мировоззрение и ставит своей задачей подготовить защитников Церкви и веры, способных вести борьбу с современным атеизмом и материализмом.

Р.С.Х.Д. утверждает свою неразрывную связь с Россией. Наша принадлежность к русскому народу и к Русской Православной Церкви налагает на нас духовные обязательства, независимо от того, мыслим ли мы себя временными изгнанниками-эмигрантами или решили связать свою жизнь с другой страной. Подлинная русская культура неотделима от Православия: поэтому в хранении и продолжении ее мы видим наш долг. Мы видим наш долг также в свидетельстве перед миром о подлинном лике России, в напоминании о страданиях русского народа.
